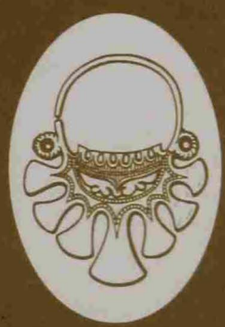
ISSN 0869-6063

Номер 1

Январь - Февраль - Март
2005

ЖУРНАЛ РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ



http://www.maik.ru

"НАУКА"

Российская академия наук

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ

№ 1 2005

Журнал основан в январе 1957 г.
Выходит 4 раза в год

Журнал издается под руководством
Отделения историко-филологических наук РАН

Главный редактор
Л.А. Беляев

Редакционный совет:

Р.М. Мунчаев (председатель),
Т.И. Алексеева, А.П. Деревянко, И.С. Каменецкий,
Ю.Ф. Кирюшин, Н.А. Макаров, Н.Я. Мерперт, В.И. Молодин,
М.Г. Мошкова, Е.Н. Носов, А.Д. Пряхин,
В.В. Седов, А.И. Шкурко, В.Л. Янин

Редакционная коллегия:

Х.А. Амирханов, А.П. Бужилова,
А.Н. Гей, В.И. Гуляев, Е.Г. Дэвлет, Д.С. Коробов (ответственный секретарь),
Г.А. Кошеленко, Н.А. Кренке,
А.В. Чернецов, Е.Н. Черных (зам. главного редактора),
Ю.Б. Цетлин (зам. главного редактора)

Заведующая редакцией
Т.С. Волкова

Адрес: 117036 Москва, ул. Дм. Ульянова, д. 19
Телефон 124-34-42
E-mail: rosarkh@newmail.ru

Москва
Издательство "Наука"

© Российская академия наук, 2005 г.
© Редколлегия журнала "Российская археология" (составитель), 2005 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 1, 2005

Круглый стол "Сохранение археологического наследия России" в Совете Федерации Федерального Собрания РФ
Макаров Н. А. 5

Культурные отложения мустьерской пещерной стоянки Чокурча
Сергин В. Я. 7

Средиземноморский женский костюм с фибулами-брошами на Северном Кавказе в V–VI вв.
Мастыкова А. В. 22

Подвязные фибулы в Юго-Восточной Балтии
Кулаков В. И. 37

Цифровой архив материалов исследований Гнёздовского археологического комплекса
Жуковский М. О., Пушкина Т. А. 50

Дискуссии

Трансформация культуры от мобильных скотоводов к оседлым земледельцам (Бактрийско-Маргианский археологический комплекс)
Кол Ф. Л. 64

Пещерные храмы Таврики: к проблеме типологии и хронологии
Виноградов А. Ю., Гайдуков Н. Е., Желтов М. С. 72

"Археология позднего периода истории". Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала "Российская археология" 81

Публикации

Остатки комплекса с апсидой в Тире (к проблеме атрибуции)
Зубарь В. М. 100

Мраморная ступка из коллекции национального заповедника "София Киевская"
Архипов А. А., Архипова Е. И. 109

Палеорельеф высокой поймы Днепра на территории Гнёздовского археологического комплекса
Александровский А. Л., Кренке Н. А., Нефёдов В. С. 112

"Идол" из Гнёздова
Мурашева В. В. 124

Фрески Сентинского храма и проблемы истории аланского христианства в X в.
Белецкий Д. В., Виноградов А. Ю. 130

Некоторые разновидности нательных крестов средневекового Пскова
Колпакова Ю. В. 143

Фрагменты витражных стекол из раскопок во Владимире и Суздале
Лядова А. В. 149

Археологические исследования русских памятников нового времени в Прибайкалье, Забайкалье и Приамурье
Артемьев А. Р. 155

История науки

Охранная археология в Британии сегодня
Дарвилл Т. 167

Новостройки и археологическая наука
Смирнов А. С. 176

Хроника

К 70-летию Геннадия Андреевича Кошеленко 185

К 60-летию Алексея Владимировича Чернецова
Беляев Л. А. 186

К столетию Дмитрия Александровича Крайнова
Костылева Е. Л., Уткин А. В., Энговатова А. В. 188

Памяти Марии Владимировны Седовой
Полубояринова М. Д., Чернецов А. В. 190

От редакции 192

Сдано в набор 15.10.2004 г. Подписано к печати 14.12.2004 г. Формат бумаги $60 \times 88^{1}/_{8}$
Офсетная печать Усл. печ. л. 24.0 Усл. кр.-отт. 23.0 тыс. Уч.-изд. л. 25.6 Бум. л. 12.0
Тираж 942 экз. Зак. 8982

Учредители: Российская академия наук, Институт археологии РАН

Адрес издателя: 117997 Москва, Профсоюзная ул., 90

Оригинал-макет подготовлен МАИК "Наука/Интерпериодика"

Отпечатано в ППП "Типография "Наука", 121099 Москва, Шубинский пер., 6

Contents

Number 1, 2005

Round table "Preservation of Russian cultural heritage" in the Federal Council of the Federal Assembly of Russian Federation
Makarov N. A. 5

Cultural horizons in the cultural deposit of the Mousterian cave site Chokurcha
Sergin V. Ya. 7

The Mediterranean woman's costume with brooch-like filbulae in the North Caucasus in the 5th–the 6th cc.
Mastykova A. V. 22

La Tène fibulae in the South-Eastern Baltic zone
Kulakov V. I. 37

Digital archive of the materials from the Gnezdovo archaeological complex
Zhukovsky M. O., Pushkina T. A. 50

Discussions

The cultural transformation from mobile stockbreeding to settled farming as seen in the Bactria-Margiana archaeological complex
Kohl Ph. L. 64

Cave churches of Taurica: The problems of typology and chronology
Vinogradov A. Yu., Gaidukov N. E., Zheltov M. S. 72

"The archaeology of the recent period of history". Materials of the round table held by the editors and the editorial board of the journal "Rossiyskaya Arkheologiya" 81

Publications

The remains of an apse complex (concerning the problem of attribution)
Zubar' V. M. 100

Marble mortar from the collection of the National state-preserved museum St. Sophia of Kiev
Arkhipov A. A., Arkhipova E. I. 109

Paleorelief of the Dnieper high flood-plain in the territory of the Gnezdovo archaeological complex
Aleksandrovsky A. L., Krenke N. A., Nefedov V. S. 112

The "idol" from Gnezdovo
Murasheva V. V. 124

Frescoes of the Senty churcher and the problems of the history of Alanic Christianity in the 10th c.
Beletsky D. V., Vinogradov A. Yu. 130

Imported objects among Christian antiquities of Pskov
Kolpakova Yu. V. 143

Tesserae fragments from stained-glass windows excavated in Vladimir and Suzdal
Lyadova A. V. 149

Archaeological investigations of Russian sites of Modern times in the regions west and east from the Lake Baikal and in the River Amur valley
Artem'yev A. R. 155

History of science

The changing face of "rescue" archaeology in Britain and beyond
Darvill T. 167

Newly erected constructions and archaeological science
Smirnov A. S. 176

Chronicle

The 70th anniversary of Gennadij Andreevich Koshelenko 185

The 60th anniversary of Alexey Vladimirovich Chernetsov
Belyaev L. A. 186

The centenary of Dmitrij Aleksandrovich Krainov
Kostyleva E. L., Utkin A. V., Engovatova A. V. 188

In memory of Maria Vladimirovna Sedova
Poluboyarinova M. D., Chernetsov A. V. 190

Ad memoriam 192

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 5–6

КРУГЛЫЙ СТОЛ "СОХРАНЕНИЕ АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ РОССИИ" В СОВЕТЕ ФЕДЕРАЦИИ ФЕДЕРАЛЬНОГО СОБРАНИЯ РФ

Для каждого археолога сегодня очевидно, что сохранение археологических памятников – одна из наиболее острых и болезненных проблем в сфере сохранения историко-культурного наследия России. 1990-е годы стали временем огромных утрат национальных древностей, в значительной степени – временем распада той, пусть несовершенной, системы охраны археологических объектов, которая сложилась в советское время. Слабость государственных органов охраны памятников, неясность правовых норм, регулирующих сохранение культурного наследия, временное падение общественного внимания к древнейшим пластам истории породили ситуацию, когда археологическое наследие стало бесхозной собственностью, подлежащей приватизации и освоению. Самые варварские разрушения археологических объектов стали восприниматься многими как норма, как неизбежное зло, противодействие которому лишено смысла и перспективы. Археологический цех России остался один на один с раскопщиками-нелегалами, организовавшими широкую добычу древних вещей для продажи, и с бесцеремонными застройщиками, развернувшими строительство на территориях, насыщенных археологическими памятниками, на культурном слое исторических городов, без необходимых согласований и охранных исследований.

В самое недавнее время – впервые за последние десять лет – состояние археологического наследия стало предметом обсуждения на самых высоких этажах государственной власти. Вопрос о расхищении археологического наследия России, о нелегальных раскопках, уничтожающих древние памятники, был поставлен директором Государственного Эрмитажа М.Б. Пиотровским на заседании Государственного Совета РФ в Санкт-Петербурге в июле 2003 г. По итогам этого заседания, Президент РФ дал поручение подготовить поправки к действующему законодательству, предусматривающие усиление ответственности за разрушение археологических объектов, более эффективное пресечение правонарушений в этой области. К этой теме президент РФ вновь вернулся осенью 2003 г. на встрече с историками и археологами из научных учреждений РАН, заверив ее участников, что государство найдет пути пресечения грабительских раскопок.

19 марта 2004 г. в Совете Федерации РФ состоялся круглый стол "Сохранение археологического наследия России". Круглый стол был организован Комитетом Совета Федерации по науке, культуре, образованию, здравоохранению и экологии, в его работе приняли участие члены Федерального собрания, ведущие ученые археологических учреждений РАН, специалисты Министерства культуры РФ, руководители крупнейших музеев, представители различных министерств и ведомств, в том числе правоохранительных органов. Принципиальное значение имело участие в заседании значительной группы археологов из регионов РФ – сотрудников государственных органов охраны памятников, музеев, вузов – профессионалов, хорошо представляющих ситуацию на местах и практические шаги, способные противодействовать современным разрушительным процессам. По итогам заседания были подготовлены публикуемые ниже "Рекомендации", суммировавшие основные предложения его участников.

Открывая заседание, вице-спикер Совета Федерации А.П. Торшин указал, что археологическое наследие нуждается в серьезной правовой защите, предполагающей, в частности, совершенствование и уточнение существующих правовых норм. Выступившие затем ученые были единодушны в своей оценке современной ситуации в области охраны археологических памятников как крайне неудовлетворительной. Академик-секретарь ОИФН РАН А.П. Деревянко, отметив положительное значение принятого в 2002 г. "Закона об объектах культурного наследия народов РФ", указал, что этот закон не может обеспечить действенную охрану археологических объектов без соответствующих подзаконных актов, прежде всего без утвержденного Правительством "Положения об открытых листах на право производства раскопок", и квалифицированной археологической экспертизы крупных строительных проектов. М.Б. Пиотровский высказался за скорейшее присоединение России к международным конвенциям по охране культурного наследия, за создание в нашей стране дееспособной службы охраны памятников. В.В. Седов рассказал о современном состоянии научной регламентации полевых исследований, указав на необходимость совершенствования методов раскопок и качества отчетной

документации. Выступление Н.А. Макарова было посвящено проблеме несанкционированных раскопок как одного из основных факторов уничтожения археологического наследия. Депутат Государственной Думы РФ Е.Г. Драпеко рассказала о деятельности Комитета по культуре по развитию правовой базы в области охраны наследия. Состоянию археологических объектов в регионах России и необходимым мерам по обеспечению их "выживания" в реалиях современной жизни были посвящены выступления С.В. Трояновского (Новгород), Н.В. Левиной (Тверь), Г.И. Медведева (Иркутск), М.Я. Скляревского (Иркутск), В.П. Гриценко (Тула).

"Рекомендации" круглого стола содержат перечень конкретных действий, которые должны быть предприняты различными государственными институтами и ведомствами, чтобы создать в нашей стране приемлемые условия для сохранения археологического наследия. Рекомендации не имеют законодательной силы, но они представляют собой документ, официально адресованный высшим законодательным органом страны, министерствам, ведомствам и субъектам федерации, и поэтому могут быть серьезным рычагом для изменения современной ситуации в области охраны древностей.

Круглый стол в Совете Федерации – один из первых шагов к нормализации охраны археологического наследия, к созданию в современной России цивилизованной практики сохранения древностей. Было бы наивно надеяться, что состоявшееся обсуждение и принятый по его итогам документ способны в одночасье переломить устоявшуюся привычку жертвовать памятниками прошлого при решении любых текущих проблем, стать "охранной грамотой" для сотен археологических объектов, находящихся сегодня в России на грани уничтожения. Однако было бы еще более ошибочно полагать, что разговор в Совете Федерации, как и предшествовавшие ему обсуждение вопросов сохранения древностей на заседании Государственного Совета, ничего не меняют и не способны изменить. Власть в России впервые за долгое время дала понять, что охрана национальных археологических древностей не является узкопрофессиональным делом археологического цеха, маниакальным занятием горстки энтузиастов – она опирается на государственную поддержку.

Активисты "народной археологии" незамедлительно отреагировали на первые официальные выступления, определяющие позицию государства по отношению к расхищению археологических ценностей. В последнем номере издаваемого ими журнала "Древности и старина" в очередной раз изложено обоснование права каждого свободного гражданина вести добычу древностей на территории своего отечества. Аргументы идеологов "кладоискательства" хорошо известны – стихию несанкционированных раскопок с использованием металлодетекторов невозможно остановить, организованные в клубы "кладоискатели" с уважением относятся к стоящим на государственной охране археологическим объектам и ведут свои поиски лишь на "ничейных" территориях. Лицемерие издателей очевидно – им хорошо известно, что грабительские раскопки продуктивны лишь на полноценных археологических памятниках, что селища и городища, которые еще не поставлены на учет как объекты наследия, зачастую не менее ценны и значимы, чем те, которые находятся на государственной охране. Трудно предположить, что издателям журнала, позиционирующим себя в качестве просвещенных любителей древностей, неизвестны многочисленные, помещенные в Интернете фотоснимки "народных археологов" и их трофеев на фоне грабительских котлованов и отвалов. Видимо, активисты свободного кладоискательства и сами не уверены в законности своих действий, коль скоро редколлегия "Древностей и старины" в очередном номере не была представлена читателям, предпочла остаться за занавесом.

Импульс, который дала встреча археологов и законодателей в Совете Федерации, не должен быть потерян. Хочется верить, что первым результатом состоявшегося разговора станет прекращение навязчивой пропаганды несанкционированных раскопок с использованием металлодетекторов на государственных телеканалах. В ближайшей перспективе ученым-археологам предстоит не только выработать более совершенные правовые нормы, защищающие древности, но и сформулировать новые внятные объяснения того, что раскопщики-нелегалы и разрушающие археологические объекты застройщики отнимают у нас не бесхозные игрушки, оставшиеся от ушедших культур, а частицы общего архива древней и средневековой истории.

Н.А. Макаров

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 7–21

КУЛЬТУРНЫЕ ОТЛОЖЕНИЯ МУСТЬЕРСКОЙ ПЕЩЕРНОЙ СТОЯНКИ ЧОКУРЧА

© 2005 г. В. Я. Сергин

Институт археологии РАН, Москва

Известный мустьерский пещерный памятник Чокурча находится на северо-восточной окраине г.Симферополя, на левом берегу р. Малый Салгир в обрыве нуммулитового известняка. Имея вид полости шириною 7, длиной 4.5–5 м и высотою (до раскопок) 1.75 м, он отнесен к скальным навесам (Бачинський, 1970. С. 157, 158). Однако в погребенном состоянии боковые стенки навеса продолжались к северу и, сильно нависая, сближались, образуя вход в замкнутый зал (Эрнст, 1930б. Л. 8; 1934. С. 187). Затем они превращались в обширный навес, как и потолок пещеры, обвалившийся в древности (рис. 1).

Почти вся полевая документация Чокурчи, по-видимому, безвозвратно утрачена. Еще после раскопок 1933 г., досадуя, что прекрасные крымские стоянки известны лишь по предварительным публикациям, Н.Л. Эрнст писал о необходимости перейти к основательным исчерпывающим монографиям (Эрнст. Итоги... Л. 8). Собранные им в связи с этим дома материалы по Чокурче, как сообщила в письме ко мне его вдова С.Н. Олтаржевская, были изъяты при аресте. Обращение в органы внутренних дел, организованное от Института археологии АН СССР в середине 1970-х годов, благодаря заинтересованному отношению Б.А. Рыбакова, не привело к их обнаружению.

В суждениях по раскопкам Чокурчи, как правило, ограничиваются сведениями основной публикации Н.Л. Эрнста (Эрнст, 1934). Но она подытоживает работы до 1930 г., а раскопки продолжались в 1933, 1936 и 1940 гг. Цель данной публикации – использовать крупицы дополнительных сведений, содержащихся в печати и архивах, для более полной характеристики культурных отложений Чокурчи.

Исследование пещеры началось с тыльной части, а затем перешло на предпещерную площадку и склон (рис. 1, I). На склоне раскопки не были доведены до скального основания. Разведочным шурфом С.Н. Забнина в 1927 г. вскрыты три четвертичных слоя, разделенные туфообразными прослойками. Коллекционные материалы описаны по слоям (Забнин, 1928). В последующем четвертичные слои получили сверху вниз номера II–V. Под навесом слои II–IV, включавшие культурные остатки, состояли из однородного желтого суглинка со щебнем, слой V – из щебня. Севернее доля щебня в слоях увеличилась, туфообразные прослойки исчезли и границы слоев устанавливались приблизительно.

Раскопки 1928–1936 гг. велись послойно-квадратным методом с разборкой культурных остатков на участках от одного до нескольких квадратных метров. Находки фиксировались по квадратам, слоям и горизонтам. Глубины измерялись по нивелиру от нулевой горизонтали. Велся дневник, составлялась полевая опись находок, зачерчивались планы и разрезы. По словам Н.Л. Эрнста, это делалось им самим (1933а. Л. 5; 1934. С. 187). Однако дифференцированная документация не отразилась в отчетах и публикациях, они строились на обобщенной характеристике культурных отложений, кремня и фауны.

Работы 1940 г. имели незапланированный характер. Проводивший разведки в Крыму Б.И. Таринов узнал, что Чокурчу стали освобождать от балласта раскопок Н.Л. Эрнста, в некоторых местах обнажался культурный слой. В связи с этим он вел на памятнике спасательные работы, небольшие разведочные раскопки, а также готовил некоторые участки к экспонированию (Таринов, 1940).

Неравномерно, но в целом предварительно опубликованы раскопки 1928–1931, 1933 и 1936 гг. Первые три года кратко, суммарно и без иллюстраций отражены в хронике археологических работ в Крыму (Эрнст, 1931а). Отдельно и более подробно освещены раскопки 1928 и 1929 гг. (Эрнст, 1929). Причем обнаруженная в 1929 г. часть скопления костей мамонта с максимальной полнотой описана и иллюстрирована в научно-популярных работах (Эрнст, 1930а. С. 45–63; 1930в). Основная публикация (Эрнст, 1934), как отмечено, отразила исследования до 1930 г. Ход работ не разделен в ней по годам. Так же суммарно, но еще более сжато и в сопровождении тех же иллюстраций описаны раскопки до 1933 г. (Эрнст, 1935). Не иллюстрирована заметка о раскопках 1933 и 1936 гг. (Симферопольский..., 1941. С. 258, 259).

В архивах сохранились главным образом ежегодные отчеты. Они кратки, а иллюстративная их часть заметно слабее и фрагментарнее, чем у многих отчетов 1920–1930-х годов. Отчет об ис-

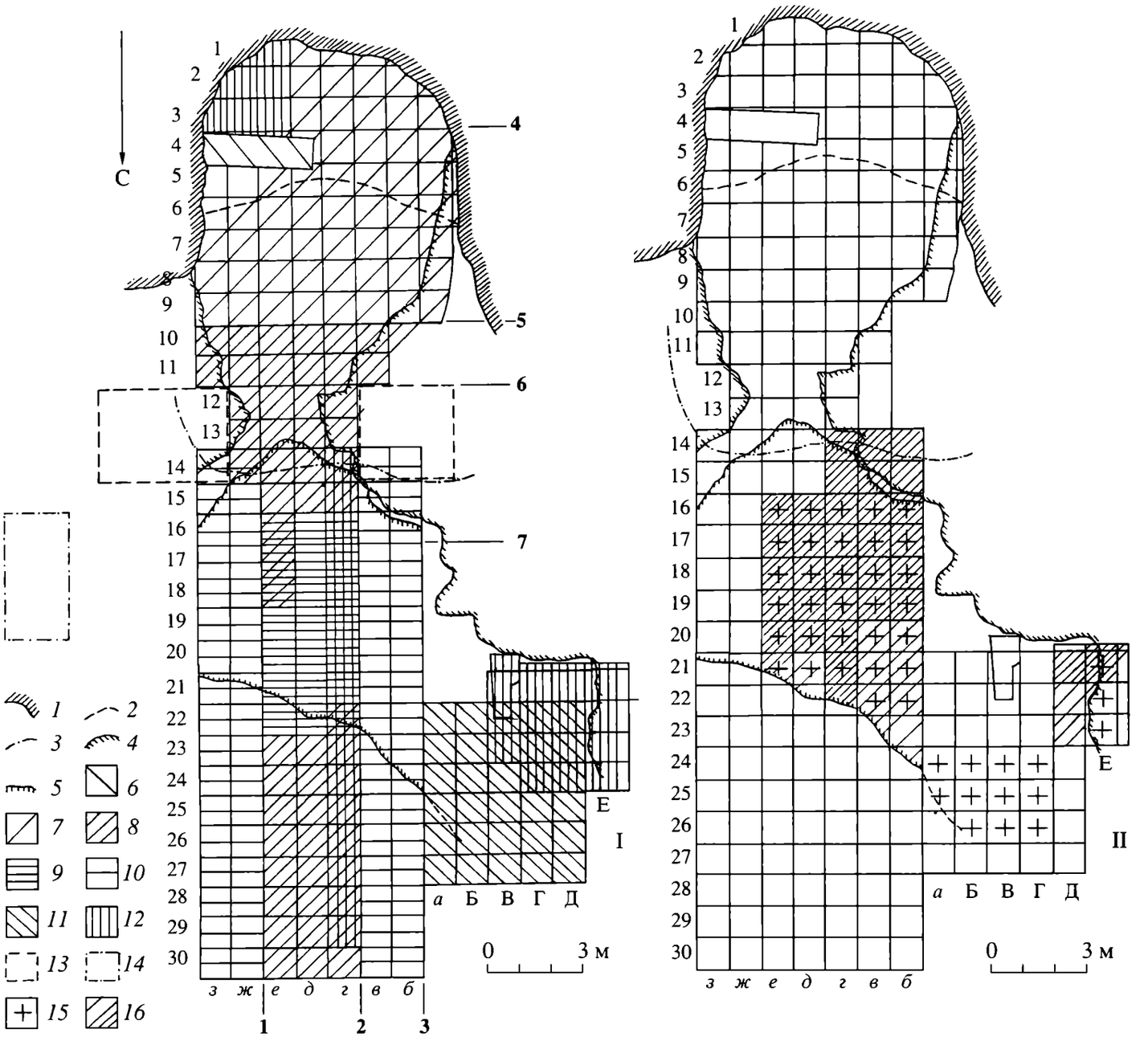


Рис. 1. Чокурча. I – план раскопок с указанием мест разрезов (**1–7**); II – культурные остатки верхнего горизонта слоя IV: *1* – коренная скала; *2* – край навеса; *3* – край площадки; *4* – погребенные стены с нависающим карнизом; *5* – граница участка с обвалившимися блоками камня; *6* - раскопки 1927 г.; *7* – раскопки 1928 г.; *8* – раскопки 1929 г.; *9* – раскопки 1930 г.; *10* – раскопки 1933 г.; *11* – раскопки 1936 г.; *12* – раскопки 1940 г.; *13* – вскрышные работы 1931 г. (вне заложенных раскопов); *14* – зондажные (до культурного слоя) работы 1940 г.; *15* – квадраты с костями мамонта; *16* – углистая окраска.

следованиях 1928 г. не найден. В отчете за 1929 г. вкраплены отдельные данные о предшествовавших работах с указанием площадей, вскрытых в 1928 и 1929 гг. (Эрнст, 1930б). Сведения о площади, изученной в 1929 г., указаны и в специальном акте, помещенном в конце отчета. К нему приложены также разрезы и схема разбивки квадратной сетки. Отчет о раскопках 1930 г. (Эрнст, 1931в). сопровождается продольным разрезом, вскоре опубликованным вместе с двумя поперечными разрезами из предыдущего отчета (Эрнст, 1934. Рис. 4). Раскопки 1929 и 1930 гг. отражены и в рукописном очерке (Эрнст, 1933б), иллюстрации к которому, кроме топографического плана окрестностей памятника, также публиковались. Сохранилось описание вскрышных работ 1931 г. (Эрнст, 1931б). В отдельном отчете со схемой раскопок представлены работы 1933 г. (Эрнст, 1933а). Исследованиям до 1933 г. посвящены рукописи двух докладов (Эрнст. Итоги...; Эрнст. Палеолит). К отчету за 1936 г. (Эрнст, 1936) приложены разрезы и схемы разбивки раскопа этого

года. Наиболее дифференцированную и полную информацию содержат ежегодные отчеты.

Отчетные материалы Б.И. Татаринова состоят из неразборчиво написанного дневника, черновика отчета, описей, этикеток к коллекции кремня, схемы раскопок, нескольких планов и профилей (Чокурча..., 1940).

На фотонегативах Н.Л. Эрнста из собраний Симферопольского музея зафиксирован общий вид пещеры и детали расчистки скопления костей мамонта. Фотографий, сделанных Б.И. Татариновым, разыскать не удалось. Каменные предметы из Чокурчи, хранящиеся в Симферопольском музее (Колосов, 1960) не имеют шифров. Коллекция Б.И. Татаринова из Музея антропологии Московского университета (шифр описи Отдела археологии: X, № 512) отчасти лишена этого недостатка, но, касаясь слабо документированных участков, малозначаща в планиграфическом отношении. То же касается и коллекции костей мамонта из Зоологического музея Санкт-Петербурга, в которой 22 кости имеют старые шифры с указанием квадрата.

Наиболее ранние следы пребывания людей в Чокурче обнаружены в нижней и средней частях слоя IV. Они охарактеризованы суммарно как очажные слои или интенсивные кострища, залегавшие то в виде пятен, то прослойками, перемежавшимися со стерильными намытыми щебневыми горизонтами. Судя по разрезам, внутри древней камеры пещеры культурные прослойки занимали главным образом участок к северу от линии кв. 8, 9 (рис. 2, *2*). Здесь имелись многочисленные следы костров, состоявшие в основном из перегоревших размельченных костей и золы. Упоминание о том, что многие кострища располагались в тазообразных углублениях (Эрнст, 1934. С. 195), касается именно этого участка (Эрнст, 1930б. Л. 9), хотя возможно, что перед древним входом в пещеру они тоже были, но не отмечены.

Ранние отложения были вскрыты и в шурфе Б.И. Татаринова на кв. 20–22 В (рис. 1, I), пройденном до глубины 1.45 м от верха слоя IV. Охарактеризован промежуток на глубине 0.3–1.25 м. Исключая небольшой сбой в верхней части, расчистка и снятие материалов проведены по условным горизонтам (IV–XIII) толщиной 0.1 м.

Культурные остатки: угли, обожженные косточки, мелкие обломки костей и обработанный кремень встречались в разных соотношениях во всех горизонтах. В большинстве горизонтов они залегали плотно на значительной или всей площади шурфа. Три горизонта были окрашены в темно-коричневый цвет. С глубины 0.65 м зафиксированы пять темных углистых прослоек по 1.5–2.0 см, три из них отмечены в горизонте VIII на глубине 0.65–0.75 м (Чокурча..., 1940. X. 045, 5–15; 046, 7).

Таблица 1. Кремневые изделия из шурфа 1940 г.

Условный горизонт	Орудия	Отходы	Условный горизонт	Орудия	Отходы
IV	18		X	–	Много
V	1	28	XI	–	20
VI	2	67	XII	–	>14
VII	–	48	XIII	–	7
VIII	2	26	XIV	–	–
IX	–	25	XV	2	9

В свете общей стратиграфии слоя IV отложения, вскрытые в шурфе, свидетельствуют о многократном посещении данного участка человеком.

Участок площадью около 2.5 м^2 вблизи шурфа, к востоку, был вскрыт В.П. Чабаем. Опубликован план культурного горизонта IVb с концентрацией кремневых изделий, обломков костей, искусственной ямкой и очагом или кострищем (Весельский, 2003. Рис. 1). Анализ индустрии горизонтов IVb, f, m, o показал, что орудия составляют в них от 44.2% до 66.6% (Весельский, 2003. С. 134–136).

Однако в шурфе Б.И. Татаринова (Этикетки..., 1940. 045, 5–046, 7) соотношение изделий иное (табл. 1). Процент орудий по условным горизонтам варьирует от 0 до 7.4 (гор. VIII) и 18.2 (гор. XV).Без горизонта IV процент орудий в целом по шурфу 2.8, а с учетом показателей по горизонтам IV, X и XII он мог составлять до 4–5. В случайной выборке кремня IV слоя, представленной всеми сборами Б.И. Татаринова, имеется 539 изделий, включая около 40 орудий, их обломков и предметов с ретушью, а также около 40 чешуек. Возможно часть орудий утрачена. Процент наличных орудий выше, чем в шурфе (около 8, не считая чешуйки) и, возможно, стоит ближе к общему соотношению орудий с прочими изделиями в горизонтах слоя IV. Сходные показатели получены для симферопольской коллекции чокурчинского кремня, предположительно относимой к слою IV: 26 орудий из 341 экз. кремня (Колосов, 1960. С. 47, 51), т.е. 7.6%. По-видимому, кремневые комплексы новых раскопок могут не отражать ситуации на более широкой площади культурных горизонтов.

В сборах 1940 г., состоящих в основном из серого кремня разных оттенков, по беглому просмотру можно отметить крупный кусок с коркой и многочисленными снятиями, 6 нуклевидных кусков и около 30 массивных, в основном небольших сколов. Изделия в подавляющем большинст-

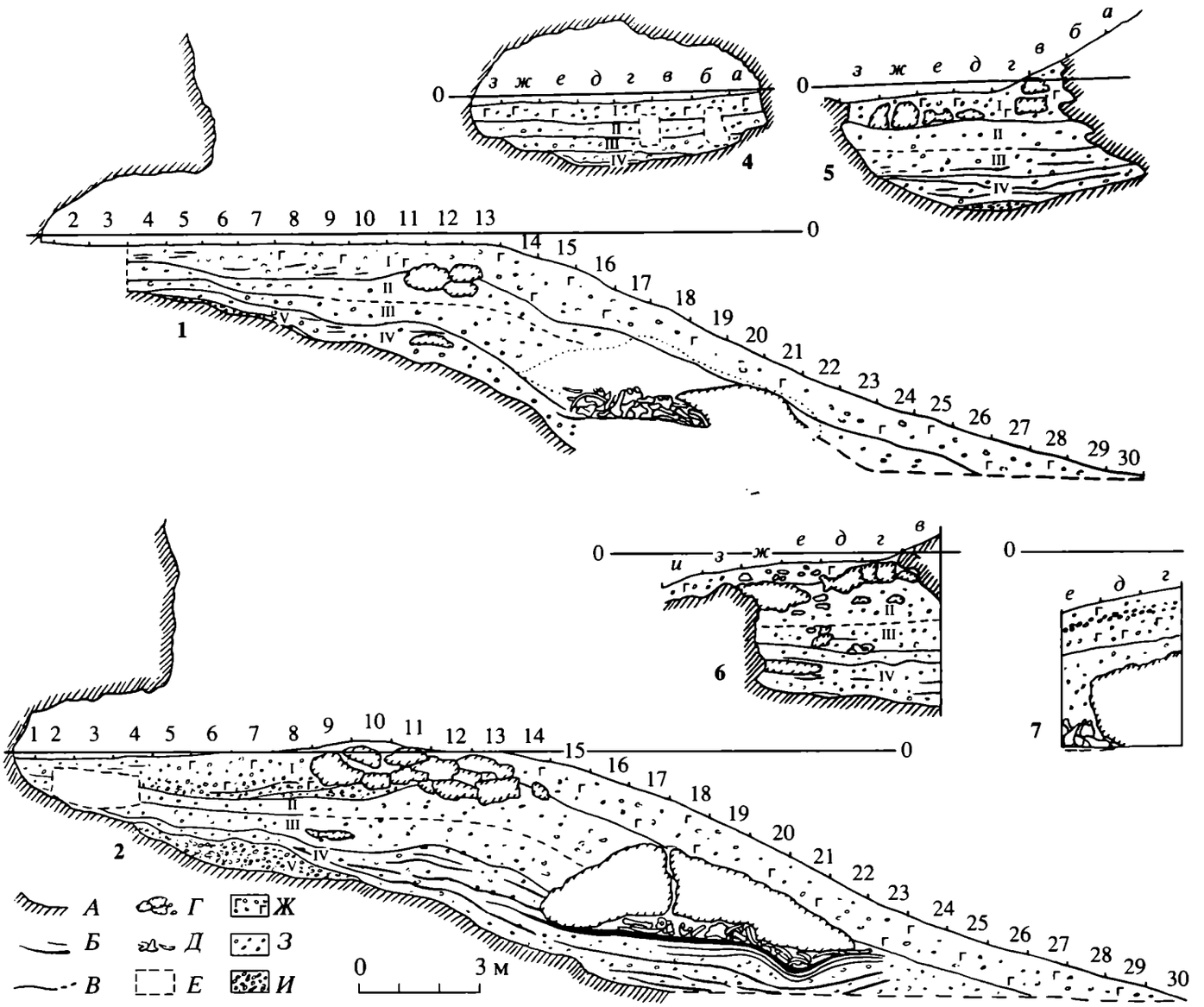


Рис. 2. Разрезы **1**, **2**, **4–7** (линии разрезов см. на рис 1, I). *А* – коренная скала; *Б* – углистые пятна и прослойки; *В* – граница слоев II и III; *Г* – блоки известняка; *Д* – кости мамонта; *Е* – поздние ямы; *Ж* – гумус с прослойками щебня; *З* – желтый суглинок со щебнем; *И* – неразложившийся щебень. I – голоценовый слой; II–V – четвертичные слои.

ве мелкие, нередко с коркой (около 100 экз.). Подобные же особенности отмечены в материалах более ранних (Эрнст, 1934. С. 196–202) и новых (Весельский, 2003. С. 132–137) раскопок, свидетельствуя о том, что источники кремня хотя и имелись в районе обитания, включавшем пещеру, но не находились в непосредственной близости от нее. Наличие кремня из разных месторождений в слое IV, как и в других слоях, под современным навесом (Забнин, 1928. С. 151), перед ним (Эрнст, 1934. С. 196) и на более отдаленных участках указывает на хорошее знакомство людей с сырьевыми ресурсами окрестностей пещеры на протяжении всего периода ее использования. Т.е. в разное время район пещеры был местом их длительного пребывания. Это предопределяло возможность посещения пещеры не в один и тот же сезон и с разной целью и длительностью пребывания в ней.

На месте раскопок следы первоначального обитания располагались под навесом, простиравшимся к северу и северо-западу от древнего входа в пещеру. Хорошую их сохранность Н.Л. Эрнст объяснял завалом навеса (Эрнст, 1934. С. 195). Однако многие культурные горизонты отложились задолго до обвала. Вероятно, более существенную роль в их консервации сыграло благоприятное соотношение частоты посещений пещеры и седиментации, кратковременность обитаний, не приводившая к серьезным нарушениям поверхности, и наличие кровли. На отдельных участках слоя IV четкие следы посещений возникли и после того, как обвал покрыл мощную очажную прослойку с костями мамонта поверх нее (рис. 2, **2**).

Сведения о слоях III и II относятся к раскопкам 1927–1929 гг., т.е. пространственно ограничены

древним контуром пещеры и небольшим участком у входа (рис. 1, I). Обвалы навеса над слоем IV занимали уровни, соответствующие этим слоям. Возможно, какие-то культурные остатки слоев III и II встречались у краев завала, но были недостаточно четкими и не были упомянуты. Культурные остатки верхних слоев находились в рассеянном состоянии. Следы костров наблюдались в них спорадически и в основном были связаны с участком слоя III перед древним входом в пещеру. Этот слой имел более темную окраску, чем слой II (Эрнст, 1929. С. 189; 1934. С. 195). Под современным навесом кострища не обнаружены ни в одном четвертичном слое (Эрнст, 1930а. С. 48).

Судя по разрезам, (рис. 2, **1**, **2**, **5**, **6**), после обрушения древнего навеса к концу формирования слоя IV, известняковый обрыв с камерой пещеры длительное время находился в относительно стабильном состоянии. Благодаря этому в период отложения верхних культурных горизонтов слоя IV и слоев III и II удобство пребывания в пещере обеспечивалось замкнутым пространством. С рубежа голоцена разрушение скальной стены усилилось: обрушилась кровля передней части полости, превратив ее в навес, который отступил в последующее время до нынешнего положения.

Определения фауны даны по слоям только для шурфа С.И. Забнина, их нельзя экстраполировать. По заключению Н.Л. Эрнста, во всех слоях встречались сайга, лошадь, бык, гигантский и, возможно, благородный олень, мамонт, пещерный медведь, пещерная гиена, лисица и более мелкие виды. Кости мамонта в подавляющей части приурочены к слою IV, гиены– к слою II (Эрнст, 1929. С. 188; 1934. С. 190, 191).

Благодаря наличию сведений о приблизительном количестве каменных орудий, найденных до 1929 г. (Эрнст, 1929. С. 189), в 1929 г. (Эрнст, 1930б. Л. 13) и до 1930 г., можно отметить, что 1927 г. дал около 20, 1927 и 1928 гг. – около 250, то же 1929 г., а 1930 г. – около 500 орудий. Орудия, найденные в 1930 г., происходят из слоя IV, так как в раскопе имелся только этот слой. Около половины орудий, собранных в предшествующие годы, также могло принадлежать слою IV: таково было соотношение орудий в шурфе С.И. Забнина, а далее от навеса слой IV приобретал все большую мощность. В 1930 г. орудия получены с площади 18 м^2, поэтому можно полагать, что близкое их количество могло быть собрано в 1933 г.

Н.Л. Эрнст указывал на присутствие в слоях II и III почти исключительно орудий (Эрнст, 1934. С. 196, 201). Однако это скорее относительная характеристика данных слоев по сравнению со слоем IV, где отходов производства было больше. В шурфе С.И. Забнина преобладание отщепов и осколков над орудиями в слоях II и III было даже более значительным (соответственно 35–5 и 16–4), чем в слое IV (24–27 против 10–13) (Забнин, 1928. С. 154, 155).

Среди культурных наслоений Чокурчи выделяется горизонт, залегающий в верхней части слоя IV вне древнего входа в пещеру (рис. 2, **2**; 3, Ш). Впервые он был отмечен в расчистке на кв. 16–18е вдоль края глыб обвала под костями мамонта. По описанию на этом участке верхний горизонт (а к северу от камней обвала, как упоминалось, были и более высокие горизонты слоя IV) "... состоял из чрезвычайно интенсивных очажных отложений, содержавших очень много горелых остатков костей, золы, древесного угля, а также множество осколков кремня и довольно много кремневых орудий. Этот очажный горизонт имел темно-бурый цвет и был значительно темнее остальных нижележащих горизонтов этого 4-го слоя и тем более слоев 2-го и 3-го..., констатировано присутствие костей лошади, быка, сайги, благородного оленя, медведя, мелких хищников и др." (Эрнст, 1931в. Л. 5). Толщина горизонта равнялась 7–15 см (Эрнст, 1933б. Л. 41). Те же особенности отмечены на раскопе 1930 г. (Эрнст, 1934. С. 195).

В раскопках 1933 г. (рис. 1, I) верхний горизонт был более выражен в полосах кв. б, в. Слой угля, золы, костей, кремня мощностью 5–20 см имел там почти черный цвет. Особой интенсивности культурный горизонт достигал на кв. 16–19б, в. На кв. 14, 15б, в он ясно расчленялся на несколько прослоек. К северу мощность его сохранялась, но окраска становилась светлее, и на кв. 24–30б, в он постепенно исчезал, видимо, вследствие размывания. В полосах кв. ж, з верхний горизонт был менее развит и на линиях 21–26 также исчезал. Залегание его в целом было горизонтальным, местами с некоторыми понижениями (Эрнст, 1933а. Л. 6, 7). Таким образом, в массиве раскопок 1929–1933 гг. участок верхнего горизонта, максимально насыщенный продуктами горения, находился, в грубом определении, на кв. 16–19, б–е.

На раскопе 1936 г. в верхнем горизонте следы примеси золы в желтом суглинке также усиливались к южной стороне и исчезали к северу. На кв. 22, 23 – В, Г; 22Д наблюдались более интенсивные кострищные пятна, уходившие в южную стенку раскопа. Однако верхний горизонт лишь затрагивался в раскопе 1936 г., поскольку было оставлено на месте скопление костей мамонта, залегавшее поверх него (Эрнст, 1936. Л. 6, 7). Часть раскопа была повторно вскрыта в 1940 г, она будет описана далее.

Поверх "очажного" горизонта на большом пространстве залегало скопление крупных костей мамонта. В отдельных местах оно достигало 0.8 м (Эрнст, 1934. С. 191). Цельность большей части костей (не учитывая воздействия человека до их захоронения) обусловлена, по-видимому,

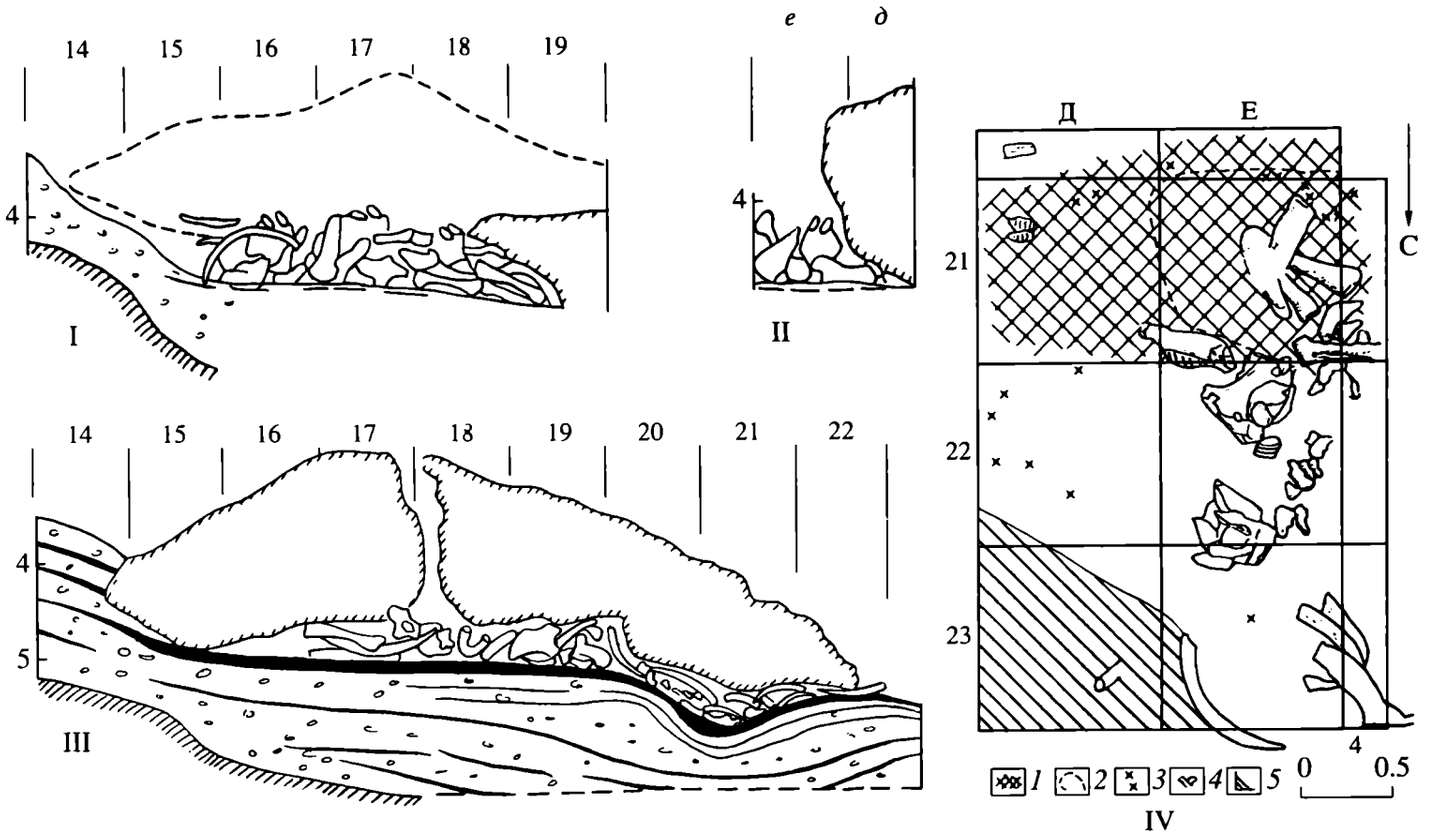


Рис. 3. Чокурча. I–III – фрагменты разрезов. I – разрез **1**; II – разрез **7**, III – разрез **2**; IV – часть расчистки 1940 г. с костями животных: *1* – очажная масса; *2* – приблизительные границы кострища; *3* – кремневые изделия; *4* – кости животных; *5* – нарушенный участок.

тем, что перед обрушением на кости каменных глыб прошло довольно длительное время, в течение которого промежутки между костями плотно заполнились рыхлыми отложениями. К тому же обрушились, должно быть, непосредственно нависавшие блоки, удар которых распределился по большой площади.

Масса костей залегала почти горизонтально, с небольшим уклоном к северу. Ее составляли анатомически разрозненные бивни, черепа, нижние челюсти, плоские кости и кости конечностей. Многочисленные зубы свидетельствуют о том, что верхних челюстей (черепов) и нижних челюстей первоначально было больше. Позвонков, ребер и костей стоп найдено относительно мало.

Подсчеты костей (табл. 2) приведены в отчетах с большой неполнотой. Исключение составляет участок раскопок 1929 г. на кв. 16–18е вдоль каменной глыбы, с которого началось исследование скопления. Всего здесь обнаружены 7 черепов (верхних челюстей с прилегающими частями свода), 3 нижних челюсти, 12 крупных частей бивней, 10 половин таза, 14 крупных костей конечностей и много фрагментов костей, а из мелких костей – лишь 2 шейных позвонка. Купольные части черепов и бивни сохранились плохо, остальные кости – лучше (рис. 4, *1*, *2*; 5, *1*, *2*), что обычно для палеолитических памятников. Кости конечностей оказались расколотыми поперек у суставов или вдоль, многие кости имели следы ударов и резания (Эрнст, 1930б). С южной стороны на переднем плане на разных уровнях видны череп, нижняя челюсть (рис. 4, *2*) и рядом с ней возможно еще одна (рис. 5, *1*). Череп перекрывает 5 сложенных друг на друга тазовых костей, из которых две верхние ориентированы одинаково (рис. 4, *2*). Поскольку на череп налегает бивень (рис. 4, *1*), в данном месте наблюдается 7 перекрываний одних костей другими. В середине участка сверху вплотную друг к другу лежат несколько костей конечностей, стоит торчком, видимо, лопатка, и составляют пирамидку три тазовых кости (рис. 4, *2*; 5, *2*).

Кроме отмеченного черепа на иллюстрациях заметны еще три, залегающие также в верхнем ярусе. Второй расположен непосредственно за первым, открытая мозговая полость обращена вверх (рис. 4, *2*). Третий череп, лежавший на кв. 17е (рис. 3, 1), на фотографиях виден слева от предполагаемой лопатки (рис. 4, *1*, *2*). Он и четвертый череп на кв. 18е имели перевернутое положение (рис. 3, I; 4, *2*; 5, *1*, *2*). На нижнем уровне в северной части раскопа зафиксированы несколько костей конечностей (рис. 3, I) и четкая группа расположенных в определенном порядке 6–7 бивней. Концы трех бивней, ориентированные сходным образом, частично заходят за концы остальных

Рис. 4. Чокурча. Кости мамонтов в раскопках 1929 г. на кв. 16–18е: *1* – в начале вскрытия; *2* – после снятия бивня.

(рис. 6). Непосредственно к востоку от описанного участка костей мамонта было мало (Эрнст, 1933а. Л. 6).

В 1930 г. скопление было вскрыто еще на площади 15 м^2. За два года найдены кости не менее 20 мамонтов разного возраста, в основном молодых (Эрнст, 1930в. С. 148; 1934. С. 192). Фрагментация части верхних костей в раскопе 1930 г. по-видимому, связана с ударами камней обвала (рис. 5, *3*). На северном краю скопления за лежащими на поверхности бивнями плашмя или с вертикально стоящей подвздошной частью залегали тазовые кости (рис. 7, *1*). Между стоящими костями также в неустойчивом положении – на подбородочном выступе – помещалась нижняя челюсть. Вплотную к ней стояли 2–3 кости конечностей (рис. 5, *4*). На восточном краю этой группы костей заметна часть черепа в наклонном залегании, а к югу от нее кости перекрывала, видимо, еще одна тазовая кость, лежавшая горизонтально.

В средней части раскопа также обнаружилось значительное количество костей, залегавших в положении близком к горизонтальному, с двумя–тремя, а в некоторых случаях, возможно, и более перекрываниями (рис. 7, *2*; 8, *1*, *2*). Здесь просматривается по меньшей мере 5–6 крупных костей конечностей, 7 тазовых костей, 8–10 бивней, 2 половины нижних челюстей (не считая костей заднего плана – южного конца раскопа). Два относительно целых бивня и крупный фрагмент у западной стенки проходят сквозь основную часть или всю толщу костей (рис. 7, *2*; 8, *1*). Под пластинами раздавленной кости в центре (рис. 7, *2*) находился череп, обломок которого виден на том же рисунке и на рис. 8, *1*. Сохранились челюстная часть черепа, налегающая передней стороной на кости основания скопления, и лицевая часть, опускавшаяся круто вниз (рис. 8, *2*).

На дальнем плане фотографий – южном краю раскопа – видны два бивня, вероятно, тазовая кость, проксимальная половина бедра и лопатка, лежащая сочленением к северо-востоку (рис. 7, *2*; 8, *1*, *2*). У самого края кроме нижнего бивня заметна передняя часть перевернутого черепа без бивневых альвеол, торчащая из земли к югу (рис. 9, *1*). Еще один череп, местонахождение которого недостаточно ясно, залегал поверх нескольких массивных костей в запрокинутом назад положении, зубами вниз (рис. 9, *2*). В целом скопление костей

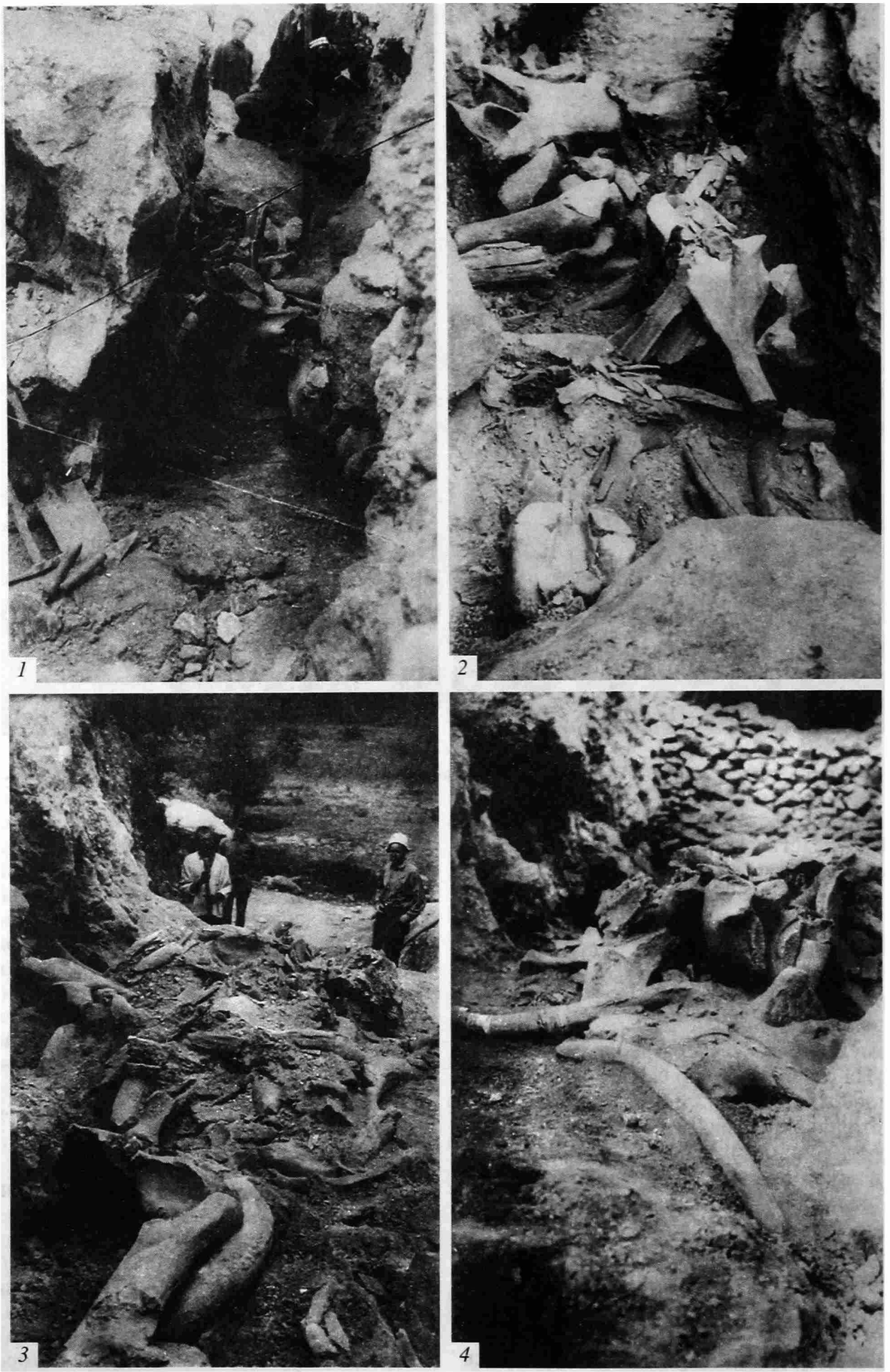


Рис. 5. Скопление костей мамонта перед древним входом в пещеру. *1* – максимальная расчистка на кв. 16–18е, вид с юга; *2* – тот же участок, вид с севера; *3* – кости центральной и северной частей траншеи 1930 г. в начале вскрытия, вид с юга; *4* – северная часть траншеи, вид с севера.

Рис. 6. Бивни на кв. 18е.

в раскопе 1930 г. мало уступало по насыщенности траншее 1929 г. Бросается в глаза преобладание бивней, тазовых костей и костей конечностей. За исключением северного конца раскопа, здесь характерно спокойное залегание костей. Не заметны плотные концентрации однородных костей. Положение черепов в слое костей и их пространственная ориентировка различны.

Продолжение скопления костей к западу, в траншее 1933 г., занимало около 17 м^2. Здесь и отчасти в восточной траншее 1933 г. встретились остатки не менее 15 особей мамонта (табл. 2). Количество костей было несколько меньше, чем в предыдущих раскопках, в связи с чем плотность и высота скопления уменьшились (Эрнст, 1933а. Л. 6). Две фотографии из симферопольского музея, касающиеся кв. 21, 22б, показывают, что и на краю скопления сосредоточение костей могло быть все же довольно большим. Зафиксированы уходящие в западную стенку траншеи 3–4 горизонтально лежащих бивня, 1–2 кости конечностей, тазовая кость. В плотной костной брекчии на этом участке могли находиться и другие кости.

В раскопе 1936 г. (рис. 1, I) на 11 м^2 расчищено второе скопление костей (рис. 1, II), затем присыпанное землей. Оно охарактеризовано Н.Л. Эрнстом в тех же словах, что и части первого скопления на разных раскопах: "Здесь так же, как там, кости мамонтов располагались в полном беспорядке, бесформенным нагромождением в не-

Таблица 2. Кости мамонта верхнего горизонта слоя IV

Кости	Год							
	1928	1929	1930	1931	1933	1936	1940	Всего
Черепа	–	7	13–15	1	Ок. 15	?	1	Ок. 38
Ниж. чел.		3	++	1	+	+	1	⩾5
Бивни	2	12	++	–	16	11	4	⩾45
Лопатки		–	++	–	+	–	1	++
Тазовые	+	10	++	1	+	7		⩾18
Конечности	+	15	++	1	+	15	3–4	⩾35
Зубы	15	+	++	–	52	16	+	⩾83
Позвонки		2	–	–	+	–	+	>2
Ребра		–	–	–	+	–		+
Кости стоп		–	–	–	+	–		+

Примечание: – отсутствие; + несколько; ++ много; > более; ⩾ много более.

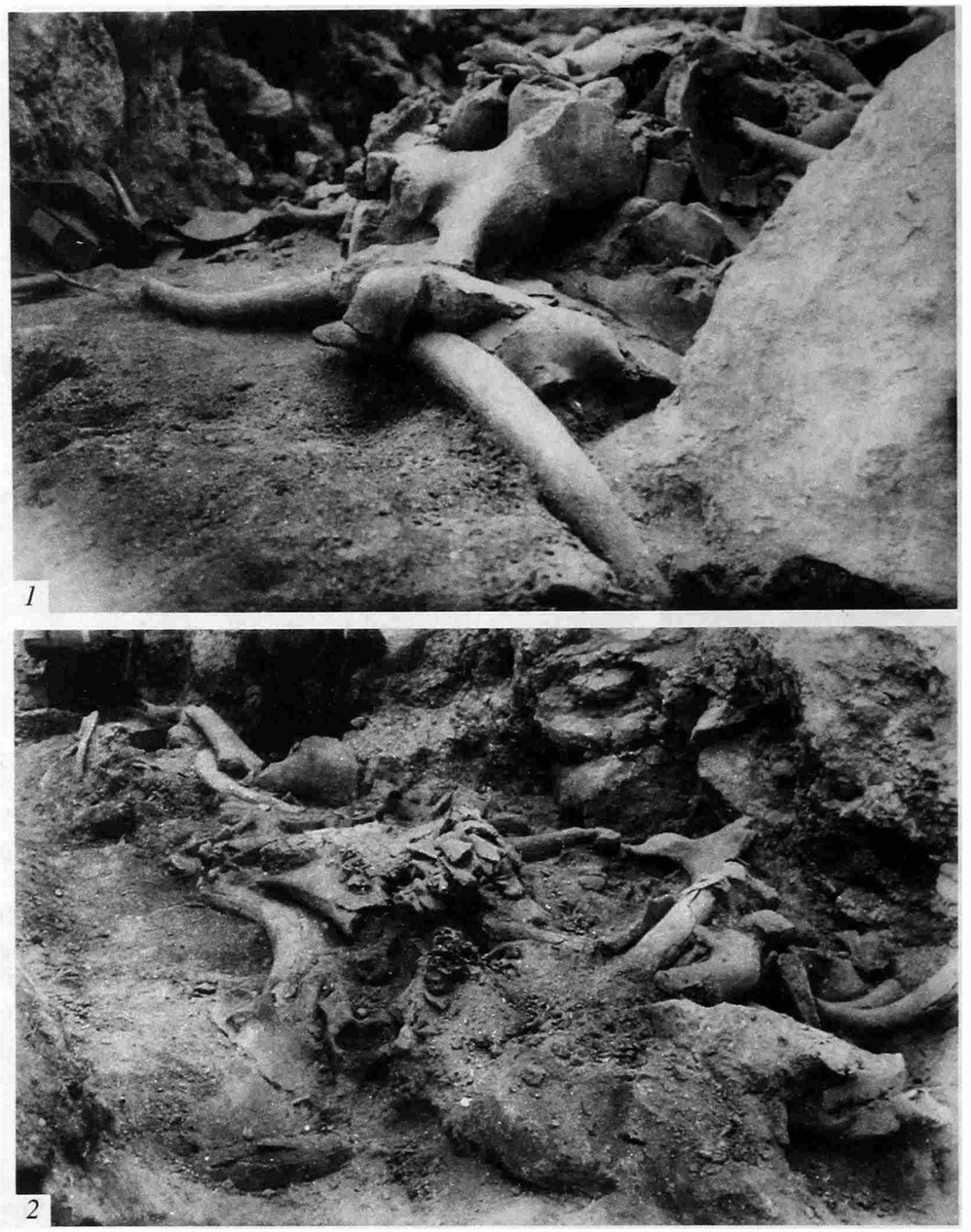


Рис. 7. Траншея 1930 г. *1* – северная часть, вид с севера. Продолжение расчистки см. на рис. 5, *4*; *2* – центральная часть траншеи, вид с северо-востока.

сколько ярусов" (Эрнст, 1936, Л. 6). Указаны те же крупные кости и отсутствие мелких. Не фигурируют черепа, но отмечены бивни с частями черепа, что, возможно, все же означает наличие единичных, в большей степени фрагментированных черепов.

В каком соотношении находятся верхний культурный горизонт слоя IV и лежащий поверх него пласт костей мамонта? Детальные планиграфические и стратиграфические данные, необходимые для рассмотрения этого вопроса, почти полностью отсутствуют. В отчетах за первые годы раскопок перед древним входом в пещеру подчеркивается, что кости лежали непосредственно на поверхности слоя IV (Эрнст, 1930б. Л. 11; 1931б. Л. 3, 5), это указание повторяется и позднее (Эрнст, 1933б. Л. 41). Н.Л. Эрнст не предполагал хронологического разрыва между "очажным" горизонтом и костями. Он писал, что кости мамонта оставлены людьми, жившими на поверхности слоя IV и его создавшими (Эрнст, 1929. С. 189, 190). Того же мнения он придерживался, очевидно, в последующие годы (Эрнст, 1930б. Л. 5; 1933а. Л. 6).

Некоторые материалы по данному вопросу содержит юго-западный край расчистки 1940 г., частично совпадающий с раскопом 1936 г. (рис. 1, I, II; 3,IV). На кв. 21, 22Е были открыты левая сторона нижней челюсти, зубы мамонта, рог быка, указана часть черепа с зубами и бивнем, уходившим

Рис. 8. Центральная часть траншеи 1930 г. *1* – продолжение расчистки, зафиксированной на рис. 7, *2*; *2* – кости среднего и нижнего уровня пласта.

почти вертикально вниз. Судя по нечеткому рисунку, это скорее всего кость в северной части кв. 22Е. Заметны и другие, с сомнением определяемые кости: крестец, группа позвонков, обломки костей. Все кости отнесены к уровню 0–0.1 м, но частично должны были далеко выходить за его рамки. На уровне 0.1–0.2 м залегали кости в северной половине кв. 23Е, из них упомянуты только бивни. В прирезке на кв. 21Ж на глубине 0.1 м встретился бивень, под ним второй, а на кв. 22Ж имелся оставленный на месте слой из массы мелких раздробленных костей.

В центре кв. 21Е контуры костей начали проявляться еще на первом уровне. Со второго уровня в слое попалось немного кремней. Еще с первого уровня появились раздробленные и распыленные угольки, которые на глубине 0.2 м превратились в кострище. Оно слагалось из обугленных костей главным образом мамонта и занимало почти весь квадрат. Темно-коричневая очажная масса мощностью до 7 см переходила на кв. 20Е, где не была разобрана, и на кв. 21Д, где сохраняла те же размеры. В ней имелось большое количество разных по величине костных и древесных углей. На кв. 21Г слой углей и золы утончался до 1–2 см. Отмечены продукты горения и на кв. 21В, 22В–Д на глубине 0.1–0.3 м, в сопровождении некоторого количества кремневых изделий и небольших костей. К востоку от полосы кв. Е в пределах раскопа 1940 г. крупных костей насчитывалось не более четырех. Из них зубы нижней или верхней челюс-

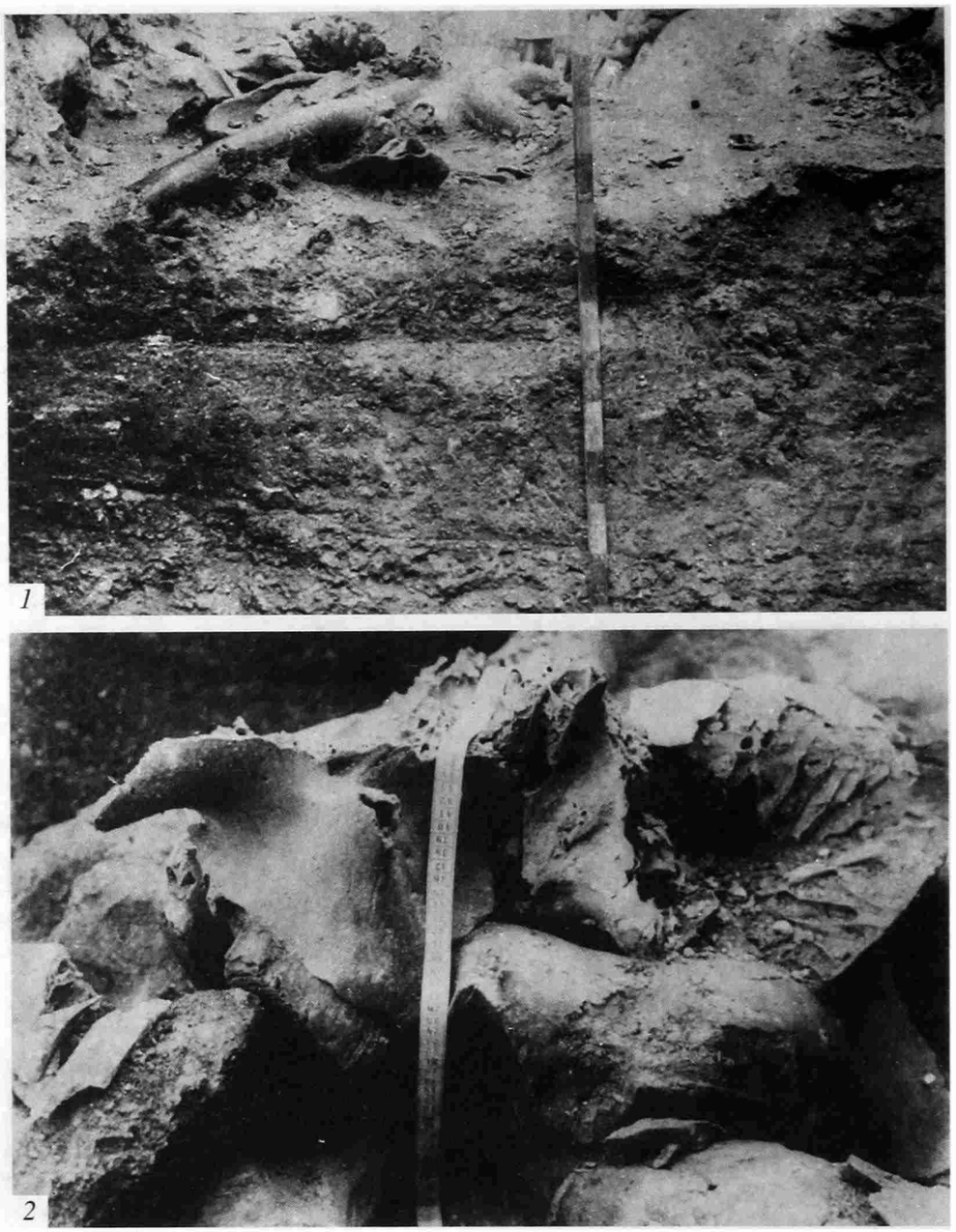


Рис. 9. Раскопки 1929, 1930 гг. *1* – нижний уровень пласта костей в южном конце траншеи 1930 г., вид с юга; *2* – не определенное место раскопок.

ти на кв. 21Д были, по-видимому, обожжены (Чокурча..., 1940. Х. 045, 2; 045, 3; 054, 4).

Представляется, что на описанном участке, где кости залегали небольшими неплотными пятнами, можно наблюдать процесс совместного отложения элементов верхнего культурного горизонта и пласта костей как единого стратиграфического целого. Первоначально фиксируются несколько костей конечностей мамонта, положенных в кострище, возможно, немного углубленное. Это уровень (0.2–0.3 м) распространения очажной массы на соседние квадраты, где отлагались и разнообразные мелкие остатки. На уровне 0.1–0.2 м на месте кострища еще имелось пятно очажной массы, на кв. 23Е, Ж легли бивни и на кв. 21–22, В–Д местами продолжали довольно интенсивно накапливаться мелкие культурные остатки. Последними легли кости у южной границы кв. 21Е и на кв. 22Е, зуб мамонта на кв. 20Д, немного мелких остатков возле него, в полосе кв. 22 и к югу от костей. Естественно, это лишь схема, соответствующая характеру источника. Связь скопления костей мамонта с горизонтом культурного слоя, отражающим наиболее высокий потенциал жизнедеятельности, закономерна и с общей точки зрения.

По раскопкам до 1933 г. в скоплениях костей определены более 35 особей мамонта (табл. 2). Помимо обычного присутствия зубов в челюстях, как упомянуто, имелось и много одиночных зубов. Вместе с тем остатки нескольких мамонтов

могли находиться и на раскопе 1936 г., что подтвердилось в 1940 г. С учетом этих обстоятельств число особей мамонта в целом могло быть свыше сорока. Чем было обусловлено появление такого количества костей? Н.Л. Эрнст указывал на однородность орудийного набора и фаунистических остатков в слоях (Эрнст, 1934. С. 191, 201, 202). По-видимому, пещера заселялась представителями одного и того же населения, ориентированного на добывание нескольких видов животных, относительная роль каждого из которых менялась во времени. В период формирования почти всего слоя IУ мамонт был в числе редкой добычи, и нет оснований полагать, что в финале охотничья стратегия населения резко изменилась, так как и в слоях III и II остатки мамонта редки. Более вероятно существование относительно краткого эпизода, в течение которого популяция мамонта в Крыму значительно выросла. Это увеличение могло быть связано с поселением стад мамонта в Крыму или с появлением животных в зимние сезоны, чем и воспользовался человек.

Охоту на мамонта в Чокурче, согласно Н.Л. Эрнсту, подтверждают расчлененность скелетов, выдергивание бивней (вероятно, их выламыванием объясняется состояние передней части черепов на рис. 4, *2* и 9, *2*), вскрытие черепов и раскалывание трубчатых костей для извлечения мозга, наличие на костях порезов, зарубок, царапин и, судя по комплексу костей, отбор частей туши, приносимых на поселение (Эрнст, 1934. С. 192, 193). Недоумение исследователя вызывала лишь доставка голов с бивнями, которые вынимали уже в пещере (Эрнст, 1933б. Л. 33, 34). Однако натяжкой было включение Н.Л. Эрнстом в число "мясистых" частей нижних челюстей, из которых вырезали язык, и громоздких черепов, из которых извлекали мозг.[1] Не затронут Н.Л. Эрнстом и вопрос о причинах отсутствия мелких костей конечностей. Отчленить, оставляя на месте охоты, нижние части ног было не легче, чем вырезать язык или извлечь головной мозг. В остальном с доводами Н.Л. Эрнста можно согласиться. Охотничье происхождение костей подкрепляется также использованием их в кострах, в связи с чем они должны были обладать достаточной свежестью, и присутствием остатков очень молодых особей (Эрнст, 1934. С. 192).

Наличие костей от громоздких частей туши свидетельствует о непосредственной близости мест охоты. Возможно, поэтому не вынимались бивни, которые могли служить для захвата при транспортировке голов. Тем более не было смысла отбивать нижние части ног. Мелкие кости могли сжигаться в кострах, что все же едва ли привело бы к столь полному отсутствию их среди крупных костей. Кажется неправдоподобным также объяснение последнего обстоятельства строгим отбором костей, попадавших в скопления. Но при любой степени отбора мелкие кости в заметном количестве должны присутствовать на окраинах обитаемого пространства, мало затронутого раскопками. Не исключено, впрочем, что именно там и происходило расчленение конечностей, и там же оставались мелкие кости, создавая видимость отбора этой категории костей.

Вместе с тем не следует игнорировать и возможность сбора костей на местах гибели животных. Наиболее полное допущение этого, казалось бы, как раз и дает естественное объяснение особенностей состава костей в скоплениях: позвонки, ребра, кости стоп могли просто оставлять за ненадобностью на месте, не доставляя к пещере. Однако по имеющимся материалам достаточно определенно поступление костей с охотничьей добычей, и если имел место также и сбор костей, то это должно было выразиться в соответствующем уменьшении доли мелких костей. Возможность проверки такого варианта отсутствует.

Н.Л. Эрнст считал пласт костей мамонта кухонными отбросами (Эрнст, 1933б. Л. 34, 35; 1934. С. 193), которые скапливались перед древним входом в пещеру, где разводили костры, готовили и потребляли пищу, изготавливали орудия (Эрнст, 1933а. Л. 6). Возражая против отнесения нагромождений костей к запасам топлива, он указывал на необугленность почти всех костей и присутствие среди них множества бивней (Эрнст, 1933б. Л. 34, 35).

По каким-то причинам: вследствие обращенности древнего входа к северу, задымляемости невысокой замкнутой полости, наличия в районе обитания более удобных убежищ и т.п. пещера использовалась для относительно кратковременного пребывания. В ней, видимо, отсутствовали выразительные следы, соответствующие верхнему культурному горизонту перед входом. Они не отмечены ни письменно, ни графически. В связи с этим неубедительно представление, по которому кости служили заслоном у входа в пещерное жилище (Рогачев, 1969. С. 187; Шовкопляс, 1974. С. 37), тем более, что форма скопления не напоминает ограждение и кости на 3 м отстоят от входа (рис. 1, II).

По другому мнению, перед входом находилось долговременное жилище (Борисковский, 1979. С. 136), подобное молодовским (Любин, 1970. С. 39). Выясненные размеры и компактность центрального скопления костей мамонта действительно сопоставимы с габаритами достаточно крупного палеолитического жилища. Мощность скопления даже значительно больше, чем у остатков молодовских сооружений. В некоторых местах скопления, как отмечено, наблюдаются признаки подбора и целенаправленной укладки

[1] Мозговые капсулы части черепов могли разрушиться и естественным путем.

одинаковых костей – тазовых, бивней, и установки костей в наклонном и вертикальном положении (группа из нижней челюсти, тазовых и трубчатых костей; пирамидка из трех тазовых костей, лопатка). Возможно, неслучайно и залегание в перевернутом положении трех черепов в траншее 1929 г. Однако не удается усмотреть элементов общей упорядоченности в строении средней и краевых частей скопления. К тому же спокойное залегание верхнего культурного горизонта под южной частью скопления нарушает ложбинка (рис. 2, *2*), прослеженная и западнее. Едва ли жилое сооружение могло бы включать ее. И, наконец, нельзя упускать из вида, что данный участок находился под навесом, в связи с чем необходимость сооружать такое же жилище, как на открытом месте, могла отсутствовать[2].

Верхний культурный горизонт слоя IУ ввиду его распространенности, мощности, локальной изменчивости и огромного количества остатков, вероятнее всего, образовался в итоге нескольких близких по времени наиболее длительных обитаний. Для необходимого при этом жилого обустройства могли использоваться кости мамонта. Но нет оснований утверждать, что к ним могут быть отнесены все или большая часть отобранного комплекса костей. В среднем палеолите Крыма, должно быть, отсутствовали традиции применения костей мамонта в строительстве, подобные имевшимся на Днестре и Пруте (Анисюткин, 2002. С. 11–23), поэтому предполагаемые сооружения с использованием этого достаточно случайного удобного материала могли иметь меньшие размеры, более примитивный облик, чем молодовские, и конструктивно должны были сообразовываться со своим положением под скальным навесом. Очередные кости, попадавшие с охотничьей добычей, могли нагромождаться вплотную к укрытиям, маскируя их план.

Возможности исследований в Чокурче далеко не исчерпаны. Думается, что продолжение раскопок не только внесет много новой информации о памятнике, но и поможет ответить на вопросы о роли охоты и сборов в накоплении костей мамонта и о наличии или отсутствии жилых сооружений.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Анисюткин Н.К. Проблема мустьерских жилищ с использованием многочисленных костей мамонта // Археологические вести. 2002. № 9.

Бачинський Г.О. Тафономічна характеристика місцезнаходжень викопних хребетних в карстових печерах України // Фізична географія та геоморфологія. Київ, 1970. Вип. 4.

Борисковский П.И. Древнейшее прошлое человечества. Л., 1979.

Весельский А.П. Критерии определения кратковременности использования среднепалеолитических поселений (по материалам Крыма) // Варіабельність середнього палеоліту України. Київ, 2003.

Забнин С.И. Новооткрытая палеолитическая стоянка в Крыму // ИТОИАЭ. Т. II. Симферополь, 1928.

Колосов Ю.Г. Неопубликованные кремневые орудия из грота Чокурча в Крыму // КСИА АН УССР. 1960. Вып. 9.

Любин В.П. Нижний палеолит // Каменный век на территории СССР. М., 1970.

Рогачев А.Н. Значение и роль социальной среды в развитии культуры первобытного общества // Природа и развитие первобытного общества на территории Европейской части СССР. М., 1969.

Сергин В.Я. Палеолитические поселения европейской части СССР (памятники с жилым обустройством). Автореф. ... докт. ист. наук. М., 1992.

Симферопольский и Ялтинский районы // Археологические исследования в РСФСР. 1934–1936 гг. М.; Л., 1941.

Татаринов Б.И. Дневник работ на стоянке Чокурча // Научный архив Отдела археологии ГМА МУ. 1940. Х. 046, 7.

Чокурча. Отчеты Б.И. Татаринова // Научный архив Отдела археологии ГМА МУ. 1940. Х. 037–046; 054.

Шовкопляс И.Г. Роль природных и социальных факторов в возникновении жилищ // Первобытный человек, его материальная культура и природная среда в плейстоцене и голоцене. М., 1974.

Эрнст Н.Л. Итоги и перспективы изучения палеолита Крыма // Архив ИИМК. Б/г. Ф. 35. Оп. 2. № 182.

Эрнст Н.Л. Палеолит Крыма // Научный архив ИА НАНУ. Б/г. Ф. 12. № 424.

Эрнст Н.Л. Раскопки палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя // ИТОИАЭ. Т. III. Симферополь, 1929.

Эрнст Н.Л. Люди ледникового периода в Крыму. Симферополь, 1930а.

Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках Чокурчинского грота у Симферополя в 1929 г. // Архив ИИМК. 1930б. Ф. 2. Оп. 1. № 143.

Эрнст Н.Л. Чокурчинские мамонты и первобытное общество // Валериану Викторовичу Лункевичу. Сб., посв. 40-летию его научно-литературной деятельности. 1890–1930. Симферополь, 1930в.

Эрнст Н.Л. Летопись археологических раскопок и разведок в Крыму за 10 лет (1921–1930) // ИТОИАЭ. Т. IV. Симферополь, 1931а.

Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках в 1931 г. // Архив ИИМК. 1931б. Ф. 2. Оп. 1. № 792.

Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках палеолитической стоянки в Чокурчинском гроте у Симферополя в 1930 г. // Архив ИИМК. 1931в. Ф. 2. Оп. 1. № 792.

Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках стоянки эпохи дородовой коммуны (нижнего палеолита) у Симферополя в 1933 г. // Архив ИИМК. 1933а. Ф. 2. Оп. 1. № 138.

Эрнст Н.Л. Чокурча. Палеолитическая пещерная стоянка у Симферополя // Научный архив ИА НАНУ. 1933б. Ф. 12. № 424.

[2] Хотя молодовские постройки, на мой взгляд, были не жилищами, а сложными заслонами (Сергин, 1992. С. 13, 14), что подтверждается и общим характером среднепалеолитических построек в районе Днестра–Прута (Анисюткин, 2002. С. 13, 14).

Эрнст Н.Л. Четвертичная стоянка в пещере у дер. Чокурча в Крыму // ТМКАИЧПЕ. Л.; М.; Новосибирск, 1934. Вып. V.

Эрнст Н.Л. Древнейшие остатки человеческой культуры в СССР // Наука и жизнь. 1935. № 5.

Эрнст Н.Л. Отчет о раскопках Чукурчинской пещеры в 1936 г. // Архив ИИМК. 1936. Ф. 2. Оп. 1. № 282.

Этикетки к коллекции кремня Чокурчи. 1940 г. // Научный архив Отдела археологии ГМА МУ. 1940. Х. 045.

Cultural horizons in the cultural deposit of the Mousterian cave site Chokurcha

V. Ya. Sergin

Summary

Chokurcha is an outstanding cave site of the Middle Palaeolithic in the Crimea. In 1920–1930-s its large part was investigated by N.L. Ernst. Unfortunately, the field records have been lost. Only a minor portion of the field documents compiled by I.B. Tatarinov in 1940 have survived. This publication is an attempt to suggest more accurate and detailed description of cultural deposit of the site based on the available archive materials and publications. Layer IV contained numerous traces of relatively short-term human presence in the cave. Flint artefacts obtained from the cultural deposit originated from different locations of the habituated area. On considerable number of the objects cortex was present. The share of tools could have made less than 10%. As for layers II and III, there are no grounds to surmise prevalence of tools. Cultural horizon disposed in the uppermost part of layer IV, most probably, represents a single complex with the stratum of mammoth bones (approximately from 40 individuals), which covered the entire surface. We may establish more reliably that the majority of bones originated from hunters' bag. Their location within the cave evidences that the bones were not used for constructing a screen at the cave entrance. Probably, some bones were used while constructing shelters.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 22–36

СРЕДИЗЕМНОМОРСКИЙ ЖЕНСКИЙ КОСТЮМ С ФИБУЛАМИ-БРОШАМИ НА СЕВЕРНОМ КАВКАЗЕ В V–VI вв.

© 2005 г. А. В. Мастыкова

Институт археологии РАН, Москва

В настоящей статье будет рассмотрен вопрос о средиземноморском (протовизантийском) влиянии на женский костюм варваров Северного Кавказа на примере таких элементов женского убора[1], как фибулы-броши (рис. 1).

Как известно, женский костюм в традиционных обществах является одним из наиболее устойчивых "этнографических" элементов материальной культуры (Werner, 1970; Петрухин, 1983; Стальсберг, 1994. С. 194), он сакрализован и его составные играют роль оберегов (Карпов, 2001. С. 15, 16). В то же время общеизвестен феномен существования женской интернациональной моды, хорошо представленный для рассматриваемой нами эпохи. Исследователи часто говорят о "дунайской", "средиземноморской", "меровингской" моде в раннесредневековой Европе. Существование этого феномена нисколько не противоречит сказанному выше о традиционности женского "варварского" костюма. Престижные женские моды интернационального характера распространялись в первую очередь среди аристократии, т.е. среди наиболее мобильной, полиэтничной и подверженной внешним влияниям социальной группы. В этом стратуме мода позволяла подчеркнуть особое положение ее носителей, их политическую и культурную ориентацию (отсюда феномен "византийской" или "сасанидской" моды), их связи с престижными кланами и правящими фамилиями Европы и Азии. Очень скоро "княжеская" мода начинает копироваться и другими слоями населения, которые подражают своей социальной верхушке[2].

При этом иностранное происхождение деталей костюма не имеет значения, поскольку знатные кланы у варваров часто соединяют не только военно-управленческие, но и религиозные функции, и таким образом "гарантируют" сакральность новомодных вещей.

Погребения с фибулами-брошами V–VI вв.[3] или имитирующие их бляхами[4] на Северном Кавказе относятся к числу наиболее "богатых" могил, которые часто содержат золотые вещи. Можно назвать, например, "княжескую" могилу некрополя Клин-Яр, курган 14 могильника Былым-Куденетово, погребения 3 и 5. 1965 г. могильника Гиляч, катакомбы 10 и 11 некрополя Лермонтовская Скала-2, Былым-Озоруково (Kuznecov, 2000. P. 170–185. Fig. 18–20; Fettich, 1953. Tab. XXXVIII, *3*, *4*, *5*, *21*; Минаева, 1951. С. 277–279. Рис. 5; Минаева, 1982. С. 230–232. Рис. 6; Рунич, 1976. С. 256–266; Рунич, 1973. С. 1, 2. Рис. 3–5; Миллер, 1888. С. 89. Табл. XX, *4*). Кстати, следует отметить, что в женских погребениях на Северном Кавказе золотые украшения встречаются редко.

На Северном Кавказе нами отмечено 15 случаев, когда можно было проследить положение фибул-брошей и их имитаций V–первой пол. VI вв. по отношению к скелету[5]. Зафиксированы следующие способы ношения:

1 – Под подбородком (Байтал-Чапкан, погр. 9, 14; в обоих случаях фибулы застегивали ворот одежды, обшитый кожей, сохранились фрагменты кожи и парчевой ткани: Минаева, 1950. С. 215, 220. Рис. 11, 20);

2 – На левом плече (Гиляч, погр. 3; погр. 5. 1965 г.: Минаева, 1951. С. 277. Рис. 5, *1*; 1982. С. 232. Рис. 6); (рис. 2, 3);

3 – На груди (Кугульский могильник-1, кат. 1: Рунич, 1963. С. 9–10; Кисловодск-Бермамыт, погр. 3: Рунич, 1962. С. 8, 9; Байтал-Чапкан, погр. 24: Минаева, 1956. С. 247, 248; Мокрая Балка, погр. 24: Ковалевская, 1971. С. 19; Мокрая Балка, погр. 54, 58: Афанасьев, Рунич, 2001. С. 115, 116; Джамагат, погр. 4: Биджиев, 1979. С. 8, 9. Рис. 14, *4*); (рис. 4);

[1] В статье используются два синонима – "убор" и "костюм". Эти понятия включают: покрой и фасон одежды, головной убор, обувь, украшения, аксессуары, прическу, вплоть до манеры носить усы и бороду у мужчин и т.д.

[2] Именно так в V в. распространяется престижный дунайский костюм с серебряными двупластинчатыми фибулами у испанских визиготов (Périn, 1993) или у понтийских германцев (Kazanski, 1993; 1996).

[3] В данной работе рассматриваются только находки V–первой половины VI в., см.: Kazanski, Mastykova, 1999.

[4] Под имитациями фибул-брошей мы понимаем округлые и прямоугольные, цельные и шарнирные бляхи, которые не несут функции застежек и не имеют приемника с иглой.

[5] Как правило, рассматриваемые фибулы-броши использовались в костюме по одной, однако в погр. 1 некрополя Байтал-Чапкан округлые инкрустированные бляхи, имитирующие фибулы, составляли пару (Минаева, 1950).

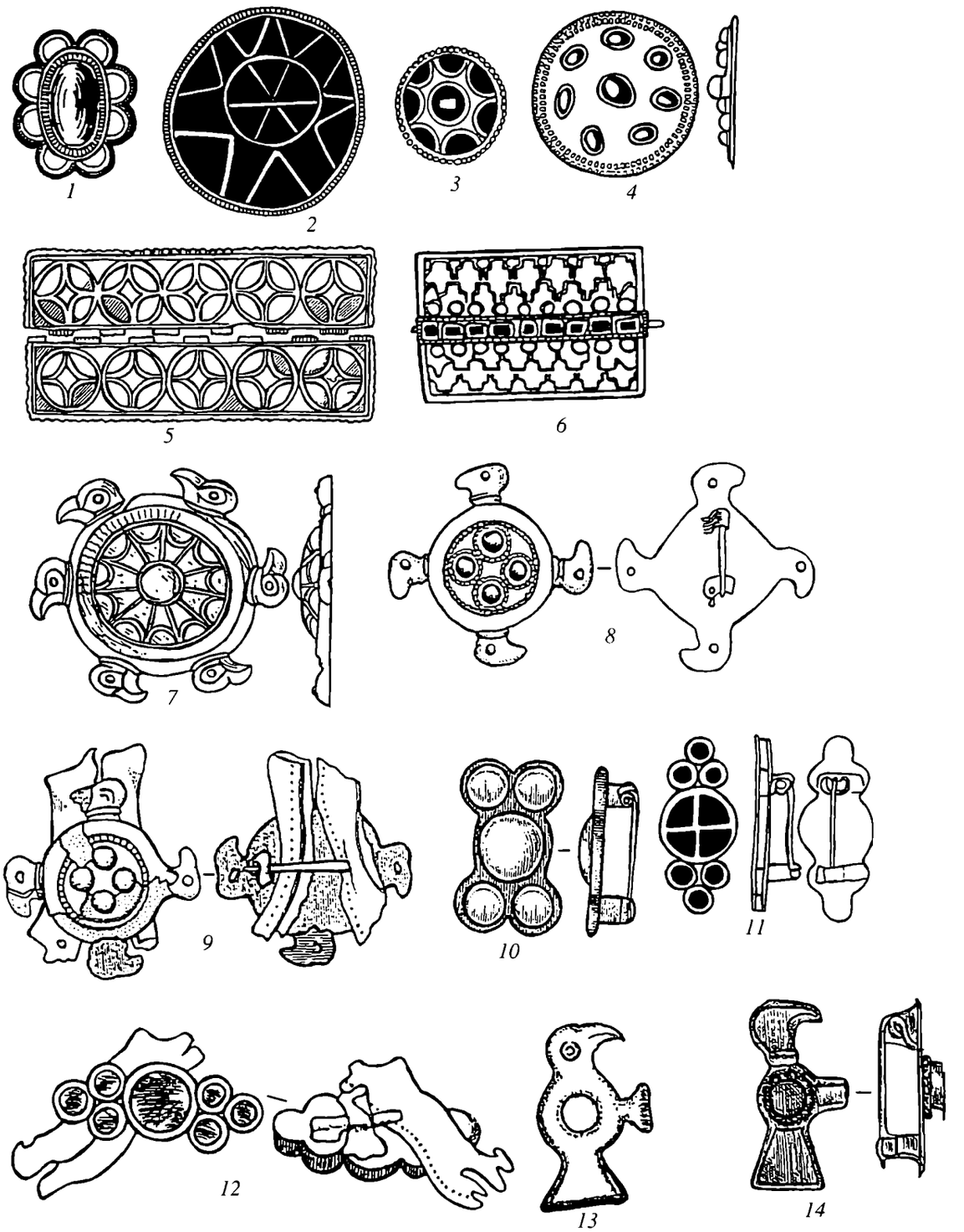


Рис. 1. Северокавказские фибулы-броши средиземноморского происхождения. *1* – Былым-Озоруково (Werner, 1956); *2, 3* – Байтал-Чапкан, погр. 1 (Абрамова, 1997); *4* – Байтал-Чапкан, погр. 24 (Абрамова, 1997); *5* – Былым-Куденетово (Амброз, 1989); *6* – Гиляч, погр. 5. 1965 г. (Минаева, 1982); *7* – Гижгид-Песчанка (Амброз, 1989); *8* – Гиляч, погр. 3 (Минаева, 1951); *9* – Байтал-Чапкан, погр. 9 (Минаева, 1956); *10* – Мокрая Балка, погр. 54 (Афанасьев, Рунич, 2001); *11* – Байтал-Чапкан, погр. 23 (Абрамова, 1997); *12* – Байтал-Чапкан, погр. 14 (Минаева, 1956); *13* – Бермамыт, погр. 3 (Рунич, 1962); *14* – Мокрая Балка, погр. 22 (Афанасьев, Рунич, 2001).

4 – На боку (Байтал-Чапкан, погр. 1; бляхи были, вероятно, нашиты на кожаную одежду: Минаева, 1950. С. 208, 209).

В трех могилах фибулы-броши были найдены на тазовых костях погребенных (Кисловодск-Бермамыт, погр. 1: Рунич, 1962. С. 7; Мирный-2, погр. 4: Рунич, 1969. С. 16, 17; Корсунский склеп: Рунич, 1973. С. 6. Рис. 14, *1*). В этих случаях они могли застегивать одежду на поясе, или были помещены в кошелек, подвешенный к поясу, или,

наконец, просто положены сверху на погребенную[6].

Ряд находок происходит из разрушенных или разграбленных комплексов. В целом зона распространения фибул-брошей охватывает территорию от Верхней Кубани до Верхнего Терека, что сооветствует зоне формирования раннесредневековой аланской цивилизации. Костюм с брошами известен в первую очередь на Верхней Кубани и в Пятигорье. В то же время он, несомненно, распространялся по всему Центральному Предкавказью, поскольку броши и имитирующие их бляхи хорошо представлены на памятниках Кабардино-Балкарии (см., например, Kazanski, Mastykova, 1999. Fig. 14, *3*; 15, *27*) и Северной Осетии (Абрамова, 1997. Рис. 57, *10*; 74, *16*; Kazanski, Mastykova, 1999. Fig. 13, *8*, *10*). Однако они крайне редки в Западном Предкавказье, можно назвать лишь находки в Прочноокопском и Пашковском могильниках (Kazanski, Mastykova, 1999. Fig. 13, *9*;15, *2*). Округлая бляха, возможно имитирующая брошь, была найдена также в женском погребении у с.Татарка под Ставрополем (Засецкая, 1994. Табл. 17, *3*).

Датировка большей части рассматриваемых могил устанавливается в пределах от рубежа IV–V до середины VI в. как по самим брошам, имеющим параллели в Средиземноморье и на меровингском Западе, так и по другому сопровождающему инвентарю (Kazanski, Mastykova, 1999). Выделяются следующие типы: округлые и овальные многолепестковые инкрустированные фибула-броши (рис. 1, *1*); округлые и овальные инкрустированные фибулы-броши и имитирующие их округлые бляхи (рис. 1, *2*, *3*, *4*); прямоугольные инкрустированные шарнирные бляхи, имитирующие фибулы-броши[7] (рис. 1, *5*, *6*); "солярные" фибулы средиземноморской традиции (рис. 1, *7*, *8*, *9*); "тюрингские" фибулы средиземноморской традиции (рис. 1, *10*, *11*, *12*); птицевидные фибулы, также, видимо, средиземноморской традиции[8] (рис. 1, *13*, *14*).

В состав "фибульного" убора входили и другие элементы. Иногда такой костюм сопровождался местной дуговидной фибулой, носимой на груди, на боку или в районе пояса (Гиляч, погр. 5. 1965 г.; Байтал-Чапкан, погр. 9; Джамагат, погр. 4; Мокрая Балка, погр. 54; Кисловодск-Бермамыт, погр. 1, 3; Мирный-2, погр. 4) (рис. 3).

Бусы носились в виде ожерелья (Байтал-Чапкан, погр. 1; Гиляч, погр. 3; Кисловодск-Бермамыт, погр. 1 и погр. 3; Мокрая Балка, погр. 54; Мирный-2, погр. 4), а также использовались, вероятно, в качестве подвесок, прикрепленных к правому плечу (Байтал-Чапкан, погр. 9; Гиляч, погр. 3), или к поясу (Гиляч, погр. 5. 1965 г.; Байтал-Чапкан, погр. 24) (рис. 2; 3; 4).

Среди элементов костюма в четырех случаях зафиксирован нож, который был, по всей видимости, подвешен к поясу (Джамагат, погр. 4; возможно, Кисловодск-Бермамыт, погр. 3; Гиляч, погр. 3; Байтал-Чапкан, погр. 24: в последних двух погребениях нож находился справа) (рис. 2; 4).

Металлическое зеркало и туалетный набор в погр. 3 некрополя Гиляч и в погр. 24 некрополя Байтал-Чапкан, а также зеркало в Корсунском склепе были найдены справа от погребенной, в районе пояса или у колена.

Серьги отмечены *in situ* в девяти погребениях: пара калачевидных серег находились возле черепа (Кисловодск-Бермамыт, погр. 1, 3; Мокрая Балка, погр. 24, 54, 58); пара серег с многогранником у черепа (Мирный-2, погр. 4); пара проволочных серег под черепом (Гиляч, погр. 5. 1965 г.); одна калачевидная серьга под черепом (Гиляч, погр. 3); одна калачевидная серьга, местоположение не указано (Джамагат, погр. 4).

Браслеты обнаружены в трех случаях: по одному браслету на правой руке погребенной (Гиляч, погр. 3; Кисловодск-Бермамыт, погр. 3), шесть экземпляров в центральной части могилы, т.е. там, где находились скорее всего запястья погребенной (Джамагат, погр. 4).

Но есть такие детали женского убора, которые в ансамбле с фибулами-брошами встречаются достаточно редко. Например, только однажды в рассматриваемом "фибульном" костюме были обнаружены: поясная гарнитура (Мокрая Балка, погр. 58), инкрустированная лунница на груди погребенной (Кугуль-1, погр. 1), две круглые подвески с выступами – одна на груди, вторая у пояса (Кисловодск-Бермамыт, погр. 3), булла на поясе (Джамагат, погр. 4), игла-булавка на поясе (Кисловодск-Бермамыт, погр. 1), цилиндрическая коробочка на поясе (Кисловодск-Бермамыт, погр. 1). В погребении 4 некрополя Джамагат в центральной части могилы найдены металлические треугольные подвески.

Все предметы убора, обнаруженные в могилах, были нами разделены на две группы. К первой группе отнесены вещи, найденные непосредственно на скелете погребенной, что дает основа-

[6] В этот список не включена мог. 23 некрополя Байтал-Чапкан, в которой также на тазовых костях погребенной, в отличии от приведенных выше трех случаев, "тюрингская" фибула была обнаружена вместе с двумя калачевидными серьгами и бусами. Такой набор вещей, скорее всего, указывает, что эти находки были приношением.

[7] Функция таких блях установлена по находке в могиле 5. 1965 г. некрополя Гиляч. В этом погребении бляха находилась на плече погребенной, т.е. там где обычно носили фибулу. Не исключено, впрочем, что в других могилах, где информация о положении подобных блях на скелете отсутствует, они могли выполнять иные функции.

[8] На Северном Кавказе имеются четырехлепестковые фибулы, по всей видимости местного происхождения, подражающие средиземноморским. На сегодняшний день нам известна только одна такая фибула-брошь из неопубликованных материалов могильника Джамагат, погр. 4, раскопки Х.Х. Биджиева (1979).

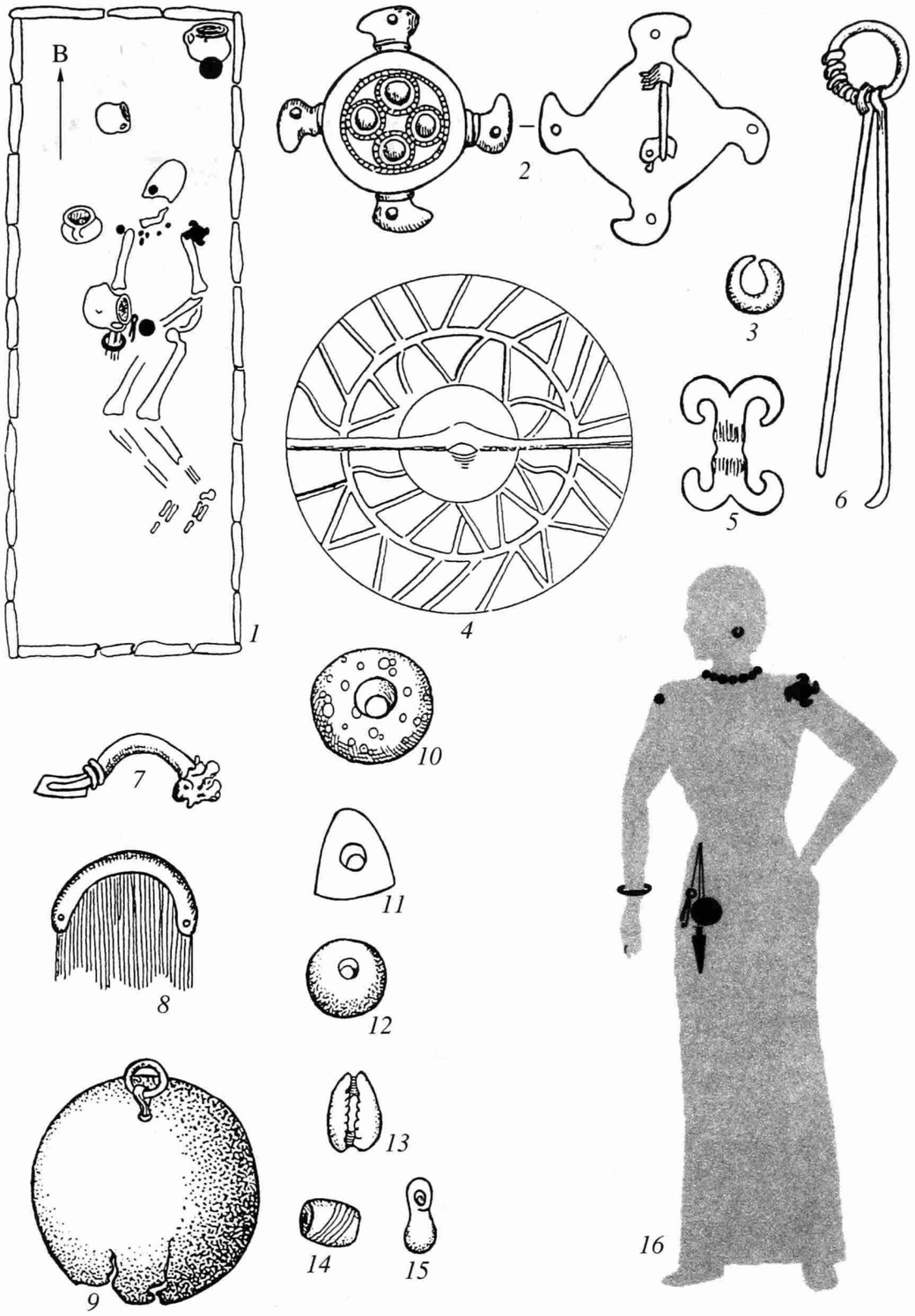


Рис. 2. Погребение 3 некрополя Гиляч. *1* – план погребения; *2–15* – погребальный инвентарь; *16* – предлагаемая реконструкция костюма (*1–15*: Минаева, 1951). Без масштаба.

ние прямо отнести их к костюму. Во вторую группу были объеденены предметы, позиция которых (чаще всего в могиле рядом со скелетом) не дает основания непосредственно отнести их к костюму покойной в момент погребения. Такие вещи могли быть положены в качестве заупокойных даров. Все вещи второй группы обозначены условным термином – "приношение". В то же время не стоит путать с приношениями те случаи, когда вещи лежат также возле костяка, но были, вероятней всего, использованы как аксессуары (например, подвешенные ножи, ложки-цедилки, бусы-подвески и т.д.), и таким образом являются деталью костюма.

Иногда очень сложно определить, относились ли к приношениям или входили в состав костюма некоторые предметы, имеющие нетрадиционное, на наш взгляд, местоположение, например булла

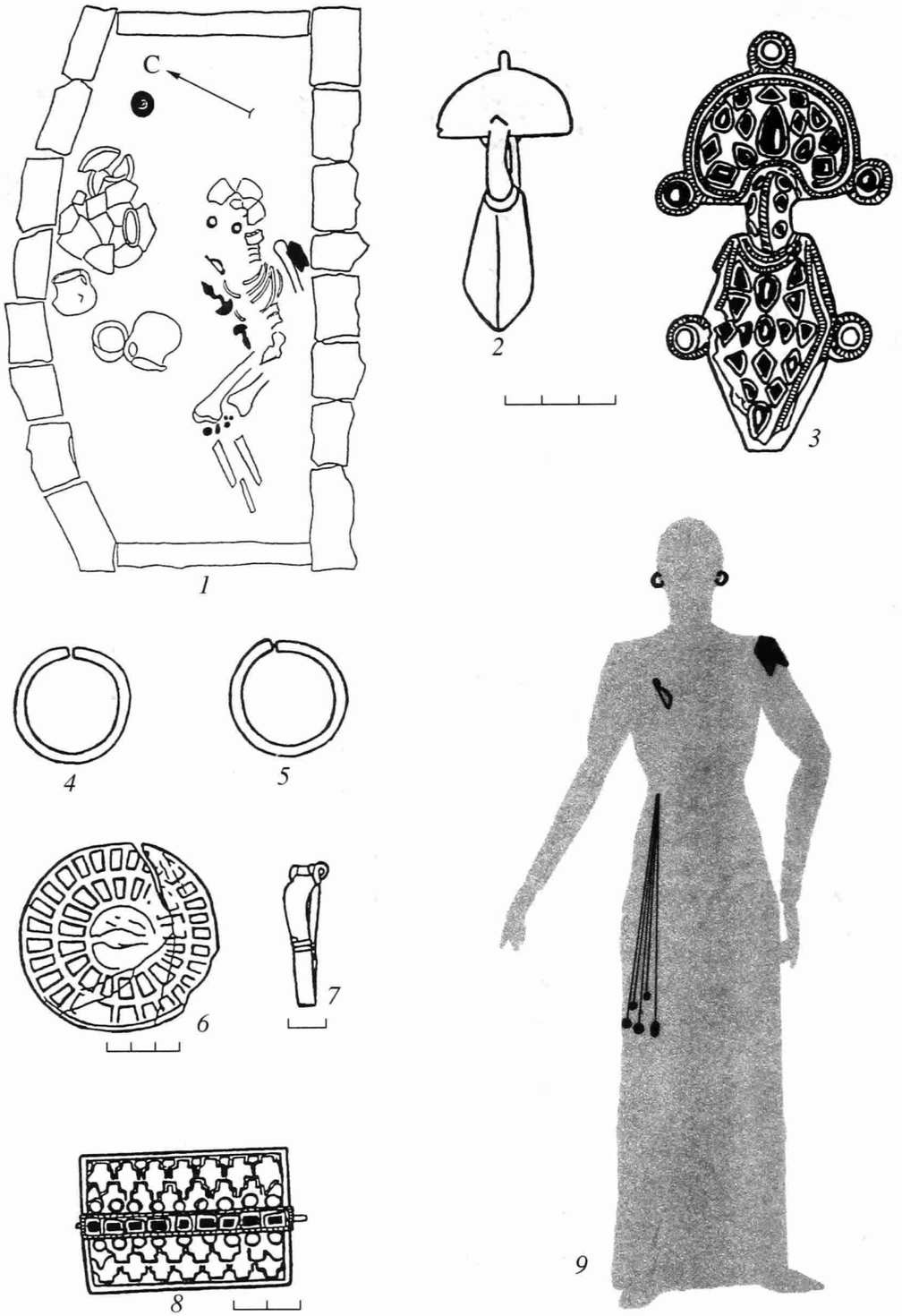


Рис. 3. Погребение 5. 1965 г. некрополя Гиляч. *1* – план погребения; *2–8* – погребальный инвентарь; *9* – предлагаемая реконструкция костюма (*1–8*: Минаева, 1982).

и ложка-цедилка, обнаруженные на груди погребенных (Кисловодск-Бермамыт, погр. 3; Мокрая Балка, погр. 58). Согласно предложенному разделению, они относятся к первой группе, т.е. непосредственно к костюму, так как найдены на скелете. Однако не исключена возможность, что эти предметы положены на тело покойника в качестве приношения (возможно, в какой-то органической оболочке – мешочке, коробочке, кошельке и т.д.). По всей видимости, необходимо каждый нестандартный случай рассматривать отдельно[9].

[9] Конечно, местоположение всех элементов костюма мы оцениваем, исходя прежде всего, из иконографических данных эпохи раннего средневековья, а также из наших современных представлений об их назначении. Не стоит, однако, забывать, что в варварских обществах некоторые предметы могли носиться иначе.

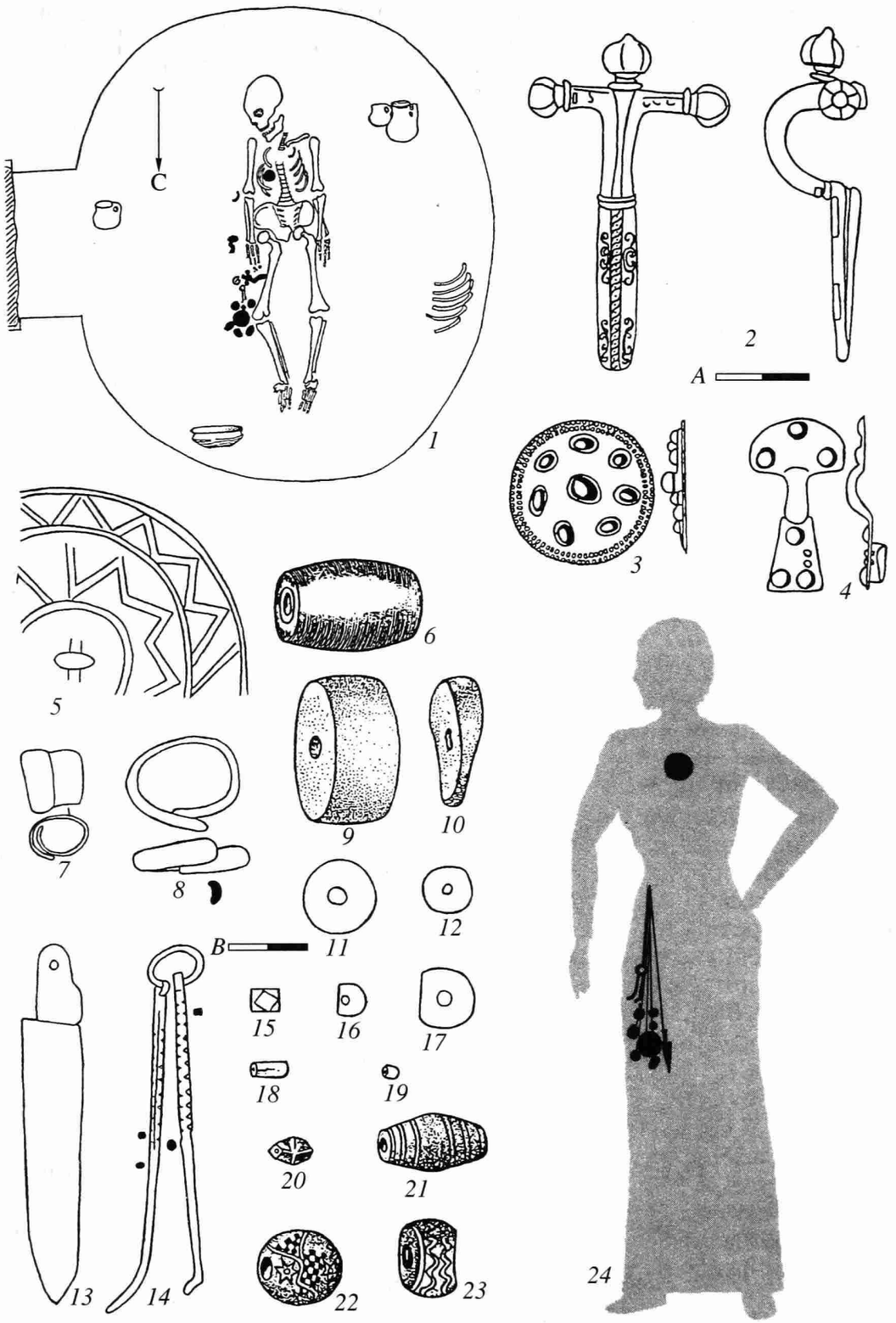


Рис. 4. Погребение 24 некрополя Байтал-Чапкан. *1* – план погребения; *2–23* – погребальный инвентарь; *24* – предлагаемая реконструкция костюма (*1–23*: Минаева, 1953).

Итак, в качестве приношений в могилах были зафиксированы следующие предметы: булла (Гиляч, погр. 3), зеркало (Гиляч, погр. 5. 1965 г.; Кисловодск-Бермамыт, погр. 1, 3), пряжка, калачевидные серьги, арбалетная фибула, витая игла-булавка (Байтал-Чапкан, погр. 1), бусы (Байтал-Чапкан, погр. 1; Корсунский склеп), двупластинчатые фибулы германской традиции (Гиляч, погр. 5. 1965 г.; Байтал-Чапкан, погр. 24), римская Т-образная фибула (Байтал-Чапкан, погр. 24), браслет (Байтал-Чапкан, погр. 24).

Но имеются находки вещей, местоположение которых не позволяет четко отнести их или к приношениям, или к костюму. Это, как уже упо-

миналось выше, фибулы-броши, найденные на тазовых костях погребенных; дуговидная фибула, обнаруженная возле локтя; нож, лежащий возле левой руки (Гиляч, погр. 3; Мокрая Балка, погр. 54); скопление бус на тазовых костях погребенной (Джамагат, погр. 4). Вполне возможно, что бусы могли быть подвешены к поясу в кошельке или мешочке, но не исключено, что они были положены на погребенную сверху как заупокойный дар. Точно также бусы, найденные в районе коленных суставов и между двумя скелетами (Кугуль-1, погр. 1) могли быть как приношениями, так и использоваться в качестве подвесок.

Параллели северокавказскому костюму с фибулами-брошами V–VI вв. хорошо известны в средиземноморском регионе и на меровингском Западе. Впрочем западные исследователи считают, что в варварской Западной Европе этот костюм распространяется в результате средиземноморского влияния (Martin, 1991. S. 646–652; 1994. S. 567–574). Действительно, как мы увидим далее, он хорошо представлен в Восточном Средиземноморье и на Ближнем Востоке уже в римское время. Византия наследовала эту восточно-эллинистическую моду (Беляев, 1929. С. 66).

По иконографическим данным в Средиземноморье для V–VI вв. можно выделить следующие варианты ношения фибул-брошей:

1 – Одна брошь на груди в качестве застежки накидки, как показано, например, на иорданских мозаиках VI в. из Геразы и Небо (Quast, 1999a. Abb. 9), а также на византийском металлическом блюде из клада первой трети VII в. в Лампусе на Кипре (Grabar, 1966. Fig. 352) или на створке диптихе VI в. с изображением артиста в женской одежде (Искусство Византии, 1977. № 182) (рис. 5, *1–3*);

2 – Пара брошей, скрепляющие платье на плечах, как свидетельствуют мозаики первой половины и середины V в. из Аргоса и Антиохии (Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 687. Abb. 103, 104) или на серебряном блюде VI в. из Эрмитажа, с изображением менады (Искусство Византии, 1977. № 133)[10]. В отдельных случаях парные фибулы-броши заменялись декоративными бляхами, по всей видимости не несущими функции застежек, как, вероятно, в одеянии императрицы Теодоры на знаменитой равеннской мозаике (Bovini, Pierpaoli, 1991. Fig. 62, 66; Bustacchini, 1991. P. 59. Fig. 2) (рис. 6, *1*, *2*);

3 – Наконец, в средиземноморском женском костюме округлые бляхи очень часто скрепляли пояс или заменяющий его шарф под грудью, как это отображено на мозаиках V в. в церкви Санта-Мариа Маджоре в Риме (Grabar, 1966. Fig. 161, 162), на настенной росписи раннего VI в. гробницы семьи Theotecnus в катакомбе Сан-Женнаро в Неаполе (Die Schraube..., 1995. S. 193. Kat. H10. Abb. 155; Quast, 1999b. Fig. 10, *2*), на мозаиках VI в. в базилике Сан Аполлинарио "Nuovo" в Равенне (Grabar, 1966. Fig. 166; Bovini, Pierpaoli, 1991. Fig. 38; Bustacchini, 1991. P. 123. Fig. 2) (рис. 7, *1–3*). Последний, третий, способ ношения фибул-брошей зафиксирован и письменными источниками. В частности в "Истории августов" (сочинение анонимного автора самого конца IV–начала V в.) в описании костюма пальмирской царицы Зенобии упоминается гемма в форме раковины, фиксирующая опоясывающий шарф, кисти которого были украшены драгоценными камнями-подвесками (Histoire auguste. Vie de trente tyrans, 1994. Zénobie. XXX. 14)[11].

Следует отметить, что фибулы-броши, застегивающие накидку на груди или на плече хорошо, известны в Средиземноморье также и в мужском костюме V–VI вв. Они представлены на многих равеннских мозаиках (Bovini, Pierpaoli, 1991. Fig. 34, 44, 67, 89 ; Bustacchini, 1991. P. 79. Fig. 5; P. 114. Fig. 2; P. 115. Fig. 5–7; P. 145. Fig. 3, 4), а также на мозаиках из Иерусалима (Grabar, 1966. Fig. 119), Рима (Санта-Мариа Маджоре: Grabar, 1966. Fig. 155, 162), на скульптуре из Антиохии (Grabar, 1966. Fig. 266), на серебряном миссориуме из Мадрида с изображением императора Феодосия (Grabar, 1966. Fig. 348). Засвидетельствованы они и в археологическом материале. В качестве примера можно привести одну из могил в Тубурбо-Мажюс (Хеншир-Касбат) в Тунисе, где погребенный с вандальским именем Арифридос (сохранилась погребальная мозаичная надпись) сопровождался поясной пряжкой, обувной гарнитурой и фибулой-брошью (Koenig, 1981. S. 312. Abb. 6d; Kleeman, 2002. S. 125. Fig. 1; Von Rummel, 2002. S. 135. Fig. 1). Однако в варварской Европе фибулы-броши, по всей видимости, распространялись только в женском уборе, по крайней мере на сегодняшний день нам неизвестны достоверные мужские могилы в Барбарикуме V–VI вв. с брошами.

В средиземноморском регионе (как в восточной его половине, так и в Западном Средиземно-

[10]Пара фибул скрепляет на плечах менады легкий хитон без рукавов, оставлявший руки обнаженными. Впрочем, на всех известных нам изображениях, где представлен подобный хитон, – это мифологические или аллегорические сцены. Не исключено, что речь идет об экстраординарном костюме, не соответствующем реальному. Наиболее распространенным в V–VI вв., если верить многочисленным изображениям, было длинное платье-туника. Поверх туники обычно одевалась стола или далматика, иногда длиною до колен, стянутая в талии или под грудью, с длинными узкими рукавами (если туника имела рукава, то тогда верхнее платье их не имело). Часто наряд сопровождался накидкой типа пенулы, надеваемой через голову или пелериной - накидкой без рукавов. Такие одеяния полностью скрывали женскую фигуру.

[11]Разумеется, к реальной царице Зенобии, жившей во второй половине III в., это описание отношения не имеет, однако оно хорошо отражает представления позднеримского автора о "парадном" женском уборе.

Рис. 5. Средиземноморский костюм V–начала VII в. с одной фибулой-брошью. *1* – Небо, часовня Иоанна Предтечи, Иордания (Quast, 1999a); *2* – блюдо из Лампусы, Кипр (Grabar, 1966); *3* – диптих из Эрмитажа (Искусство Византии, 1977).

морье) броши V–VI вв. также хорошо известны и по археологическому материалу (см., например: Schulze-Dörrlamm, 1986. S. 687, 688; Marti, 1990. S. 49–52; Martin, 1991. S. 650–652; 1994. S. 569; Quast, 1999a). На территории Восточной Римской империи фибулы-броши найдены в Несса-не/Ауйя-ель-Хафир (Палестина) (Martin, 1994. Abb. 168, *1*), Пентаполисе/Ахмиме (Египет)

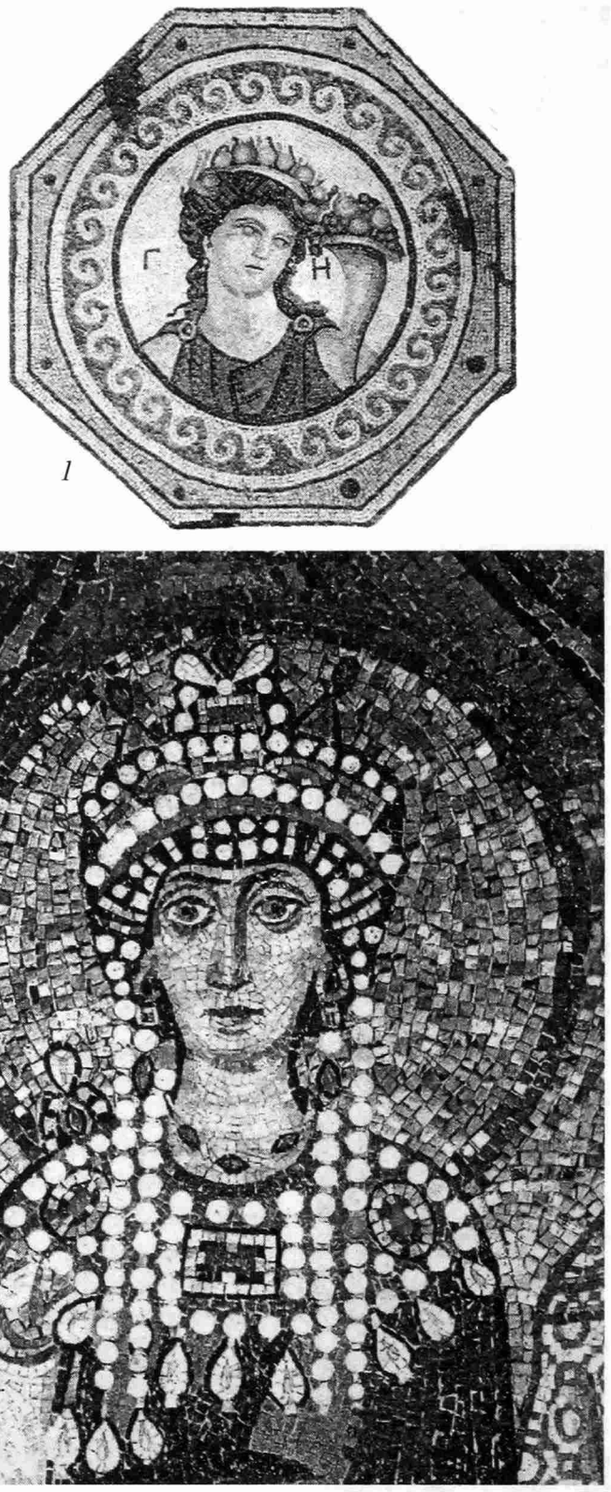


Рис. 6. Средиземноморский костюм V–VI вв. с двумя брошами или имитирущими их бляхами. *1* – Антиохия (Schulze-Dörrlamm, 1986); *2* – собор Сан-Витале, Равенна (Bustacchini, 1991).

(Quast, 1999a. Abb. 2, *1,2*; Forrer, 1893. Taf. 13, *12*), Александрии (Египет) (Ebert, 1909. Abb. 3), Сардах (Малая Азия) (Quast, 1999a. Abb. 3, *4*; 4, *4, 5*; 5, *2*).

Среди археологических находок известны и средиземноморские поясные гарнитуры с округлыми бляхами-застежками, например известный "парадный" пояс из коллекции Гетти (Die Schraube..., 1995. Kat. E1. S. 134. Abb. 97; Quast, 1999b. Fig. 11, 12). Не исключено, что такому же средиземноморскому поясу принадлежит и инкрустированная бляха из варварского клада второй половины V в. Клуж-Сомешени (Трансильвания) (L'Or des princes barbares, 2000. P. 192, 193. № 32, *2*).

В средиземноморском костюме V–VI вв. находят соответствия и другие элементы женского убора, сопровождавшие фибулы-броши в северокавказских погребениях, такие как серьги, браслеты, бусы. В археологическом материале они представлены таким большим количеством находок, что цитирование библиографии теряет смысл[12]. Интереснее привести сообщения письменных источников, и в первую очередь анонимной "Истории августов" конца IV–начала V в. Она представляет собой сборник биографий римских императоров II–III вв., приписанных выдуманным авторам. Данные этого сочинения часто не имеют отношения к историческим лицам, зато хорошо отражают реалии времени его написания, то есть рубежа IV–V вв.

Так, по утверждению "Истории августов", император Александр Север якобы ограничил убор придворных дам: они имели право на сеть-вуаль для прически, пару серег, ожерелье из бус, расшитую золотом накидку и церемониальное платье, золотые украшения которого не должны были превышать шесть унций (Histoire auguste, 1994. Alexandre Sévère, XLI. 1). Женщины знатной римской фамилии Macriani носили вуали для прически, браслеты, перстни, пояса, украшенные изображением Александра Македонского и это изображение имелось также на туниках и пенулах (Histoire auguste. Vie de trente tyrans, 1994. Quetius, XIV. 4). Интересно, что ожерелья[13] и серьги считались в Византии в первую очередь женскими украшениями, об этом свидетельствует замечание автора VI в. Агафия Миринейского, который упоминает "золотые вещи, ожерелья, серьги и другие того же рода женские украшения, которыми имеют привычку украшаться виднейшие и знатнейшие мидяне, и этим отличаются от толпы" (Агафий..., 1953. Ш. 28).

Хочется особо подчеркнуть, что композиция женского средиземноморского убора V–VI вв. с фибулами-брошами хорошо представлена только в иконографическом материале. Именно этот источник является первостепенным для изучения состава убора, поскольку погребения V–VI вв. с металлическими элементами костюма встречаются в средиземноморском регионе крайне ред-

[12]Можно назвать следующие сводки: Ross, 1965; Bénazeth, 1992, а также публикацию Manière-Lévèque, 1997, где приведена основная библиография по ранневизантийским вещевым кладам.

[13]За исключением гривен-торков, которые часты на мужских изображениях V–VI вв.

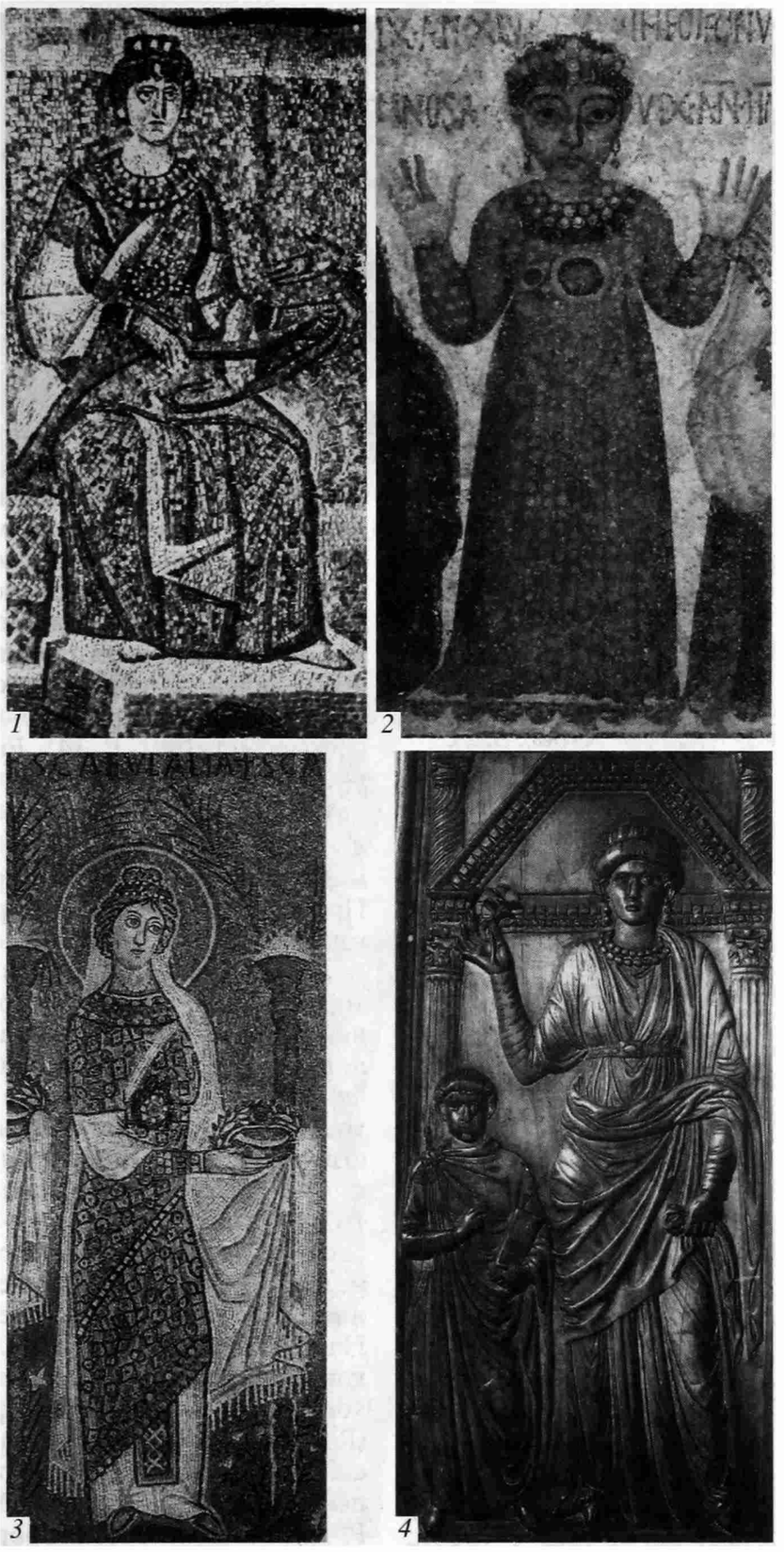


Рис. 7. Средиземноморский костюм V–VI вв. с пекторальной бляхой на поясе. *1* – церковь Санта-Мария Маджоре, Рим (Grabar, 1966); *2* – катакомба Сан-Женнаре, Неаполь (Die Schraube..., 1995); *3* – базилика Сан-Апполинарио "Nuovo", Равенна (Grabar, 1966); *4* – диптих из Монцы (Die Schraube..., 1995).

ко, так как здесь не было обычая помещать их в могилу. У романского населения Западного Средиземноморья (Италия, Южная Галлия, Испания, Северная Африка) часто в могилы в V–VI вв. помещали лишь один символический элемент убора, чаще всего пряжку или перстень (Martin, 1990. S. 192).

Иконографические данные свидетельствуют, что упоминавшийся выше костюм с одной фибу-

лой-брошью, застегивающей накидку на груди, мог сопровождаться еще и диадемой, а также поясом с круглой бляхой-застежкой под грудью, как например на блюде из Лампусы (Grabar, 1966. Fig. 352) (рис. 5, *2*). На мозаичных женских портретах из Геразы и Небо мы видим округлую фибулу, скрепляющую по центру груди накидку, серьги, колье, а на изображении из часовни с горы Небо также еще – диадему и ворот платья, расшитый, возможно, металлическими украшениями и/или драгоценными камнями (Quast, 1999a. Abb. 9, *1*, *2*) (рис. 5, *1*).

Менада, на серебряном блюде из Эрмитажа, в хитоне, скрепленном парой фибул на плечах, имеет кроме того два браслета на запястьях и два на плечевой части рук (Искусство Византии, 1977. № 133). Императрица Теодора на равеннской мозаике облачена в убор, по всей видимости включающий две инкрустированные бляхи, имитирующие парные овальные броши, диадему, серьги, дополнительную фибулу на плече (дериват Т-образной), богато украшенный ворот платья и колье, вероятно с прямоугольной пекторальной бляхой[14] (Grabar, 1966. Fig. 172, 173) (рис. 6, *2*).

Но лучше всего по иконографическим данным известны уборы с пекторальными поясными бляхами. На диптихе из Монцы (395 г.) с портретом Серены, жены Стилихона, это прямоугольная бляха, скрепляющая пояс под грудью. В убор Серены входят также серьги и ожерелье (Die Schraube..., 1995. S. 128, 191. Kat. H8. Abb. 154) (рис. 7, *4*). В остальных учтенных нами случаях пекторальные поясные бляхи имеют округлую форму. На одном из женских изображений в Санта-Мариа Маджоре в Риме представлены поясная округлая бляха, серьги, колье или украшенный ворот платья, возможно диадема (виден только центральный медальон) (Grabar, 1966. Fig. 161) (рис. 7, *1*). На другой женской фигуре из той же церкви помимо пояса с бляхой можно видеть богатое колье, диадему (?), серьги, возможно браслеты (Grabar, 1966. Fig. 162). Женщины в процессии, изображенные на мозаике в базилике Сан Аполлинарио "Nuovo" в Равенне, одеты в платья с украшенными воротом, манжетами и подолом и поясом, который закреплен пекторальной округлой бляхой под грудью. В состав их убора входят диадема, возможно колье и браслеты (Grabar, 1966. Fig. 166) (рис. 7, *3*). Наконец, на росписи в катакомбе Сан-Женнаро девочка Nonosa (портрет семьи Theotecnus) имеет пояс с пекторальной округлой бляхой (также под грудью), ожерелье или украшенный ворот платья, серьги, диадему (Die Schraube..., 1995. Kat. H10. Abb. 155) (рис. 7, *2*). Итак, основные элементы убора – серьги, колье, браслеты – идентичны северокавказскому убору. Отсутствуют на Северном Кавказе лишь диадемы.

Как уже говорилось выше, в северокавказских материалах зафиксированы два случая, когда крупные бусы были найдены возле колен погребенных (Гиляч, погр. 5. 1965 г.; Байтал-Чапкан, погр. 24) (рис. 3; 4). Скорее всего, эти бусы были подвешены к поясу или к краю одежды в качестве подвесок. Такой способ ношения бус-подвесок, по всей видимости, можно отнести также к средиземноморским элементам костюма. Обычай ношения бус-подвесок, прикрепленных к длинным шарфам, накидкам (как драгоценные геммы на шарфе у царицы Зенобии в "Истории августов") или шнурам, свешивающимся ниже пояса, хорошо засвидетельствован для средиземноморского и меровингского женских костюмов (Martin, 1991. S. 660, 661. Abb. 35; Мастыкова, 2000. С. 43). Такая подвеска, прикрепленная к краю накидки, хорошо видна, например на одной из мозаик VI в. в церкви Сан Аполлинарио "in Classe" в Равенне (Bustacchini, 1991. P. 145. Fig. 4). Вполне возможно, что этот обычай попадает на Северный Кавказ из Восточного Средиземноморья.

Как уже было сказано, Византия наследовала моду на ношение фибул от Римской империи. Прототипом женского убора с фибулами-брошами является костюм римского эллинизированного Востока I–III вв. (Беляев, 1929. С. 66), который хорошо известен по погребальной скульптуре и живописи Пальмиры, а также по погребальным портретам римского Египта. Так, в Пальмире на женских бюстах вместе с брошью округлой, треугольной и прямоугольной форм засвидетельствованы серьги, браслеты, диадемы, различные колье (Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993. Cat. № 162, 167–170, 173, 180–183, 197–199, 206, 218, 219, 232, 236) (рис. 8, *1*). На пальмирской фреске из Мегарет Абу-Схейл на женщине изображены фибула, колье, гривна, серьги (Беляев, 1929. Рис. 11). На женском портрете III в. из Антиноэ в Египте хорошо виден пояс с округлой пекторальной бляхой под грудью, перстень, гривна, серьги, диадема (Rutschowscaya, 1990. P. 49) (рис. 8, *2*). На другом египетском женском портрете (II в.) представлены серьги и нагрудная бляха (Doxiadis, 1995. P. 114. Pl. 86). В состав убора на женском изображении середины III в. из Саккары входят, помимо пекторальной бляхи, диадема, несколько ожерелий, ворот с нашивными полихромными бляшками, серьги, ручные и ножные браслеты, перстни (Doxiadis, 1995. P. 19. Pl. 12) (рис. 8, *3*). Назовем также ковер IV в. с дионисийской процессией (видимо, египетского производства), где одна из женских фигур имеет пояс с пекторальной бляхой (также под грудью), браслеты, серьги, украшенный

[14]Скорее всего плечи и грудь императрицы украшает "диадима" – широкое, подобно съемному воротнику, парчовое оплечье, украшенное золотыми эмалевыми вставками, жемчугом и др. драгоценными камнями. С середины VI в. "диадима" входила в число византийских императорских инсигний (Мерцалова, 1993. С. 137).

Рис. 8. Возможные прототипы (I–IV вв.) средиземноморского костюма с брошами. *1* – Пальмира, Сирия (Dentzer-Feydy, Teixidor, 1993); *2* – Антиноэ, Египет (Rutschowscaya, 1990); *3* – Саккара, Египет (Doxiadis, 1995); *4* – ковер, Берн (Rutschowscaya, 1990).

ворот платья и диадему-цепь (Rutschowscaya, 1990. P. 83, 84) (рис. 8, *4*).

Женский костюм с фибулами-брошами, как уже отмечалось исследователями, явно считался престижным в Византии. Например, в более позднее время при венчании византийской императрицы на царство император лично закалывал фибулой хламиду, одеваемую на царицу (Беляев, 1929. С. 60, 61).

Из Средиземноморья этот "фибульный" престижный костюм распространяется в Центральном Предкавказье (Kazanski, Mastykova, 1999; Мастыкова, 2000; Прокопенко, 2001а; 2001б). Помимо Кавказа костюм средиземноморской традиции с фибулами-брошами и их имитациями представлен в V в. в Крыму, например в погребениях Керчи (склеп 154. 1904/погр. 9: Засецкая, 1993. Табл. 246), Алмалык-Дере (погр. 65: Gercen, Maczynska, 2000. Abb. 9, *3*, *4*), на могильнике Лучистое (погр. 126: Айбабин, 2001. Рис. 6, *3*), а также в погребении постгуннского времени Ново-Покровка в Восточном Крыму (Гаврилов, 1996. Рис. 2, *7*).

Таким образом, на примере женского костюма с фибулами-брошами мы можем проследить на Северном Кавказе общеевропейский феномен imitatio imperii, охвативший в начале средневековья практически весь Барбарикум, вплоть до отдаленной Скандинавии (Vierck, 1981). В рассматриваемом нами регионе этот костюм распространяется в основном в Центральном Предкавказье, т.е. в зоне формирования раннесредневековой Алании, ориентированной в VI в. на Византию.

Возникает вопрос, каким образом этот средиземноморский престижный женский убор мог стать известным на Северном Кавказе. Одним из наиболее вероятных путей его распространения могли быть дипломатические связи. Императорские пожалования, безусловно, способствовали распространению у северокавказских варваров престижной византийской моды. Так Юстиниан подарил царице северокавказских савир Воа "много царской одежды, различной серебряной посуды и немало денег" (Иоанн Малала, Хронография XVIII, 2001. С. 469). Вероятней всего "царская одежда", подаренная Юстинианом савирской царице Воа (Боа), была женской, и, наверное, это одеяние походило на парадный наряд Теодоры и знатных придворных дам, известный нам по равеннской мозаике в Сан-Витале. Вполне возможно, что савирская царица была не единственной персоной на Северном Кавказе, получавшей такого рода подарки из Константинополя.

Появившийся на Северном Кавказе в V в. новый "аристократический" костюм постепенно вытесняет модный здесь ранее "княжеский" костюм восточногерманской традиции с двупластинчатыми фибулами полихромного стиля (см. о нем: Казанский, Мастыкова, 1998). Какое-то время эти два убора сосуществуют, вернее второй дополняет первый, как об этом свидетельствуют, например, находки в погр. 5. 1965 г. могильника Гиляч (рис. 3). Однако со второй половины V в. костюм с брошами становится ведущим.

Кстати, похожую эволюцию женского убора можно наблюдать и у других варваров, например понтийских и дунайских германцев. Во второй половине V в. в этом регионе престижный ранее костюм с большими двупластинчатыми фибулами горизонтов Унтерзибенбрунн-Синявка и Смолин-Косино теряет свой особый статус. На Дунае такой костюм исчезает, а в Крыму он становится типичным для "среднего класса", его многочисленные "народные" реплики хорошо известны по могильникам крымских готов. У варварской аристократии в это время входит в моду роскошный византийский убор с пекторальными бляхами, как в кладе Клуж-Сомешени (L'Or des princes barbares, 2000. № 32), или ожерельями-цепями с крупными подвесками, как в Ольвийском кладе (Ross, 1965. № 166).

Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ проект № 02-01-00091а.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова М.П. Ранние аланы Северного Кавказа III–V вв. н.э. М., 1997.

Агафий о царствовании Юстиниана / Пер. М.В. Левченко. М.; Л., 1953.

Айбабин А.И. Склеп эпохи "Великого переселения народов" на могильнике близ с. Лучистое в Крыму // Средневековые древности евразийских степей. Воронеж, 2001.

Амброз А.К. Хронология древностей Северного Кавказа V–VII вв. М., 1989.

Афанасьев Г.Е., Рунич А.П. Мокрая Балка. Вып. 1. Дневник раскопок. М., 2001.

Беляев Н.М. Очерки по византийской археологии. I. Фибула в Византии // Seminarium Kondakovianum. III. Prague, 1929.

Биджиев Х.Х. Отчет археологической экспедиции КЧНИИ за 1978 год // Архив ИА РАН. 1979. Р–1. № 7121.

Гаврилов А.В. Погребение кочевника на античном поселении в Восточном Крыму // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Засецкая И.П. Материалы Боспорского некрополя второй половины IV–первой половины V в. н.э. // МАИЭТ. Вып. III. Симферополь, 1993.

Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV–V вв.). СПб., 1994.

Иоанн Малала. Хронография // Прокопий Кесарийский. Война с персами. Война с вандалами. Тайная история / Пер. и комм. А.А. Чекаловой. СПб., 2001.

Искусство Византии в собраниях СССР. М., 1977.

Казанский М.М., Мастыкова А.В. Германские элементы в культуре населения Северного Кавказа в эпоху Великого переселения народов // ИАА. Вып. 4. Армавир; М., 1998.

Карпов Ю.Ю. Женское пространство в культуре народов Кавказа. СПб., 2001.

Ковалевская В.Б. Отчет о работе Средневекового отряда Северокавказской экспедиции летом 1971 г. // Архив ИА РАН. 1971. Р–1. № 5433.

Мастыкова А.В. Средиземноморские элементы в женском костюме у населения Северного Кавказа

(V–VI вв.) // Евразийская степь и лесостепь в эпоху раннего средневековья. Воронеж, 2000.

Мерцалова М.Н. Костюм разных времен и народов. Т. I. М., 1993.

Миллер В. Терская область. Археологические экскурсии // Материалы по археологии Кавказа. Вып. I. М., 1888.

Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан // Материалы по изучению Ставропольского края. Вып. 2–3. Ставрополь, 1950.

Минаева Т.М. Археологические памятники на р. Гиляч в Верховьях Кубани // МИА. 1951. № 23.

Минаева Т.М. Отчет о раскопках в Черкесской автономной области в 1953 г. могильника Байтал-Чапкан в Хабезском районе // Архив ИА РАН. 1953. Р–1. № 794.

Минаева Т.М. Могильник Байтал-Чапкан в Черкесии // СА. 1956. № XXVI.

Минаева Т.М. Раскопки святилища и могильника возле городища Гиляч в 1965 г. // Древности эпохи Великого переселения народов V–VIII веков. М., 1982.

Петрухин В.Я. Об особенностях славяно-скандинавских этнических отношений в раннефеодальный период (IX–XI вв.) // Древнейшие государства на территории СССР. Матер. и исследования 1981 год. М., 1983.

Прокопенко Ю.А. Многолепестковые инкрустированные фибулы из памятников Северного Кавказа // ИАА. Вып. 7. Армавир; М., 2001а.

Прокопенко Ю.А. О многолепестковых инкрустированных фибулах как элементе средиземноморской моды у населения Северного Кавказа в V–VI вв. // Культуры евразийских степей второй половины I тысячелетия н.э. (из истории костюма). Т. 2. Самара, 2001б.

Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1962 год // Архив ИА РАН. 1962. Р–1. № 2454.

Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1963 год // Архив ИА РАН. 1963. Р–1. № 2694.

Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кисловодска за 1969 год // Архив ИА РАН. 1969. Р–1. № 5244.

Рунич А.П. Отчет о полевых исследованиях в районе Кавминвод за 1973 год // Архив ИА РАН. 1973. Р–1. № 5009.

Рунич А.П. Захоронение вождя эпохи раннего средневековья из Кисловодской котловины // СА. 1976. № 3.

Стальсберг А. Проблемы культурного взаимодействия Руси и Скандинавии в VIII–XI вв. (по археологическим собраниям СНГ) // Археологические Вести. 1994. № 3.

Bénazeth D. L'art du métal au début de l'ère chrétienne. P., 1992.

Bovini G., Pierpaoli M. Ravenna. Treasures of Light. Ravenna, 1991.

Bustacchini G. Ravenne. Capitale de Mosaïque. Ravenna, 1991.

Dentzer-Feydy J., Teixidor J. Les antiquités de Palmyre au Musée du Louvre. P., 1993.

Die Schraube zwischen Macht und Pracht. Das Gewinde in der Antike. Sigmaringen, 1995.

Doxiadis E. The Mysterious Fayum Portraits. Faces from Ancient Egypt. L., 1995.

Ebert M. Ein Spangenhelm aus Ägypten // Praehistorische Zeit. 1. Leipzig, 1909.

Fettich N. La trouvaille de la tombe princière hunniques à Szeged-Nagyszéksos. Budapest, 1953.

Forrer R. Die frühchristlichen Alterthümer aus dem Gräberfeld von Achmin-Pentapolis. Strassburg, 1893.

Gercen A., Maczynska M. Ein frühvölkerwanderungszeitliches Kammergrab aus dem Gräberfeld Alamlyk-Dere bei Mangup auf der Krim // Die spätrömische Kaiserzeit und die frühe Völkerwanderungszeit in Mittel- und Osteuropa. Lodz, 2000.

Grabar A. L'Age d'or de Justinien. P., 1966.

Histoire auguste (texte latin et traduction en français d'A. Chastagnol). P., 1994.

Kazanski M. The Sedentary Elite in the "Empire" of the Huns and its Impact on Material Civilisation in Southern Russia during the Early Middle Ages (5th–7th Centuries AD) // Cultural Transformations and Interactions in Eastern Europe. Aldershot, Brookfield USA; Hong Kong; Singapore; Sidney, 1993.

Kazanski M. Les Germains orientaux au Nord de la mer Noire pendant la seconde moitie du Ve et au VIe s. // МАИЭТ. Вып. V. Симферополь, 1996.

Kazanski M., Mastykova A. Le Caucase du Nord et la région méditerranéenne aux 5e–6e siècles. A propos de la formation la civilisation aristocratique barbare // Eurasia Antiqua. Bd. 5. Mainz, 1999.

Kleeman J. Quelques réflexions sur l'interprétation ethnique des sépultures habillées considérées comme vandales // Antiquité Tardive. 10. P. 2002.

Koenig G.G. Wandalische Grabfunde des 5. und 6. Jhs. // Madrider Mitteilungen. 22. Madrid, 1981.

Kuznecov V.A. Deux tombes alaines des Ve–VIe s. à Hasaut et à Klin-Yar (Caucase du Nord) // Les sites archéologiques en Crimée et au Caucase durant l'Antiquité tardive et le haut Moyen-Age. Colloquia Pontica. V. 5. Leiden, 2000.

Manière-Lévêque A.-M. L'évolution des bijoux "aristocratiques" féminines à travers les trésors proto-byzantins d'orfèvrerie // Revue Archéologique. 1. P., 1997.

Marti R. Das frühmittelalterliche Gräberfeld von Saint-Sulpice VD. Lausanne, 1990.

Martin M. Le Haut Moyen Age // Peuples et archéologie. Bâle, 1990.

Martin M. Tradition und Wandel der fibelgeschmückten frühmittelalterlichen Frauenkleidung // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums Mainz. 1991. Bd. 38.

Martin M. Späte Völkerwanderungszeit und Merowingerzeit auf dem Kontinent // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lieferung 5/6. Berlin; N.Y., 1994.

L'Or des princes barbares. Du Caucase à la Gaule Ve siècle après J.-C. P., 2000.

Périn P. L'armée de Vidimer et la question des dépôts funéraires chez les Wisigoths en Gaule et en Espagne

(Ve–VIe siècles) // L'armée romaine et les Barbares du IIIe au VIIe siècle. Saint-Germain-en-Laye, 1993.

Quast D. Cloisonnierte Scheibenfibeln aus Achmim-Panopolis (Agypten) // Archäologisches Korrespondenzblatt. 29. Mainz, 1999a.

Quast D. Garnitures de ceintures méditerranéennes à plaques cloisonnées des Ve et début VIe siècles // Antiquités Nationales. 31. Saint-Germain-en-Laye, 1999b.

Ross M.C. Catalogue of the Byzantine and Early Mediaeval Antiquities in the Dumbarton Oaks Collection. V. Two. Jewelry, Enamels and Art of the Migration Period. Washington, 1965.

Rutschowscaya M.-H. Tissus coptes. P., 1990.

Schulze-Dörrlamm M. Romanisch oder Germanisch? Untersuchungen zu den Armbrust- und Bügelknopffibeln des 5. und 6. Jahrhunderts n. Chr. aus den Gebieten westlich des Rheins und südlich der Donau // Jahrbuch des Römisch-Germanischen Zentralmuseums. 1986. Bd. 33.

Vierck H. Imitatio imperii und Interpretatio Germanica vor der Wikingerzeit // Les pays du Nord et Byzance. Uppsala, 1981.

Von Rummel P. Habitus Vandalorum? Zur Frage nach einer gruppen-speziefischen Kleidung der Vandalen in Nordafrika // Antiquité Tardive. 10. P., 2002.

Werner J. Beiträge zur Archäologie des Attila-Reiches. München, 1956.

Werner J. Zur Verbreitung frühgeschlichtlicher Metallarbeiten (Werkstatt-Wanderhandwerk-Handel-Familienverbindung) // Early Medieval Studies 1 (Antikvarskt Arkiv 38). Stockholm, 1970.

The Mediterranean woman's costume with brooch-like filbulae in the North Caucasus in the 5th–the 6th cc.

A. V. Mastykova

Summary

The paper is devoted to the consideration of the burials containing brooch-like fibulae, and the Mediterranean influence on the woman's costume appropriate to the barbarians of the North Caucasus in the 5th–the mid 6th cc. The burials with brooch-like fibulae or their imitations shaped as plaques are the richest graves in the cemeteries, often furnished with golden artefacts (Klin-Yar, Bylym-Kudenetovo, Gilyach, Lermontovskaya Skala 2, Bylym-Ozorukovo). The discussed variant of woman's costume is best known from the Upper Kuban and Pyatigorsk regions; judging from separate finds, it was also spread all aver the Central North Caucasus from the Upper Kuban to the Upper Terek, which coincides with the zone where the early medieval Alanic civilisation emerged. Parallels to the North Caucasian costume including the brooch-like fibulae of the 5th–the 6th cc. are well known both from the Mediterranean zone and the Merovingian West; in the latter region it had emerged as a result of the Mediterranean influence. The author considers the Mediterranean attire with brooch-like fibulae to have been a derivative from the costume typical of the Roman Orient in the 1st–the 3rd cc., well known from the iconographic materials from Egypt and Palmyra and marked with Hellenistic influence. Trus the woman's costume with brooch-like fibulae highlights the North Caucasian variant of the phenomenon termed as imitatio imperii, known all over Europe. Among the most probable ways of spreading the prestigious women's attire there could have been "diplomatic" presents made by Byzantine emperors to the barbaric leaders and the members of their families.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 37–49

ПОДВЯЗНЫЕ ФИБУЛЫ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ БАЛТИИ

© 2005 г. В. И. Кулаков

Институт археологии РАН, Москва

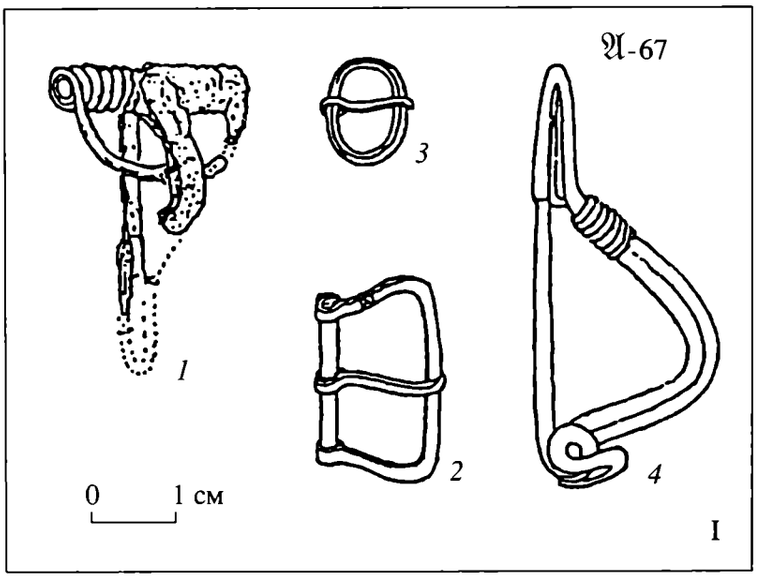
Древности Юго-Восточной Балтии, включающей Калининградскую обл. России и Варминьско-Мазурское воев. Польши между низовьями Вислы и Немана, некогда стали основой для формирования хронологической схемы для всей Центральной и Западной Европы в I тыс. н.э. С середины XIX в. здесь, в Янтарном крае стала складываться прусская археологическая школа. Ее основоположники Отто Тишлер и Генрих Кемке создали не только объективную картину прусских древностей, но и заложили основу для хронологии Европы I тыс. н.э. В основу этой шкалы датировок легли около 2000 артефактов, добытых О. Тишлером в 1879 г. при раскопках могильника Dollkeim, Kr. Fischhausen (ныне – пос. Ковровo, Зеленоградский р-н) и выстроенные им в типологические ряды (сериации) древностей эстиев, составляющих массив материалов самбийско-натангийской группы (далее – СНГ) западнобалтской культуры I–IV вв. н.э. Эта этапная для европейской археологии работа получила высокую оценку среди современников. На всем протяжении XX в. шкалу О. Тишлера дополняли такие признанные авторитеты европейской археологии, как Адальберт Бецценбергер, Ханс Юрген Эггерс, Казимеж Годловский. Ныне конструктивные уточнения этой хронологической системы проводит Ярослав Тейрал. По сей день критерии фаз B–D шкалы О. Тишлера (Tischler, Kemke, 1902) не утеряли своей актуальности, нашим современникам остается лишь уточнять ее нюансы.

К настоящему времени наиболее актуальными для прусского материала является уточняющие систему О. Тишлера в ее ранней части хронологическая система Уллы Лунд-Хансен (B_{1a} – 20–50 гг., B_{1b} – 50–70/80 гг., B_2 – 70/80–150 гг., B_2/C_1 – 150–200 гг., C_{1a} – 200–225 гг., C_{1a}–C_{1b} – 225–250 гг., C_{1b} – 250–275 гг., C_2 – 275–325 гг. – Lund Hansen, 1987. S. 39). Однако для древностей Янтарного края римского времени попытка применения этой схемы в новейшее время была предпринята лишь в конце XX в. Этой этапной для польской археологии работой стала созданная при помощи фонда Александра Гумбольдта (Германия) монография В. Новаковского, посвященная древностям Самбии эпохи римского влияния (Nowakowski, 1996). Полученная в результате проведенного В. Новаковским факторного анализа хронология эстиев выглядит следующим образом.

Этап I (фаза B_{2a}) – горизонт глазчатых фибул "прусской серии", этапы IIa-IIc (фазы C_1–C_2) – горизонт фибул с подвязной ножкой; этап III (фаза D) – горизонт украшений со штампованным орнаментом (самбийский вариант стиля Сёсдала по А. Битнер-Врублевской), этап IV (переходная фаза D/E) – переход от времени распространения стиля Сёсдала к эпохе пальчатых фибул вида Breitenfurt, вызвавший у автора значительные проблемы в интерпретации, этап V (фаза E) – горизонт пластинчатых фибул (Nowakowski, 1996. S. 21, 22). Из этой схемы следует вывод о важнейшей для древностей эстиев группе артефактов из массива местного археологического материала – о фибулах с подвязной ножкой (Fibeln mit umgschlagene Fuß). Занимая ключевое место в хронологии Янтарного края римской эпохи, эти находки не получили достойного освещения в работах единственного к настоящему времени специалиста по этим древностям В. Новаковского, как, впрочем, и других коллег. Восполнить этот пробел призвана предлагаемая статья, в которой использованы 40 адекватно документированных комплексов погребального инвентаря СНГ с подвязными фибулами.

Фибулы, являющиеся предметом нашего изучения, составляют отдел "застежек с подвязной ножкой", распадаясь, согласно определения А.К. Амброза, на подотделы "одночленные" (корпус фибулы и ее игла изготовлены из одного куска металлического дрота, тетива, как правило – "верхняя" = obere Sehne) и "двучленные" (корпус и игла – из различных кусков дрота или проволоки, тетива – "нижняя" = untere Sehne) (Амброз, 1966. С. 10).

Одночленные фибулы варианта Амброз 1, непосредственно продолжающие в Восточной Европе в I в. н.э. латенские традиции (Амброз, 1966. С. 48), на памятниках археологии Юго-Восточной Балтии римского времени отсутствуют. В указанном ареале представлены поздний вариант 2 застежек AVI, 158 среднеевропейской серии (рис. 1), отнесенный А.К. Амброзом к III–IV вв. н.э. (Амброз, 1966. С. 59). Инвентарь, встреченный в погребальных комплексах Юго-Восточной Балтии с такими фибулами, позволяет расширить рамки их бытования от около 250 г. до около 400 г. н.э. (Кулаков, 1998. С. 42). Незначительное число



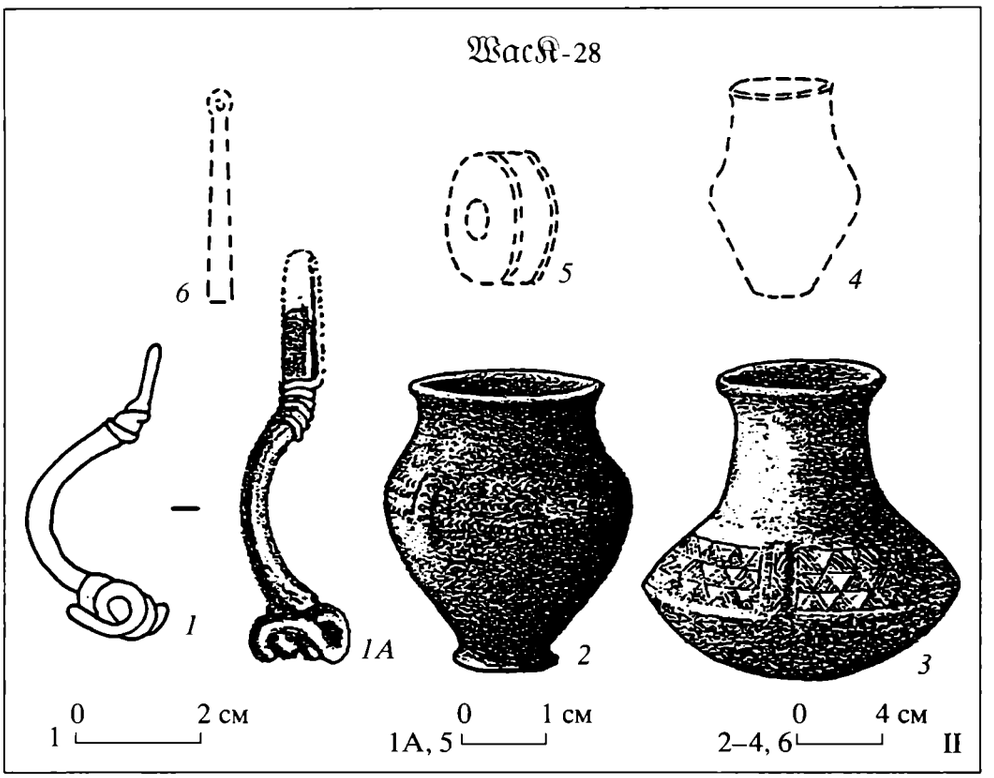


Рис. 1. Наборы инвентаря с подвязными одночленными фибулами: I – A-67 (КРМ (трупосожжение) под плоским камнем) – бронзовые фибулы и пряжка (Grunert, 1935. S. 38); II – Wack-28: *1*, *1a* – бронзовая фибула; *2–4* – сосуды-приставки; *5* – янтарная бусина; *6* – кресало (часть предметов известна лишь по описанию – Tischler, Kemke, 1902. S. 39).

(не более 5 экз.) таких застежек в документированных наборах погребального инвентаря, казалось бы, ставит под сомнение тезис о генезисе на их основе двучленных прогнутых подвязных фибул (по А.К. Амброзу, именно к этой подгруппе относится основной массив подвязных фибул в Восточной Европе римского времени), высказанный классиком изучения фибул в отечественной археологии. Этот тезис звучит так: "Наиболее близки им (т.е., подвязным фибулам серии I" с коленчато изогнутой спинкой – *В.К.*) одночленные прогнутые фибулы (имеются в виду артефакты I в. н.э. – *В.К.*). Ареалы тех и других совпадали лишь в области древних пруссов..., где и следует предполагать место возникновения двучленных прогнутых подвязных фибул с узкой ножкой" (Амброз, 1966. С. 62). К сожалению, именно I в. н.э. является в Юго-Восточной Балтии частью хиатуса в распространении одночленных фибул между позднелатенской и позднеримской эпохами. Современные западноевропейские коллеги не видят в ареале эстиев родины для подвязных

двучленных фибул (впрочем, как и в любом другом регионе Европы раннеримского времени – Godłowski, 1994. S. 484). Кажущаяся очевидной справедливая осторожность К. Годловского, ставящего под сомнение вывод А.К. Амброза, теряет свой пафос в свете находок подвязных фибул в историческом регионе Альтмарк (земля Мекленбург-Форпоммерн, Германия). Эти находки представляют собой "варварские" версии провинциально-римских фибул группы AV. Такие подражания обозначены О. Альмгреном в качестве типа AVI, 181, существует и версия в виде лучковой конструкции фибулы – тип AVI, 157. Главное отличие этих фибул от своих римских прототипов – замена паяного пластинчатого иглоприемника на подвязной. Такая его форма представляет собой загнутую под острым углом нижнюю часть ножки, прикрепленную к ее среднему сектору при помощи проволочной (первоначально – напаянной на иглоприемник) оконечности загибаемой части ножки. Этот акт не является результатом генетического развития идеи подвязных фибул в "варварской" среде, как считали А.К. Амброз, К. Годловский и другие, а представляет собой подлинный прорыв в технологии, применявшейся германскими мастерами на ранней фазе позднеримского времени. Появление подобных форм фибул в центральной части Babaricum, согласно находкам в Альтмарке, а также в Тюрингии и на Ютланде, относится к концу фазы C_{1a} (по У. Лунд Хансен, C_{1a} – 200–225 гг.), т.е. – незадолго до 250 г. н.э. (Schuster, 1995. S. 108). Подобного рода фибулы с широкой ножкой известны в ареале эстиев лишь на могильнике бывш. Grebieten (Самбия) (Nowakowski, 1996. Taf. 37, *3*), зато весьма распространены в Центральной и Южной Литве в будущем племенном ареале жемайтов). Этот тип – один из самых популярных у балтов в рамках массива подвязных фибул. Правда, в литовском материале он датируется не ранее V в. н.э. (Tautavičius, 1996. P. 198), хронологически не стыкуясь с находками из Альтмарка, Тюрингии и Ютланда. Таким образом, вариант прямого "импорта" подвязных фибул типа AVI, 181 для Балтии не актуален. Однако факт наличия в этом регионе Европы в материальной культуре римского времени большого количества подвязных двучленных фибул и приведенный выше тезис А.К. Амброза о генезисе этого рода застежек именно в Янтарном крае требуют объяснений.

Прежде всего необходимо выяснить наиболее ранний для Балтии вариант подвязных двучленных фибул. К числу таких находок относится фибула (судя по описанию – 1 или 2 вариант I серии двучленных застежек по А.К. Амброзу) из погр. 34 могильника Остружа (Варминьско-Мазурское воев.), которое, по найденным в нем фибулам-дериватам типа AII, 41, можно отнести к фазам B_{1b}–B_2 (Кулаков, 1998. С. 43). Крайне много-

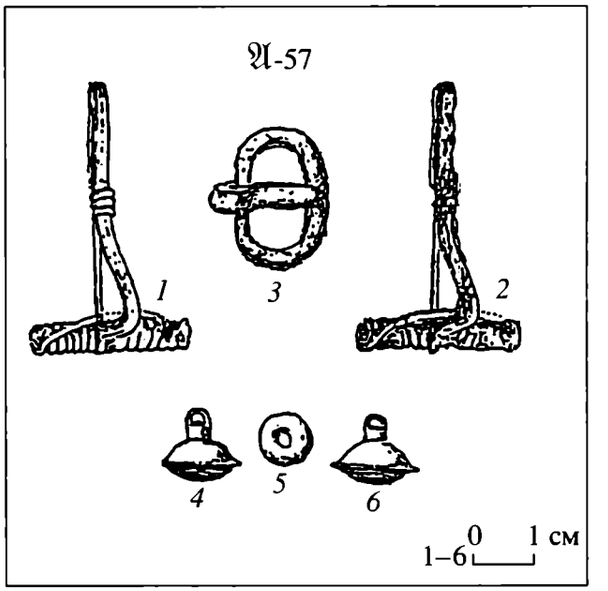


Рис. 2. Пара железных подвязных двучленных фибул (*1*, *2*); с железной пряжкой (*3*); железными бубенчиками (*4*, *6*) и голубой стеклянной бусиной в безурновой КРМ A-57 (Grunert, 1935. S. 39. Abb. 55).

численные в позднеримское время такие фибулы присущи как мужским, так и женским комплексам (рис. 2). По своим общим очертаниям они копируют провинциально-римские фибулы группы V, в целом отнесенной У. Лунд Хансен к фазе B_2 (Lund Hansen, 1987. S. 39). Даже перегиб спинки этих фибул (особенно четко выраженный в типах AV, 136–137) в своей верхней трети имитирован подвязными фибулами Янтарного края. Логичен вывод о том, что мастера этого региона, как и их коллеги на Ютланде и в некоторых других пунктах Germania Libera, копировали фибулы наиболее популярной у "варваров" на фазе B_2 группы V. Правда, если у жителей Германии получились в результате этой акции подвязные фибулы типа AVI, 181, то у обитателей Янтарного края итогом их творчества стали фибулы типа AVI, 162, в археологической литературе именуемые арбалетовидными. Такие железные застежки в среде носителей пшеворской культуры появляются на фазе C_{1a} (Nowakowski, 1995. S. 30). Если именно этот ареал, а не Янтарный край является, как показывает уточненная карта распространения подвязных фибул, основной их территорией в европейском Barbaricum одночленных фибул (рис. 3, I), то двучленные застежки самое мощное скопление имеют в низовьях Вислы и на Самбии (т.е. – в ареале вельбарской культуры и СНГ – рис. 3, II).

Главное отличие западнобалтских и пшеворских фибул от застежек типа AVI,181 – не пластинчатая широкая, а дротовая спинка миндалевидного или даже прямоугольного сечения. Такие фибулы, пройдя долгий путь развития, доживают в форме застежек подтипа K4 до начала VIII в. (Кулаков, 1990. С. 151, 152). На пороге средневе-

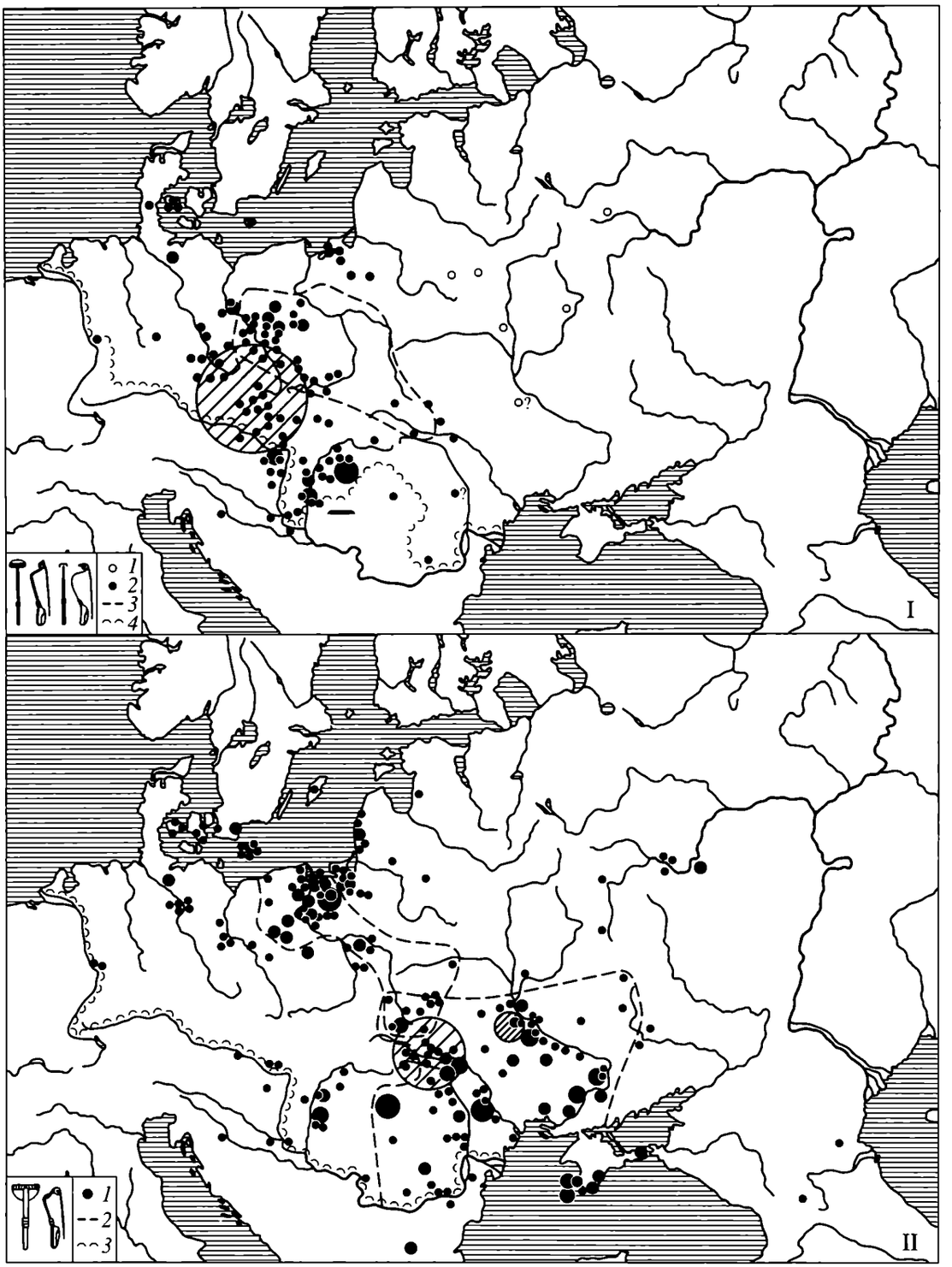


Рис. 3. Подвязные фибулы в Barbaricum: I – находки одночленных фибул с узкой ножкой (*1* – верхнеднепровская серия; *2* – среднеднепровская серия; *3* – граница пшеворского ареала; *4* – римский лимес в III в. н.э.); II – находки двучленных фибул серии AI (*1*) в вельбарском и черняховском ареалах (*2*) к северо-востоку от римского лимеса IV в. (*3*) (Амброз, 1966. Табл. 23 с добавлениями автора).

ковья предки позднейших жемайтов имитировали фибулами с подвязной ножкой мазурские арбалетовидные фибулы подтипа K3 (Vaitkunskienė, 1995. 171 pav., *1*). Как показывает опыт, производство арбалетовидных фибул с подвязной ножкой не требует особых профессиональных навыков и нуждается лишь в наличии бронзовых дротов и проволоки. Именно эти застежки стали в Балтии в конце IV–V в. н.э. прототипами для распространившихся по всему Barbaricum арбалетовидных фибул с литым иглоприемником. Переходную форму застежек H. Оберг нашел в материалах могильника Warengen, Kr. Samland (Зеленоградский р-н) (Åberg, 1919. S. 54, 55. Abb. 50).

Гораздо сложнее выглядит проблема генезиса и развития подвязных фибул с кольцевой гарнитурой (Fibeln mit Ringgarnitur = RG). Их ведущие признаки – кольца из рифленой проволоки, украшающие ножку фибулы, и декоративная "кнопка" в точке соединения ножки и пружины, объединяют такие артефакты с фибулами типа AVII, 211. Вслед за Н. Обергом А.К. Амброз считает эти застежки принадлежностью в основном Балтии, где они, по его мнению, появляются в III в. н.э. (Амброз, 1966. С. 67). К. Годловский относит появление таких фибул типа AVII, 211 в западнобалтском и вельбарском ареалах к фазе C_{1b} (около 250 г. н.э.). Эти застежки, отличительной особенностью которых является высокий паяный пластинчатый иглоприемник, производятся в упомянутых ареалах, а также на пшеворской территории до фазы C_2 (Godłowski, 1994. S. 485). Данные фибулы являются упрощенным дериватом сильно профилированных застежек типа AIV, 74 (фаза B_2 – Lund Hansen, 1987. S. 39). Правда, если корпус этих фибул в соответствии с традициями мастеров римских провинций набирался из отдельных деталей, по центру ножки соединявшихся изящной дисковидной муфтой, то фибулы AVII, 211 лишь имитируют эту сложную конструкцию. Их ножка обернута одним или несколькими кольцами из рифленой проволоки. Реципиенту, видимо, этого было достаточно для создания у него имиджа "настоящей" провинциально-римской фибулы. Можно лишь догадываться о местах производства этой "контрофактной продукции", но связь ее авторов с лимесом очевидна в их производственных приемах. Кроме упомянутых выше, двучастные неорнаментированные фибулы с подогнутой ножкой встречены в Eis-24, Palwe-1k, Detlevsruh-12.

Появление фибул типа AVII, 211 по времени совпало с расширением сбыта торговой продукции Рима в "варварской" среде и, согласно законам рынка, падением ее качества (Ростовцев, 2000. С. 168). Начало в 251 г. н.э. Готских войн и усложнение боевой обстановки на южных участках Великого Янтарного пути прервало уже ставший привычным для германцев поток провинциально-римских товаров из восточной части Империи. Привычка к их употреблению уже давно укоренилась в Germania Libera и поэтому во второй половине III в. н.э. остро встала проблема "эрзац-продукции" (der Ersatz – "заменитель", "суррогат") по римским мотивам. Проблема суррогирования (в сущности – подделки) римского "ширпотреба" встала перед ориентированными на "варваров" мастерами еще в конце II в. н.э. после ряда торговых ограничений, введенных Империей после Маркоманнских войн (Колосовская, 2000. С. 116). Этот подлинный поворот в развитии материальной культуры Barbaricum, происшедший между 180 г. и около 260 г. н.э., особенно ярко виден на примере судеб фибул типа AVII, 211.

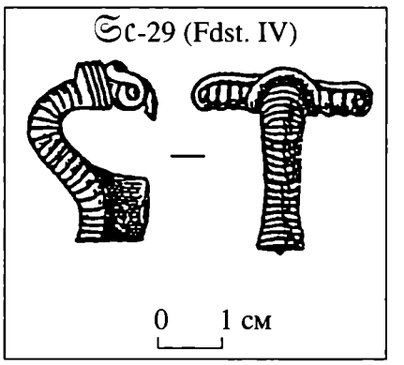


Рис. 4. Бронзовая (?) фибула типа AV, 123 из "кургана" Sc-29 (Nowakowski, 1996. Taf. 91, *15*).

Возвращаясь с балканского театра Готских войн, мигрирующие группы носителей пшеворской культуры могли принести на границы Янтарного края комплекс приемов изготовления "сарматских" (по устоявшейся в Польше терминологии) фибул с проволочной гарнитурой, восходящих к фибулам "лебяжьинской серии" (по А.К. Амброзу). Бродячие группы мастеров из Паннонии и Дакии распространяли их прототипы на север (Мончыньська, 1999. С. 90), вниз по течению Вислы (т.е. – по Великому Янтарному пути). В результате на Янтарном берегу началось производство их дериватов AVI, 167 с подогнутой ножкой. Промежуточной формой между провинциально-римскими изделиями и двучленными фибулами являются находки из могильника Pruszcz Gdański (Andrzejowski, 1992. P. 163, 164; Pl. 5, *g*) – проволочные фибулы типа AIV, 81, изготовленные, видимо, еще до Готских войн, на фазе C_{1a}. Такие артефакты были продукцией местных "варварских" умельцев и явились следствием вещевого "голода" после упомянутого выше ограничения торговли с Римом после Маркоманнских войн. Этот "голод" мог подтолкнуть часть готогепидов к поискам новых контактов с античным миром, приведшим к Готским войнам на Балканах. Показателен факт воссоздания провинциально-римскими мастерами таких "эрзац-продуктов" (в Янтарном крае – тип AV, 123 – рис. 4). Такие артефакты редки в Янтарном крае, как, впрочем, и собственно фибулы типа AVII, 211 (рис. 5) и их дериваты (рис. 6). Этого нельзя сказать об их дериватах с подогнутой ножкой, ставшей своеобразным trade mark для мастерских Янтарного края позднеримского времени, как это видно из числа находок таких фибул в Юго-Восточной Балтии (рис. 7). При их производстве применялся метод подвязывания ножки для устройства иглоприемника, уже освоенный на Янтарном берегу в случае с фибулами типа AVI, 162.

Являющиеся "варварской" модификацией фибул типов AIV, 81 и AVII, 211, упомянутые застежки, сведенные Н. Обергом в тип Å2 (рис. 8),

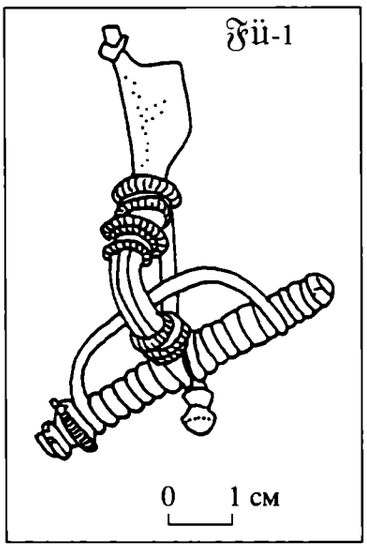


Рис. 5. Бронзовая фибула типа AVII, 211 из Fь-1 (КРМ в виде группы костей), найденная вместе с: бронзовой иглой, железным шилом, глиняным пряслицем, стеклянной бусиной, монетой Траяна (98–117 гг. н.э.). Ниже КРМ – костяк коня с трехчастными удилами (Kemke, 1901. S. 93).

который он датировал второй половиной III в. н.э. (Åberg, 1919. S. 13), далеки от высококачественной продукции самбийских мастеров фаз B_1–B_2. Застежки типа AVI, 167, украшенные кольцевой гарнитурой (Ringgarnitur-Stil = RG, в сущности – стиль проволочного декора) – ведущий признак как древностей Самбии фаз C_1–C_2 и остального ареала СНГ, так и синхронной цецельской фазы вельбарской культуры. В ее регион, как впрочем и на правый берег р. Неман, фибулы RG поступали из Самбии (Åberg, 1919. S. 13). Детали "вельбарского" женского убора III в. н.э. резко отличаются от элементов устройства костюма более ранней любовидзской фазы и состоят из пары фибул, незначительного количества стеклянных, бронзовых или янтарных бусин. Бусинное ожерелье дополняли железные бубенчики, на фазе C_2 сменяемые ведерковидными подвесками. Интересно отметить, что набор украшений, убедительно связываемый с готской традицией, складывается позднее и вдали от Балтии – на территории черняховской культуры (Tempelmann-Mączyńska, 1989. S. 223). Упомянутые выше фибулы типа AVI, 167 представлены в погребениях Самбии по одиночке и входят в состав мужских комплексов. Terminus post quem для таких находок служат на могильниках Самбии римские монеты: Адриан (117–138 гг. н.э.) – погр. 46a Dollkeim (Bolin, 1926. S. 211); Фаустина Мл. (до 175 г. н.э.) – в погр. 128 Greibau, (Bolin, 1926. S. 213). Во многих случаях римские монеты не читаемы, но, будучи для СНГ устойчивым хроноиндикатором, своим присутствием они датируют комплексы фазами C_1–C_2 (Витязь и др., 2000. С. 14). Кроме того, фибулы типа AVI, 167 коррелируют в могилах с перекладчатыми фибулами (*D*o-48 – Tischler, Kemke, 1902. Taf. III, *17*; II, *14*, *15*; Grei-21 – Ibid. S. 26). Такие перекладчатые (в том числе – "мазурские") фибулы используются носителями западнобалтской культуры на фазах B_2/C_1–C_1 (Кулаков, 2001. Рис. 2). Кроме упомянутых выше, фибулы типа E3 встречены в *D*o-254, *D*o-258, *D*o-299, *D*o-260, *D*o-303, *D*o-306.

В завершении необходимо отметить то, что в материалах Янтарного берега представлены застежки типа AVI, 168 (рис. 9 – в Gru-II с монетой Траяна), на которых кольцевая (точнее – спиральная) гарнитура представлена лишь в центре ножки и является по сути продолжением проволочного конца, крепящего к ножке иглоприемник. В сущности, эти фибулы составляют примерно треть в том массиве из 40 подвязных застежек, которые к настоящему времени известны в адекватно документированных погребальных комплексах Юго-Восточной Балтии. Вместе с фибулами типа AVI, 168 в древностях эстиев присутствуют так называемые "большие арбалетовидные фибулы" типа Å2 (рис. 8) с кольцевой гарнитурой (=grosse ABF, рис. 9), примерно в 1.2–1.5 раза превышающие средний размер длины фибулы типа AVI, 168 (сравни фибулы на рис. 9 и 10).

До сих пор остается открытым вопрос о генезисе и развитии упрощенных фибул RG (типы AVI, 168 и Å3). В. Новаковский, как и О. Тишлер, и Г. Кемке, из массива застежек выделяет лишь "большие арбалетовидные фибулы" (grosse ABF – тип Å3), датируя их 350–400 гг. (Nowakowski, 1996. S. 19). Об их происхождении польский коллега (как, впрочем, и другие современные археологи) сообщает лишь (вслед за О. Альмгреном) об их принадлежности к "прусскому варианту" арбалетовидных фибул групп AVI и AVII. Упомянутые выше фибулы типа AVI, 168 (Å2) А.З. Таутавичюс разбивает на литовском материале на группы I–III и датирует их IV–началом V в. (Tautavičius, 1996. B. 195). Ведущий стилистический признак "больших арбалетовидных фибул" – кольца из рифленой проволоки, стянутые вокруг корпуса фибулы – связывается с ранней вельбарской стилистикой на S-видных держателях ожерелий, в элементах декоров "змеевидных" браслетов и на прочих украшениях (по В. Новаковскому – Lubowidz-Stil, точнее следует именовать Ringgarnitur-Stil) раннеримского времени и, якобы, появляется на Самбии "... из Восточного Поморья и области Вислинской дельты, а также весьма отдаленного сарматского ареала" (Nowakowski, 1996. S. 57). На самом деле материалы Самбии и остальных могильников эстиев показывают на то, что фибулы вида RG являются местным продолжением развития линии фибул типов AIV, 74, AIV, 81 и AVII, 211 (тип Å2). Картографирование мест находок фибул вида "с кольцевой гарниту-

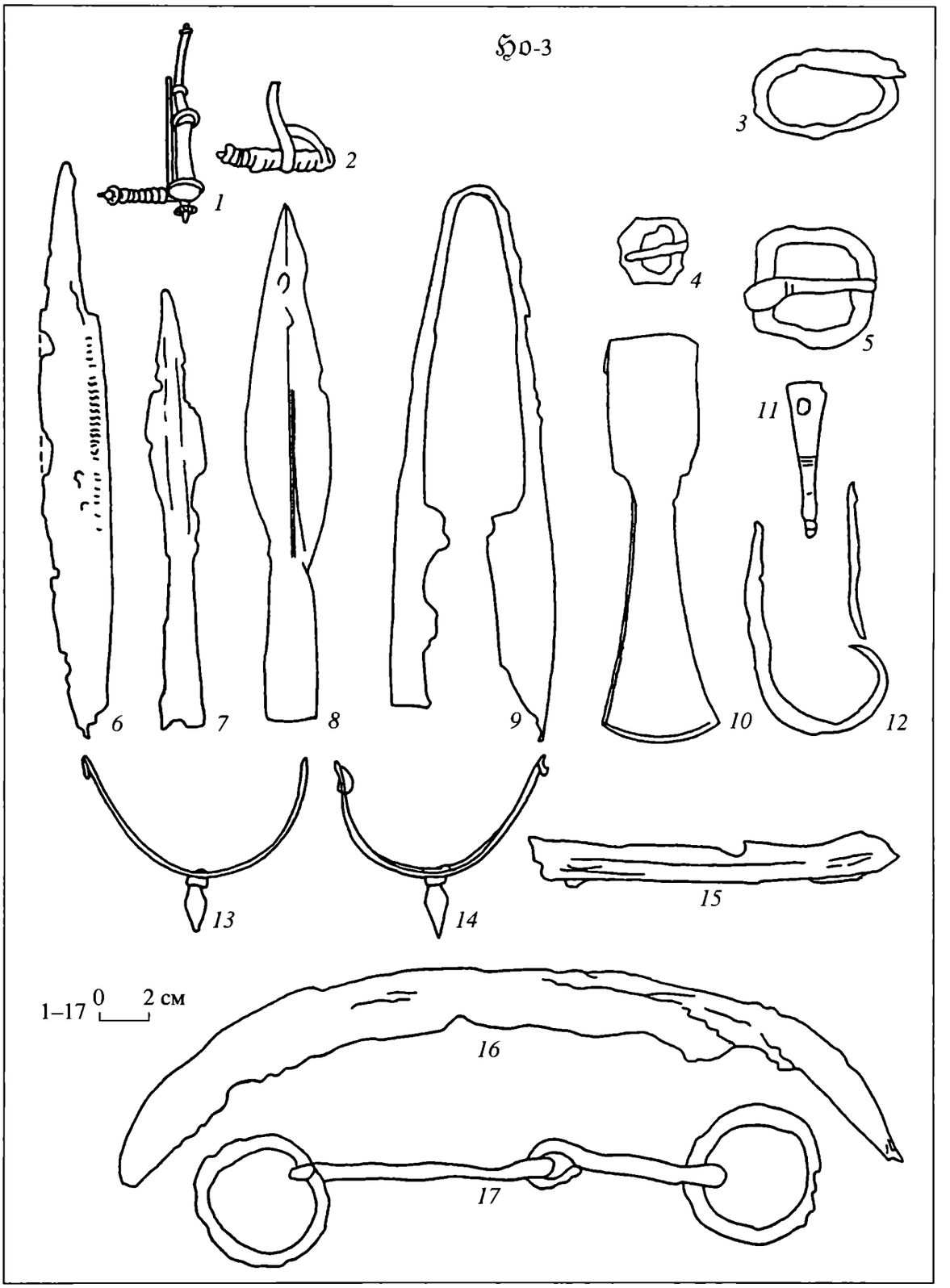


Рис. 6. Дериват фибулы типа AVII, 211 (*1*) в Но-3 (безурновая КРМ, окруженная кругом из камней) вместе с: фрагментом железной фибулы (*2*), железными пряжками (*3–5*), боевым ножом (*6*), наконечниками дротика (*7*) и копья (*8*), ножницами (*9*), проушным топором (*10*), железным наконечником ремня (*11*), скребницей (*12*), железными шпорами (*13*, *14*), куском окалины от рукояти щита (*15*), косой (*16*), удилами (*17*) (Ehrlich, 1939. S. 24, 25. Abb. 3).

рой" в Юго-Восточной Балтии (рис. 8) уверенно указывает на Самбию как на исходный микрорегион распространения этих артефактов (Åberg, 1919. Karte I, Fibel Typus Abb. 1, 2). Одновременно с бытованием в Юго-Восточной Балтии фибул типа AVII, 211 начинают создаваться их упрощенные реплики, причем эти фибулы коррелируются в погребениях. Например, этот феномен отмечен

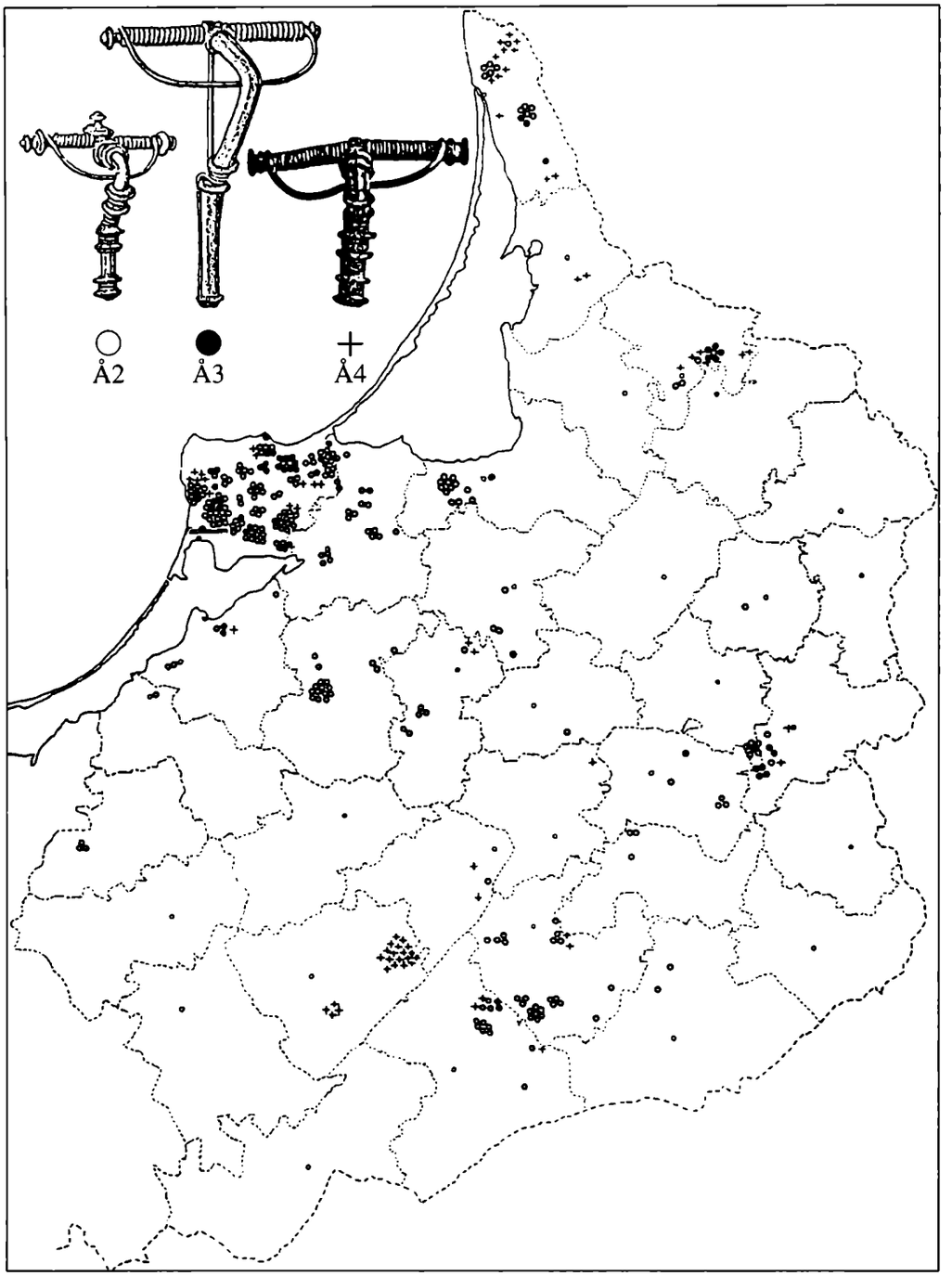
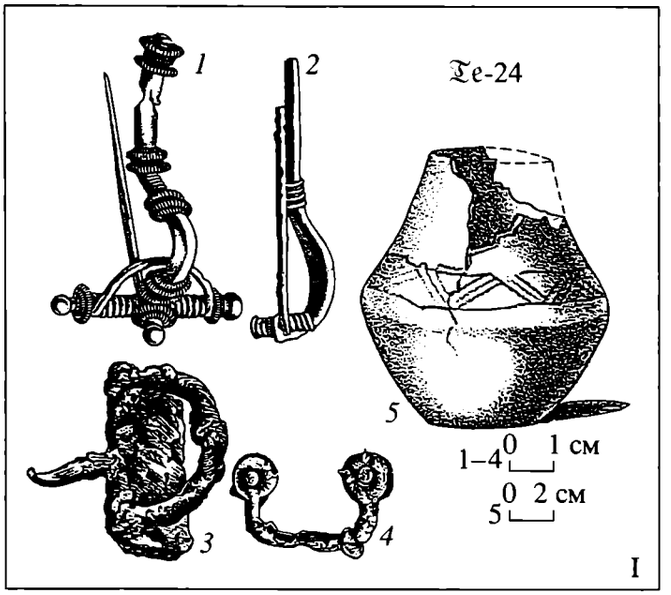


Рис. 7. Фибулы типов Å2, Å3 и Å4 в Юго-Восточной Балтии (Åberg, 1919. Karte I).

в *Do*-46^b – *урновая КРМ* под каменной кладкой. Инвентарь: бронзовые – фибула типа "grosse ABF", фибула с кольцевой гарнитурой типа AVI, 167, железная пластинчатая шпора типа Swajcaria, умбон щита типа Chorula, рукоять щита, широкий нож (по О. Тишлеру – "konvex"), урна, коса, железный крюк и прочие находки (Tischler, Kemke, 1902. S. 20). *Do*-46^b содержит, судя по набору вещей, останки мужчины-воина и датируется по фибулам в пределах 300–400 гг. н.э. Обнаруженный в *Do*-46^b умбон щита относится к этапам B_2–C_2 и позволяет датировать *Do*-46^b временем никак не позднее 290 г. (Kazanski, 1994. P. 437).

Кроме упомянутых фибул с упрощенной версией RG, такие артефакты встречены в *Do*-59, *Do*-251, *Do*-254, Re-28 (a).

Итак, к концу III в. н.э. следует считать завершимся в Янтарном крае сложение не только устойчивых признаков фибул типа AVI, 167, но и застежек grosse ABF. Приведенные в статье примеры показывают быстрое, почти спонтанное возникновение этих престижных типов застежек плащей на протяжении всего нескольких десятилетий второй половины III в. н.э. при продолжающемся использовании (для крепления ворота рубахи)



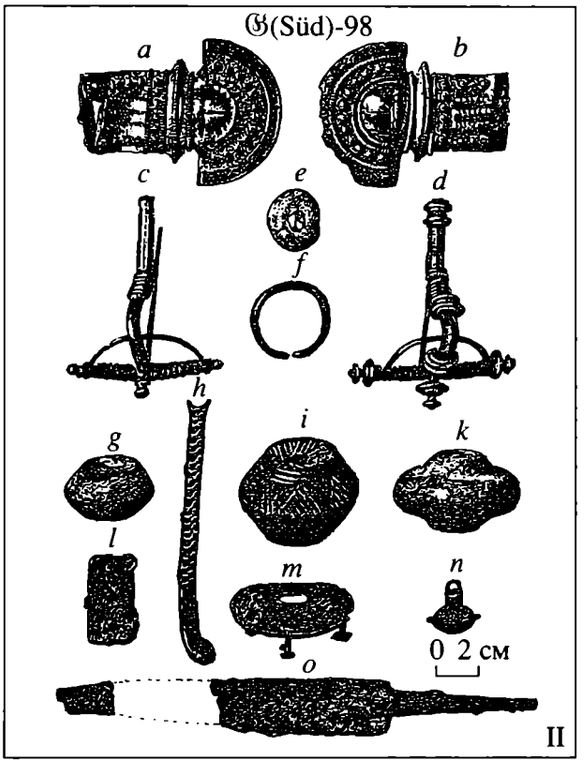
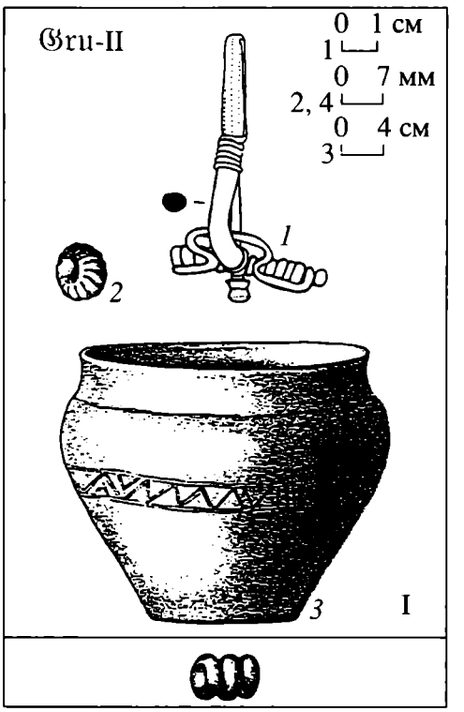


Рис. 8. Наборы инвентаря с фибулами типа AVI, 167: I – Te-24 (КРМ в виде группы костей): *1* – бронзовая и *2* – железная фибулы, *3* – железная пряжка, *4* – железная поясная скоба, *5* – "временная урна" (Berendt, 1874. S. 12, 13); II – G(Süd)-98: *a*, *b* – обломки серебряного брслета, *c* – бронзовая фибула, *d* – бронзовая фибула с серебряными кольцами, *e* – бусина зеленого стекла, *f* – бронзовое кольцо; *g*, *i*, *k* – пряслица; *h* – бронзовый наконечник ремня; *l*, *m* – накладки; *o* – обломки ножа (Heydeck, 1888. Taf. VII).



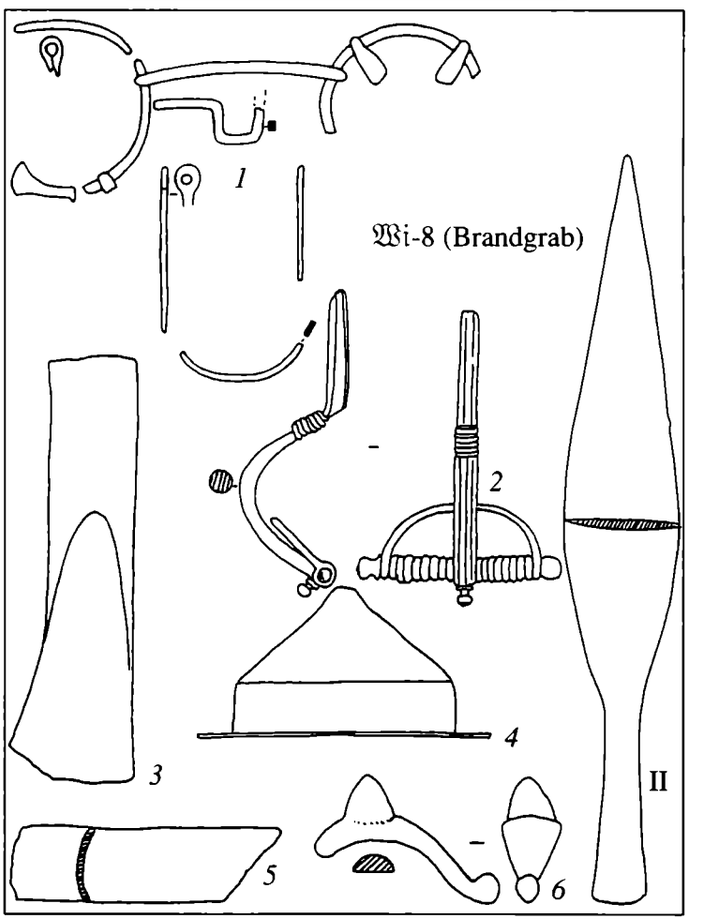


Рис. 9. Наборы инвентаря с фибулами типа AVI, 168: I – Gru-II (урновая КРМ): *1* – бронзовая фибула, *2* – бусина коричневого стекла (найденная вместе с остальными четырьмя стеклянными и двумя янтарными бусинами), *3* – урна (1 – Günther, Voss, 1880. Taf. 9. № 394). II – Wi-8 (урновая РМ): *1* – части удил и дуги оголовья типа Vimose; *2* – бронзовая фибула; *3* – втульчатый топор; *4* – умбон щита типа J5b; *5* – железная пластина; *6* – фрагмент железной шпоры типа Godłowski II (Raddatz, 1992/93. Abb. 20).

скромных по виду двучастных фибул. В куршской части западнобалтского ареала застежки grosse ABF и даже двучастные фибулы с Г-образно изогнутой спинкой доживают, судя по комплексам на могильнике Жвиляй (Клайпедский р-н, Литва) до IV–середины V в. н.э. (Astrauskas et al., 1999. 9,

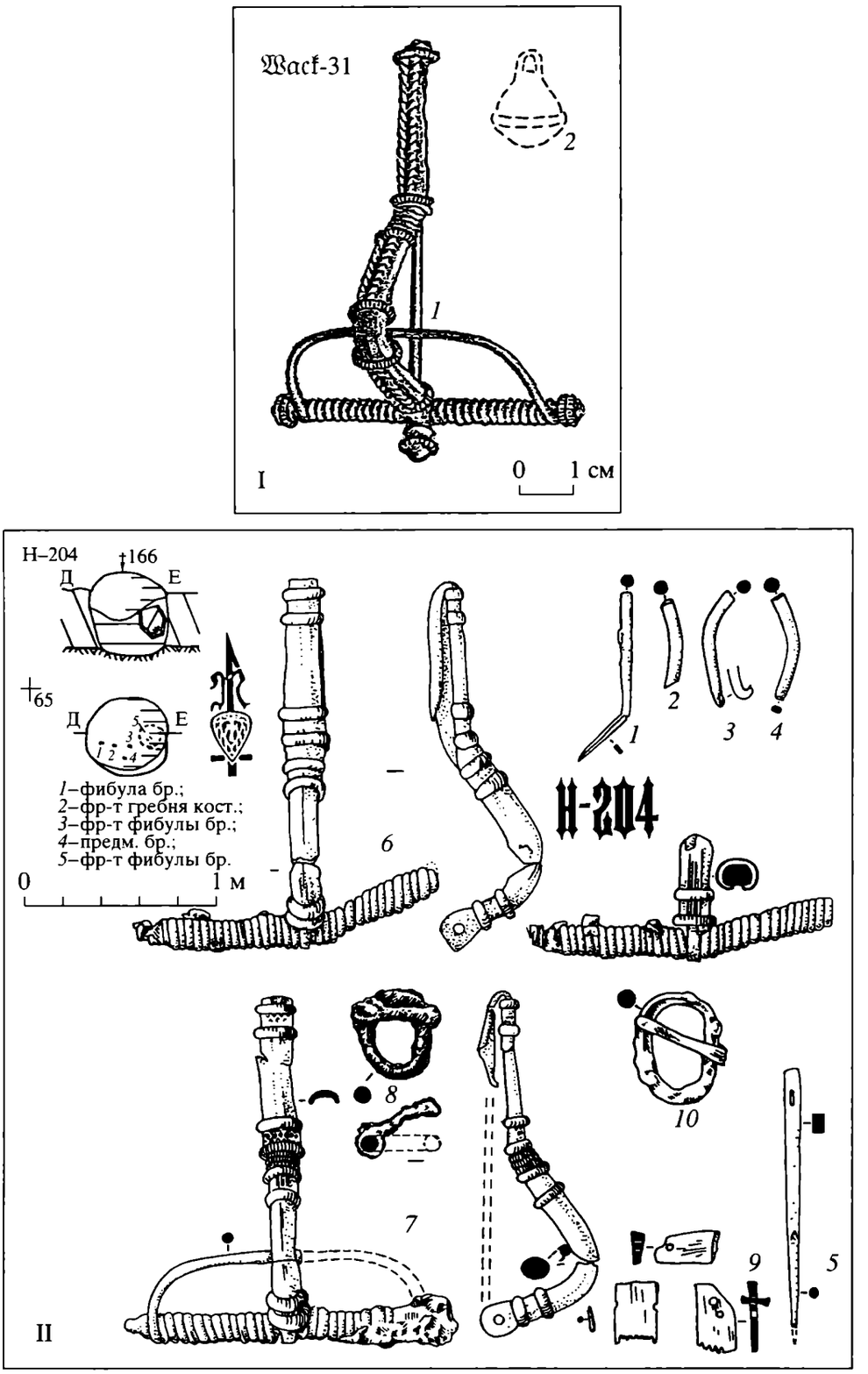


Рис. 10. Наборы инвентаря с фибулами типа Å3: I Wack-31 (урновая КРМ): *1* – бронзовая фибула с серебряными кольцами; *2* – железный бубенчик, железная пряжка (Tischler, Kemke, 1902. S. 40); II – Н-204 (урновая КРМ): *1–4* – фрагменты бронзового стержня; *5* – бронзовая игла; *6*, *7* – сломанные в древности бронзовые фибулы; *8*, *10* – железные пряжки; *9* – обломки костяного гребня с железной заклепкой (Кулаков, 1992).

10 pav. P. 137). В V в. поздние модификации фибул grosse ABF начинают по путям торговых контактов поступать на северо-восток от Янтарного края и Литвы – к балтам бассейна р. Даугавы и к южноэстонским племенам (Аун, 1985. С. 78).

Особое место в процессе исследования арбалетовидных фибул Балтии занимает вопрос о фибулах типа AVII, 212 и AVII, 216, 217 (fibulae monstruosi), генетически связанных с застежками типа AVII, 211. Вслед за Й. Вернером констатировав

их северное (точнее – ютландское) происхождение, К. Годловский датировал их появление фазой C_{1b} и связал их распространение в Barbaricum с молдавским сектором черняховского ареала (Godłowski, 1994. S. 485). Действительно, их высокий паяный иглоприемник характерен для стилистики древностей западных берегов Балтики позднеримского времени. Этот иглоприемник в ряде случаев украшался плакированной серебром бронзовой накладкой в форме вытянутого овала. Она представлена на двух фибулах monstruosa из Янтарного края (Gru-D, G(Nord)-177, находка 2000 г. на могильнике Lauth). Такая накладка присутствует на одной из фибул, хранящейся в фондах Каунасского музея, и считается скандинавским импортом фазы C_2 (Mihelbertas, 2000. S. 65). Однако до сих пор не обращалось внимание на то, что генезис этой овальной накладки прослеживается на фибулах-прототипах застежек типа E3, на которых лицевая сторона иглоприемника обретает сначала вполне конструктивное вертикальное ребро, вскоре приобретающее сугубо декоративную функцию. Такие артефакты представлены в материалах могильников Kirpehnen (Nowakowski, 1996, Taf. 84.1), Eisliethen-194 (Nowakowski, 1996, Taf. 53.1), Eisliethen-261 (Кулаков, 1998. Рис. 5), Greibau-150 (Jentzsch, 1896, Taf. II, *10*).

Вряд ли феномен случаен. Напротив, эта связь признаков между фибулами Янтарного края и Ютланда в начале фазы *C* является независимым подтверждением важной роли ареала эстиев, являвшегося ключевым пунктом "рокады варваров", возникшей на восточных окраинах Barbaricum после Маркоманнских войн. Как и остальные элитные "трофеи", фибулы monstruosa являлись в озерных святилищах Ютланда подношением множества племен, живших далеко от этого священного для каждого германца комплекса святилищ (Kulakov, 2001. S. 53). Можно предположить, что некоторые из этих роскошных затежек были изготовлены мастерами, хорошо знакомыми с деталями материальной культуры Янтарного края. На этой части балтийского побережья известна находка (к сожалению – единственная) фибулы, которую можно с некоторой долей уверенности обозначить как местный вариант monstruosa (Åberg, 1919. Abb. 10).

На исходе римской эпохи проволочное крепление подвязной ножки в центральной части корпуса фибулы grosse ABF западные балты модифицируют в серебряную накладку с фасетированным узором, нередко фибула обретает литой иглоприемник. Правда, эта мутация, приведшая к появлению арбалетовидных фибул вар. 3в1 (тип Å4) (Кулаков, 1990. С. 152, 153), на завершающем этапе эпохи переселения народов прежде всего характерна не для прусской культуры, а для мазурской культурной группы и для древностей дельты р. Неман.

Таковы этапы генезиса и развития подвязных фибул в Юго-Восточной Балтии во II–IV вв. н.э. Суммировать выводы, полученные при анализе данного разряда находок, можно следующим образом:

1. Одночленные фибулы варианта Амброз 1, непосредственно продолжающие в Восточной Европе в I в. н.э. латенские традиции, на памятниках археологии Юго-Восточной Балтии римского времени отсутствуют. Имеющиеся здесь находки артефактов позднего варианта 2 застежек AVI, 158 (среднеевропейская серия), отнесенного А.К. Амброзом к III–IV вв. н.э., не позволяют поддержать гипотезу этого выдающегося исследователя древностей Восточной Европы о сложении в земле эстиев двучленных фибул на базе одночленных в I–II вв. н.э.

2. Двучленные застежки появляются в Юго-Восточной Балтии, судя по находке из Остроуды, на фазах B_{1b}–B_2. По своим общим очертаниям они копируют провинциально-римские фибулы группы V (фаза B_2). Мастера этого региона, как и их коллеги на Ютланде и в некоторых других пунктах Germania Libera, копировали фибулы наиболее популярной у "варваров" на фазе B_2 группы V. Правда, учитывая активные связи южных скандинавов и эстиев по "рокаде варваров" во II–III вв., возможна прямая передача приемов изготовления подвязных фибул с западных берегов Балтии или из германских ареалов Поморья на Янтарный берег. В этом нет ничего удивительного, ибо "общность обычаев" германцев и эстиев отмечал в самом начале новой эры Тацит (Дини, 2002. С. 60). Считается, что скандинавский этно-культурный импульс отражен в бытовании в западнобалтском ареале каменных кругов и "стел". Они характерны для вельбарской культуры цецельской фазы и распространяются на этапе B_2/C_1 из вельбарского ареала через р. Пасленку (Passarge-Fluß) на восток, в землю эстиев (Bohnsack, 1940. S. 23–25). Ранее прямые указания на возможность восточно-готского "пришествия" на Янтарный берег этим и ограничивались. Теперь, возможно, поддержку этой версии событий можно найти в тенденции распространении подвязных фибул с запада на восток. Эти находки и каменные круги, "памятные камни" появляются на памятниках Западной Самбии и в низовьях р. Висла одновременно, примерно в 170–200 гг., обозначая для последнего региона формирование цецельской фазы вельбарской культуры, когда "начинается большая экспансия вельбарской культуры в юго-восточном направлении" (Кухаренко, 1980. С. 64).

3. Распространение на северо-востоке Barbaricum между 180 г. и около 260 г. н.э. "суррогатов" провинциально-римской продукции вызвало к жизни, в частности, фибулы типа AVII, 211. Бродячие

группы мастеров из Паннонии и Дакии распространяли эти изделия и прочие артефакты с проволочной гарнитурой на север от восточной части лимеса, по Великому Янтарному пути. В результате на Янтарном берегу началось производство дериватов фибулы типа AVII, 211 – застежек типа AVI, 167 с подогнутой ножкой.

4. Застежки типа AVI, 167, украшенные кольцевой гарнитурой – ведущий признак как древностей Самбии фаз C_1–C_2 и остального ареала СНГ, так и синхронной цецельской фазы вельбарской культуры. В некоторых погребениях они взаимовстречаются с "ординарными" арбалетовидными фибулами, в иных комплексах – с фибулами ABF. Независимо от социальной трактовки таких комплексов, эта особенность показывает на относительно краткий (в пределах одного-двух поколений в ходе III в. н.э.) период возникновения и становления всех трех упомянутых выше родственных видов фибул.

Относящиеся к цецельской фазе вельбарской культуры детали женского убора резко отличаются от элементов устройства костюма любовидзской фазы и вдали от Балтики, в черняховском ареале связываются с готской традицией. Надо полагать, появление такого женского убора на Янтарном берегу с фибулами типа AVI, 167 также не находится в стороне от готских традиций (правда – явно с региональным оттенком). Не исключено то, что эта археологическая реалия отражает результат процесса распространения к 366 г. н.э. влияния "готской державы" на жителей Янтарного края, которое "приписывают не столько победам, сколько благоразумию Германариха" (Гиббон, 1998. С. 91). Разумеется, никто не может подтвердить столь радикальную форму развития контактов готов (чье этническое единство не бесспорно) и эстиев. Однако их этно-культурная близость в начале нашей эры (Колосовская, 2000. С. 31) позволяет полагать легкость культурных контактов и заимствований между подданными Балтов и Амалов и эстиями, которые тоже могли относиться к числу строителей "готской державы". Этому предположению созвучен сюжет с фибулами monstruosa.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Амброз А.К. Фибулы юга европейской части СССР // САИ. 1966. Вып. Д1-30.

Аун М. Взаимоотношения балтских и южноэстонских племен во второй пол. I тыс. н.э. // Проблемы этногенеза и этнической истрии балтов. Вильнюс, 1985.

Витязь С.П., Кулаков В.И., Медведев А.М. Эталонные археологические памятники и проблемы хронологии европейских древностей (I тыс. н.э.) // Вестник Фонда фундаментальных исследований. Минск, 2000. № 4.

Гиббон Э. История упадка и разрушения Римской Империи. Т. III. СПб., 1998.

Дини П.У. Балтийские языки. М., 2002.

Колосовская Ю.К. Рим и мир племен на Дунае I–IV вв. н.э. 2000.

Кулаков В.И. Могильники западной части Мазурского Поозерья конца V–начала VIII вв. (по материалам раскопок 1878–1938 гг.) // Barbaricum–1989. Warszawa, 1990.

Кулаков А.И. Отчет о работе Балтийской экспедиции ИА РАН в 1992 г. // Архив ИА РАН. 1992. Р-1. № 17428.

Кулаков В.И. Майцский регистр фибул из музеев Кёнигсберга // Гістарычна-археалагічны зборник. № 13. Мінск, 1998.

Кулаков В.И. Козельский микрорегион в среднем железном веке // Вопросы археологии, истории, культуры и природы Верхнего Поочья. Вып. IX. Ч. I. Калуга, 2001.

Кухаренко Ю.В. Могильник Брест–Тришин. М., 1980.

Мончыньська М. О так называемых "сарматских" фибулах в Средней и Восточной Европе // Сто лет черняховской культуре. Киев, 1999.

Ростовцев М.И. Общество и хозяйство в Римской Империи. Т. I. СПб., 2000.

Åberg N. Ostpreussen in der Völkerwanderungszeit. Uppsala, Leipzig, 1919.

Andrzejowski J. The Roman Period brooches made of decoratively coiled wire // Barbaricum'92. T. 2. Warszawa, 1992.

Astrauskas A., Gleizniene G., Šimėnas V. Perpetės baltų kraptuose I tūkstantmečio viduryje // Archaeologia Lituana. T. I. Vilnius, 1999.

Berendt G. Zwei Gräberfelder in Natangen und zwar Tengen bei Brandenburg und Rosenau bei Königsberg // SPÖG. Bd. XIV. 1874.

Bohnsack D. Ostgermanische Gräber mit Steinpfeilern und Steinreifen in Ostdeutschland // Gothiskandza. 1940. H. 20.

Bolin St. Die Funde römischer und byzantinischer Münzen in Ostpreußen // Prussia. H. 26. 1926.

Ehrlich B. Das preußische Gräberfeld von Hochnakeinen, Kr. Pr. Eylau // Prussia. 1939. Bd. 33. H. 1.–2.

Godłowski K. Vorrömische Eisenzeit und Römische Kaiserzeit im östlichen Mitteleuropa und in Osteuropa // Fibel und Fibeltracht. Reallexikon der Germanischen Altertumskunde. Bd. 8. Lieferung 5/6. Berlin, N.Y., 1994.

Grunert W. Nadrauer Grabungen // Zeitschrift der Altertumsgesellschaft Insterburg. H. 20. Insterburg, 1935.

Günther C., Voss A. Photographisches Album der Prähistorischen und Anthropologischen Ausstellung zu Berlin. Bd. I. Berlin, 1880.

Heydeck J. Der südliche Teil des Gräberfeldes von Grebieten, Kreis Fischhausen // Prussia. 1888. Bd. 13.

Jentzsch A. Bericht über die Verwaltung des Ostpreußischen Provinzialmuseum in den Jahren 1893–1895 // SPÖG. 1896. Bd. XXXVII.

Kazanski M. Les éperons, les umbo, les manipules de boucliers et les haches de l'épogue romaine tardive dans la region pontigue: origine et diffusion // Beiträge zu römischer und barbarischer Bewaffnung in den ersten vier nachchristlichen Jahrhunderten. Lublin; Marburg, 1994.

Kemke H. Fundverzeichnis zu Tafel 7–15 der 1. (ostpreussichen) Section des Photographischen Albums der Beliner Anthropologischen Ausstellung im Jahre 1880 // SPÖG. 1901. Jg. XLII.

Kulakov V.I. Jütland-Dobrudscha: die Rochade der "Barbaren" vom 2. bis 4. Jh. Chr. // Archaeologia Bulgarica. Jg. V. H. 2. Sofia, 2001.

Mihelbertas M. Zu den Handels- und Kulturbezie-hungen der Bewohner Litauens mit Skandinavien in der römischen Kaiserzeit // Archaeologia Baltica. Bd. 4. Vilnius, 2000.

Nowakowski W. Od Galindai do Galinditae. Z badac nad pradziejami bałtyjskiego ludu z Pojezieria Mazurskiego // Barbaricum. T. 4. Warszawa, 1995.

Nowakowski W. Das Samland in der Römischen Kaiserzeit und seine Verbindungen mit den Römischen Reich und der barbarischen Welt. Veröffentlichungen des Vorgeschichtlichen Seminars Marburg. Sonderband 10. Marburg; Warszawa, 1996.

Lund Hansen U. Römischer Import in Norden. København, 1987.

Raddatz K. Der Wolka-See, ein Opferplatz der Römischen Kaiserzeit in Ostpreußen // Offa. 1992/93. Bd 49/50.

Schuster J. Ein Werkstattkreis der Fibelherstellung in der Altmark? // Ethnographisch-Archäologische Zeitschrift. 1995. Jg. 36. H. 2.

Tautavičius A. Vidurinis geležies amžius Lietuvoje (V–IX a.). Vilnius, 1996.

Tempelmann-Mączyńska M. Das "reduzierte" Trachtmodell der gotischen Frauen und seine Ursprünge // Peregrinatio Gothici. Archaeologia Baltica. Polonia'86. V. VIII. Łódż, 1989.

Tischler O., Kemke H. Ostpreussische Altertümer aus der Zeit der grossen Gräberfelder nach Christi Geburt. Königsberg, 1902.

Vaitkunskienė L. Pagribio kapinynas // Lietuvos archeologija. T. 13. Vilnius, 1995.

La Tène fibulae in the South-Eastern Baltic zone

V. I. Kulakov

Summary

The South-Eastern Baltic antiquities are the base of the chronological system worked out for the whole territory of Central and Western Europe of the 1st millennium AD. As for the Baltic zone, La Tène fibulae are considered chronological indicators of this system. Having analysed the materials attributed to the ancient Estii, the author comes to the following conclusions. 1. One-piece fibulae of variant 1 (of A.K. Ambroz's classification) in Eastern Europe of the 1st c. AD are regarded as continuation of La Tène tradition; no such fibulae have been discovered at the South-Eastern Baltic sites of the Roman period. The artefacts registered there represent late 2 variant of fastenings AVI, 158 dated by Ambroz to the 3rd–the 4th cc. AD; they do not confirm the hypothesis concerning development of one-piece fibulae into two-piece ones in the territory occupied by the Estii in the 1st–the 2nd cc. AD. 2. Two-piece fastenings emerged in the South-Eastern Baltic zone in phases B1b–B2. Their general outlines imitate provincial Roman fibulae of group V, phase B2. 3. Within the chronological span from 180 till around 260 AD imitations of provincial Roman production were spread in the North-Eastern Barbaricum, which caused formation of fibulae type AVII, 211. 4. Fastenings of type AVI, 167 decorated with circle details are the leading indication of the Sambian antiquities attributed to phases C1–C2 and the rest of the Sambian-Natangian group, as well as synchronous Liubovidz phase of Wielbar culture.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 50–63

ЦИФРОВОЙ АРХИВ МАТЕРИАЛОВ ИССЛЕДОВАНИЙ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2005 г. М. О. Жуковский, Т. А. Пушкина

Московский государственный университет

Внедрение компьютерных технологий в обработку археологической информации в России началось более десяти лет назад. С начала 1990-х годов вышли в свет многочисленные статьи и ряд сборников, посвященные теоретическим и методическим проблемам применения информационных технологий в исторических исследованиях, разработке археологических баз данных, экспертных и информационных систем, компьютерной исторической и археологической картографии (Базы данных..., 1995; Методы..., 1995; см. также сборники конференций ассоциации "История и компьютер" за 1994–2001 гг.). Работы в этой области ведутся и на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (Ениосова и др., 2003. С. 88–103).

Несколько лет назад авторами был разработан проект, призванный объединить в многофункциональной информационной системе (ИС) весь массив научных знаний о Гнёздовском археологическом комплексе для обеспечения их надежного хранения, свободного доступа, аналитической обработки, представления и распространения в научных и образовательных целях.

Цель данной статьи – показать технологию и методику построения ИС, охватывающих разнородный археологический материал, с применением новейших компьютерных технологий и продемонстрировать богатейший потенциал, который они предоставляют, выводя исследования на принципиально новый уровень.

В настоящее время Гнёздовский археологический комплекс – один из крупнейших комплексов археологических памятников периода формирования Древнерусского государства – состоит из шести курганных групп, нескольких одиночных курганов, двух городищ и одного селища, связанных временем возникновения и существования и характером найденных при исследованиях материалов (АКР, 1997. С. 82–92). Общая площадь, занимаемая памятниками, насчитывает около 92 га. История археологического изучения Гнёздова насчитывает 130 лет (Авдусин, 1999). В 1874 г. начались раскопки курганов, первым исследователем которых был М.Ф. Кусцинский. В 1881–1900 гг. курганы раскапывались В.И. Сизовым, В.Д. Соколовым, А.С. Уваровым. В 1898–1901 гг. С.И. Сергеев исследовал значительную часть курганов на территории, отчуждаемой железной дорогой. С 1905 по 1922 гг. небольшое количество курганов в разных частях могильника с перерывами было раскопано И.С. Абрамовым, В.А. Городцовым, Е.Н. Клетновой. Если вплоть до конца XIX в. в Гнёздове исследовались только курганы, то уже в 1900–1901 гг. С.И. Сергеев впервые приступил к раскопкам Центрального поселения – им произведена прорезка вала городища. Затем в 1905 г. Ольшанское городище было исследовано И.С. Абрамовым, который прорезал вал городища и заложил несколько небольших шурфов на его площадке. Проведенное в 1922–1923 гг. А.Н. Лявданским сплошное обследование Гнёздова и его ближайшей округи привело к открытию селищ вокруг Центрального и Ольшанского городищ. Однако внимание исследователей по-прежнему было обращено в первую очередь на курганы и Центральное городище. В 1940 г. экспедиция Смоленского краеведческого музея и Смоленского педагогического института предприняла раскопки нескольких курганов и площадки Центрального городища. В 1949 г. раскопки в Гнёздове начал Д.А. Авдусин (Смоленская археологическая экспедиция МГУ). Большое значение имели стационарные исследования западной части центрального поселения, проведенные И.И. Ляпушкиным (экспедиция ЛОИА АН СССР) в 1967–1968 гг. С 1970 г. Смоленская экспедиция МГУ ведет работы одновременно в разных курганных группах и на поселении (Авдусин, 1999. С. 12–20). В 1996 г. экспедицией был открыт неизвестный ранее участок древнерусского селища, расположенный в затапливаемой ныне пойме Днепра (Мурашева и др., 2001).

В результате проведенных исследований было изучено более 1270 курганных насыпей: 560 – дореволюционными раскопками и 714 – за период с 1949 по 2003 г. В ходе раскопок поселения было заложено более 80 шурфов и раскопов общей площадью более 6 тыс. м^2. За длительный период масштабного изучения памятников Гнёздова накопился огромный архивный материал, представ-

Рис. 1. Структура источников, включенных в информационную систему.

ленный подлинными полевыми дневниками, записками, письмами, отчетами, чертежами, описями, фотографиями и рисунками находок, археологическими и топографическими картами, планами и схемами, архивными картами и рисунками. Все данные, собранные различными исследователями и в разное время, можно разделить на несколько основных групп, представленных на рис. 1.

Анализ источниковой базы позволяет выделить ключевые факторы, определяющие актуальность проекта:

1. Полнота, качество, доступность и сохранность архивных документов, хранящихся в разобщенном состоянии в архивах ИИМК и ИА РАН, архиве кафедры археологии исторического факультета МГУ, Государственном Историческом музее, Государственном архиве Смоленской области и РГАДА, очень неравнозначны. Большинство материалов существуют в единственных экземплярах и находятся в ветхом и малопригодном для многократного использования состоянии. Необходимы сбор, каталогизация, определение объема и состояния накопленных данных, а также обеспечение надежности хранения и резервное копирование информации.

2. Отсутствие сводного реестра материальных находок, происходящих с территории Гнёздовского археологического комплекса за все время его изучения, фотографий вещевого материала. Коллекции находок хранятся в Государственном Историческом музее, Государственном Эрмитаже, на кафедре археологии исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова, в Смоленском государственном музее-заповеднике, часть ее попросту недоступна, часть депаспортизована[1]. Помимо этого, в течение долгого времени значительная часть коллекций не сверялись.

3. Отсутствие полноценной картографической подосновы на территорию Гнёздовского археологического комплекса. Археологические топографические планы и схемы Гнёздовского археологического комплекса, выполненные в разные годы, фрагментарны, разобщены и требуют уточнения. До сих пор в распоряжении исследователей Гнёздова не было крупномасштабных общегеографических, тематических (геологических, почвенных, климатических, гидрологических и т.д.) и топографических карт и планов, а также данных дистанционного зондирования земной поверхности.

4. Насущная необходимость интеграции и обобщения накопленной археологической информации. Длительный период изучения Гнёздовского археологического комплекса привел к накоплению огромного массива разнородных и дезинтегрированных данных о памятнике, собранных разными исследователями по различным методикам и с разной полнотой. Непрерывное поступательное развитие археологической науки, методики рас-

[1] По объективным причинам нам оказались недоступны археологические материалы, хранящиеся в Государственном Эрмитаже и Смоленском государственном музее-заповеднике. В то же самое время мы приносим искреннюю благодарность сотрудникам Отдела археологических памятников ГИМ, архива ИА РАН и архива ИИМК РАН за понимание и оказанную помощь в сборе материалов. В работу вошли неопубликованные материалы раскопок Центрального селища, любезно предоставленные автором раскопок В.В. Мурашевой. Эти материалы имеют большое значение, поскольку именно они позволили обратиться к трехмерному моделированию.

копок, правил сбора археологической информации послужило причиной неравнозначного состава и появления существенных пробелов в различных типах археологических данных о Гнёздове. Часть информации до сих пор остается необработанной. В настоящий момент остро стоит проблема взаимной сверки, унификации, интеграции и всестороннего анализа всего объема собранного фактического материала с использованием единого набора правил представления и кодирования данных.

5. Необходимость подготовки к публикации и введения в научный оборот неизданных материалов исследований памятника, а также распространения, презентации и широкого использования в учебном процессе всего массива научных знаний о Гнёздове.

6. Необходимость обеспечения заинтересованных исследователей, аспирантов и студентов комплексом современных средств, позволяющих осуществлять быстрый параллельный доступ и многоплановый анализ информации, накопленной за весь период научного изучения Гнёздова.

Было выделено восемь основных стадий разработки проекта.

1. *Каталогизация, классификация, определение состояния, места хранения и доступности информации.* На этой стадии проводилась предварительная каталогизация и общая оценка объема данных. За 130 лет полевых работ было извлечено более 21700 индивидуальных находок, вычерчено более 4500 чертежей, сделано около 7000 фотографий. Предварительный анализ карт и планов, охватывающих территорию памятника, показал большую неоднородность этого материала и наличие в нем, порой, существенных пробелов и ошибок. Это связано с широким хронологическим диапазоном создания картографических материалов, начиная с карты генерального межевания XVIII в. и заканчивая топографическим планом, выполненным в 1970-х годах. Дополнительные трудности связаны с использованием авторами картографического материала различных систем измерения и масштабов.

2. *Предварительный анализ и подготовка информации, выявление недостающих данных и их восполнение, насколько это возможно; пополнение и расширение массива данных.* На этом этапе проводилась подробная оценка и инвентаризация каждой единицы хранения. В итоге было установлено, что фактический состав, состояние и наличие архивных данных в целом ряде случаев не соответствует информации, приведенной в каталогах и описях, имеющихся в официальных источниках. Индивидуальное изучение каждой доступной единицы хранения позволило уточнить созданные ранее сводные каталоги. Некоторые материалы, например часть полевых чертежей, хранятся в нескольких неравнозначных копиях. Для оцифровки были отобраны оптимальные экземпляры, с точки зрения соотношения качество/доступность. Благодаря копиям удалось также в ряде случаев восполнить недостающие оригинальные экземпляры.

Для решения задачи корректной взаимной ректификации картографических данных в 2001 г. был снят самый детальный на настоящий момент топографический план Центрального поселения памятника в масштабе 1 : 500, принятый в качестве основы для верификации и исправления остального материала крупного масштаба. Для уточнения имеющихся крупномасштабных планов и выявления элементов земной поверхности, в первую очередь антропогенного происхождения, не видимых на местности было привлечено несколько листов зимней аэрофотосъемки (К–1703, 1707, 1709–1713, 1717 15.02.1998). Блок тематических карт был дополнен картами четвертичных отложений и инженерно-геологического районирования.

Массив источников был расширен за счет создания изначально цифровых данных – фотографий, круговых фотопанорам и видео, отснятых на памятниках комплекса в 2000–2003 гг.

Одной из наиболее масштабных задач на втором этапе проекта стало натурное обследование курганных групп Гнёздовского археологического комплекса, в результате которого в 2002 г. была проведена инвентаризация сохранившихся на настоящий момент курганных насыпей. Подобной сверки не производилось с 1950-х годов, когда М.Н. Кисловым была выполнена съемка планов курганных групп. Большая часть паспортов обследованных археологических объектов была снабжена цифровыми фотографиями.

3. *Разработка структуры ИС и ее компонентов, определение форматов хранения и представления информации.* Для создания системы использовался целый ряд современных технологий компьютерного хранения, обработки и анализа информации. Выбор технологических средств для построения ИС обусловлен рядом требований[2]: а) предоставление "контейнера" для хранения информации, адекватного данным источника. "Контейнеры" должны обеспечивать наименьшие потери информации при оцифровке и гибкие возможности постобработки и трансформации данных;

[2] В литературе существует мнение, что для эффективной обработки археологической информации нельзя использовать "коммерческие" информационные технологии (Матехин, Богуславский, 1997). Позволим себе принципиально не согласиться с этой точкой зрения. Современные "коммерческие" информационные технологии, в том числе СУБД, предоставляют полнофункциональный набор средств обработки, хранения и организации данных независимо от их происхождения. Акцент должен делаться не на разработку собственных специфических археологических приложений, а на программную настройку наиболее распространенных и мощных "коммерческих" инструментов.

б) обеспечение надежного хранения и целостности данных; в) технические средства должны обладать адекватным инструментарием для анализа данных и решения поставленных проектных задач; г) обеспечение совместимости блоков информации разных типов; д) обеспечение совместимости технических компонентов на уровне архитектуры системы; е) обеспечение свободного доступа и извлечения информации.

Рассмотрим "контейнеры" и форматы хранения данных, использованные в нашей ИС.

По данным американского Института изучения окружающей среды, (ESRI) около 80% всей информации в мире имеет пространственные признаки (*spatial attributes*). В нашем случае, применительно к археологической информации эта доля, очевидно, еще больше. Действительно, помимо собственно картографического материала пространственными признаками насыщены все типы материалов полевой документации, полевые отчеты, паспорта коллекций материальных находок. Оптимальной средой для организации неоднородной информации и построения взаимосвязей между ее блоками на основании пространственных признаков являются геоинформационные системы (ГИС). ГИС работают с информацией на уровне графических векторных объектов, которые могут логически объединяться в группы и слои. Благодаря этому, ГИС обладает мощным набором инструментов как для традиционной аналитической, так и пространственной аналитической и визуальной обработки данных.

Существует два типа геоинформационных систем. К первому относятся специально созданные системы, использующие собственное ядро (*engine*) кодирования и обработки графических объектов. Наиболее известные ГИС первого типа – программные продукты семейства *ArcInfo*/*ArcView* и *MapInfo*[3]. Программные продукты второго типа имеют совершенно другую архитектуру и представляют собой надстройки для универсальной системы автоматизированного проектирования *AutoCAD*. Эти системы, к которым в первую очередь относятся *Land Development Desktop* и *AutoCAD Map*, используют ядро и инструментальную среду *AutoCAD*. Функционально ГИС обоих типов схожи, однако имеется и ряд отличий. На инструментальном уровне системы на основе *AutoCAD*, используя всю мощь и разнообразие средств проектирования родовой оболочки, обладают гораздо более развитым блоком координатной геометрии (*COGO engine*), предоставляющим отличный набор функций для сложного 2D- и 3D- моделирования, не заменимых при работе с археологической информацией, расширенным набором инструментов трехмерного пространственного анализа и моделирования. С другой стороны, *ArcView* располагает средствами статистического пространственного анализа геоданных, недоступными в *AutoCAD*-продуктах и, в целом, шире распространен, и предоставляет конечному пользователю более удобный и интуитивно-понятный интерфейс взаимодействия с информацией[4].

В целом, вопрос выбора той или иной геоинформационной системы определяется множеством факторов. Скажем лишь, что если планируется использовать ГИС, например, для нанесения на карту раскопов или анализа распределения находок то стоит остановиться на *ArcView*. Для работы в полноценном трехмерном пространстве, трехмерного моделирования, построения моделей рельефа и т.д. лучше подойдет ГИС на основе *AutoCAD*. Существует и третий вариант, который мы использовали в нашей ИС – это совместное использование программных продуктов обоих типов. Такой путь создает дополнительные сложности на стадии проектирования системы, но и расширяет ее возможности.

"Контейнерами" для хранения геоинформационных данных системы служат *mxd*-файлы документов *ArcMap* 8.2 и *dwg*-файлы рисунков *AutoCAD* 2000i.

В системе используется и другой "контейнер" для информации – реляционная база данных (БД), контролируемая с помощью системы управления реляционными базами данных (СУБД – RDBMS) *Microsoft SQL Server* 2000. Основу БД составляют таблицы (сущности), каждой записи которых соответствует набор значений полей-признаков (атрибутов). В зависимости от содержимого все таблицы нашей БД делятся на три типа: таблицы данных, таблицы метаданных и таблицы связей. В число таблиц данных в первую очередь входят таблицы индивидуальных находок на поселении и в могильнике, таблица раскопов и шурфов, таблицы раскопанных и нераскопанных курганов и другие. Таблицы метаданных содержат в себе исчерпывающую информацию о каждой единице источников, вошедших в состав ИС: фотографиях, документах, полевых отчетах, рисунках, картах, чертежах и т.д. Помимо этого таблицы мета-

[3] ГИС *ArcInfo* – сложный многокомпонентный программный продукт корпоративного уровня, в то время как *ArcView* является упрощенной "настольной" версией системы с ограниченными возможностями. Мы не рассматриваем среду *ArcInfo*, поскольку ее использование для решения археологических задач в силу высокой стоимости системы и необходимости специального обучения маловероятно. Последней версией "настольной" системы является *ArcView* 8.2, получившая название *ArcMap* 8.2, однако чаще всего используются предыдущие версии *ArcView* 3.1 и 3.2a.

[4] Функциональные возможности *ArcView* расширяются за счет подключения так называемых расширений – внешних модулей, таких как, например, 3D *Analyst* – для трехмерного пространственного анализа и простого моделирования, *Spatial Analyst* – для расширенного пространственного анализа, а также модулей для импорта файлов *AutoCAD* или поддержки растровых изображений.

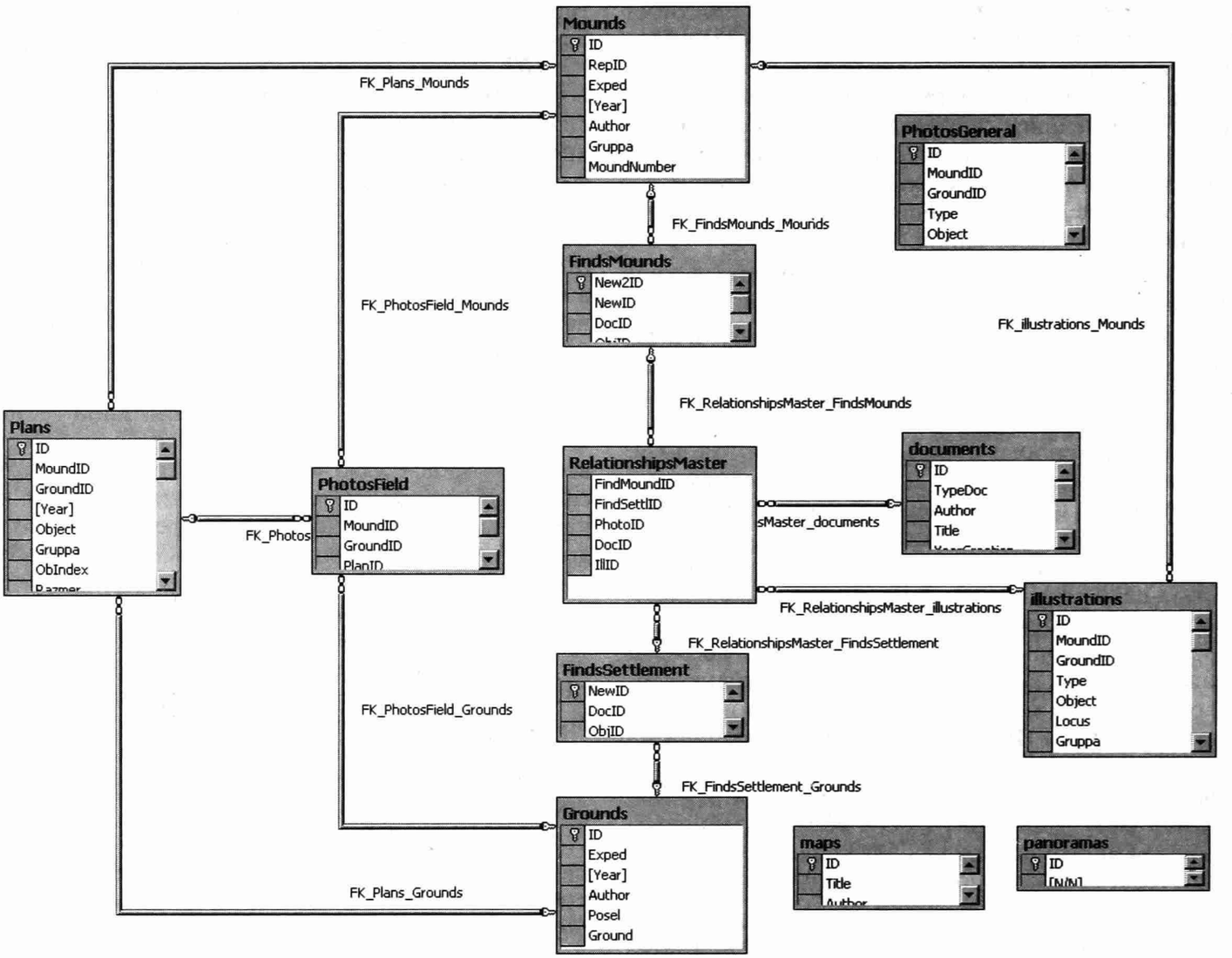


Рис. 2. Схема взаимосвязей таблиц в БД информационной системы.

данных содержат в себе ссылки на описываемые объекты. Таблицы связей имеют служебный характер и позволяют установить соответствия между данными и метаданными, хранящимися в БД. С их помощью, например, система "знает", что индивидуальным находкам № 5670–5770 соответствуют документы № 51, 89 и 123 (полевой отчет, дневник, диссертация), фотографии № 1234–1421, полевой чертеж № 2056, раскоп ЦГ-XX и т.д. В БД используются связи двух типов: один-ко-многим (например, перечню индивидуальных находок соответствует один раскоп, на котором они были обнаружены) и много-ко-многим (например, индивидуальной находке соответствует несколько фотографий, содержащих в себе другие индивидуальные находки). Связи между данными в таблицах выстраиваются с помощью ключей: первичных и внешних. Первичный ключ (*primary key*) уникально идентифицирует каждую запись в таблице, внешний ключ (*foreign key*) содержит значения первичного ключа в связываемой таблице. *SQL server* оформляет отношения один-ко-многим напрямую, а для отношений много-ко-многим требует использования узловых таблиц, функцию которых в нашей системе выполняют таблицы связей (рис. 2).

При разработке таблицы для хранения паспортов индивидуальных находок было невозможно учесть все признаки описания для каждой категории или каждого типа предметов. Эта проблема решается за счет привязывания к базовой таблице развернутых БД на отдельные категории находок, например мечей, монет или торгового инвентаря, разработанных сотрудниками Смоленской археологической экспедиции в их исследовательской работе. В этом случае используется третий вид связей – один-к-одному, который позволяет однозначно сопоставить описания одного и того же предмета в разных таблицах.

Извлечение данных, хранящихся в БД, осуществляется с помощью синтаксиса языка запросов

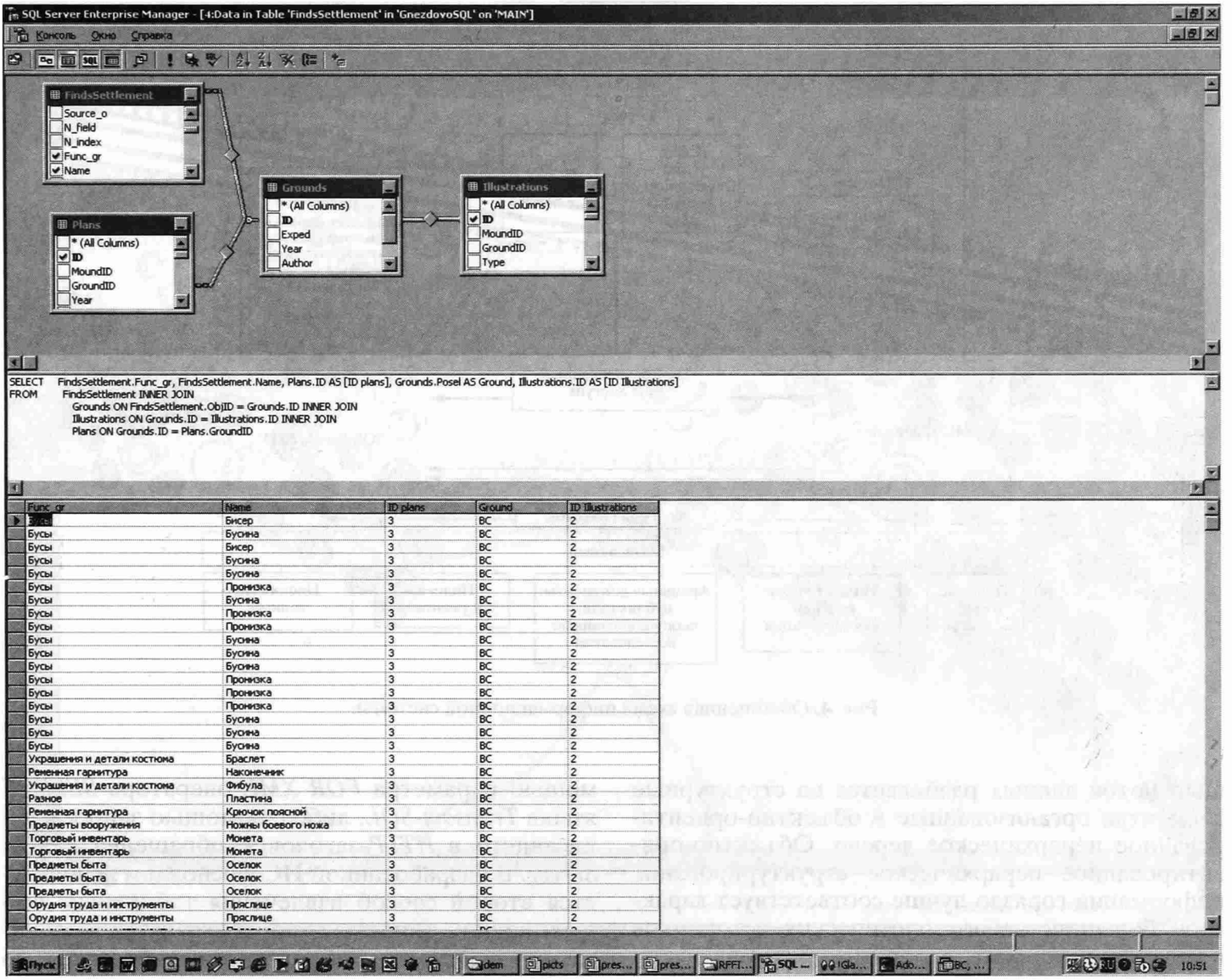


Рис. 3. Построение запроса к связанным таблицам в *SQL Server* 2000. Результирующая таблица содержит поля, извлеченные из четырех таблиц БД.

Transact-SQL (*T-SQL*). Мы не будем останавливаться на запросах подробнее, отметим только, что запрос может быть адресован одновременно нескольким связанным таблицам, благодаря чему результирующая выборка будет содержать в себе связанные данные, отобранные из нескольких таблиц (рис. 3).

Особенность СУБД *SQL Server* 2000 состоит в том, что его не всегда удобно использовать на стадии ввода информации в БД. Программное обеспечение *SQL Server* достаточно сложно для неспециалиста, сервер должен быть специально установлен и настроен на каждом компьютере, на котором осуществляется ввод данных, либо эти компьютеры должны быть объединены в локальную сеть. В нашем случае наполнение БД производилось на нескольких, не связанных друг с другом компьютерах с различными операционными системами и возможностями. Задача администрирования *SQL Server* на всех этих машинах равноценна задаче ввода данных. Проблема была решена за счет использования на стадии ввода БД *Microsoft ACCESS* 2000. Этот пакет СУБД входит в стандартный комплект *Microsoft Office* 2000 и не нуждается в специальной настройке и обслуживании. К тому же *ACCESS* предоставляет ряд средств, позволяющих упростить и ускорить ввод данных. По завершении процесса ввода БД *ACCESS* 2000 были трансформированы в формат *SQL Server* и собраны в единой БД.

Основным по объему массивом данных ИС являются сканированные растровые изображения (фотографии, рисунки, страницы рукописных текстов) и машинописный текст. Универсальным "контейнером" для их организации и хранения служат документы *XML* (*eXtensible Markup Language*). *XML* – это синтаксический язык структурной разметки документов. С его помо-

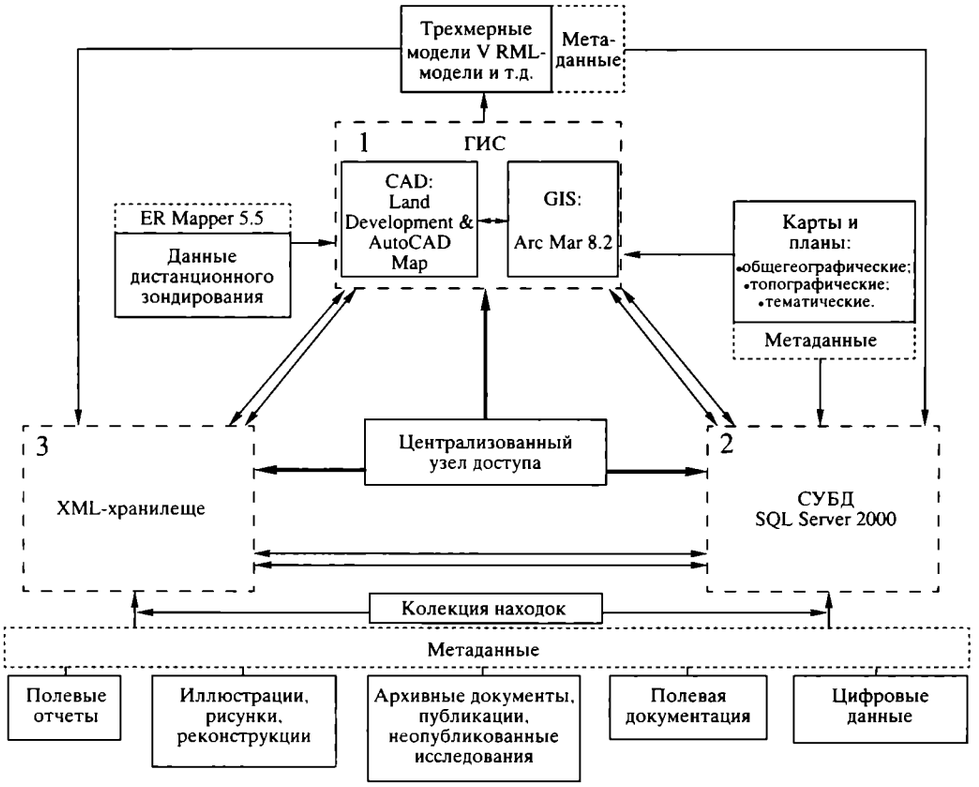


Рис. 4. Обобщенная схема информационной системы.

щью поток данных разбивается на структурные элементы, организованные в объектно-ориентированное иерархическое дерево. Объектно-ориентированное иерархическое структурирование информации гораздо лучше соответствует характеру большинства археологических источников и позволяет корректно организовать их внутри ИС. Структурная разбивка и создание объектной модели документа (DOM) позволяет системе обращаться к информации на уровне логических блоков, а не документа в целом. На практике это означает, что системе, например, может быть направлен запрос отобрать из всех полевых отчетов описания всех пластов, лежащих на одной глубине, независимо от их номеров или принадлежности раскопам и объединить в один сгенерированный *XML*-файл. Помимо текстовых документов, *XML*-структуры используются ИС и для организации растровых изображений.

Средства *SQL Server* 2000 позволяют связать информацию, хранящуюся в *XML*-документах и таблицах БД. Поток *XML* трансформируется в реляционные таблицы с помощью *OPENXML* – расширения *SQL Server* 2000 для языка запросов *Transact-SQL*. Созданные таблицы динамически включаются в массив БД. По такой схеме, например, осуществляется подключение фотографий индивидуальных находок к таблице их паспортов. Обратная трансформация данных также возможна. В этом случае таблицы и представления *SQL Server* 2000 преобразуются в *XML*-поток либо с помощью параметра *FOR XML* оператора *SELECT* языка *Transact-SQL*, либо с помощью запроса, записанного в *HTTP*-заголовок обращения к *SQL Server*. В разработанной ИС в основном используется второй способ извлечения табличных данных, причем типовые запросы хранятся в специальных шаблонах. Шаблоны позволяют не только упростить использование типовых запросов, но и объединять несколько запросов вместе.

В большинстве случаев системе требуется получить *XML*-документ не целиком, а лишь некоторую его часть. Для этих целей используется технология *Xpath* 1.0, с помощью которой формируется результирующий *XML*-поток.

XML является не единственным средством организации текстовых и графических данных в разработанной ИС. Все архивные документы, отчеты, дневники и т.д. хранятся также в *PDF* (*Portable Document Format*) файлах. Использование *PDF* позволило нам включить отсканированные текстовые материалы в ИС еще до того, как они были распознаны и преобразованы в машиночитаемый текст.

Обобщенная структура ИС представлена на рис. 4. Ее ядро составляют три основных компонента, рассмотренных выше: ГИС (1), СУБД *SQL Server* 2000 (2) и *XML*-хранилище (3). Компонент ГИС образован двумя модулями: *CAD*-модулем, включающим в себя *AutoCAD* 2000i, *CAD Overlay* 2000i, *AutoCAD Land Development Desktop R2i* и

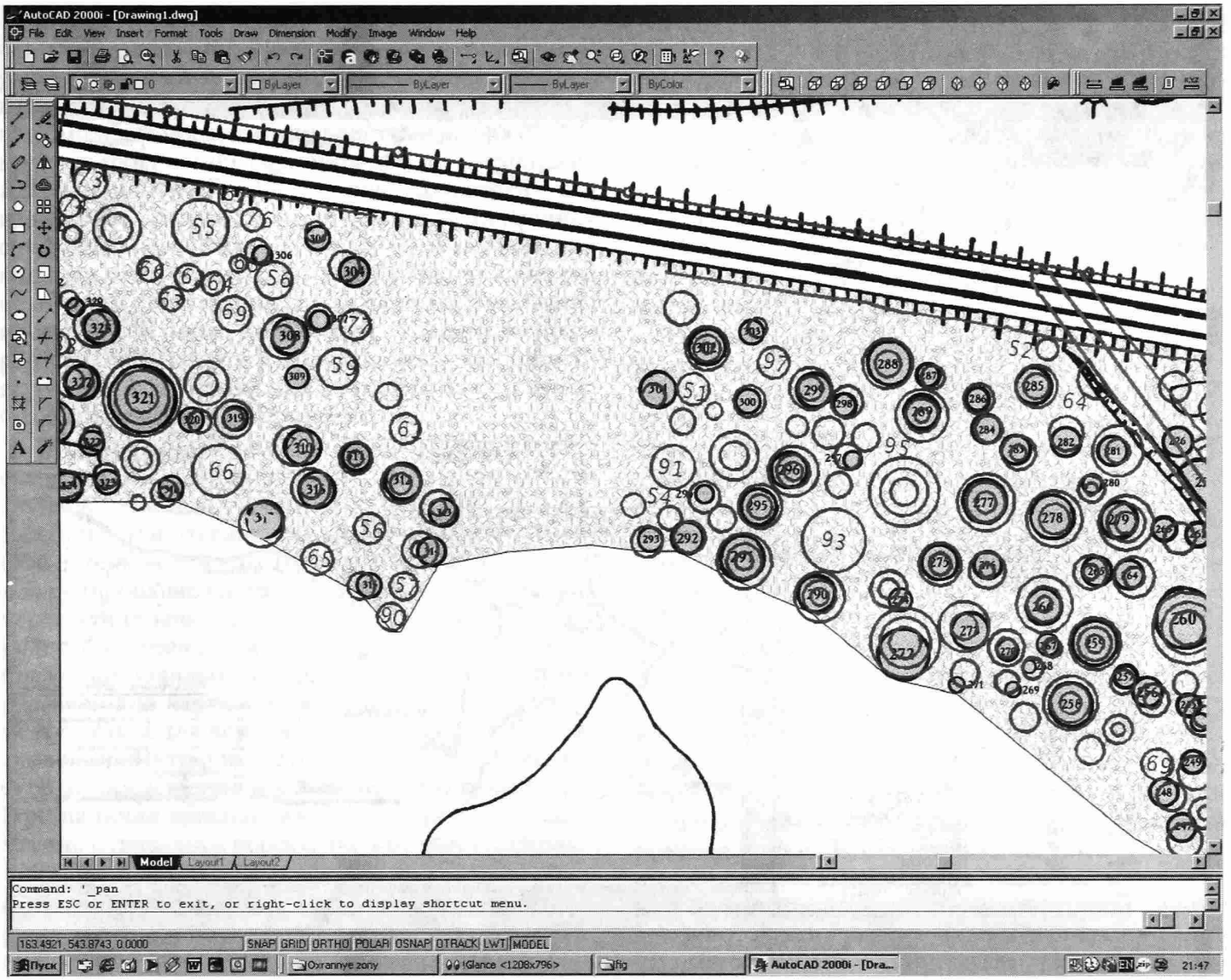


Рис. 5. CAD-модуль ГИС-компонента отображает планы Центральной курганной группы, снятые в 1953 г. (пустые круги) и 1976 г. (залитые круги). Хорошо видна динамика изменения состояния памятника.

AutoCAD Map 3, и *GIS*-модулем, содержащим *ESRI ArcMap 8.2*. Все компоненты взаимосвязаны и могут взаимодействовать, обмениваясь данными, формируемыми по внутрисистемным запросам. Принцип совместной работы *XML*-хранилища и *SQL Server* 2000 уже обсуждался, поэтому остановимся на технологии интеграции компонента ГИС. Одним из важнейших функциональных средств программных продуктов как CAD-, так и GIS-модулей, является возможность подключения внешних БД и связывания графических данных с данными, содержащимися во внешних таблицах. Таким образом, подключенные данные *SQL Server* 2000 или трансформированный в реляционные таблицы поток *XML* связываются и обрабатываются вместе с графической информацией. В обратном направлении какой-либо из компонентов или сама система осуществляют доступ к данным и объектам ГИС с использованием *ADO* 2.6 (*ActiveX Data Objects*), входящего в состав *MDAC* 2.6 (*Microsoft Data Access Components*). Примеры работы ГИС-компонента приведены на рис. 5, 6.

При описании архитектуры и технологической базы разработанной ИС мы нередко использовали более короткий термин – система. Под системой подразумевается четвертый из основных компонентов – узел централизованного доступа к данным. Архитектура ИС реализована в топологии клиент/сервер. Основу централизованного узла доступа составляют связанные динамические *HTML*-страницы, созданные с помощью технологии ASP 3.0 (*Active Server Pages*) и объединенные на одной стартовой странице, запускаемой в любом современном *Web*-браузере. Для того чтобы сервер мог обрабатывать *ASP*-страницы, на нем должен быть установлен IIS 5.0 (*Internet Information Services*). ASP-страницы хранятся на сервере, и при обращении к ним клиента (пользователя, открывшего

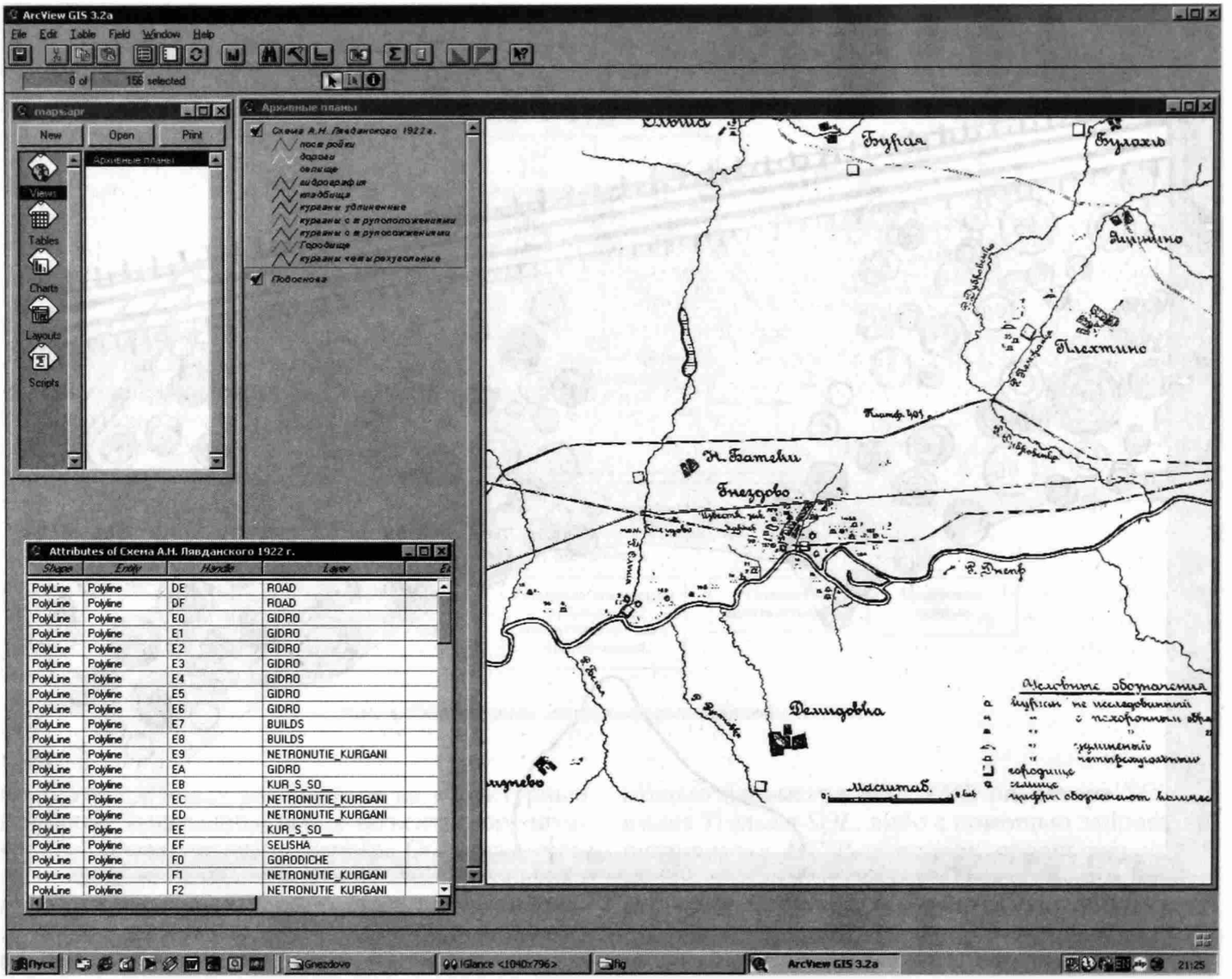


Рис. 6. Фрагмент карты Гнёздова, снятой А.Н. Лявданским в 1922 г., отображаемый в *GIS*-модуле системы.

стартовую страницу, например в *Internet Explorer*, и задавшего некоторые параметры) формируют *HTML*-код в соответствии с запросом, передаваемый обратно клиенту и отображаемый в его браузере. На практике это означает, что доступ к ресурсам ИС не требует установки никакого специального программного обеспечения, за исключением стандартного *Web*-браузера, и не налагает ограничений на аппаратную или системную конфигурацию компьютера пользователя. Например, если пользователю требуется отобрать находки, происходящие из одного раскопа, и просмотреть их фотографии, то он задает параметры запроса на стартовой странице централизованного узла доступа. Эти параметры передаются серверу, который сам обращается к БД- и *XML*-хранилищу, производит необходимые операции по извлечению и обработке информации, затем преобразует данные в *HTML*-поток и отправляет его пользователю. Браузер пользователя отображает полученные данные. Тем самым пользователю абсолютно неважно, в каком формате хранятся данные на сервере и как с ними работать. Просмотр картографических данных требует дополнительной несложной установки специальных объектов просмотра в браузер (*ArcExplorer* или *ArcReader* для *GIS*-модуля, *VoloView* для *CAD*-модуля, *CosmoPlayer* или любой аналог – для *VRML*-контента).

Обеспечение функционирования ИС и взаимодействия ее компонентов потребовало большого объема программирования. Для создания *ASP*-страниц и централизованного узла доступа к данным использовался *Visual Basic Script* (*VBScript*), для программирования работы *SQL Server* 2000 – язык запросов *Transact-SQL* и *Visual Basic* 6.0 *for Applications* (*VBA*), для работы с *XML*-хранилищем – язык разметки *XML*, *Xpath* и *VBA*, для работы с объектами *ADO* и ГИС компонентом – *VBA*.

4. *Оцифровка и кодирование информации.* Это наиболее трудоемкий этап проекта, на котором разработанная структура ИС наполняется данными. Карты и схемы Гнёздовского археологического комплекса представлены листами разного формата от фотокопий размером А4 до ватманских листов длиной более 3 м. Все они были отсканированы с цветностью, соответствующей источнику с разрешением 400 и 600 *dpi*. В ряде случаев при наличии нескольких копий оригинала в качестве источника для сканирования были использованы профессиональные фотокопии. Увеличение разрешения при сканировании позволяет "растянуть" полученные изображения до размеров оригинала без существенной потери качества.

Полевые чертежи составляют огромный массив данных и представлены в подавляющем числе случаев листами большого формата A1-A0. Все они были отсканированы в формате 8-*bit grey* (256 оттенков серого) с разрешением 400 *dpi*. 8-битное кодирование цвета при сканировании полевых чертежей обычно не используется, так как на порядок увеличивает объем отсканированных изображений. Однако это единственное приемлемое решение для чертежей, выполненных на миллиметровках, а для чертежей на кальке или ватманских листах позволяет существенно увеличить ресурс их последующей компьютерной обработки. При наличии нескольких копий чертежа предпочтение отдавалось перебеленным экземплярам.

Следующим после сканирования этапом обработки чертежей, карт и схем является коррекция растрового изображения: "чистка", "выравнивание", "кадрирование". Немаловажным аспектом, достойным упоминания, является коррекция размеров изображения. При сканировании, вне зависимости от модели сканера происходит искажение реальных размеров оригинала в среднем на 0.3–0.5%. Таким образом, при размере чертежа 100 × 100 см искажение в среднем составляет 0.3–0.5 см, или в масштабе полевого чертежа 1 : 20 – 6–10 см. Очевидно, что при масштабе карты, например 1 : 5000, ошибка может достигать 25 м и более. Исправление искажений производится с помощью контрольных точек, реальное расстояние между которыми достоверно известно.

Печатные документы, в первую очередь полевые отчеты, сканировались и распознавались в OCR *FineReader* 6.0. Начиная с пятой версии этот программный продукт позволяет достичь вполне приемлемого качества распознавания напечатанного на пишущей машинке текста, за исключением текста, отпечатанного под копирку. Текст сканировался как черно-белое изображение с разрешением 300 *dpi* с автоматическим подбором яркости средствами самой программы. Листы альбомов, входящих в состав полевых отчетов, сканировались как обычные фотографии с фиксированным размером, соответствующим размеру листа, и добавлялись впоследствии в "пакет" *FineReader*.

Целый массив архивных документов, в первую очередь дневников раскопок, существует лишь в рукописном виде и не может быть преобразован в электронный текст. Такие материалы сканировались постранично как изображения с параметрами цветности в зависимости от оригинала и разрешением 400 *dpi*, после чего полученные изображения страниц собирались в универсальном формате *PDF* и помещались в *XML*-хранилище ИС.

Прочие иллюстративные материалы, в подавляющем большинстве случаев черно-белые, были отсканированы со стандартным разрешением 400 *dpi* с 8-битным кодированием оттенков серого цвета. Среди нюансов отметим, что в ряде случаев сканирование черно-белых фотографий как цветных изображений (24-битное *RGB* кодирование цвета) обеспечивает более корректную цветопередачу, что немаловажно для полевых снимков. Приемлемые результаты также дает применение фильтра резкости на стадии сканирования.

Важнейшей составляющей стадии ввода данных в ИС стало наполнение разработанных таблиц БД информацией. Особое внимание было уделено созданию максимально удобного и упрощенного интерфейса ввода данных в БД посредством формы.

В нашем случае основной принцип функционирования формы БД основан на системе контекстно-зависимых выпадающих списков, позволяющих не впечатывать, а выбирать нужное значение из предлагаемого списка, формируемого "на лету". Например, для БД на индивидуальные находки группа макросов управляет динамическим изменением списка предлагаемых значений в зависимости от типа предмета, его названия, сохранности, функциональной группы, к которой он принадлежит, и большого числа других факторов. Для каждого поля определены жесткие условия на вводимое значение (например, запрет отрицательных или дробных значений для поля "год раскопок" и заданный интервал от 1867 до 2003 г. – время изучения Гнёздова). Тем самым сводится к минимуму процент опечаток и ошибок, а введенная информация делается легко проверяемой.

После заполнения общего паспорта вещи пользователь вводит название одной из функциональных групп предметов. В зависимости от выбранной функциональной группы формируется список названий входящих в нее материальных находок. После выбора названия предмета система позволяет ввести описание вещи, формализованное по ряду полей (таких как, материал, цвет, конструктивные части и пр.), причем доступными являются лишь те поля, что нуждаются в заполнении для каждого конкретного предмета. Список вариантов значений, предлагаемый для каждого из полей,

строго зависит от выбранного названия находки. Например, **Функциональная группа** -> Предметы вооружения -> **Название** -> Наконечник стрелы -> **Материал** -> Железо и т.д. Создание такой системы ввода данных потребовало проведения специальной работы по созданию полного списка возможных значений параметров описания для каждого наименования материальных находок и постепенного внесении в него корректив в течение работы над проектом. Помимо этого, с помощью специально созданных пользовательских кнопок пользователь имеет возможность для ускорения и удобства ввода установить ряд значений полей значениями по умолчанию, которые автоматически заполняются для каждой новой записи, или сдублировать запись, стереть или восстановить ее. Работа автоматизированных форм ввода для всех БД ИС – курганов, картографического материала, полевых чертежей, всех типов документов (полевые дневники, отчеты, публикации и т.д.), цифровых и архивных фотографий, цифровых фотопанорам – обслуживается выполнением около 100 макросов и программ на языке VBA.

В специально разработанную БД были внесены данные проведенной в 2002 г. инвентаризации всех курганных групп Гнёздовского могильника.

К данной стадии выполнения проекта относится также пополнение существующей источниковой базы цифровыми фотографиями материальных находок из Гнёздовской коллекции. Произведена сплошная съемка всех предметов из хранения Государственного исторического музея и кафедры археологии МГУ им. М.В. Ломоносова, содержащих в общей сложности около 84% единиц хранения всей коллекции. Для съемки использовался цифровой фотоаппарат *Olympus* 2500L с зеркальным объективом. Выдающиеся находки были сняты с использованием технологии создания трехмерных фотографий. Эта технология аналогична технологии создания круговых фотопанорам с тем исключением, что в данном случае объект помещается на вращающуюся подставку и фотографируется с 12 различных ракурсов. Компьютерная обработка фотографий позволяет создать псевдотрехмерное изображение предмета.

5. *Обработка информации, ее унификация и интеграция в ИС.* Отсканированные и откорректированные карты и схемы были переведены в векторный формат. Векторизация растровых изображений карт, схем и чертежей производилась в ручном режиме с использованием программных продуктов *Rx Spotlight* 97 компании *Consistent Software* и *CAD Overlay* 2000 компании *AutoDesk*. На настоящий момент векторизован весь картографический материал и часть полевых чертежей.

Оцифрованные изображения были интегрированы в ИС. Первым этапом стало цветовое и послойное структурирование информации (выделение дискретных групп однотипных объектов, таких как изолинии, высотные отметки, элементы гидрографии, дороги, строения, линии ЛЭП и т.д. – для карт и планов и слои, прослойки, пятна, остатки сооружений, камни и т.д. – для полевых чертежей). Затем были унифицированы система условных обозначений, масштаб, единицы измерения, ориентация и прочие формальные признаки. На последнем этапе полученная однородная информация была организована в едином трехмерном пространстве ГИС компонента (*CAD*-модуль) ИС с четким соблюдением относительного масштаба, единой системы цветового структурирования и единым принципом наименования и организации слоев. Картографическая составляющая ИС прошла дополнительную обработку, в ходе которой была выполнена уточняющая ректификация различных элементов многослойной растрово-векторной подосновы памятника на основе листов аэрофотосъемки. В качестве опорных точек использовались объекты гидрографии, дороги, железная дорога, узлы триангуляционной сети, характерные элементы рельефа.

Дифференцированные графические объекты были связаны с соответствующими им записями БД. Например, значки, обозначающие курганные насыпи на плане могильников, соотнесены с описаниями в базе или точки съемки круговых панорам привязаны к соответствующим записям. Помимо подобных "простых" связей организованы и более "сложные": к примеру, все полевые фотографии, относящиеся к определенному пласту раскопа, сопоставлены с его векторным чертежом, хранящимся в ГИС-компоненте системы.

Следующим этапом обработки картографических материалов стало построение трехмерных моделей рельефа (3D *surfaces*) для территории Гнёздовского комплекса археологических памятников (рис. 7). Трехмерные модели предоставляют широчайшие возможности для визуального и пространственного анализа топографии археологических памятников, создания трехмерных реконструкций и презентаций. К числу аналитических средств относятся: построение изолиний и высотных отметок любой плотности, моделирование геологических и стратиграфических разрезов и профилей любой конфигурации, вычисление площади, размеров и объема любых объектов, расчет высот и склонов, построение моделей водосбора и водостока, виртуальное нивелирование и сглаживание поверхностей, моделирование угла падения теней и затененности объектов (уникальный инструмент виртуального выявления неразличимых на местности археологических объектов, например, распаханных курганов) (Zhukovsky, 2001).

После обработки в среде 3D *Studio MAX* фирмы *Kinetix* трехмерные модели становятся доступными в качестве *VRML*-контента. 3D Studio позволя-

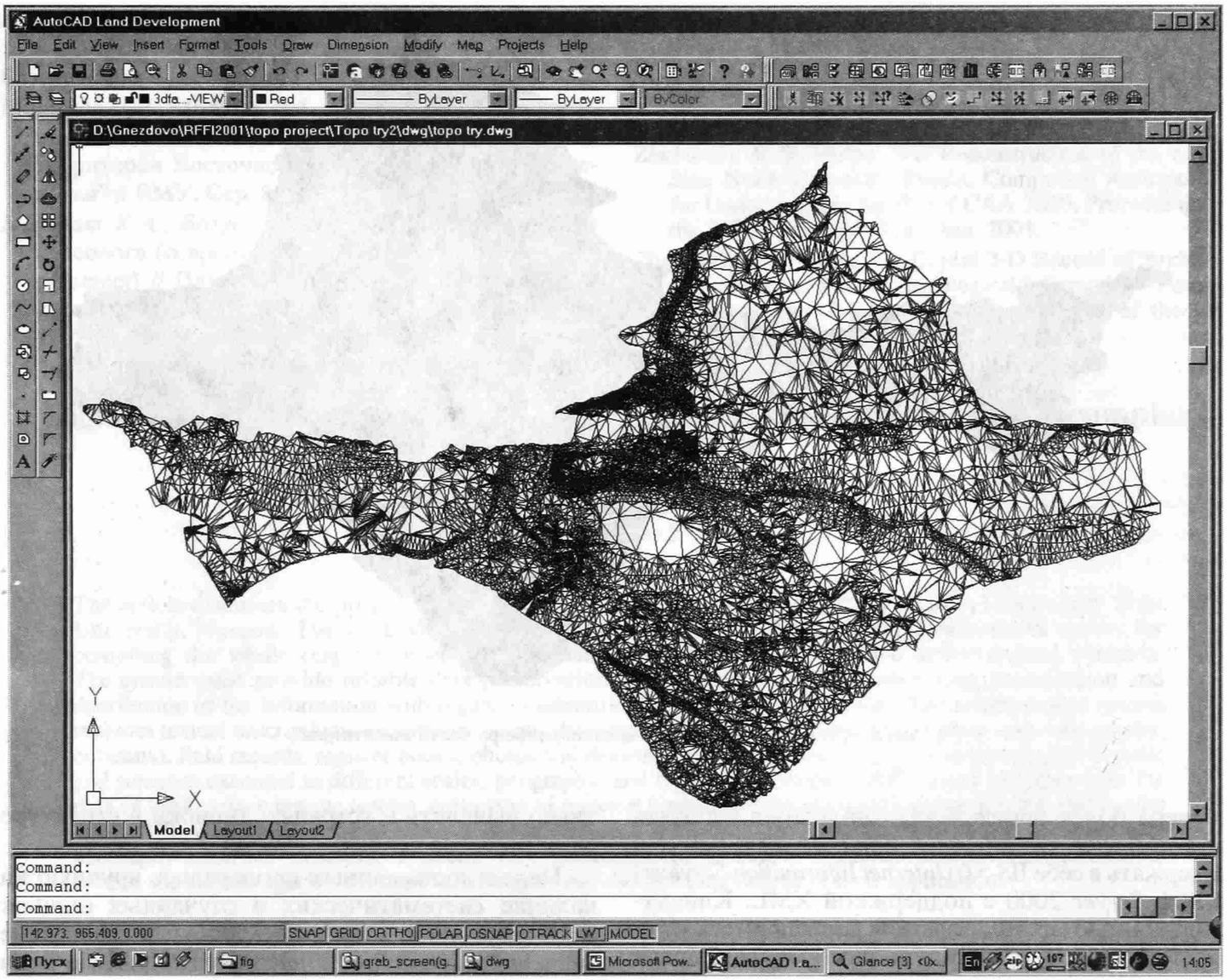


Рис. 7. Трехмерная модель рельефа части памятника.

ет определить местоположение источников света, точек наблюдения, наложить на трехмерную поверхность любые растровые текстуры, в том числе изображения карт и аэрофотосъемки. Наблюдатель имеет доступ к *VRML*-модели как в активном режиме свободной навигации в трехмерном пространстве (облет, "пешая прогулка" и т.д.), так и пассивно – просматривая анимационные ролики (рис. 8). Теоретические вопросы, связанные с проблемой восприятия *VRML*-моделей, а также возможностями их визуального анализа, изложены в статье одного из авторов (Zhukovsky, 2002).

Дополнительная обработка потребовалась для данных, хранящихся в БД насыпей курганных могильников Гнёздовского археологического комплекса. При вводе в БД параметры паспортов были формализованы, что крайне удобно для их хранения, обработки и статистического анализа, но малопригодно, если требуется связное текстовое описание каждого кургана. Задача была решена с помощью специально созданной программы на VBA, автоматически генерирующей связный текст в формате *Microsoft Word* из формализованных значений полей БД.

Цифровые фотографии индивидуальных находок после небольшой обработки были сопоставлены с записями БД Гнёздовской коллекции. Все введенные тексты обработаны и помещены в *XML*-хранилище.

6. *Организация доступа к ресурсам ИС.* Информационная система построена в топологии клиент/сервер. В стандартном случае сервером является удаленный компьютер, доступ к которому осуществляется через локальную сеть или сеть Интернет. Аппаратные требования к серверу определяются его загрузкой, т.е. количеством пользователей и обращений к данным, и зависят от каждой конкретной ситуации. Программная часть

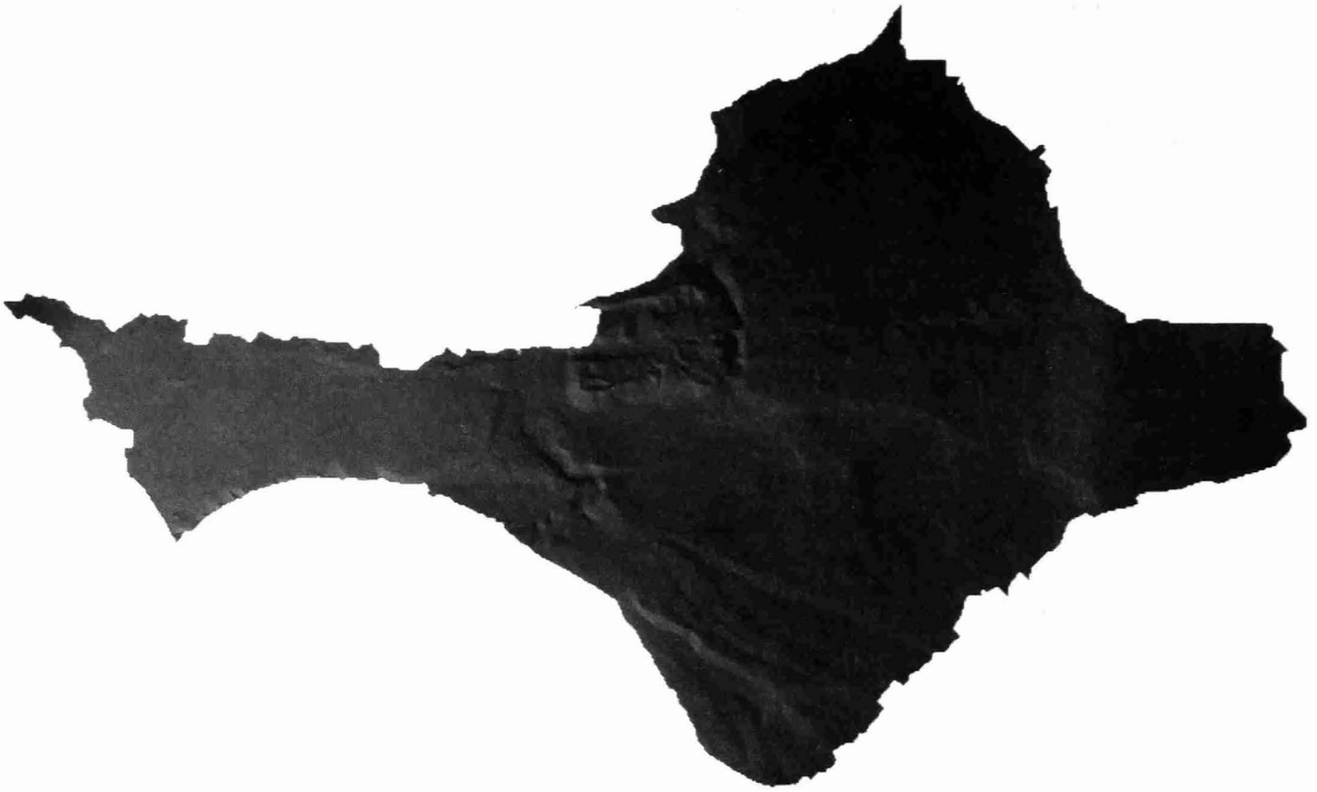


Рис. 8. Интерактивная *VRML*-модель рельефа части памятника.

сервера более определенна: он должен работать под управлением *Microsoft Windows* 2000 *Server* и содержать в себе IIS 5.0 (*Internet Information Services*) и *SQL Server* 2000 с поддержкой XML. Клиентский компьютер пользователя должен иметь установленную операционную систему семейства *Microsoft Windows* и стандартный браузер (например, *Internet Explorer* 5 и выше или *Mozilla*/4.0 и выше).

Однако и клиентская, и серверная части системы могут располагаться и на одном компьютере с параметрами сервера. Такая архитектура используется для доступа к ресурсам ИС в настоящий момент, пока производится ее тестирование.

7. *Тестирование целостности и оптимальности структуры ИС, проверка работы всех ее компонентов, выявление ошибок.* Тестирование ИС проводилось на двух уровнях: уровне связей и взаимодействия компонентов и уровне данных. Архитектура и работоспособность системы проверялась по следующим параметрам: корректная работа отдельных компонентов, корректное взаимодействие компонентов, ввод контрольных значений и соответствие результатов проектному заданию, устойчивость системы к вводу некорректных значений или некорректным действиям пользователя, работоспособность клиентской части системы в различных операционных системах семейства *Windows*.

Значительная часть тестирования проводилась уже на этапе ввода данных, что позволило оперативно выявлять и устранять ошибки в структуре системы и баз данных.

Целостность данных проверялась вручную на наличие систематических и случайных ошибок в БД (опечатки, неточная атрибуция, занесение значений параметров в несоответствующие поля и т.д.), пропусков в оцифрованных материалах (пропущенные страницы или отдельные чертежи и т.д.), некачественное сканирование и аналогичные ошибки.

8. *Внесение исправлений, устранение выявленных ошибок, оптимизация и финальное тестирование.* Работы на этой стадии продолжаются в настоящий момент.

Несмотря на это, уже сейчас функциональная мощь ИС используется авторами для решения прикладных и исследовательских проблем изучения Гнёздовского комплекса археологических памятников.

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского фонда фундаментальных исследований (проект № 01-07-90076).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Краткая история полевых исследований // Гнёздовский могильник. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). Ч. 1. Тр. ГИМ. Памятники культуры. Вып. XXXVI. М., 1999.

Археологическая карта России (АКР). Смоленская область. Ч. 1. М., 1997.

Базы данных в археологии. М., 1995.

Ениосова Н.В., Митоян Р.А., Сарачева Т.Г. Информационная система "Цветные металлы и их сплавы на территории Восточной Европы в эпоху средневековья" // ВМУ. Сер. 8. История. 2003. № 1.

Матехин К.А., Богуславский О.И. Базы данных для археолога (современное состояние и возможности решения) // Памятники старины. Концепции. Открытия. Версии. Памяти В.Д. Белецкого (1919–1997). Т. II. СПб.; Псков, 1997.

Методы естественных наук в археологических реконструкциях. Новосибирск, 1995.

Мурашева В.В., Нефедов В.С., Пушкина Т.А. Изучение Гнёздова и его округи (Смоленская область, 1999–2000 гг.) // Вестн. РГНФ. 2001. № 1.

Zhukovsky M.O. Virtual 3-D Reconstruction of the Kiafar Site, North Caucasus, Russia, Computing Archaeology for Understanding the Past // CAA 2000. Proceedings of the 28th Conference. Ljubljana, 2001.

Zhukovsky M.O. Handling Digital 3-D Record of Archaeological Data in Situ, Archaeological Informatics – Pushing the Envelope // CAA 2001. Proceedings of the 29th Conference. Visby. 2002.

Digital archive of the materials from the Gnezdovo archaeological complex

T. A. Pushkina, M. O. Zhukovsky

Summary

The article discusses the project worked out the Chair of archaeology, History faculty, Lomonosov State University, Moscow. The work was aimed at creation of unified multifunctional informational system for compiling the whole corps of scientific information concerning the Gnezdovo archaeological complex. The system must provide reliable data preservation, free access, analytical processing, presentation and distribution of the information with regard to scientific and educational programs. The informational system includes textual descriptions, excavation reports, drawings of excavation trenches (laver plans and straitigraphic columns), field records, register books, photos and drawings of finds, archaeological and topographic layouts and schemes executed in different scales, geographic and topographic maps, archive maps and drawings, the data of land surface remote testing, collection of material finds, and other data accumulated by the excavators during 130-year long period of investigation conducted at Gnezdovo. In the paper all stages of the project accomplishment are considered in detail, from formulation of the task to organisation of the system resource access, the authors specify the used technologies and the technical details of their application.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 64–71

ДИСКУССИИ

ТРАНСФОРМАЦИЯ КУЛЬТУРЫ ОТ МОБИЛЬНЫХ СКОТОВОДОВ К ОСЕДЛЫМ ЗЕМЛЕДЕЛЬЦАМ (БАКТРИЙСКО-МАРГИАНСКИЙ АРХЕОЛОГИЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС)*

© 2005 г. Ф. Л. Кол

Уэлсли колледж, Уэлсли, Массачусетс, США

Определяя различия в формах кочевого скотоводческого хозяйства этнологи чаще всего опираются на два критерия. Во-первых, определяется степень связи животноводства и земледелия в экономике того или иного региона. Во-вторых, уясняется зависимость состава животных их стада от эколого-климатических условий, к которым скотоводы должны были приспосабливаться. Следовательно, речь идет о весьма широком диапазоне вариаций такого рода форм хозяйствования: от смешанного пастушеско-земледельческого вплоть до так называемой "чистой" (или же "бедной") организации кочевников, которые употребляют в основном или даже исключительно продукты животноводства. Последняя форма кочевого уклада сопрягается почти исключительно с теми регионами, что отличаются заметной спецификой не только в географическом, но также и в историческом отношениях.

В крупных областях можно было отметить различные типы кочевничества, и это, скажем, удачно проиллюстрировал Т. Барфилд на примере восточноафриканских пастушеских сообществ, пустынных бедуинов, пастухов юго-западной Азии, скотоводов Евразии и, наконец, животноводов Тибетского высокогорья (Barfield, 1993). Этот исследователь ставит свой акцент прежде всего на тот вид животного, который играл в определенной социальной группе важнейшую и даже решающую роль. Так, по мнению Т. Барфилда, для классических номадов Евразийской степи такого рода животным являлась лошадь (Barfield, 1993. P. 131–138).

Выделяемые другим исследователем – А.М. Хазановым – основные типы уклада жизни номадов друг другу не противоречат (Khazanov, 1994. P. 40–69). Правда, при этом оба ученых подчеркивают, что евразийская форма кочевого хозяйства опиралась не только на использование лошади; огромную роль здесь играло вместе с тем и овцеводство (Khazanov, 1994. P. 46). Существенно меньшее значение имело активное разведение крупного рогатого скота (КРС), хотя в степях эти стада встречались намного чаще, нежели на Ближнем и Среднем Востоке. Причиной этому послужила лучшая кормовая база в степных регионах по сравнению с пустынными (Khazanov, 1994. P. 47). Так например, полуоседлым каракалпакам, обитавшим по южному берегу Приаралья, удавалось содержать более многочисленные стада КРС, нежели их соплеменникам, заселявшим пустынный и лишенный пресной воды северный берег Арала (Khazanov, 1994. P. 48).

Евразийский степной кочевой уклад может предполагать также одновременное наличие в стаде разнообразных животных – овцы, козы, лошади, КРС и даже бактрийского верблюда; при этом главнейшая функция ряда из этих видов была связана с транспортировкой грузов и верховой ездой (Bacon, 1954. P. 46). Евразийские кочевые сообщества должны были адаптироваться к суровым континентальным климатическим условиям: короткое, но порой очень жаркое лето сменялось гораздо более долгой, исключительно холодной зимой, когда пастбища оказывались укрытыми мощным слоем снега. Окультуренные зерновые могли также выращиваться, хотя целенаправленно проводящиеся на степных поселениях палеоэтноботанические исследования культурных слоев методом флотации, как правило, противоречат этой гипотезе (Černych et al., 1998). Однако в любом случае – даже если где-то и применяли некие методы земледелия – пригодный для выращивания культурных растений сезон являлся весьма коротким, особенно в сопоставлении с благодатными Закавказьем или югом Центральной Азии.

Суровость континентального климата нарастала по мере продвижения к востоку от Урала. Лошадь, бактрийский верблюд и – в сравнении с ними – даже мелкая овца оказывались наиболее приспособленными видами для этих условий, поскольку могли добывать себе пищу из-под снега. В этом отношении особенно выделялась лошадь, способная пробиваться к траве, покрытой даже полуметровым слоем снега (Khazanov, 1994. P. 50). Для иных видов животных проблема зимнего корма должна была решаться в основном с помощью летних заготовок – прежде всего сена и, возможно, соломы.

* Перевод и редакция Е.Н. Черных.

Другая проблема степного животноводства – это пригодные для скота источники воды. Не удивительно поэтому, что основное направление сезонного ритма кочевий было связано с речными долинами. В летние месяцы кочевья чаще всего устремлялись к северу, к более богатым растительностью лесостепным районам, а зимой – уже в обратном направлении, к югу, где снежный покров был не столь значительным. По всей вероятности, сходные процессы возможно было наблюдать у скотоводов бронзового века, обитавших в бассейнах Волги и Урала: зимой они могли откочевывать к берегам Каспия. Возможно также, что рост народонаселения в этих регионах повлек за собой толчок к появлению пастушеских народов на более южных пространствах, когда им удалось пересечь пустыни Каракумов и Кызылкумов.

К примеру, Н.И. Шишлина полагает, что степные пространства осваивались весьма постепенно (Shishlina, 2003). В период существования ямной культуры (конец IV–начало III тыс. до н.э.) передвижения пастухов со своими стадами были по преимуществу сопряжены с речными долинами и прилегающими к ним пастбищами. И только во время появления здесь катакомбной культуры степь оказалась полностью освоенной, благодаря активному использованию лошади и повышенной мобильности скотоводов (см. также: Shishlina, Hiebert, 1998). При этом указанные процессы протекали на фоне усиления аридности климата с одновременно проявлявшейся повышенной эксплуатацией пастбищ. Главные реки Восточной Европы, равно как и мелководное Азовское море, зимой замерзали, и это облегчало передвижения степных пастушеских групп. Восточнее бассейна р. Урал, равно как и всей Уральской горной системы, реки текут уже в противоположном направлении, т.е. с юга на север; климат в этих регионах существенно более суров, нежели на западе, а снежный покров более глубок. И потому нетрудно понять по какой причине скотоводы освоили азиатскую степь существенно позднее, нежели восточноевропейскую.

Основной проблемой, к которой мы хотели бы привлечь здесь внимание, являлось то, что известная нам по историческим и этнографическим примерам классическая форма кочевничества для сообществ эпохи бронзы на археологическом материале не подтверждается. В своем исчерпывающем обзоре фаунистических материалов степных культур, датированных периодами от энеолита вплоть до бронзового века, А. Моралес-Муньис и Е.Е. Антипина продемонстрировали сколь незначительной была в них доля мелкого рогатого скота на фоне резкого преобладания КРС (Morales-Muñiz, Antipina, 2000; 2003). Исключение составляла, пожалуй, лишь пост-трипольская усатовская курганная культура. Преобладание в стаде КРС становится особенно выразительным в степных сообществах позднебронзового века. Последнее отмечается в одном ряду с началом широкого использования лошади для верховой езды. Видимо, тогда же появляются своеобразные пастухи-ковбои "дикого Запада" евразийских степей.

Если пастушество эпохи бронзы (или же пастушество в комплексе с культивацией злаков) не сходно с тем укладом, что почитается за высшую точку развития обществ евразийских номадов исторического периода, то почти наверняка будет заблуждением полагать, что скотоводы бронзового века, как и их потомки, стремительно и с прекрасным бронзовым оружием налетали на поселки южных земледельцев, грабили их и затем столь же быстро исчезали в глубине степей на своих повозках. Скорее всего, подвижные степные полукочевые восточноевропейские племена, обитавшие здесь во второй половине IV и III тыс. до н.э., использовали лишь запряженные волами колесные повозки. Тогда же они только еще начинали осваивать лошадь под верховую езду и сооружать легкие повозки-колесницы. Их образ жизни вряд ли можно считать безусловно и полностью кочевым, хотя и похожим на него. Продвигаясь на восток скотоводы, без сомнения, оказывали заметное давление также на южные народы, обитавшие в регионах с более благоприятным климатом. Продвижение в южном направлении происходило постепенно, но неуклонно, и в результате постоянно обитавшие здесь оседлые земледельцы, нередко практиковавшие также и ирригацию, оказывались вытесненными со своих исконных мест пастухами с их стадами КРС.

К западу от Каспия похожие процессы имели место по крайней мере с середины III тыс. до н.э., и это совпало с появлением в Закавказье огромных курганов. Указанное время подтверждено серией калиброванных радиоуглеродных датировок (Кавтарадзе, 1983; Kavtaradze, 1999. С. 81; Черных и др., 2000. С. 18–30). Восточнее Каспия эти события задержались на несколько столетий, и такое запаздывание отчасти можно было бы объяснить огромным и даже чисто "физическим" отличием степей от оазисов на юге Средней Азии. Несомненно, что пустыни Каракумов и Кызылкумов первоначально сдерживали продвижение пастушеских групп со стадами КРС на юг. Иначе говоря, если западнее Каспийского моря Кавказские горы являли собой весьма четкую границу между степными ландшафтами и расположенными далее к югу плато Анатолии и Ирана, то среднеазиатские пустыни служили транзитными, связующими между северными степями и южными нагорьями. Западнее Каспия картина была иной, хотя засушливые ногайские и калмыцкие степные равнины и окружали это море с севера.

Примерно до конца III тыс. до н.э. среднеазиатские пустыни представляли собой отчетливо

выраженный "культурный водораздел" между полуоседлыми пастухами КРС бассейнов рек Волги и Урала и оседлыми земледельцами. Однако как здесь, так и в более восточных регионах оказывалось вполне возможным пересечь эти засушливые пространства с помощью конного транспорта и особенно верблюда, одомашнивание которого раньше всего произошло на юге Средней Азии, а также в Иране. Поэтому не может не удивлять, что древнейшие контакты между миром степных культур и Ближним Востоком имели место все-таки западнее Каспия. Там – и особенно в Прикубанье – эти народы находились в тесном контакте и не были отделены друг от друга безводными пустынями. Хотя трудность здесь заключалась прежде всего в необходимости преодоления труднопроходимой Кавказской горной системы. Можно наглядно представить себе резкое различие в соотношении двух миров – южного и северного – по обеим сторонам Каспия. На западе Кавказ вплотную соприкасался со степным Крымом и южнорусскими степями; однако восточнее Каспия эти два мира разделены огромными пространствами Каракумов и Кызылкумов.

Точная датировка начала процессов постепенного взаимодействия степных скотоводов и оседлых земледельцев в регионах восточнее Каспийского моря остается пока что неопределенной. Находки ранней андроновской керамики с элементами, присущими посуде абашево-петровского облика, были сделаны в Тугае вместе с керамикой типа Саразм IV на правом берегу Зеравшана восточнее Самарканда (Avanessova, 1996). Это означает, что указанные процессы могли начаться уже в середине III тыс. до н.э., хотя Г. Парцингер полагает, что поселение Тугай позднее Саразма и его следует датировать лишь второй воловиной этого тысячелетия (Parzinger, 2003. S. 270, 280). При этом интересно, что в слое упомянутого селища обнаружены примечательные следы металлургической и металлообрабатывающей деятельности (печи, льячки, шлак и др.). Черты этих занятий весьма характерны для позднеандроновских групп населения, продвигавшихся в южном направлении с севера и начавших вскоре эксплуатацию оловянных месторождений на Зеравшане уже в начале II тыс. до н.э. (Alimov et al., 1998; Parzinger, Boroffka, 2003).

Свидетельства присутствия степных культур в Средней Азии становятся гораздо более отчетливыми со времени формирования так называемого Бактрийско-Маргианского археологического комплекса (БМАК) во второй половине III тыс. до н.э. Появление на юге северных пришельцев четко документируется появлением и распространением грубой посуды на памятниках бронзового века в дельте Мургаба, равно как и выявление неких отличающихся специфической формой общественных зданий в таких важных центрах как оазисы Тоголок, Гонур и Дашлы.

Естественно, что в настоящей статье автор не в состоянии останавливаться сколько-нибудь подробно на дискуссионных проблемах происхождения БМАК, равно как и ее хронологии, либо географических рамок. Впрочем, остается дискуссионным даже сам термин – Бактрийско-Маргианский археологический комплекс. Следует ли включать в него все памятники – как относительно ранние типа Намазга V (средний бронзовый век), так и поздние вроде Намазга VI (позднебронзовый век)? Или же к самому комплексу нужно относить только поздние из перечисленных здесь? К примеру, С. Сальватори полагает, что он должен быть представлен лишь поздними памятниками, поскольку селища и могильники средней и поздней бронзы весьма существенно отличаются друг от друга. Он также считает, что наиболее выразительные материалы БМАК происходят из раскопок некрополя Гонур в Маргиане, относящегося ко второй половине III тыс. до н.э. Однако его инвентарь предшествует появлению здесь степных пастухов (Salvatori, 2000. P. 97–103).

Большинство археологов бывшего СССР первоначально обращало внимание на очевидные параллели в керамике и глиняной пластике БМАК с теми, что находились в многослойных теллях предгорий Копет-дага в Южном Туркменистане; кроме того, они усматривали в южно-туркменских культурах источник сильного формообразующего воздействия на первые. Вообще же Бактрийско-Маргианский комплекс связывался ими изначально с культурой типа Намазга VI, причем особо подчеркивалось, что ее генетические основы покоятся в пласте многотысячелетнего развития южно-туркменских сообществ. И как представляется, именно по этой причине некоторые западные археологи склонны были объяснять сходными причинами развитие культур в иных, более южных регионах подобных Восточному Ирану, Афганистану, Пакистанскому Балуджистану и даже долине Инда, откуда южные дороги направлялись к области распространения памятников БМАК. Основой для такого рода заключений стал прежде всего анализ ранних каменных и металлических печатей, а также общественных архитектурных сооружений.

Не подлежит сомнению, что БМАК отличается различными корнями своего происхождения, и, видимо, обе точки зрения (включая северный компонент формирования) имеют право на существование. Например, Б. Лионне считает, что БМАК отличается двумя корнями – туркменским и индийским (Lyonnet, 2001). Однако со временем в период поздней или же финальной бронзы Бактрийско-Маргианский комплекс, или же феномен, приобретает все более явный гибридный харак-

тер за счет инкорпорации в него многих деталей культуры степных скотоводов. Пришельцы оседают на обводненных равнинах Бактрии и Маргианы; одновременно с этим претерпевает изменения уклад обычной для них жизни путем приспособления к окружающему их миру оседлых земледельцев. По сути это и является основным тезисом моей статьи, невзирая на проблематичный и даже ограниченный характер многих ее положений и доказательств. Для меня вполне очевидным является тот факт, что постепенно, шаг за шагом происходит инфильтрация и ассимиляция северных скотоводов в устойчивый для этих регионов мир оседлых земледельцев.

Ряд заключений может последовать на базе анализа и различных расчетов для материалов как ранее раскопанных поселений юга Средней Азии (см., например, Kohl, 1984. P. 143–146, 151–154, 159, 160), так и для селищ, изучаемых в последнее время (Archaeological Map..., 1998). Во-первых, для утверждения оккупации равнин Маргианы в период, предшествующий среднебронзовому веку или же второй половины III тыс. до н.э., данных недостаточно (Salvatori, 1998. P. 52). Во-вторых, общий ареал заселенности равнин Маргианы и Бактрии в период средней и поздней бронзы существенно превосходит тот, что был отмечен в предшествующие фазы энеолита и ранней бронзы: предгориями Копетдага и даже северо-восточного Ирана (исключение для последнего региона, пожалуй, представляет лишь плотно заселенное плато Горган). В третьих, – и это, пожалуй самое главное – с началом формирования комплекса как бы "размыкается" единая цепь родственных поселений раннего времени; во время существования БМАК этот разрыв весьма заметен как в общем облике и характере селищ, так и в их локализации. Хорошо известно, что заселение обводненных равнин дельт Теджена и Мургаба южнотуркменскими популяциями произошло в период позднего энеолита (например, Геоксюрский оазис или же рассеянные материалы типа Намазга III в оазисе Келалли Маргианы). Однако, как показывают исследования последних лет, это расселение носило ограниченный характер (Lyonnet, 2001. P. 53, 54). Еще менее интенсивно проходило освоение равнин Бактрии западнее долины Кундуза (к примеру, Шортугай и другие селища на плато Ай Ханум и Талукан); там в песках оазисов бронзового века на северо-западе Афганистана сохранились сравнительно редкие материалы "ранненеолитического" времени (Виноградов, 1979).

Невозможно определить точно, насколько увеличилась общая площадь поселений во время существования БМАК. Одной из важнейших нерешенных проблем является синхронность освоения различных оазисов. Если российские археологи (например, В.И. Сарианиди) правы в предположениях, что имело место последовательное заселение оазисов во все это время при передвижениях популяций от Келлели к Гонуру, а затем к Тоголоку и Тахирбаю, то в таком случае в какой-то отрезок времени интенсивность данного процесса должна была снизиться (см.: Lyonnet, 2001. P. 53, 54). Тем не менее весьма грубый подсчет приводит нас к заключению, что в сравнении с периодом ранней бронзы для средне- и позднебронзового веков (т.е. времени БМАК) число поселений здесь увеличивается четырехкратно. И подобный стремительный рост числа селищ очень трудно связывать лишь с внутренним развитием этой культуры в рамках указанного комплекса.

Синтез культуры БМАК весьма специфичен, даже если ее некоторые существенные детали будут указывать на источники, локализованные в Белуджистане и Южной Туркмении (погребальный обряд, использование печатей и др.). Однако весьма различны и потому легко распознаваемы здесь характер и планировка общественных сооружений. Многие селища БМАК отличаются от более ранних – южнотуркменских наличием фортификационных сооружений, что в сущности совершенно не было присуще ранним поселкам предгорьев Копетдага. Эти фортификации как будто свидетельствуют о том, что ситуация на равнинах Бактрии и Маргианы во время появления здесь степных скотоводов не всегда отличалась мирным характером. В условиях открытой степи конфликт мог быть и не выражен столь остро, как в условиях захвата степняками ряда селищ в оазисах; правда, порой пришлые скотоводы могли занять места уже оставленных ранее селищ. К примеру, на "крепости" Дашлы-3 или же в поздней крепости Гонур (Сарианиди, 1977; Sarianidi, 1998a. P. 115) архитектура предшествующего времени существенно видоизменилась, а население начало практиковать занятия металлургией и металлообработкой (Сарианиди и др., 1977).

Культурные слои, исследованные на хорошо раскопанных селищах БМАК, никогда не достигают мощности, присущей напластованиям, скажем на южнотуркменских многослойных теллях в предгорьях Копетдага или же в Иране. Толщина слоя в середине стратифицированного раскопа на северном Гонуре достигает лишь 3.5 м (Hiebert, 1994. P. 30), тогда как отложения Алтын-депе равнялись 30 м (Masson, 1981. P. 75). Селищные памятники БМАК демонстрируют хорошо выраженную, симметрично ранжированную архитектуру. В то же время на огромном протогороде Алтын-депе направление улиц причудливо (Masson, 1988. P. 5. Fig. 1), а места расположения отдельных жилых и хозяйственных центров заранее не планировалось, как это наблюдалось на наиболее крупных поселках БМАК или даже на сравнительно небольшом поселении Сапалли-тепа. Перечисление контрастных черт культуры БМАК

с иными соседними регионами может быть продолжено, но оригинальность и одновременно уникальность культуры в рамках БМАК вполне очевидны.

Однако насколько убедительным является эмпирический базис высказанного здесь тезиса о постепенном заселении Маргианы и Бактрии северными пастухами с их стадами крупного рогатого скота? Достаточно ли для утверждения подобных передвижений находок 336 грубых сосудов с 34 лагерей скотоводов (Cerasetti, 1998. P. 67) или даже 75 подобных местонахождений (частное сообщение С. Сальватори)? Увы, свидетельства об индо-ариях – если полагать справедливым подобную верификацию степных пастухов, пожалуй, никогда еще не казались столь ничтожными. Или же это неверно? Каковыми же в реальности могут стать очевидные доказательства этого постепенного заселения северными скотоводами Бактрии и Маргианы?

Во время появления мигрантов упомянутые равнины не были пустынными, но были заселены оседлыми племенами, которые практиковали различные формы ирригационного земледелия в предшествующие тысячелетия. Появившись в этих регионах пришельцы начали менять свой образ жизни; их усилия сосредоточились на освоении ирригационного земледелия, усваивая формы местного хозяйствования. Таким образом, процесс как бы протекал в обратном направлении в сравнении с тем, что мы наблюдали у обитавших на гигантских поселках трипольцев, трансформировавшихся в мобильных скотоводов. Процесс этот протекал, без всякого сомнения, весьма сложно.

Тазабагьябская культура, поселения которой были изучены в дельте Акча-дарьи (низовья Амударьи), вполне очевидно практиковала орошаемое земледелие (Итина, 1977. С. 44, 45). Эта практика могла отражать или же не отражать связи с земледельческим югом, могла даже свидетельствовать о начальной колонизации южных пришельцев Приаралья (Итина, 1977. С. 229–231), но эта культура находилась в очевидной связи со степными скотоводами, демонстрируя также быстрое развитие исходной для нее кельтеминарской неолитической культуры. Степная или же "грубо" декорированная посуда, присущая данной культуре, является наиболее типичной в памятниках Маргианы и Бактрии. Это дает основание считать, что именно указанный народ стал пионером-мигрантом в южных оазисах, и этот народ уже многое знал из того, что помогало ему приспособиться к новыми условиями. Более поздние переселения все более и более подвижных скотоводческих групп в том же направлении, скорее всего, имели исходными районами Южный Урал или иные степные области. Весьма существенно заметить, что по крайней мере в начале передвижений последние отличались отнюдь не военной агрессией и, скорее всего, стали мирной инфильтрацией северян в местную, традиционную культуру земледельцев. Так возникала синкретическая культура Бактрийско-Маргианского комплекса.

В связи с этим можно обратиться к некоторым сходным примерам из реалий Американского континента или же Евразийского Дальнего Востока. К примеру, происхождение мексиканской культуры представляется также не вполне ясным, хотя и очевиден ее сложный состав. Подвижные группы чичимеков, появившись с севера в долине Мехико, влились в высокоорганизованную культуру тольтеков и восприняли многие из ее канонов. Слияние с местным населением и трансформация основ жизнедеятельности породили здесь по сути новую специфическую культуру с корнями, уходившими в мезоамериканские традиции (Smith, 1996). Столь же очевидно, скажем, освоение монголами первоначально чуждой им китайской культуры после чингизовых завоеваний: многие монголы постепенно становились истинными китайцами. Можно привести и множество иных примеров с разнообразием вариантов происходивших трансформаций. Подобные вариации зависели, к примеру, от пропорционального соотношения мигрантов и коренных обитателей. Последствия слияний отражались на всем спектре культурных проявлений: социальная структура, язык, религиозные представления и т.п. Безусловно, что эти процессы отражались в известной мере и на материальной культуре, однако интерпретация следов культурных изменений оказывается зачастую чрезвычайно затруднительной (Jarrige, 1985. P. 63).

Конечно, теоретически могли существовать подобные примеры смешанных по своему характеру памятников – степных и земледельческих. При условии надежной реконструкции экономики культуры, где заметно выражен экстенсивный характер производства с доминантой пастушеского начала, практически всегда должен доминировать степной окрас самой культуры. И наоборот: при условии интенсивного земледелия в культуре степные элементы практически исчезали бы. Современные археологические изыскания подтверждают эти теоретические построения.

На многих поселениях БМАК, где отмечены признаки постоянной практики ирригационного земледелия, присутствует лишь незначительная доля характерной степной керамики. В то же время в раскопанных недавно двух поселках нашли очень большое количество степной посуды так называемого типа тахирбайской финальной бронзы. Здесь же были вскрыты углубленные в землю квадратные жилища с посудой для хранения и переработки зерна. Другими словами, мы столкнулись с поселком "степных" племен, которые явно

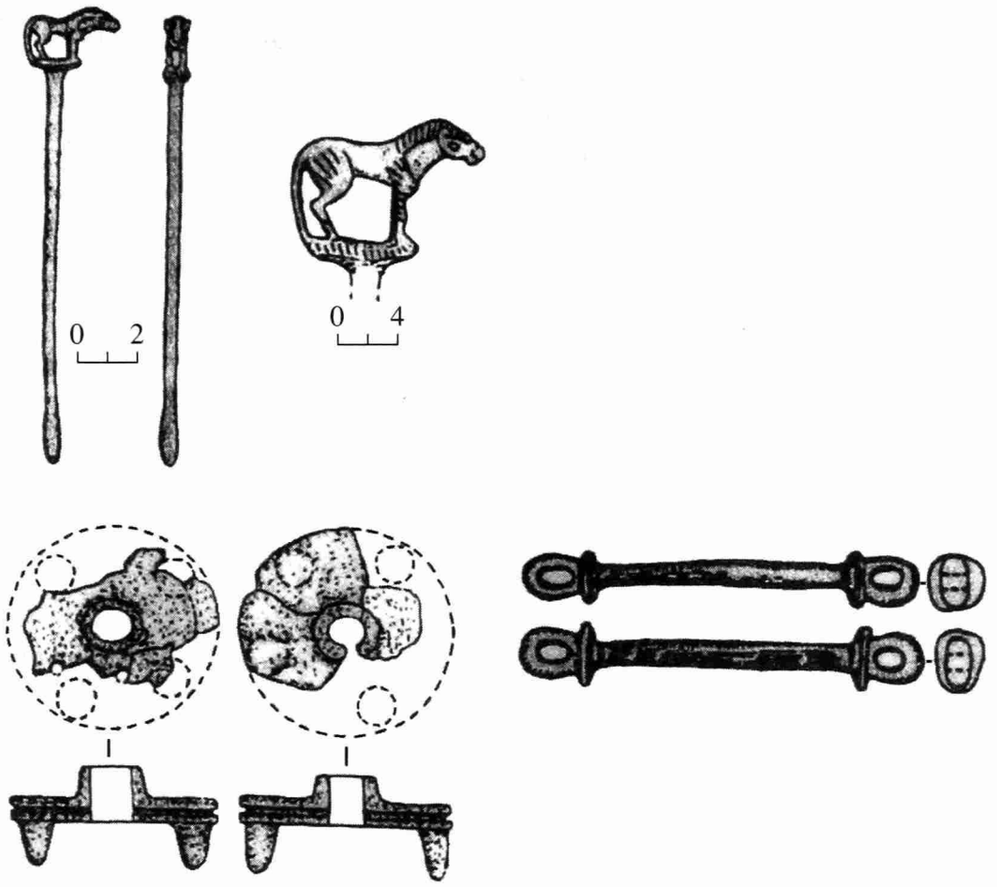


Рис. 1. Булавка с фигуркой лошади, удила и псалии из погребения Зардчалиф близ Пенджикента (по С. Бобомуллоеву, 1999. С. 311. Рис. 2).

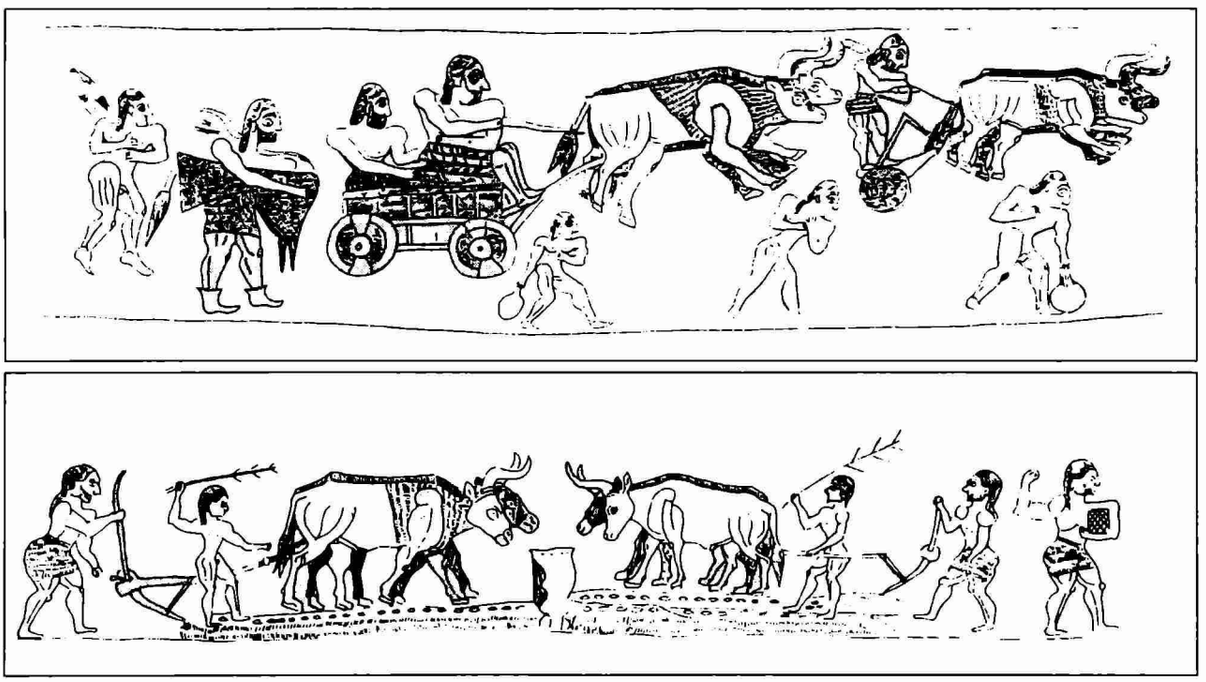


Рис. 2. На повозках из степей "дикого Востока" к плодородным равнинам Бактрии и Маргианы (по Amiet, 1990b. S. 163. Fig. 6; 1990a. S. 136. Fig. 9).

занимались земледелием (частное сообщение С. Сальватори).

Степные элементы культуры определяются в этих областях не только по керамике, но и по металлическим изделиям, подобным изогнутым ножам и серпам, а также по характеру самой металлообработки (Vinogradova, 1994. P. 43, 45. Fig. 8, 10). Вместе с тем очевидна весьма большая роль скотоводства, особенно в долинах Южного Таджикистана (Мандельштам, 1968; Литвинский, Соловьев, 1972). Инвентарь из сравнительно недавно опубликованного погребения Зардчалиф близ Пенджикента в долине Зеравшана может классически проиллюстрировать процесс смешения и совмещения стереотипов, хорошо заметный на металлическом и костяном материале этого захоронения (Бобомуллоев, 1999). Среди инвентаря этого погребения кроме двух бронзовых удил обнаружена бронзовая же булавка с навершием в виде фигурки лошади, а также обломки дисковидных костяных псалиев (рис. 1). Удила и псалии, безусловно, относятся к конской упряжи. Эти находки, а также их аналогии из южно-узбекистанского памятника Джаркутан (Teufer, 1999. P. 88. Fig. 13, *4*) четко указывают на связи со степными культурами, где костяные дисковидные псалии сходной формы встречаются сравнительно часто (сравните кадастр в работе – Teufer, 1999; а также Boroffka, 1998). Булавка с навершием в виде фигурки животного относится к довольно типичным изделиям культуры БМАК. Однако среди последних, равно как и на металлических печатях из этих памятников, преобладают изображения иных животных: овец, змей, орлов и даже бактрийских верблюдов (см. например, Sarianidi, 1998b, № 112, 1397, 1398, 1405, 1444–1446, 1486–1488, 1496). Образ лошади встречается здесь исключительно редко (Bactria..., 1990. Pl. 82). Инвентарь всадника, захороненного в Зардчалифе, отчетливо несет на себе признаки как степных культур, так и сообществ из южных оазисов.

И наконец, облик двух хорошо известных серебряных сосудов, найденных случайно в Бактрии (Северный Афганистан), также иллюстрирует данный процесс трансформации культуры и экономики, а также изменения последней в сторону возрастания роли орошаемого земледелия. Повозка, изображенная на одном из сосудов (рис. 2) не колесница охотника, как полагали некоторые исследователи (см., например, Amiet, 1990. P. 161). Это, скорее всего, громоздкое транспортное средство, которое тащили волы, а его тяжелые деревянные колеса весьма похожи на те, что встречаются в инвентаре новотиторовской культуры или же катакомбной общности.

Подобные влекомые рогатым скотом повозки в ранние столетия II тыс. до н.э. достигли равнин Маргианы и Бактрии. По мере перемен в практике каждодневной жизни пришельцы все больше и больше осваивали стереотипы бытия оседлых соседей-земледельцев. Так возникал тот феномен, который мы и предпочитаем называть Бактрийско-Маргианским археологическим комплексом.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобомуллоев С. Раскопки гробницы бронзового века на верхнем Зеравшане // Stratum Plus. 1999. № 2.

Виноградов А.В. Исследования памятников каменного века в северном Афганистане // Древняя Бактрия. Т. 2. М., 1979.

Итина М.А. История степных племен южного Приаралья (II–начало I тыс. до н.э.). М., 1977.

Кавтарадзе Г. К хронологии эпохи энеолита и бронзы Грузии. Тбилиси, 1983.

Литвинский Б.А., Соловьев В.С. Стоянка степной бронзы в южном Таджикистане // Успехи среднеазиатской археологии. Вып. 1.Ташкент (?), 1972.

Мандельштам А.М. Памятники эпохи бронзы в южном Таджикистане // МИА. 1968. № 145.

Сариниди В.И. Древние земледельцы Афганистана. М., 1977.

Сариниди В.И., Терехова Н.Н., Черных Е.Н. О ранней металлургии и металлообработке древней Бактрии // СА. 1977. № 2.

Черных Е.Н., Авилова Л.И., Орловская Л.Б. Металлургические провинции и радиоуглеродная хронология. М., 2000.

Alimov K., Boroffka N., Bubnova M. et al. Prähistorischer Zinnbergbau in Mittelasien: Vorbericht der Kampagne 1997 // EA. 1998. № 4.

Amiet P. Antiquities of Bactria and Outer Iran in the Louvre collection // Bactria: an ancient oasis civilization from the sands of Afghanistan / Roma, 1990.

The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / Eds A. Guber, G. Koshelenko, M. Tosi. Roma, 1998.

Avanessóva N.A. Pasteurs et agriculteurs de la vallée du Zeravshan (Ouzbékistan) au début de l'Age du Bronze: relations et influences mutuelles // Sarazm (Tadjikistan) céramiques (Chalcolithique et Bronze Ancien). P., 1996.

Bacon E. Types of pastoral nomadism in Central and Southwest Asia // SWJA. 1954. № 10 (1).

Bactria: an ancient oasis civilization from the sands of Afganistan / Eds G. Ligabue, S. Salvatori. Roma, 1990.

Barfield T.J. The nomadic alternative. Englewood Cliffs. NJ, 1993.

Boroffka N. Bronze- und früheisenzeitliche Geweihtrensenknebel aus Rumänien und ihre Beziehungen. Alte Funde aus dem Museum für Geschichte Aiud Teil 2 // EA. 1998. № 4.

Cerasetti B. Preliminary report on ornamental elements of "incised coarse ware" // The Archaeological Map of the Murghab Delta. Preliminary Reports 1990–95 / Eds A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi. Roma, 1998.

Černych E.N., Antipina E.E., Lebedeva E.Ju. Produktionsformen der Urgesellschaft in den Steppen Osteuropas (Ackerbau, Viehzucht, Erzgewinnung und- verhüttung) // Das Karpatenbecken und die Osteuropaische Steppe:

Nomadenbewegungen und Kulturaustausch in den vorchrhistlichen Metallzeiten (4000–500 v. Chr.). München, 1998.

Hiebert F.T. Origins of the Bronze Age civilization in Central Asia. ASPR 42. Cambridge, MA, 1994.

Jarrige J.-F. Continuity and change in the north Kachi plain (Baluchistan, Pakistan) at the beginning of the second millennium BC. // South Asian Archaeology 1983. Naples, 1985.

Kavtaradze G. The importance of metallurgical data for the formation of central Transcaucasian chronology // Anschnitt. Beiheft 9. The beginnings of metallurgy / Eds A. Hauptmann et al. Bochum, 1999.

Khazanov A.M. Nomads and the outside world (2nd ed.). Madison, Wisconsin, 1994.

Kohl P.L. Central Asia: palaeolithic beginnings to the Iron Age (L'Asie Centrale des origines à l'Âge du Fer). P., 1984.

Lyonnet B. Mari et la Margiane ou 'la circulation des biens, des personnes et des idees' dans l'Orient ancien à la fin du 3ème et au debut du 2ème millénaire avant notre ère. Mémoire présenté dans le cadre d'une Thèse d'Habilitation, Avril 2001. P., 2001.

Masson V.M. Altyn-depe during the Aeneolithic period // The Bronze Age Civilization of Central Asia: recent Soviet discoveries. Armonk, N. Y., 1981.

Masson V.M. Altyn-Depe. Philadelphia, 1988.

Morales-Müñiz A., Antipina E. Late Bronze Age (2500–1000 B.C.) faunal exploitation on the East European steppe // Late Prehistoric Exploitation of the Eurasian Steppe. V. 2. Cambridge, 2000.

Morales-Muñiz A., Antipina E. Srubnaya Fauna and Beyond: a critical assessment of the archaeozoological information from the East European steppe// Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge, 2003.

Parzinger H. Grundzüge der Vor- und Frügeschichte Sogdiens // Archäologie in Iran und Turan. B. 5. Mainz am Rhein, 2003.

Parzinger H., Boroffka N. Das Zinn der Bronzezeit in Mittelasien I: die siedlungs-archäologischen Forschungen im Umfeld der Zinnlagerstätten // Archäologie in Iran und Turan. B. 5. Mainz am Rhein, 2003.

Salvatori S. The Bronze Age in Margiana // The Archaeological Map of the Murghab Delta Preliminary Reports 1990–95 / Eds A. Gubaev, G. Koshelenko, M. Tosi. Roma, 1998.

Salvatori S. Bactria and Margiana Seals: A New Assessment of Their Chronological Position and a Typological Survey // East and West. 2000. V. 50 (№ 1–4).

Sarianidi V.I. Margiana and Protozoroastrianism. Athens, 1998a.

Sarianidi V.I. Myths of ancient Bactria and Margiana on its seals and amulets. Moscow, 1998b.

Shishlina N.I. Yamnaya culture pastoral exploitation: a local sequence // Prehistoric Steppe Adaptation and the Horse. Cambridge, 2003.

Shishlina, N.I., Hiebert F.T. The steppe and the sown: interaction between Bronze Age Eurasian nomads and agriculturalists // The Bronze Age and Early Iron Age Peoples of Eastern Central Asia. V. I. Philadelphia, 1998.

Smith M.E. The Aztecs. Malden, MA, 1996.

Teufer M. Ein Scheibenknebel aus Dzarkutan (Süduzbekistan) // AMI. 1999. Bd. 31.

Vinogradova N.M. The farming settlement of Kangurttut (South Tadjikistan) in the Late Bronze Age // AMI. 1994. Bd. 27.

The cultural transformation from mobile stockbreeding to settled farming as seen in the Bactria-Margiana archaeological complex

Ph. L. Kohl

Summary

This paper discusses the transfromation of the material culture of peoples who practiced a more mobile economy based on the herding of livestock, particularly cattle, to a more settled economy principally based on intensive agriculture, as they gradually but continuously moved north to south from the Eurasian steppes into the irrigated plains of Central Asia at the end of the 3rd and beginning of the 2nd millennium BC. It argues that the herding of livestock on the steppes during the Bronze Age qualitatively differed from the mounted pastoral nomadism documented historically and ethnographically for later periods and suggests that cattle herders from the steppes formed a nimportant component of the complex Late Bronze development referred to as the Bactria-Margiana Archaeological Complex (BMAC). Archaeological cultures often are best associated with ways of life and not necessarily related to former peoples; as the way of life changes, the material culture of a group is transformed, often rapidly and at times emulating the remains of neighboring peoples.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 72–80

ДИСКУССИИ

ПЕЩЕРНЫЕ ХРАМЫ ТАВРИКИ: К ПРОБЛЕМЕ ТИПОЛОГИИ И ХРОНОЛОГИИ

© 2005 г. А. Ю. Виноградов*, Н. Е. Гайдуков, М. С. Желтов**

* *Институт всеобщей истории РАН, Москва*

** *Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва*

Исследованиями последних двух веков в Юго-Западном Крыму было выявлено около 50 пещерных храмов. Очевидная необходимость в создании типологии крымских пещерных храмов, основанной на строгих и верифицируемых критериях, стала находить свое разрешение лишь недавно. Это, не в последнюю очередь, было вызвано тем, что не существовало единого свода крымских пещерных храмов. Такой свод был опубликован Ю.М. Могаричевым (1997), и создание этого труда (не предлагающего, впрочем, никакой типологии памятников) является важным достижением.

Однако эта типология, созданная первоначально для некультовых сооружений, не нашла реального подтверждения даже на их материале, и сам автор был вынужден впоследствии от нее молчаливо отказаться: в своих позднейших работах он практически не предпринимал попыток применить ее на деле. Почему же такой подход малоэффективен? На наш взгляд, типологизировать храмы можно на основе лишь тех признаков, которые характерны именно для храмов. Всякая другая типология, основанная на произвольных (например, общих для всех пещерных сооружений) или вторичных признаках, никогда не объяснит всей совокупности материала.

Несколько лет назад исследователь киевских пещер Т.А. Бобровский предпринял еще одну попытку типологизации пещерных храмов (2001. С. 256–278). Но предложенные им типы не составляют внутреннего единства и не создают серьезных предпосылок для создания относительной хронологии памятников. Форма храма, изменение которой столь важно для наземной архитектуры, не может послужить основой для типологии пещерных памятников, ибо храмы вырублены в скале, и сама порода зачастую прямо диктует особенности формы.

Наш подход отличается и от тех методов анализа литургических устройств, которые применялись к пещерным храмам других регионов. Так, Ф. Делль'Аквила и А. Мессина рассматривают литургические устройства пещерных церквей Апулии и Базиликаты почти только с архитектурной точки зрения (Dell'Aquila, Messina, 1998). Н.Б. Тетерятникова, наоборот, детально рассматривает различные литургические конструкции для пещерных храмов Каппадокии (Teteriatnikov, 1996); однако она воспринимает 800-летнюю историю пещерных храмов в Каппадокии как беспрерывное повторение одной и той же литургической модели, зачастую игнорируя динамику литургико-архитекурных форм.

Читатель посвященных Горному Крыму трудов, вероятно, обращал внимание на большой разнобой в названиях храмов – ведь каждый, кто описывал пещерные комплексы, вводил свою нумерацию и зачастую собственные названия. Поэтому создание в будущем единой (и общеобязательной) номенклатуры пещерных храмов Юго-Западной Таврики нам представляется крайне желательным. А пока мы предпочитаем пользоваться сводом Ю.М. Могаричева, предлагающим единую номенклатуру и нумерацию для всех пещерных храмов.

Здесь существует, однако, несколько исключений, так как часть пещер, которые Могаричев определяет как церкви, таковыми, по нашим наблюдениям, не являются. Это "малые храмы" в Чилтер-Мармаре (2-, 3-, 4-й) и Шулдане (2-й); "храмы": на Чуфут-Кале; "в оконечности мыса Тешкли-Бурун", "на площадке со склепами" и "юго-западного монастыря" на Мангуп-Кале; 3- и 4-й в третьем гроте Качи-Кальона; 2-, 4-й в скиту св. Софии; "в основании монастырской скалы", "в анфиладе" и "в Каламите"; "скит" у станции Инкерман-I и комплекс Загайтанской скалы в Инкермане. Так, посвященный последнему комплексу раздел у Могаричева является совершенно некритическим: храмами названы иногда просто случайные пещеры (наши натурные наблюдения приводят к выводу о существовании там всего 2 (да и то полупещерных) храмов вместо 11 (!) у Могаричева (С. 17–22)).

Почему мы не считаем эти пещеры церквями? Потому что бесспорно храмами можно считать только те сооружения, которые обладают несомненными *архитектурно-литургическими* признаками церковного здания: алтарной частью/апсидой, св. престолом в виде отдельно стоящего или прислоненного к стене столика (но никак не имеющей наземных аналогов "престольной

ниши" по Могаричеву), следами существования темплона, ориентацией на восток или северо-восток. Существует и ряд вторичных, вспомогательных признаков, важных для идентификации храмов, например наличие фресок и других изображений, надписей, погребений. При отсутствии всяких архитектурно-литургических признаков пещерное сооружение может быть интерпретировано совершенно по-разному, и доказать, что это именно храм (а не, скажем, загон для скота), в подавляющем большинстве случаев невозможно.

Необходимо также отметить, что не все храмы были нами типологизированы – по той или иной причине не везде сохранилось достаточное количество архитектурно-литургических деталей. Полупещерные храмы должны быть предметом особого исследования, как пограничная форма между наземной и пещерной архитектурой. Кроме того, один пещерный храм Юго-Западного Крыма не принадлежит к византийской традиции.

Пещерные храмы, не включенные в типологию: храм Успенского монастыря в Бахчисарае (полностью перестроен в Новое время); храм "на площадке" под северным обрывом Тепе-Кермена (алтарная часть сильно разрушена); Большой храм (№ 1) скита св. Софии в Инкермане (восточная часть полностью разрушена); храм Вознесения в Инкермане (разрушен, а существующее описание неудовлетворительно); храм св. Мартина Климентовского монастыря в Инкермане (согласно плану Дюбуа де Монпере, вдоль стен, в том числе восточной, идет скамья, что вряд ли возможно в церкви; нет никаких следов первоначальных литургических устройств); "Армянский" храм в Инкермане (по-видимому, генуэзская церковь, обладающая типичными признаками католического храма: нет алтарной преграды, есть широкий пристенный престол, пристроенная с юга комната-сакристия, закрывавшаяся дверцей ниша-"гробница" для хранения Св. Даров в северной стене).

Принципы типологизации. Основой типологии пещерных храмов могут и должны служить признаки, характерные исключительно для церквей – элементы их литургического устройства, выполненные в камне.

Из всех христианских служб важнейшая – Евхаристия, она совершается во всяком храме до тех пор, пока он вообще функционирует как храм, и большинство его богослужебных устройств существуют именно ради нее. Основными из этих устройств являются: *св. трапеза*, или св. престол, т.е. стол, на котором совершается Евхаристия (в Византии – каменный (Желтов, 2000)); *синтрон* – седалище епископа и священников (Mathews, 1971); *алтарная преграда*, отделяющая пространство св. трапезы и синтрона (алтарь) от остального храма и имеющая проход, *св. врата*, в центре (возможно также наличие одной или двух *диаконских дверей*); *амвон* – возвышение в центре храма, с которого возглашались некоторые тексты литургии (Sodini, 1993. P. 39–51; 1994. S. 303–307; Казарян и др., С. 108–110) и к которому из алтаря вела дорожка – *солея* (в современной церковной практике эти термины употребляются несколько иначе). Кроме того, в самом храме или неподалеку от него должны размещаться комнаты для хранения богослужебных книг, церковных облачений, священных сосудов, и для приготовления хлеба и вина к литургии.

С IV в. повсюду в Империи для христианского богослужения начали строиться величественные базилики, длина которых измерялась десятками метров. Важнейшими точками совершения литургии в базиликах были амвон, св. престол и синтрон. Литургия начиналась с торжественного входа в храм; далее с амвона читалось Священное Писание и предстоятель произносил проповедь (как правило, с синтрона). Затем священнослужители приступали к престолу, диаконы приносили хлеб и вино (которые в традиции константинопольских храмов приготовлялись в отдельном от храма небольшом здании – *скевофилакионе* (Mathews, 1971), а в Сирии – в *пастофории*, особой комнате, обычно внутри храма (Descoeudres, 1983)), а предстоятель поставлял их на престол (Taft, 1978). После этого он читал главную молитву литургии – анафору; и, вслед за некоторыми священнодействиями Св. Дары предлагались для Причащения (Taft, 2000), после которого следовало благодарение и совершался исход из храма.

К VI в. относятся первые сведения о появлении новой практики устройства в храме дополнительных престолов – вероятно, для совершения литургии частным образом (Mathews, 1982a. P. 125–139). К VIII в. в Константинополе приготовление хлеба и вина к литургии было уже существенно ритуализовано – с этого времени византийская литургия немыслима без особого обряда протесиса (т.е. проскомидии, в современном русском словоупотреблении; см.: Mandala, 1935). В храмах, имевших скевофилакион, протесис первоначально проходил в нем, однако очень быстро для протесиса стали выделять особую нишу в наосе, чаще всего размещавшуюся к северу от алтаря.

С VIII–IX вв. основной тип храма в византийской традиции далеко уходит от базиликального (Mathews, 1982b. P. 338–343). Очень важным процессом, начавшимся уже в VIII в. (как видно на примере храма Св. Софии в Фессалониках, который был в это время перестроен и существенно укорочен, см.: Krautheimer, 1965; Ćurčić, 2000), стало сокращение размеров, приведшее к тому, что длина храмов в поздневизантийскую эпоху, как правило, в десятки раз меньше, чем длина базилик IV–VI вв. Стали меняться и литургические

устройства. При этом, в то время как в соответствии с очередным этапом развития богослужебного чина и соответственно с изменением требований к архитектурному облику церкви, памятники наземной архитектуры могли быть существенно перестроены (например, храм из одноапсидного переделывался в трехапсидный), скальные сооружения по самой своей природе могли быть подвергнуты перестройке в значительно меньшей степени. Конечно, и пещерных храмов могли касаться некоторые изменения, но скальные архитектурные детали – богослужебные приспособления, а тем более подрубки, остались практически в первозданном виде. Их трудно "достроить", но можно уничтожить или превратить в другие, меньшего (если это выступы) или большего (если это углубления) размера.

С послеиконоборческого времени (с IX в.) из центра храма постепенно исчезает каменный амвон (сначала замененный деревянным, а затем и вовсе упраздненный); выдающаяся в наос П-образная алтарная преграда заменяется прямой; высокий многоступенчатый синтрон уступает место простой скамье (иногда с епископским троном в центре); пространство алтаря, ранее по необходимости выдвинутое в наос (из-за массивного синтрона), почти полностью перемещается в апсиду. Таким образом, с того времени все процессии, входившие в состав литургии, потеряли прямое практическое значение – малый размер храма сделал ненужным торжественные вход и выход; упразднение амвона упростило порядок чтения Священного Писания; приготовление Даров в северной апсиде или сразу внутри алтаря исключило возможность принесения их извне. Однако все эти элементы традиционно сохранились в евхаристическом чине и приобрели символическое значение.

В XII–XIV вв. обряд протесиса подвергся окончательному усложнению и приобрел уже современную форму с использованием многих просфор и четкой фиксацией молитвословий над каждой из них. Важным для осмысления чина протесиса изменением, укоренившемся к XIII в., стало запрещение совершать его диаконам (поначалу обряд протесиса совершали они). Итак, с XIII в. обряд протесиса уже воспринимается как особое необходимое священнодействие, символ жертвы, и поэтому он должен совершаться только священником, и поэтому же зона протесиса перемещается в алтарную часть – или непосредственно в алтарную апсиду, или в соединяющуюся с ней северную апсиду. К XIV–XV вв. чин протесиса был окончательно кодифицирован ([Красносельцев], 1889).

Поскольку одним из основных динамических факторов в эволюции архитектурного контекста евхаристической литургии является способ и место приготовления хлеба и вина, то первым и основным классифицирующим признаком должен быть избран факт отсутствия или наличия стола протесиса в храме и, в последнем случае, его местонахождение. На основании такого критерия можно выделить два основных класса пещерных храмов – не имеющие/имеющие протесис.

Класс I. Храмы без протесиса. Отсутствие зоны протесиса позволяет предполагать, что храм создан до VIII в., когда приготовление хлеба и вина еще имело достаточно свободный характер и совершалось где-то вне основного объема храма. Следует оговориться, что, возможно, протесисы в храмах, не имеющих их следов, просто не сохранились – теоретически они могли представлять собой переносные столики. Кроме того, не от всех каменных конструкций остаются видимые следы, как это, например, имеет место с престолом в полупещерной "часовне" у западного обрыва Эски-Кермена (см. отчет экспедиции 1936–37 гг.: Архив ИИМК РАН. Ф. 2. Оп. 1. 1936. Д. 268). Однако первоначальное отсутствие протесиса и соответственно ранняя датировка храмов класса I подтверждаются характерными для наземных храмов ранневизантийского времени особенностями устройства: наличием выдающейся в наос алтарной преграды или использованием триконхиальной формы. Два этих архитектурных варианта позволяют выделить внутри класса I два типа. Кроме того, один храм без протесиса имеет близкие параллели с каппадокийской архитектурой и выделен нами в третий тип. Еще два храма, хотя и не имеющие следов протесиса, но не обладающие характерными для памятников класса I формами, мы рассмотрим в конце статьи.

Тип I. 1. Храмы с алтарной преградой в форме выступающего в наос П-образного прямоугольного темплона. Это древнейшая разновидность византийского темплона, известная уже с IV в. и исчезающая из наземной архитектуры с уменьшением размеров храмов и деградацией синтрона (IX–X вв.). Выступающим "архаическим" темплоном (а также рядом других общих признаков – см. ниже) обладают: (1а)[1] храм "с баптистерием" на Тепе-Кермене; (2) храм "Судилище" на Эски-Кермене; (3) главный храм Челтер-Кобы. Увлекшись дискуссией о датировке Челтер-Кобинского монастыря – VIII или XIII–XIV вв., сторонники первой – В.Н. Даниленко, Ю.С. Воронин) и второй (Ю.М. Могаричев) гипотез так и не смогли внимательно проанализировать устройство храма обители. Могаричев, например видит здесь невозможную комбинацию из двухступенчатого синтрона и пристенного престола, "по-видимому, сбоку (!) от синтрона". Между тем в полу храма

[1] Здесь и далее в статье используется сплошная нумерация памятников; после первого упоминания памятника мы указываем только его номер.

(и на плане в книге Могаричева) хорошо читаются и гнездо престола, и остатки срубленного синтрона, и следы выступающей П-образной алтарной преграды. Скамья, которую Ю. М. Могаричев отождествил с синтроном, находит себе аналогию в двухступенчатой скамье в № 2. Отметим, что через некоторое (возможно, немалое) время в алтаре № 1а был устроен протесис в виде грубо высеченной ниши в стене.

I. 2. Храмы-триконхи. В этих храмах алтарь помещается в восточной апсиде, а две другие входят в состав наоса: в них обычны скамьи для сидения или (в одном случае) широкий стол. Аналогией такому устройству должны быть не поздние (XI–XIV вв.) триконхи Балкан и Афона, а, наоборот, древние: "четырехапсидный" мемориальный храм в Херсонесе, а также алтарные триконхи базилики Рождества Христова в Вифлееме (VI в.) и базилики Крузе в Херсонесе (Якобсон, 1959. С. 188–190). Другая параллель – храм в так называемом херсонесском склепе 1912 г. на земле Тура.

Тип I. 2 представлен 3 храмами Эски-Кермена: (4) 1-й у подъемной дороги ("большой"); (5) 2-й у подъемной дороги ("у городских ворот"); (6) "Трех всадников" (его северная стена перетесана при написании фрески, но триконхиальная форма хорошо читается, хотя и несколько смещена по оси З–В, что обусловлено особой формой пещеры, вырубленной в сравнительно небольшом отвалившемся от скалы валуне); а также (7a) подземным храмом на главной улице в Херсонесе.

Некоторые храмы этого типа обладают рядом признаков, сближающих их с типом I. 1. В № 5 это наос поперечной ориентации, приближающийся к прямоугольному, а в № 6, 7 – выступающий темплон. В № 7 в настоящее время видны следы расположенного в наосе протесиса, однако сильная деформация стен не позволяет вынести суждения о его оригинальности.

К числу триконхиальных храмов принадлежит также храм Вознесения в Инкермане, однако отсутствие для этого, ныне разрушенного, памятника подробного описания с указанием литургических устройств (в первую очередь св. престола и протесиса) не дает возможности включить его в один из типов, а архитектурные формы, имитирующие наземные постройки (подпружные арки, угловые столпы, плоский купол), заставляют отнести его, как и большинство инкерманских церквей, к позднейшему периоду (ближайшая аналогия – большой храм скита св. Софии в Инкермане).

I. 3. Храм с подковообразной апсидой. К типу I. 3 относится только один храм: (8) св. Софии на Качи-Кальоне. Нетрадиционная для Горного Крыма полукруглая западная стена, подковообразная форма апсиды, уровень пола в которой приподнят на 0.32 м по сравнению с уровнем пола в наосе, имеет параллели в однонефных храмах Каппадокии – особенно близка к нашему памятнику третья церковь (Мистикан Килисе) в Гюзелёзе (Мавруджан) IX–X вв. с еще более приподнятой апсидной частью (на 0.8 м – Teteriatnikov, 1996. P. 35–40. Pl. 2). Примечательно, что эта архитектурная особенность оказала влияние на позднейшие пещерные храмы Качи-Кальона.

Памятник интересен и тем, что, возможно, для приготовления хлеба и вина к литургии служило помещение, вырубленное в соседнем валуне к западу от храма, где сохранились следы тарапана, стола и скамьи и изображение креста на стене. Определенной аналогией такому помещению служит пещера с храмом "Успения" на Эски-Кермене, где церковь сосуществует с тарапаном и другими хозяйственными устройствами.

Класс II. Храмы с протесисом. Поскольку эволюция евхаристического чина оказала влияние на положение протесиса в объеме храма, оно является основным критерием для выделения нескольких типов пещерных церквей внутри класса II. При этом расположение стола протесиса вне алтаря указывает на создание храма во время формирования этого обряда (до XIII в., т.е. VIII(?)–XII вв.), перемещение протесиса в алтарную апсиду – на время его сакрализации (XII–XIII вв.), выделение для протесиса отдельной зоны внутри алтаря – на время окончательного выделения обряда протесиса в фактически самостоятельную службу и его заключительной кодификации (с XIV в.).

II. 1. Храмы с протесисом в наосе. Протесис в этих храмах всегда помещен в северном плече восточной стены наоса. Это храмы: (9a) "Донаторов" в Черкес-Кермене (1-й период истории храма); (10) боковой при храме "Судилище" на Эски-Кермене; (11) между третьим и четвертым гротом на Качи-Кальоне; (7b) подземный в Херсонесе (в настоящем состоянии).

В № 9а протесис с течением времени был перенесен внутрь алтаря (перемещение протесиса встречается и в каппадокийских пещерных церквях: например, в храме св. Стефана в Джемиле ниша протесиса пробила первоначальную фресковую роспись алтаря IX в. – Teteriatnikov, 1996. P. 38. № 22) и устроен по образцу храмов типа II. 2, так что здесь была записана позднейшей фреской не только старая ниша протесиса, но и паз для крепления его верхней плиты (Гайдуков, 2002. С. 72, 73). Возможно также, что в № 1а протесисом могла служить на каком-то этапе ниша в западной части северной стены.

II. 2. Храмы с протесисом в алтарной апсиде. Первоначально перенесение протесиса за алтарную преграду никак не влияло на конструкцию алтаря: темплон продолжал совпадать с линией апсидной (так называемой триумфальной) арки. Протесис (в виде столика или ниши) находится у северной стены апсиды. К типу II. 2 относятся

храмы: (12) св. Евграфия в Инкермане (не сохранился; см.: Могаричев, 1997. С. 16, 17); (13) ап. Андрея ("часовня") Климентовского монастыря в Инкермане (не сохранился; см. Могаричев, 1997. С. 96); (14) боковой храм-парэкклисий (так называемый 3-й) в скиту св. Софии в Инкермане; (15) Георгиевского монастыря на мысе Фиолент; (16) "в карстовой пещере" на Мангуп-Кале; (17) главный храм Чилтер-Мармары; (9b) "Донаторов" в Черкес-Кермене (2-й период истории храма); (1b) "с баптистерием" на Тепе-Кермене (последний период истории храма); (18) храм ("часовня") на Бакле.

II. 3. Храмы с выделенной зоной алтарного протесиса. Следующий шаг в архитектурном развитии протесиса заключается в продвижении темплона от апсиды глубже в наос, так что северо- и юго-восточные углы наоса оказываются включенными в алтарное пространство, образуя отдельные компартименты, и по их линии вне апсиды образуется новая часть алтаря, которую мы предлагаем называть зоной алтарного протесиса. В ее северном конце располагается протесис, в южном – сиденье для священника. Такая конструкция представлена в следующих пещерных храмах: (19) св. Георгия (св. Климента) Климентовского монастыря в Инкермане; (20) в Георгиевской балке (Инкерман); (21) в Сарандинакиной балке; (22) "с ризницей" на Тепе-Кермене; (23) в третьем гроте Качи-Кальона; (24) Шулданском; (25) Южного монастыря Мангуп-Кале; (26) Северного (в Табана-Дере) монастыря Мангуп-Кале; (27) "Успения" на Эски-Кермене.

В № 27 из-за небольшой ширины (1.2 м) зона алтарного протесиса по ширине совпадает с наосом. В № 26 зона алтарного протесиса находится в зачаточном состоянии: темплон уже немного отступает от апсидной арки, но еще не отсекает восточную часть основного объема наоса по всей ширине (из-за этого ниша протесиса выходит в алтарь своей узкой стороной, а в наос – широкой; та же картина наблюдается и в № 16). В № 19, наоборот, зона алтарного протесиса имеет длину более 1 м и позволяет ориентировать протесис не только на север, но и на восток (первоначальный протесис не сохранился), а также обладает собственным выходом в наос, приближаясь тем самым к типу II. 4.

II. 4. Храмы с обособленным протесисом в алтаре. Этот тип практически полностью соответствует поздневизантийской конструкции трехапсидного алтаря: протесис помещается в отдельном помещении (северной апсиде), соединенном, с одной стороны, внутренним проходом с центральной частью алтаря, а с другой – имеющим собственный выход в особый "неф" наоса. В полной мере к такому типу можно отнести только один храм: (28) "с крещальней" (храм "Атки") в Инкермане. Из-за обрушения южной части храма остается неясным, были ли с юга аналоги компартименту протесиса и "нефу" на севере.

Архитектурные особенности храмов в свете предложенной типологии. *Местоположение протесиса.* В классе I протесис по определению отсутствует (хотя в № 6, тип I. 2, в юго-восточном углу наоса есть ниша со столиком – возможный аналог южного пастофория наземных сирийских базилик). В храмах типа II. 1 протесис ориентирован на восток, а типов II. 2–3 – наоборот, на север; в типе II. 4, где для протесиса выделено особое помещение, – на восток. К переориентации протесиса в храмах типов II. 2–3 привел, по видимому, недостаток пространства.

Форма протесиса. В храмах типа II. 1 протесис обычно помещается внутри ниши (иногда с добавлением верхней плиты, вставляющейся в скальные пазы – № 9a), и лишь в № 11 использован скальный уступ. Ниши протесиса хорошо известны в пещерной архитектуре Каппадокии (Teteriatnikov, 1996). Сходная конструкция встречается и в типе II. 2 (№ 9b, 14 и 27), однако в № 12 и 18 (сохранились следы крепления в полу) протесис имел вид каменного пристенного столика. В памятниках же типа II. 3 протесис оформляется как столик: скальный (№ 26), пристенный (№ 19, 24 и 25) или вставленный в скальные пазы (№ 22). К нише, но уже значительно большего размера, возвращается только тип II. 4, который параллелен типу II. 1 и в ориентации протесиса на Восток.

Архитектурный контекст. Храмы типа I. 1 (за исключением № 3, располагающегося в естественном гроте) имеют не характерную ни для наземной, ни для пещерной архитектуры форму: они вытянуты по оси С–Ю, а не З–В (в Южной Италии известно до 10 храмов X–XII вв. "с широким нефом", из которых № 1a особенно близка планировка церкви Санта-Катерина в Массафре (XII в.) с выступающей в наос алтарной преградой – Dell'Aquila, Messina, 1998. P. 40, 174). Они представляют собой как бы отсеченную восточную часть базилики, что объясняется отсутствием необходимости в постройке большого храма и сосредоточенностью литургических устройств в восточной половине церкви. Кроме того, № 1a и 2 роднит плоский потолок, № 2 и 3 – закругленная скамья, а все три – П-образный темплон и баптистерий/агиасма (редкий элемент в храмовой архитектуре Горного Крыма). Кроме того, в № 2 хорошо читается первоначальное наличие амвона в центре наоса.

Основополагающие для класса II элементы – вытянутость по оси З–В и прямой темплон. Одни архитектурные детали (например, скамьи по стенам) не распределяются по типам с какой-либо закономерностью. Другие, наоборот, легко соотнести с определенными типами: карниз (№ 14, 24 и 28)

характерен для поздних типов II. 3–4, полуцилиндрический свод встречается в типах II. 2–4 (№ 18–20, 24). Кроме того, в № 21 и 24 появляется типичный признак поздневизантийского храма – притворлити. В двух инкерманских храмах типа II. 2 (№ 12 и 13) темплон имеет форму скальной стенки с дверью (св. вратами) и окнами по сторонам от нее.

Особый вопрос – эволюция синтрона и горнего места, а также их альтернативы – индивидуального сиденья с правой стороны алтаря, которое почти всегда заменяет синтрон в храмах меньшего объема. В древнейшем типе I. 1 двухступенчатый синтрон – в № 2 (в двух других церквях он опущен из-за отсутствия апсиды). Отсутствие его в памятниках типа I. 2 (маленькие мемориальные храмы) объясняется, в том числе, и нехваткой места. Тип II. 1 не имеет синтрона в 3 из 4 случаев (лишь в № 9а есть примыкающий к пристенному престолу редуцированный синтрон, нефункциональность которого доказывается наличием в алтаре другого сиденья). В типе II. 2 небольшие храмы с пристенным престолом не знают синтрона – лишь отдельное алтарное сиденье. То же относится и к маленьким храмам типа II. 3: № 22 и 26. Возрождение двухступенчатого синтрона характерно для пяти больших храмов поздних типов II. 3–4: № 19, 20, 24, 25 (здесь синтрон одноступенчатый из-за меньшего размера храма), 28. Вероятно, в XIV–XV вв. синтрон снова сделался популярен и стал сооружаться в крупных пещерных храмах по образцу наземных базилик Горного Крыма (Мангупской и Эски-Керменской) или того же № 2; кроме того, возможность сооружения синтрона прямо связана с расположением св. престола.

Устройство св. престола. Во всех храмах класса I престол имеет форму отдельно стоящего столика, причем во всех церквях типа I. 2 он помещается на очень небольшом расстоянии от восточной стены апсиды. В двух храмах типа II. 1 престол пристенный, а в двух других со стеной, вероятно, соприкасалась его крышка. Храмы типа II. 2 знают только пристенные престолы. Наоборот, в типах II. 3–4 мы встречаем лишь отдельно стоящие престолы, часто с синтроном за ним. Логику такого местоположения можно реконструировать следующим образом: первоначально отдельно стоящий престол имитировал формы наземной архитектуры. В небольших апсидах храмов-триконхов он придвинут ближе к стене; это относится и к небольшим храмам типа II. 1. Когда протесис перешел в алтарь, престол пристраивают к стене, чтобы создать внутри алтаря свободное пространство. Наконец, с появлением зоны алтарного протесиса тот отодвигается в расширенную северо-западную часть алтаря, а св. престол обретает свое прежнее место по центру алтаря. В такой ситуации становится возможным создание синтрона, который из храмов II класса есть только в храмах типов II. 3–4.

Еще одна важная особенность устройства св. престолов, которая может служить типологизирующим признаком, – наличие или отсутствие в престоле особого углубления для помещения туда ковчежца со св. мощами. Византийский чин освящения храма претерпел некоторое развитие в ходе истории (Ruggieri, 1988. P. 79–118; Желтов, 2005), и одно из проявлений этого развития – изменение характера использования св. мощей в чине: если в доиконоборческую эпоху св. мощи полагались где-то в храме, в том числе (но не обязательно) и под престол, то в послеиконоборческую эпоху помещение их под престол или даже внутрь него стало нормой. Соответственно уменьшился и размер ковчежца с мощами – в послеиконоборческую эпоху для освящения обычно используют совсем небольшие коробочки или запаянные ампулы с мощами. Этот признак работает на материале крымских пещерных храмов, где углубления для св. мощей встречены только в храмах II класса, которые мы как раз относим к послеиконоборческому времени (отметим интересный локальный вариант: в эски-керменских церквях углубление под ампулу со св. мощами находится не в горизонтальной плоскости, а в правой боковой стенке престола). Впрочем, углубление под св. мощи, как и протесис, могло вырубаться уже после появления храма – например, при новом освящении церкви (а небольшие размеры углубления не представляют сложности для такой переделки).

Декоративный контекст. Рельефные изображения на скальных поверхностях в храмах Горного Крыма чрезвычайно редки (например, крест в конхе апсиды № 19), но украшение фресками известно почти для десятка памятников. Однако в отношении храмов класса I возникают сомнения в современности росписи и архитектуры: если в № 2 живопись до нас не дошла, то в № 6 она заведомо более поздняя (Волконская, 2003. С. 284–311). То же самое касается и соотношения фресок с первоначальной архитектурой в № 9а: живопись здесь нанесена на поверхность стен паза первоначального протесиса (Гайдуков, 2002). Таким образом, получается, что оригинальная роспись характерна только для памятников типов II 2–4 (ровно для половины из них).

Опираясь на анализ положения и формы протесиса, архитектуры и декорации, попробуем типологизировать еще два вышеупомянутых памятника, в которых нет следов протесиса: (29) в храме на поляне Кильсе-Тубю у подножья Мангупа единственное место для протесиса – окно в северной стене апсиды; это, а также наличие росписи, позволяет отнести храм к типу II. 2. В "Гарнизонном" храме (30) на Мангуп-Кале на роль протесиса вряд ли может претендовать ниша почти по центру северной стены, и аналогий для такого положения нет. Совпадение алтарной преграды

с апсидной аркой исключает принадлежность церкви к типам II. 3–4, а отсутствие ниши в северном плече восточной стены – к типу II. 1. Учитывая то, что здесь отсутствуют следы не только протесиса, но и престола, можно с осторожностью отнести № 30 к типу II. 2.

Хронология типов. Источники для точной датировки пещерных храмов Горного Крыма довольно скудны и сводятся в основном к следующему: археологические материалы, росписи и надписи. При этом в храмах не обнаружено практически никакого археологического материала, способного точно датировать тот или иной памятник (такой материал вряд ли может существовать, ибо его накопление происходит на дальнейших и, в основном, позднейших этапах существования храма). Пожалуй, лишь № 4 и 5 пытались соотнести с находками из близлежащих погребений, да и то разброс датировок колеблется от конца VIII до XI в. (Могаричев, 1994; ср. с нашим определением этих памятников класса I как архаичных). В оценках возраста фресок также встречаются расхождения, однако хронологический разброс здесь небольшой: росписи по большей части датируют XIII–началом XV в. (ср. с нашим тезисом о живописи, как о характеристике самых поздних типов II. 2–4). Попытки датировать надписи в храмах палеографически представляются в настоящий момент мало реальными. Однако именно эпиграфические памятники дают нам, как минимум, 3 твердых хронологических репера: № 26, 1224–1225 гг. (к такому чтению нас склоняет аутопсия и копия Воронина (Могаричев, 1992. С. 313), вопреки Бертье-Делагарду, который почему-то читал "1221"); № 12, 1272 г.; № 28, 1421 г. Кроме того, роспись № 6 датируется надписью 1192–1292 гг.

Распределим эпиграфические и стилистические даты по типам: I. 2 – VIII–XI в.; II. 2–4 – XIII–XV вв.; II. 2 – 1272 г.; II. 3 – 1224–5 г.; II. 4 – 1421 г. Эти, пусть и немногочисленные, даты показывают, что внешние указания подтверждают внутреннюю логичность нашей типологии и хронологическую соотнесенность типов как между собой, так и с тенденциями в наземной архитектуре. Две даты XIII в. хорошо показывают, что процесс развития типов был постепенным: храмы без зоны алтарного протесиса продолжали строиться, как минимум, еще полвека после появления церквей с зоной алтарного протесиса – при этом нельзя не учитывать и возможную локальную специфику в богослужебной практике.

В результате нашей типологизации можно охарактеризовать динамику архитектурно-литургического развития пещерных церквей Горного Крыма следующим образом. На первом этапе (храмы класса I) пещерные церкви строились отчасти по образцу наземных (например, триконхи). Вероятно, образцом при этом служили храмы Херсонеса, такие как базилика Крузе или мемориальный "четырехапсидный" храм (учтем также большую близость декорации темплонов из Херсонеса и № 1а). Протесис (точнее, помещение для приготовления св. Даров) в таких храмах если и существовал, то располагался вне храма. Памятники класса I (с выступающим темплоном или триконхи) могли строить от VI (№ 1а) до IX–X вв. (№ 4–6), когда использование протесиса имело еще достаточно свободный характер. Поздний этап развития этого типа совпадает с появлением типа II. 1, чья архитектурная форма уже не архаична и близка к поздним типам. Протесис здесь оформляется в виде ниши или столика в северном плече восточной стены, как это имело место, например, в пещерных храмах Каппадокии (Teteriatnikov, 1996). Очень быстро (что объясняет небольшую распространенность типа II. 1), по крайней мере, уже к началу XIII в., протесис переходит, как и повсюду в Византии, в алтарную часть. Дальнейшее подчеркивание значения протесиса порождает необходимость увеличить занимаемую столиком протесиса площадь – возникает зона алтарного протесиса: два углубления перед темплоном и восточной стеной в северной (сам протесис) и в южной (сиденье) стенах алтаря. При этом оба варианта размещения протесиса (типы II. 2 и II. 3) какое-то время сосуществуют (по меньшей мере – в XIII в.). В дальнейшем в связи с окончательным формированием и обособлением протесиса он создает себе отдельный компартимент, свою собственную, с алтарем лишь сообщающуюся, апсиду с собственной дверью в наос (тип II. 4); отсюда уже недалеко до современного "трехдверного" алтаря, имеющего деление на собственно алтарь, протесис и диаконник. Такой тип пещерного храма появляется в XV в., перед самым концом независимой греческой государственности в Горном Крыму.

Географическое распределение типов. Попробуем, наконец, наложить нашу хронологическую схему на археологическую карту Юго-Западного Крыма. Здесь выделяются четыре больших района концентрации пещерных памятников: "Качинский" (Тепе-Кермен, Качи-Кальон, Марьям-Дере, Чуфут-Кале), "Мангупско-Эски-Керменский" (Мангуп, Челтер-Коба, Чилтер-Мармара, Шулдан, Эски-Кермен, Черкес-Кермен), "Инкерманский" (Инкерман, Георгиевская и Троицкие балки) и "Херсонесско-Гераклейский" (Херсонес, Сарандинакина балка, мыс Виноградный, мыс Фиолент). Особняком стоит самое северное городище – Бакла. Представим в таблице распределение классов и типов пещерных храмов по районам.

На какие выводы наводит это сопоставление? Наибольшее количество храмов всех типов расположено в "Мангупско-Эски-Керменском" районе, однако, начиная с типа II.2, его догоняет "Инкерман-

Распределение количества храмов по типам и районам

Тип	Датировка, вв.	"Качинский"	"Мангупско-Эски-Керменский"	"Инкерманский"	"Херсонесско-Гераклейский"
I.1	VI–X	1	2	–	–
I.2	VI–X	–	3	–	1
I.3	VIII–X	1	–	–	–
II.1	IX–XII	1	2	–	–
II.2	XII–XIII	–	3	3	1
II.3	XIII–XV	2	4	2	1
II.4	XIV–XV	–	–	1	–

ский", где ранние памятники вообще неизвестны. В "Херсонесском" районе имеется древний триконх в Херсонесе и два поздних храма на Гераклейском полуострове. Для "Качинского" района выделяются три этапа: ранний, связанный с ранневизантийским строительством на Тепе-Кермене, средневизанйтиский на Качи-Кальоне и поздний, где пещерные храмы типологически полностью совпадают с другими районами.

Такие всплески строительной активности еще лучше видны на примере отдельных городищ с большим числом пещерных церквей. На Эски-Кермене большинство храмов либо вообще не имеют протесиса, либо имеют протесис в наосе, т.е. являются ранними; лишь два памятника здесь относятся к следующему типу (II. 2), а типы II. 3–4 вовсе не представлены (оговорим, что тип II. 3 встречается на Эски-Кермене в одном неизданном полупещерном храме, на западном обрыве). Такая картина хорошо отражает историю городища с ее двумя периодами расцвета: VI–VIII вв. и XIII в. Наоборот, на Мангупе все храмы (кроме одного, типа II. 2) относятся к позднейшим типам II. 3–4, совпадающим по времени с существованием княжества Феодоро. Почти то же самое мы видим и в Инкермане: пещерные храмы начинают здесь строиться в это же время и появляются вплоть до XV в., что легко сопоставить с преобладанием поздневизантийского материала в инкерманской крепости Каламита.

Созданная на основе одного лишь устройства, протесиса, типология пещерных храмов Юго-Западного Крыма, существовавших в значительном временном промежутке, с VI по XIV в., как оказалось, применима и для многих других архитектурных элементов. Подтвердить правильность наших выводов и всей предпринятой нами попытки литургической типологизаци, или опровергнуть нашу систему – дело будущего исследования.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Бобровский Т.А. Заметки о культовой скальной архитектуре юго-западного Крыма // Бахчисарайский историко-археологический сборник. Вып. 2. Симферополь, 2001.

Волконская И.Г. Росписи пещерных храмов Эски-Кермена и его округи (Юго-Западный Крым) // Макариевские чтения. Вып. 10. М.; Можайск, 2003.

Гайдуков Н.Е. Литургическое устройство пещерных храмов юго-западной Таврики // Сурож, Сугдейя, Солдайя в истории и культуре Руси–Украины. Матер. науч. конф. Киев; Судак, 2002.

Желтов М.С. Чин освящения храма и положения святых мощей в византийских Евхологиях XI века // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира. М., 2000.

Желтов М.С. Святые реликвии в чинопоследованиях византийского Евхология // Реликвии в искусстве и культуре восточнохристианского мира: Материалы. М., 2005.

Казарян А.Ю., Желтов М.С., Клюканова О.В. Амвон // Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2001.

[*Красносельцев Н.Ф.*] Материалы для истории чинопоследования литургии св. Иоанна Златоустого. [Ч. 1]. Казань, 1889.

Могаричев Ю.М. Пещерные сооружения средневековых городищ юго-западного Крыма // Проблемы истории "пещерных городов" в Крыму. Симферополь, 1992.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви в районе подъёмной дороги Эски-Кермена // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.

Могаричев Ю.М. Пещерные церкви Таврики. Симферополь, 1997.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес: Очерки истории материальной культуры // МИА. 1959. № 63.

Ćurčić S. Some Observations and Questions Regarding Early Christian Architecture in Thessaloniki. Θεσσαλονίκη, 2000.

Dell'Aquila F., Messina A. Le chiese rupestri di Puglia e Basilicata. Bari, 1998.

Descoeudres G. Die Pastophorien im syro-byzantinischen Osten: Eine Untersuchung zu Architektur und liturgiegeschichtlichen Problemen. Wiesbaden, 1983.

Krautheimer R. Early Christian and Byzantine Architecture. Harmondsworth, 1965.

Mandala M. La protesi della liturgia nel rito bizantino-greco. Grottaferrata, 1935.

Mathews Th.F. Early Churches of Constantinople: Architecture and Liturgy. University Park (Pa). L., 1971.

Mathews Th.F. "Private" Liturgy in Byzantine Architecture: Toward a Re-appraisal // Cahiers Archéologiques. V. 30. P., 1982a.

Mathews Th.F. Early Christian and Byzantine Architecture: Middle Byzantine Church Architecture // Dictionary of the Middle Ages. V. 1. N.Y., 1982b.

Ruggieri V. Consacrazione e dedicazione di chiesa, secondo il Barberianus graecus 336 // Orientalia Christiana Periodica. V. 54. R., 1988.

Sodini J.-P. L'ambon dans l'Eglise primitive // La Maison-Dieu. V. 193. P., 1993.

Sodini J.-P. Les ambons medievaux a Byzance: vestiges et problemes // Μπενάκης Μ. Θυμίαμα στη μνημη της Λασκαρίνας Μπούρα. Αθήνα, 1994.

Taft R.F. The Great Entrance: A History of the Transfer of Gifts and Other Preanaphoral Rites of the Liturgy of St. John Chrysostom. Seria: Orientalia Christiana Analecta. V. 200. Rome, 1978.

Taft R.F. The Precommunion Rites. Seria: Orientalia Christiana Analecta. V. 261. Rome, 2000.

Teteriatnikov N.B. The Liturgical Planning of Byzantine Churches in Cappadocia. R., 1996.

Cave churches of Taurica: The problems of typology and chronology

A. Yu. Vinogradov, N. E. Gaidukov, M. S. Zheltov

Summary

Cave churches of the South–Western Crimea attracted scholar's attention for a long time, still, no attempts have been made to suggest a systematic classification of the monuments. The authors criticise the ideas of Yu.A. Mogarichev and T.A. Bobrovsky and suggest the new typology based on the development of the churches structure taken in its liturgical aspect, and the way it influenced the architecture. These problems have been sufficiently studied on the materials of ground churches. According to presence or absence of prothesis two classes of churches have been singled out, the classes are subdivided into separate types forming a chronological sequence, certain types being coeval. The early churches of the 6th–the 9th cc. had not got prothesis, they imitated ground churches in their basic characteristics (imitating the eastern part of basilica, or triconch). The cave churches attributed to middle and late Byzantine periods (the 10th–the 15th cc.) differ from the earlier ones in location of prothesis: first it was constructed not in naos, but inside the apse, then in a special zone between the templon and the altar arch. The suggested chronology of the discussed churches is confirmed by archaeological and epigraphic evidences and fresco paintings. The suggested typology is evidenced by clear correlation of the revealed types with certain architectural details, for instance, various shapes of prothesis and synthrone. New typology is of importance for investigation of the history of the medieval Crimea and her separate regions, it also can be used while studying ecclesiastical architecture in general.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 81–99

ДИСКУССИИ

АРХЕОЛОГИЯ ПОЗДНЕГО ПЕРИОДА ИСТОРИИ

Материалы Круглого стола, проведенного редакцией и редколлегией журнала "Российская археология"

9 марта 2004 г. состоялось открытое заседание Круглого стола на тему "Археология и поздние исторические периоды" (из серии "Современная археология: новые границы"), организованного журналом "Российская археология" и Институтом археологии РАН. В нем приняли участие Отдел архитектурной археологии Государственного Эрмитажа, Центр археологических исследований г. Москвы, археологи из Твери, городов Сибири и Дальнего Востока.

Участникам предлагалось высказаться по вопросу о значении археологии для изучения XVIII–XX вв.: ограничится ли ее роль "эксгумационными" технологиями или разовьется в подраздел фундаментальной истории?; что может внести "археология современности" в общую методику археологии; какое место должны занять в системе охранных исследований "промышленная" и "архитектурная" археология XVIII–XX вв.; целесообразна ли публикация материалов по "археологии современности" в фундаментальных научных журналах, в том числе в журнале "Российская археология", и какими должны быть критерии их отбора.

Мы предлагаем читателям тексты основных докладов и выступлений в прениях (рис. 1).

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Л.А. Беляев (Москва) Институт археологии РАН, главный редактор журнала "Российская археология"

Цель своего выступления я вижу в том, чтобы разъяснить, почему мне кажется важным обдумать четыре обозначенных в нашей программе вопроса (да заодно и несколько других, в ней не обозначенных).

Tempora mutantur et nos mutamur in illis. Это полностью касается археологии. На нашем прошлом Круглом столе (см. № 4 "Российской археологии" за 2002 г.) мы говорили об одном из направлений ее быстрого и, так сказать, спонтанного движения, о расширяющихся грабительских раскопках, за которыми стоят прежде всего простейшие денежные интересы, но также острая потребность народа в прямом контакте со своим прошлым. Археология вообще быстро раскрывает свой социальный потенциал. Во всем мире заметны попытки превратить ее из науки в одну из ветвей индустрии развлечений; ее памятники стремятся использовать для националистической пропаганды и в других, вненаучных целях.

Академическая наука может, до известного предела, дистанцироваться от этих новых процессов, поскольку они не порождены внутренней потребностью науки, а являются функцией социальных перемен в мире. Однако делать вид, что этих процессов вообще не существует, опасно: они играют очень сильную структурирующую (а зачастую и прямо деструктивную) роль, подспудно видоизменяя нашу науку, меняя представление о ней не только у общества, но и у археологов-профессионалов (зачастую незаметно для них самих). Минимум того, что мы должны сделать – это осмотреть складывающееся "поле игры" и обдумать, какие из возникающих новых направлений можно применить к делу, а от каких следует отгородиться бетонной стеной.

Полагая, что путем оценки ситуации и выработки своей линии поведения в новых условиях можно прояснить складывающееся положение археологии в обществе и среди других наук, а отчасти разобраться и с ее внутренними проблемами, редакционная коллегия и редакционный совет журнала решили провести серию Круглых столов, направленных на поиск новых границ археологии.

Один из новых для археологии процессов – нарастание интереса к материальному контексту недавнего прошлого. Безусловно, этот интерес, это постепенное размывание верхней хронологической границы исследований, противоречат уже самой этимологии слова "археология". Но следует помнить, что современное общество изменяется ("стареет") гораздо быстрее, чем это было в XIX в., в период рождения археологии как науки (посмотрите любой современный телесериал про 50–60-е годы XX в., и вы увидите массу ошибок и анахронизмов). Поэтому недавнее прошлое уже нуждается в исторической реконструкции, к поиску методов которой на Западе благополучно и приступили. Чтобы убедиться в склонности наших западных коллег записывать в археологию все, что придется, достаточно полистать нью-йоркскую "Archaeology", редакция которой с удовольствием посвящает номера "двум черепам Моцарта",

раскопкам бункеров гестапо в Берлине или веселых кварталов конца XIX в. в Нью-Йорке.

С позиций традиционной археологии это выглядит по меньшей мере чудачеством, поэтому активность изучения поздних периодов часто пытаются объяснить малочисленностью объектов древних эпох в США или их малой доступностью для исследования в Западной Европе. Однако это нужно считать недоразумением: США достаточно богаты памятниками доисторической археологии, а в Европе, как всем известно, есть чем заняться и вне XVIII–XIX вв. Причины тут другие: "археология современности" в социальном плане представляет собой род ностальгии, это движение "в поисках утраченного времени", тяга к которому и порождает внимание общества, стремящегося точнее и глубже понять культуру недавнего прошлого. Для самих же археологов поздние периоды привлекательны обилием материала, возможностью широко использовать его для развития исследовательских методов и для отработки контактов с другими, прежде всего естественными науками. Поэтому давно сложились и стали респектабельными направления индустриальной археологии и этноархеологии; появилось множество научных обществ и целый ряд журналов, занятых исключительно проблемами позднейшей археологии.

Нельзя сказать, что эти процессы незнакомы России. Здесь уже давно обращаются к помощи археологов для изучения моментов истории XVIII, XIX и даже XX вв. Приведу хрестоматийный пример с планом укреплений батареи Раевского на Бородинском поле, которые изображались на всех обмерах по-разному и получили точную конфигурацию только благодаря археологическим раскопкам. Можно ожидать серьезных археологических поправок к письменной истории и для более позднего времени: подход к отчетной документации эпохи Второй мировой войны как к объективному источнику был бы слишком наивен, и археологию то и дело приглашают в качестве арбитра. Тем более это верно для изучения мест захоронения (Хатынь и другие). Перечислять, какие области истории стремятся включить себя сегодня в "археологию современности" было бы слишком долго. В то же время, во всех указанных случаях мы имеем дело не с расширением поля археологии как науки, а только с использованием некоторых ее приемов, прежде всего – отлаженной техники раскопок, фиксации и атрибуции находок и т.п., всего того, что составляет "эксгумационную технологию".

Во-первых, особым аспектом поздней археологии является охрана историко-культурного наследия. Дело в том, что время тотального исследования и постановки проблем археологии индустриального периода еще не пришло, оно только на подходе – во всяком случае в России. Но беда в том, что, когда оно придет, – может оказаться, что уже поздно. Слои будут существенно повреждены. Их следует сберечь, расходуя предельно экономно – и не только те, ценность которых уже очевидна, но и те, ценность которых будет осознана позже. Скажу несколько слов о том, зачем нам могут понадобиться поздние слои городов России.

Эти города, в массе своей, очень молоды и небогаты археологическими следами истории. Они больше похожи на города США, Канады или Австралии, чем Италии, Англии или Китая. Просто мы привыкли считать их древними и мало задумываемся над реальными аналогами. Достаточно просмотреть список городов, особенно в Поволжье, Южной России и Сибири (да, в общем, и в историческом центре) – чтобы убедиться, что в подавляющем большинстве наши бесчисленные Спасски и Богородски основаны не ранее конца XVII–XVIII вв. Поздние материалы по их истории зачастую являются и единственными. Так что материалы поздней (исторической и индустриальной) археологии всегда будут составлять значительную часть археологического наследия России. Следовательно, поле для развития локальной (краеведческой) археологии в русских городах – слои поздние, а не ранние (наличие в городе или его окрестностях более древних памятников дела не решает – в подавляющем большинстве случае они с этими городами генетически не связаны). Работая в таких городах, мы ежедневно вынуждены принимать, так сказать, "решение на ампутацию". Быть последовательным в этих ампутациях – значит очень скоро оставить многие наши города (в том числе, например, некоторые районы Москвы) практически без археологического ресурса. И наоборот – активизация работы в этих направлениях обещает дать хороший, осмысленный материал для местных музеев; для книг и журналов, развивающих национальную или локальную проблематику; для работы по воспитанию жителей в духе внимания к истории страны. При этом следует понимать, что даже существование вблизи (или внутри) поздних городов памятников древнейшего времени не решит проблемы связи народа со своим прошлым – а вот постоянное и тесное общение со слоями, оставленными недавним, но своим, вполне понятным прошлым, – послужит ее решению.

Во-вторых, поздняя археология – настоящий узел методических проблем, поле развития исследовательских методов и отработки контактов с другими, прежде всего естественными науками. В нем можно видеть часть экспериментальной археологии, естественный "полигон" и способ наблюдать за формированием археологических объектов (site formation). Кроме того, верхние слои – незаменимое поле для обучения молодых архео-

а *б*

Рабочие моменты заседания: *а* – Л.А. Беляев (гл. редактор РА), А.В. Энговатова (зав. отдела), Н.А. Макаров (директор ИА РАН), Е.Н. Черных (зав. отдела); *б* – А.С. Смирнов (зам. директора ИА РАН), Д.С. Коробов (отв. секретарь РА), В.Ф. Старков (зав. отдела).

логов. Их (да отчасти и нас самих) нужно научить осознавать неразрывность отражения исторического процесса. Изучая культурный слой, нельзя не ощутить условность верхней границы археологии, проведенной в России по рубежу XVII–XVIII вв., по эпохе петровских реформ. Так, обрыв научно построенной керамической хронологии и вообще типологии артефактов, условно доводимой до 1700 г., безусловно, делает наши датировки ранних памятников (XVII и, отчасти, даже XVI в.) менее надежными. Я не говорю уже о неверном восприятии слоев XVIII–XIX вв. как балласта, изучение которого неважно для интерпретации нижних уровней. Не знаю, как это складывалось у других исследователей, но мне не раз приходилось сожалеть о том, что верхний слой был уничтожен без фиксации и к нему нельзя обратиться повторно.

Приведу пример из истории охранных работ на Романовом дворе в Москве, где пришлось специально прирезать микростратиграфическую двухметровую колонку от асфальта до рубежа XVIII–XVII вв. и собрать из нее материал с особой тщательностью, поскольку только так оказалось возможным проверить правильность датировок нижележащих слоев XVII–XVI вв., где требовались даты с точностью до 10–15 лет. Любой археолог согласится с тем, что полевое исследование будет логичнее и общая картина гораздо понятнее, если усилия по изучению прилагать не только к тому культурному слою, который назначен "ценным", но и к выяснению последующей судьбы этого слоя. Затраты времени, конечно, увеличатся, но это окупится за счет упрощения анализа и повышения степени надежности выводов.

В-третьих, хочу напомнить, что культурный слой должен изучаться системно и совокупно с теми памятниками архитектуры или вообще зданиями, между которыми и внутри которых он отложился. Если этого не делать – мы не только погубим культурный слой, но и существенно обедним архитектурные объекты, которые охраняем. Вряд ли стоит напоминать, что в отличие от памятников археологии памятники архитектуры подлежат охране вне зависимости от их даты, любых эпох. У меня нет сомнений в том, что, изучая здание, следует начать грамотную фиксацию его слоев по крайней мере с момента его возникновения.

Четвертый довод я уже приводил выше, это нарастание интереса людей к недавнему прошлому. Оно явно нуждается в исторической реконструкции. Более 10 лет назад в городском музее Токио была организована огромная международная выставка "Откопанные города" ("The Unearthed Cities"), представившая методы и результаты урбанистической археологии в столицах, контактировавших в XVII–XX вв.: Амстердаме, Лондоне, Нью-Йорке, Эдо и Нагасаки. Выставка показала культурное единство мира эпохи "второй глобализации" (под первой понимается эпоха Великих географических открытий, а под третьей – пост-индустриальная современная эпоха). Любому, кто знаком с поздней археологией России, ясно, что не

только Санкт-Петербург, Москва и Владивосток, но также Великий Устюг, Кяхта и многие десятки других торговых городов России должны были войти в состав выставки как ее яркое, органичное продолжение. Есть и внутренние примеры: так, наши коллеги в Санкт-Петербурге уже ставят перед собой задачу структурного восстановления предыстории и раннего этапа жизни северной столицы, что отражает посвященный почти исключительно археологии XVIII в. журнал "Archaeologia Petropolitana".

Позвольте отметить также, что археология, как и история, принадлежит к группе наук идеологических. Думаю, для России важно (если хотите, и более выигрышно) представлять себя не как древнюю цивилизацию, уходящую корнями в Православный Восток, в Византию (тем более, что это верно лишь отчасти), сколько как молодое или "среднего возраста" государство, взявшее на себя задачу агрикультурного и иного освоения ранее мало заселенных территорий и реализовавшее эту задачу (в XVI–XVII вв. неосознанно, а с XVIII–XIX вв. все более и более сознательно). Иначе говоря, как цивилизацию, структурно близкую цивилизации Нового света. Конечно, здесь не время и не место подробно говорить об этом в терминах культурологии и всемирной истории, но у нас есть собственные, чисто археологические основания так думать. Города нашего исторического центра, Волго-Окского междуречья, а тем более южные и восточные территории, включая сюда Сибирь, обладают историческим прошлым только в пределах нашей же национальной истории. Их нельзя типологически сопоставлять, как это часто делают, с центрами культурно и религиозно родственного нам Восточного Средиземноморья, ведь современные улицы не перекрывают у нас античных или древневосточных руин.

Подчеркну также, что возрастание интереса к поздней археологии – объективный процесс, обусловленный течением исторического времени, по мере которого происходит утрата обществом памяти о целостности контекста материальной культуры. Так что в поставленной проблеме есть и историко-философская составляющая с ее постоянным вопросом о том, когда, собственно, действительность уходит из сферы футурологии и политологии и падает в подставленные руки историка или археолога. Идя на уничтожение поздних слоев как "балласта" или "техногена", мы лишаем наших будущих коллег важного для них материала. Может быть, это не просто осознать сегодня. Но послушайте, какими словами поминают византинисты археологов-классиков, безжалостно сносивших уровни выше IV–V вв. как "варварские". Вспомните об утратах, которые понесла быстро развивающаяся археология Ислама от уничтожения "турецких" слоев в Причерноморье и "арабских" – на всем Ближнем Востоке. И вы поймете, какую ответственность мы на себя берем, разделяя при работах слой на "ценный" и "неценный" для археологии. Как говорят американцы, "что одному мусор – то другому сокровище".

Позвольте сделать ряд предварительных выводов. Мне кажется важным осознать, что при работе в области археологии России (да и всех тех цивилизаций, современная культура которых генетически связана с прошлым) стратиграфические колонки раскопанных участков невозможно делить на "балласт" и "исторически ценный слой".

Древности конца XVII–XIX вв. составляют значительный объем в большинстве городов России, и они не раз понадобятся нашему обществу в будущем для решения самых разных задач, от изучения памятников ранней индустрии до восстановления истории планировки кварталов. Так что пора задуматься над более бережным отношением к поздним слоям и учитывать при организации охраны археологического наследия их возможную будущую ценность.

А.С. Смирнов (Москва), зам. директора Института археологии РАН

Для последних десятилетий характерно возрастание внимания к памятникам недавнего прошлого, не только археологическим. Сегодня никого не удивляет, когда под охрану берутся архитектурные памятники 20-х гг. XX в. Весь центр современного Новосибирска охраняется как единый комплекс памятников конструктивизма. Охраняются памятники промышленной архитектуры. В Москве это Электростанция московского трамвая (у "Дома Правительства"), вокзальные здания Московской окружной железной дороги, Шуховская башня, шлюзы канала Москва–Волга и многие другие.

Подобное стремление проявляется и в археологической науке. По ряду причин это особенно выражено в североамериканской археологии, где с 1950-х годов исследуются памятники афро-американской, испано-американской археологии, датируемые XVII–XIX вв., памятники американо-мексиканской войны в Техасе 1836 г. (Thomas D.H., Roadside Ruins: Does America Still Need Archaeology Museums // Public Benefits of Archaeology. University Press of Florida, 2002. P. 135, 143). Более того, свалки современных городов (так называемая "Garbology" – "археология свежего мусора") (Rathje W.L. Garbology: The Archaeology of Fresh Garbage // Ibid, P. 85–100) и даже Лос-Аламосовский ядерный полигон в Неваде. Активно раскапываются памятники XVIII–XIX вв. в Австралии и некоторых других странах.

Эта общемировая тенденция не обошла стороной и российскую науку, что проявилось, в частности, в положениях принятого в 2002 г. закона

"Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации", где историческим объектом, подлежащим охране, объявляются объекты старше 40 лет (ст. 18, п. 6). Это относится и к памятникам археологии.

Однако, хотя 40-летний возрастной критерий выделения памятников и закреплен законодательно, проблема "верхнего хронологического рубежа археологии" в научном сообществе остается дискуссионной и отношение к позднесредневековым памятникам, не говоря уж о памятниках XVIII–XIX вв., в настоящее время неоднозначно.

Одновременно все более злободневной и острой становится подобная проблема в охранной археологии. Памятники какого времени археологи должны включать в список охраняемых, считать ли памятником остатки поселений 200–300-летнего возраста?

Оставляя коллегам вопрос о научном значении исследования подобных исторических объектов, необходимость которого для меня не подлежит сомнению, проанализируем, когда в отечественной археологии за последние 100 лет затрагивалась данная тема.

Впервые эта проблема была поднята В.В. Данилевским в 1932 г. на первом же заседании только что созданной особой Комиссии ГАИМК по работам на новостройках (см. Протокол заседания Комитета по работам Академии на Новостройках, состоявшемся 20/X 1932 г. / Рукописный архив ИИМК. Фонд Ф2/1932, арх. № 121, лист 2). Позднее этот вопрос поднимался С.П. Толстовым и Б.А. Латыниным на пленуме Комитета ГАИМК по работам на новостройках в феврале 1934 г. (Стенограмма пленума Комитета ГАИМК по работам на новостройках 19 февраля 1934 г. Вечернее заседание / Рукописный архив ИИМК. Фонд Ф2/1934, арх. № 17, лист 12, 13 об.) Следует подчеркнуть, что данная Комиссия одной из своих главных задач ставила разработку методических основ охраны археологических памятников. В отличие от уже действовавшей Всеукраинской археологической комиссии (ВУАК), решавшей в основном практические задачи на новостройках. Системный подход к охране археологических памятников не позволял нашим предшественникам пройти мимо этой проблемы.

После прекращения деятельности особой Комиссии методические вопросы ушли из поля зрения археологов. Все послевоенное время до 1970-х годов перед охранной археологией стояли сугубо практические задачи. Для этого периода характерно существование крупных многолетних экспедиций, работавших на больших объектах: Волжских и Сибирских ГЭС, водохранилищах, позднее в зона мелиорации. Ситуация предоставляла перспективу на годы вперед и давала возможность работать на достаточно ограниченной территории. Основной вид новостроечной деятельности в это время – раскопки, позволял использовать традиционную археологическую систему экспедиционной работы. Разница была только в источниках финансирования. Масштабность проектов и обилие археологических объектов в зоне строительства ставили одну задачу – успеть спасти хотя бы наиболее значимые памятники. Необходимости разработки специальной новостроечной методики в это время не чувствовалось.

Для периода с 1980-х годов, до распада СССР, характерно все усиливающееся внимание к проектной деятельности. Сочетание обилия строительных объектов с наличием опытных "новостроечных" специалистов-археологов позволяли работать на новостройках ученым всех направлений. К их услугам был широкий спектр традиционных археологических памятников.

В 1990-х годах ситуация кардинально изменилась. Резкое сокращение строительных объектов, исчезновение госпредприятий, строгое отношение коммерческих организаций-заказчиков к качеству и составу охранных работ привели к изменениям в традиционной археологической методике. Одновременно исчезли прогнозируемые многолетние работы на крупных объектах. Перечень памятников, попадающих в зоны строительства, часто не удовлетворял традиционным желаниям многих ученых. Более-менее стабильное положение охранной деятельности сохранилось лишь в городской археологии, где продолжает существовать связь "объект исследования – продолжительное время исследования".

В наши дни вновь приобрели актуальность проблемы, вставшие перед археологами еще в 1930-е годы. Среди них – критерии определения памятника археологии. Как по материалу (местонахождение/памятник), так и в хронологическом отношении (что принимать за "верхнюю" хронологическую границу археологического объекта). Проведение настоящего Круглого стола является тому подтверждением.

Нисколько не принижая значение общемировых тенденций в археологической науке, которые не могут не отражаться на тенденциях отечественной, возьму на себя смелость утверждать, что в российской археологии интерес к проблемам поздних памятников возрастал в те периоды, когда на повестку дня ставились методические вопросы охраны археологического наследия. И российские археологи были одними из пионеров этого направления. К сожалению, как часто уже бывало, пальма первенства по истечении времени оказалась у наших зарубежных коллег.

Ю.М. Лесман (Санкт-Петербург), Государственный Эрмитаж

Археология нового времени – направление, которое уже около 40 лет, сначала робко, а в по-

следние годы все более настойчиво входит в реалии нашей научной деятельности. Однако процесс этот пока недостаточно осознан ни в собственно научном, ни в организационном плане, в связи с чем, проведение редакцией "Российской археологии" сегодняшнего Круглого стола представляется мне весьма актуальным. Круг возникающих вопросов чрезвычайно широк, поэтому остановлюсь лишь на некоторых, обсудить которые сегодня мне представляется наиболее целесообразным, при этом я постараюсь не дублировать вопросы, уже поднятые только что Л.А. Беляевым.

Верхняя хронологическая граница археологии была определена в 1869 г. на I Археологическом Съезде – 1700 г. Рубеж этот, помимо круглой даты, определили, как представляется сегодня, два фактора: 1 – временной интервал, примерно соответствующий двум фактически максимальным срокам продолжительности человеческой жизни (что означает качественный сбой в информационной связи поколений и, соответственно, ущербность понимания более старой, фактически уже древней, культуры); 2 – существенные изменения в облике русской культуры, произошедшие в конце XVII–начале XVIII в. (время петровских преобразований), изменения, которые в той или иной мере разорвали непрерывность культурной преемственности и сделали допетровскую эпоху не совсем понятной, уже в середине XIX в., древностью. После I АС прошло уже почти столько же времени, как и с 1700 г. до съезда, т.е. налицо утрата прямой межпоколенной связи современных исследователей с культурой первой половины XIX в., не говоря уже о веке XVIII. Этот факт является существенным источниковедческими аргументом в пользу омоложения верхней границы археологии как источниковедческой дисциплины, специализирующейся на исследовании материальных остатков древней культуры. Граница, которую мы можем попытаться провести, отталкиваясь от сегодняшних позиций, не будет, однако, столь очевидной, как 1700 г., так как наиболее радикальные за последние полтора столетия изменения в культуре пришлись на первую четверть XX в. Другими словами, от сегодняшнего дня их отделяет менее сотни лет, и облик культуры России конца позапрошлого и начала прошлого столетия еще не стал для нас седой и не совсем понятной древностью (впрочем, такой древностью на сегодняшний день уже стал весь XVIII в., а также определенная часть XIX в.).

Однако важный, с обобщенно-источниковедческой точки зрения, рубеж "старины" и "древности" не всегда существенен в конкретных ситуациях. Материалы археологических исследований могут быть принципиально важны для реконструкции конкретных ситуаций. Есть немало событий относительно недавнего прошлого, о которых на основе письменных источников или воспоминаний известно крайне мало. В ряде случаев такие объекты уже сейчас становятся предметом легальных или нелегальных, но фактически археологических исследований (места массовых захоронений жертв репрессий, места боев времен второй мировой войны и др.). На эти работы весьма желательно как можно быстрее распространить юридический статус археологических раскопок.

Если мы обратимся к современному состоянию археологических исследований культурного слоя и объектов XVIII–XX вв., придется признать, что организационно они ограничиваются тремя типичными ситуациями: 1 – решение локальных задач, связанных с восстановлением конкретных исторических ситуаций (событий) или исследованием и реставрацией архитектурных памятников; 2 – договорные работы, в которых основной задачей исследователей является не научная проблематика, а заработок; 3 – раскопки слоев нового времени (обычно перекрывающих более ранние отложения, которые и являются основной целью исследователей) из чувства долга и профессиональной ответственности. Все эти ситуации (особенно 2-я и 3-я) не располагают исследователей ни к творческому подходу к изучению культурного слоя, ни к совершенствованию методики, ни к научной специализации в области археологии нового времени. Об этом можно будет говорить только после того, как будут поставлены и осознаны серьезные научные "внутриархеологические" проблемы, решение которых потребует использования материалов XVIII–XX вв. Пока этого не произойдет, археология нового времени останется или способом заработать дополнительные деньги на новостроечных объектах, или вынужденной нагрузкой для археологов, желающих исследователь более ранние слои, или сугубо вспомогательной деятельностью, обслуживающей запросы реставраторов, историков, политиков, или уделом чудаков-энтузиастов. Я не сомневаюсь, что проблемы, способные превратить археологию нового времени в полноценную исследовательскую область, есть, и постепенно они будут осознаваться и формулироваться научным сообществом, но надеюсь, что некоторые из них могут быть намечены уже сейчас. Чем раньше это удастся сделать, тем быстрее и с наименьшими потерями произойдет конституирование археологии нового времени.

Основной комплекс проблем связан, как мне представляется, с рассмотрением археологии как ядра истории материальной культуры (исследуемой, естественно, во взаимосвязи с культурой в целом и далее иерархически с историей общества). Сейчас существует источниковедческий и методический разрыв между археологическими материалами, препарированными и обработанными в соответствии с традициями археологической

науки (типология и хронология различных типов вещей и других материальных объектов, география их распространения и т.д.), с одной стороны, материалами этнографии и историко-бытовыми коллекциями музеев, с другой. Разрыв этот, с одной стороны, методический (разные подходы к организации материала, применяемые археологами, этнографами, искусствоведами), с другой стороны – вещественный, в распоряжении исследователей крайне мало материалов (особенно рядовых массовых изделий, таких как керамика), относящихся к XVII–первой половине XIX в. Фактически эта лакуна начинается для русских материалов уже с XVI, если не с XV в. Материалы же последних полутора столетий, накопленные этнографами и собирателями историко-бытовых коллекций, отбирались и систематизировались на основе совершенно иных принципов, что делает их малосопоставимыми с археологическими коллекциями предшествующих веков. В результате мы искусственно разрываем непрерывный культурный процесс, лишая себя возможности полноценно его исследовать. Параллельно мы лишаем себя возможности проверить методическую обоснованность наших реконструкций древних эпох аналогичными исследованиями культуры нового времени, для которой значительный объем информации можно получить из письменных источников или живых воспоминаний современников. В качестве примера укажу на проблему реконструкции динамики смены моды, требующей для своего понимания анализа длительных (многовековых) процессов, в то время как историки моды оперируют в лучшем случае материалами последних нескольких веков. Средневековый (и далее более ранний) археологический материал, состыкованный с материалами последних веков, может дать возможность по-новому взглянуть на проблемы массовой психологии потребления и производства, что может открыть для археологии новые возможности финансирования (включая заказы на исследования от производственных, дизайнерских и пр. компаний). Другой пример – реконструкция развития структур расселения и планировки населенных пунктов (включая планировку дворовой застройки), для которой мы имеем немало сведений, относящихся к древнерусскому времени, но для более поздних периодов наши данные минимальны. Относительно полная информация для изучения структур расселения появляется лишь начиная с XIX в. (для некоторых регионов с XVII в., в частности, входившей в XVII в. в состав Швеции Ингерманландии), для предшествующих веков – она плод в разной степени надежных и полных реконструкций (лучший пример здесь – работы С.З. Чернова). Применительно к застройке городских усадеб хронологический разрыв в информации составляет не менее двух столетий (с конца XV в. до начала XVIII в.), для сельских крестьянских усадеб он затягивается до конца XIX–начала XX в.

Существует и целый ряд историко-культурных проблем, в частности проблем истории российской культуры последних веков, которые нет шансов решить без привлечения археологических материалов, назову лишь некоторые. Так, например, раскопки последних лет в Санкт-Петербурге демонстрируют наличие в слоях XVIII в. материалов, которые казались характерными для XVII в., и которые, на первый взгляд, странно было ожидать в новой столице (в качестве примеров назову регулярное использование так называемого литовского кирпича – "пальчатки", а также находки печных изразцов с монохромной зеленой поливой и рельефным растительным декором).

Другой пример – хронологически еще более близкая, но уже не разрешимая без археологических материалов проблема. Это исследование деградации массовой материальной культуры в периоды экономического упадка и развала. Ярчайший материал относится к сравнительно близким послереволюционным годам. Ряд очень интересных, но, к сожалению, в значительной мере утраченных данных был собран Верхневолжской и Северо-Западной Этнологическими экспедициями в 1920-х–начале 1930-х годов. Эти исследования зафиксировали факт архаизации, деградации многих сторон материальной культуры при стремительной модификации (включающей модернизацию) других. Кризисов, сопровождавшихся упадком в области материальной культуры, было немало (из крупнейших для Руси – России назову связанные с монгольским завоеванием и смутным временем, а в качестве самого последнего – экономический кризис второй половины 1980-х–начала 1990-х годов). Фактически, на уровне материальной культуры, из всех переживавшихся Россией кризисов объектом специального рассмотрения пока становился только кризис XIII в. Лишь в последние десятилетия было обращено, в частности, внимание на деградацию культуры ряда древнерусских центров после присоединения к Москве (сокращение количества отлагавшихся в культурном слое костных остатков, распространение лаптей из лыка, потеснивших кожаную обувь и т.д.).

Археологические исследования объектов, о которых мы имеем относительно большую информацию из письменных и изобразительных источников, имеют большое значение для развития методики археологических исследований. Исторически сложилось так, что в отечественной археологии нет традиции типичных для западной практики этноархеологических исследований. В этих условиях археологические исследования объектов нового времени могут служить в какой-то мере их заменой, способствуя отработке и совершенст-

вованию полевой методики, методики реконструкции и интерпретации.

В заключение – краткая справка о состоянии археологических исследований нового времени в Петербурге. Археологическое изучение Петербурга начал еще в 1952 г. А.Д. Грач. Однако до 1990-х годов оно носило эпизодический характер. Важным рубежом стало принятие в 2002 г. решения о режиме охраны культурного слоя. В зону реальной (по крайней мере, провозглашенной) охраны культурного слоя входят территория Ниеншанца в устье Охты (культурный слой шведского города XVII в.), а также центральная часть Санкт-Петербурга петровского времени: стрелка Васильевского острова (до Съездовской линии), Заячий остров с Петропавловской крепостью и примыкающая к нему с востока и севера часть Петроградского острова, приневская часть Адмиралтейского острова, ограниченная Мойкой, Дворцовой площадью, Адмиралтейским проспектом и Сенатской площадью. В отличие от Москвы, где и традиции, и масштабы археологических исследований города намного шире, в Петербурге органы охраны памятников (Комитет ГИОП) не ведут самостоятельных археологических исследований, взяв на себя только функции координации и контроля (охрану культурного слоя и содержащихся в нем объектов). Собственно полевые работы на территории города ведут три организации. Эрмитаж: исследования архитектурно-археологической экспедиции ГЭ охватывают преимущественно территорию, примыкающую к зданиям Эрмитажа на Адмиралтейском острове (наиболее престижные кварталы Петербурга XVIII в.), небольшие работы проводились также на Васильевском острове и на левом берегу р. Мойки. В 2002 г. большой комплекс архитектурно-археологических исследований был осуществлен в зоне восстанавливавшегося Стрельнинского дворца. Университетский центр Петроскандика: проводит надзорные работы по изучению культурного слоя в разных частях города, основные же исследования были сконцентрированы на Кронверке к северу от Петропавловской крепости. Санкт-Петербургская экспедиция ИИМК РАН и Северо-западного института наследия: проводит работы в разных частях города (в частности, на Троицкой площади и у здания Двенадцати Коллегий – главного корпуса Петербургского гос. университета), но основные объекты связаны с Ниеншанцем. В 2003 г. ею был исследован комплекс сгоревшего в 1920-е годы дворца петровского времени на о. Екатерингоф. Помимо работ в Петербурге и окрестностях питерские археологи (в первую очередь, сотрудники ИИМК РАН) исследовали и исследуют памятники нового времени в Пскове, Пушкинских Горах, осуществляется комплекс работ по археологическому изучению провинциальной усадьбы в Приполярье, Заполярье и др.

На некоторые частные сюжеты хотелось бы обратить внимание, особенно учитывая участие в Круглом столе директора ИА РАН Н.А. Макарова, выступившего инициатором нашего собрания.

1. Одна из основных специфических особенностей изучения материальной культуры (фактически – археологии) нового времени состоит в том, что в процессе исследования резко (в отличие от предшествующих эпох) возрастает роль неархеологических источников (письменных, изобразительных, самих вещей, сохранявшихся после выхода из актуального употребления в быту в различного рода хранилищах и коллекциях). Эта тенденция имеет место и для предшествующих эпох (особенно для средневековья, в меньшей мере для античности и более глубокой древности, начиная с появления письменности). Важная роль неархеологических источников требует специфической подготовки специалистов, что становится особенно актуальным по мере возрастания объемов спасательных археологических исследований на памятниках, относительно близких к сегодняшнему дню эпох. Между тем в программах специализированных кафедр археологии России среди базовых курсов до сих пор отсутствуют не только археология нового времени, но даже средневековая археология (цикл общих курсов завершается ранним железным веком). Следует отметить, что несмотря на весьма длительную традицию археологического изучения средневековых древностей (в России она приближается к двум столетиям), даже средневековая археология до сих пор отстает в своем конституировании от Западной Европы. Для сравнения укажу – в Великобритании уже не одно десятилетие выходят специализированные журналы-ежегодники "Medieval Archaeology" и "Post medieval Archaeology". Отсутствие хороших специалистов и ограниченность общей подготовки выпускников даже лучших кафедр археологии снижают и качество, и объем полевых спасательных работ, не говоря уже о собственно научных исследованиях.

2. В последние годы, в связи с возросшей ролью церкви (в первую очередь русской православной) в общественной жизни, а также в связи с массовым притоком в церковь неофитов, возникли проблемы с исследованием средневековых и постсредневековых могильников. Нередко местные священнослужители или инициативные миряне препятствуют нормальному исследованию могильников, делая невозможным изучение, сбор и сохранение антропологических коллекций. Представляется, что ИА (возможно, совместно с ИИМКом, Институтом этнологии и МАЭ) мог бы выступить с инициативой достижения по этому вопросу договоренностей с руководством основных традиционных

в России конфессий. Если говорить, в частности, о христианской погребальной традиции, то музейное хранение антропологических коллекций вполне вписывается в традиционный для христианской обрядности способ хранения останков в костницах. Можно напомнить и о том, что систематический сбор антропологических коллекций и их музейное экспонирование началось в России задолго до государственного господства научного атеизма, и основы здесь были заложены еще организаторами первой Антропологической выставки, проведенной в 1879 г. в Российской империи, где православие было государственной религией, а сама выставка проходила при благословении церковных иерархов.

3. Практика последних лет в области раскопок археологических объектов нового времени, а также изменения в российском законодательстве об охране культурного наследия подводят к необходимости некоторых изменений в работе Полевого комитета. Представляется целесообразным распространение требования проведения методически правильных раскопок на культурные слои, по крайней мере, XVIII–XIX вв. (желательно и XX в.). Назрел и постепенный переход к практике выдачи Открытых листов (и, соответственно, приему Отчетов о раскопках) на исследование объектов не только XVIII–XIX вв., но и XX в., в частности мест боев Второй мировой войны. Думаю, что здесь ИА РАН может получить поддержку от органов правопорядка, озабоченных деятельностью черных поисковиков, многие из которых в ходе фактически бесконтрольных раскопок боевых позиций 60-летней давности выбрасывают на черный рынок значительное количество вполне боеспособного огнестрельного оружия.

И.Н. Черных (Тверь), Тверский государственный объединенный музей

На примере с Санкт-Петербургом мы все-таки имеем столичный город, где ведутся скорее архитектурно-мемориальные, чем просто археологические исследования. Мне же хотелось сказать о другом опыте охранной археологии. У нас также обозначался рубеж XVII–XVIII вв. как граница собственно археологии, но мы работу по формированию охранных зон начали несколько десятилетий назад, и она стоила нам больших усилий. Это были усилия по приучению властей к мысли о существовании Твери древней, ныне исключительно подземной. У нее своеобразная история с периодами расцвета, сменяющимися эпохами забвения и угнетения, и эти этапы следует тщательно фиксировать и изучать. Конечно, совершенства этой системы мы не достигли, но некую структуру все же сумели создать. Сейчас у нас принято такое понятие как "групповые зоны охраны памятников" – это участки за пределами древней территории Твери, т.е. город, появившийся после генеральной перепланировки екатерининского времени. Остальные зоны входят в состав "исторических территорий" (самая древняя часть) и в другие формы зон.

При этом, изучение слоев пост-средневекового и позднесредневекового периода, если мы сталкиваемся с ним на "исторической территории", восходящей к XI–XII вв., не ведется – они считаются балластом. Конечно, есть исключения – скажем кладбища XVIII–XIX вв. исследуются полностью и традиционными методами. Если же они лежат в групповой зоне – то работа вынужденно ведется по методике надзора. Она, к сожалению, делится на "ниточные" и "площадные" раскрытия, причем те и другие мы стараемся вести по достаточно строгой методике. Конечно, и тут верхний слой воспринимается как балласт – слои XIX–XX вв. удаляют техникой. Затем следует остановка техники, и предматериковые слои изучают вместе с ямами всех периодов, со всей тщательностью. Ниточные траншеи под коммуникации изучают сплошь по инструкциям, согласно местной законодательной документации. При этом ставят ряд научных задач, прежде всего историко-топографического характера. Так, исторически известен ряд дорог и урочищ, точное местоположение которых не определено, их и исследуют в ходе работ в "групповой зоне", уточняя местонахождение объектов церковной архитектуры, дорог, комплексов иного характера. В том числе удалось установить более широкие границы средневекового посада. Постепенно стало ясно, что Тверь эпохи Средневековья развивалась примерно в тех же границах, какие имела в XVIII в.

Другим важным результатом стала разработка опорных историко-архитектурных планов, необходимость которых определена законом. В результате предварительных архивных изысканий, выполняются планы города в различные его периоды, так сказать, хронологические срезы. Так вот, археологические обследования показывают, что эти планы очень не точны или часто – просто неверны. Они к сожалению опираются на старые проектные планы, в которых многое не было осуществлено, но их принимают за реализованные. Предполагают, например, что тот или иной участок был полностью перестроен в XVIII–XIX вв. – а на деле оказывается, что они существовали гораздо дольше, и т.п. Так что в ходе работ по "групповой зоне" выявляются поселения, ранее известные только из письменных источников, отдельные памятники вообще привлекают внимание к ранее пренебрегаемым районам. Так, Исланова вместе с архитектором Салимовым сделали прекрасную работу, сведя вместе данные археологии, архивные и архитектурные сведения по усадьбе XIX в.

Все же в Твери нет единого взгляда на поздние памятники. Должно идти (и, отчасти, идет) исследование всех зон, которые предполагается застроить. Это – первые шаги к созданию общей программы тотального исследования города, а также к проекту проведения полномасштабных археологических раскопок на каком-то объекте, скажем XIX в. Правда, это будет воспринято в штыки заказчиками, привыкшими, что на поздних участках ведется только надзор, работы ведутся быстрее и обходятся дешевле. Но смысл в таких исследованиях есть – в том числе и с точки зрения строительства музеев, связанных с культурой XVIII–XIX вв. Ведь мы знаем прежде всего дворянскую культуру – культура низших слоев общества нам почти не известна. Поэтому в "групповой зоне" хорошо изучать памятники, связанные с ранним фабричным строительством и бытом. Наконец, даже такие полные своды, как каталоги клейм, получают существенные дополнения благодаря раскопкам поздних слоев. Таким образом, моя точка зрения такова – поздняя археология это подраздел фундаментальной истории; она вносит много важного в развитие общей методики археологии; эти работы должны войти на законных основаниях в область охранных работ (для чего следовало бы предпринять усилия как Институту археологии, так и Министерству культуры). Администрации на местах должно быть ясно, что работы на поздних памятниках – не прихоть местных, тверских или питерских археологов, а вполне узаконенный подход к охраняемому объекту исторического наследия.

М.В. Константинов (Чита), проректор Забайкальского государственного педагогического университета

Будучи специалистом по каменному веку, я профессионально работаю в этой области. Но время от времени в сферу нашей деятельности в Сибири попадает изучение совсем поздних памятников, XIX–XX вв. В основном это связано с изучением декабристов. Мы, в частности, искали могилу Саши Ивашева, сына Василия Ивашева и его супруги, Камиллы ле Дантю, обвенчавшихся уже в Петровске. Сын умер в возрасте года и трех месяцев, и отец зарисовал карандашем место его погребения с привязкой к склепу Александрины Муравьевой. Не с первого раза, но могила была найдена, и антропологический материал определен Н.Н. Мамоновой. А также были исследованы и другие погребения – в том числе подземный склеп коменданта Лепарского и надгробная плита солдата-декабриста Шутова. Весь ход исследований был отражен в отчете, представленном в ОПИ, но возвращенном авторам с разъяснением, что это не археология, а изучение исторических могил (правда, вся история относится к концу 1970-х–началу 1980-х годов, сейчас, возможно, такого бы уже не было). Все же думаю, это именно археология – ведь лучше археолога такую работу никто не сделает. Можно поручить ее, конечно, кому угодно, но это будет по принципу "найдут – не найдут", и только все перевернут напрасно.

Другой сюжет связан непосредственно с Читой. Николай Бестужев любил рисовать виды этого города, и на одном из них появилась могила одного из участников преддекабристского восстания, на которой декабристом Луниным был поставлен высокий деревянный крест. Еще один сюжет – так называемый Чегойский монастырь на высокой горе (ок. 150 км до г. Кяхты), в виду Китая. Там изучены развалины трех церквей, трапезной, одной из келий, террасное земледелие на искусственных террасах, 36 колодцев и многое другое – образцовое хозяйство XIX в. Все это затянуто тайгой, работать трудно – и хотя живая память еще не оборвалась, она скоро может оборваться. Рядом изучено производство дегтя и скипидара, – при одной из печей еще в начале XX в. работали люди, живущие и сейчас. Собран материал хутора начала XX в. (по монетам), раскопки которого дали массу вещей, которые можно определить только с помощью этнографов. Наконец, север Забайкалья, район БАМа, – каменные кладки эвенкийских чумов с центальным очагом. Эвенки приходили и уходили отсюда периодически. Но технически – это совершенно точные размеры и планировка палеолетических жилищ. Так что археолог должен этим заниматься – этнографы не умеют раскапывать, а культурная антропология вообще не предусматривает полевых исследований.

А.Г. Векслер, ген. директор Центра археологических исследований г. Москвы

Присутствие на этом обсуждении вызывает у меня эйфорию. Ведь еще совсем недавно дело обстояло так, что верхней границей археологических исследований безоговорочно принимался XVII век. Поэтому меня не удивляет рассказ коллеги Лесмана о том, что ему часто приходится слышать вопрос: "А есть ли археология в Петербурге?". Мне тоже приходилось отвечать на такой вопрос представителей мэрии по поводу Москвы. Если 15 лет назад в Москве под охраной числилось 5 объектов археологии, из которых двух уже не было и в натуре, то сегодня сплошной охраняемой зоной культурного слоя является весь слой в пределах Камер-коллежского вала, что составляет 12% общей территории "большой" Москвы. Это уже объект археологического наследия. Многие десятки охраняемых объектов располагаются и за пределами исторического ядра города – это и традиционные селища и городища, и места исторически известных деревень, кладбища и др. Конечно, всю эту территорию покрывает поздний, пост-средневековый культурный слой.

Конечно, встречаются участки великокняжеской Москвы, но все-таки в основе своей охраняемый слой в Москве относится к XVI–XVII и более поздним векам. В Москве сейчас ведется колоссальное по размаху строительство, прокладывают коммуникации и т.п. Все это проходит наше обязательное согласование и принимаются решения по методике раскопок каждого конкретного участка. Предварительно проводится архивная подготовка, составляется историческая подоснова с выделением тех участков культурного слоя, которые давно изучены. На основе этих данных принимаются решения о дальнейшей судьбе объекта в целом.

Возьмем, к примеру, Манежную площадь. По вскрытии асфальта нашим глазам открылись остатки застройки XVIII–XIX вв. Если бы мы прибегли к сносу этих уровней техникой, многое было бы утрачено. Нам нельзя было основываться только на известных исторических участках, скажем, на участке слободы Стремянного полка. Именно на основе относительно поздних сооружений создан и первый в городе археологический музей: на основе трех Воскресенских мостов XVIII, XVII и первой пол. XVI вв. Второе сравнительно позднее сооружение, недавно открытое для публики – Гостиный двор, с его музеем, составленным благодаря широким работам во внутреннем дворе сооружения. В нем мы показываем, в числе прочего, и материал XIX в., ибо вырывать поздний период из общей свиты наслоений есть то же, что вырывать последние страницы из ценного исторического источника.

Нами проводились также большие работы по уличным трассам. Так, улица Ильинка, одна из центральных в городе, на всем протяжении изучена шурфами – на ней оказалось рекордное число деревянных мостовых, сопоставимое, вероятно, с Новгородом Великим. Исследование их велось со всей точностью и тонкостью археологической методики. Городская историческая археология на Западе, или в США – это многие сотни статей, это учебники и монографии, изданные по всем категориям поздних вещей и памятников. Например заповедник "Вирджиния", – на огромной площади усадьбы конца XVIII в. собрана коллекция и проведена реконструкция всех видов торговли, индустрии и т.п. Это очень эффектно и имеет колоссальное воспитательное значение.

В прошлом году по инициативе студентов МАРХИ была проведена акция под лозунгом "Даешь Кузнецкий мост!". А ведь это поздний памятник, вторая половина XVIII – XIX в. Зато есть улица с таким названием. А сам мост – отличное творение зодчего Ухтомского лежит на глубине всего 50 см и великолепно раскрывается. В результате было написано письмо мэру города, которое подписали 35 тыс. человек. Это произвело впечатление на Ю.М. Лужкова, он дал поручение службам подготовить обоснования к проекту раскрытия моста. Это было бы чрезвычайно важно для общего облика города. Вообще поднятая здесь тема архитектурной археологии чрезвычайно остра, своевременна. Архитектурные сооружения в Москве – это и дом Пашкова, и Большой театр, и Старый Гостиный двор (XIX в.), и многие другие важнейшие здания города. И их реставрация теперь проводится исключительно под контролем и полноправном участии археологов.

Например, один из прекраснейших московских парков, окружавших когда-то Лефортовский дворцовый ансамбль, находился в полном запустении на протяжении последних десятилетий. Недавно, в связи с прокладкой Третьего транспортного кольца, встал вопрос о прокладке туннеля под Лефортовским парком и возникла возможность всерьез заняться его исследованием. Встал вопрос о восстановлении исторического вида парка, который является первым регулярным парком не только Москвы, но в сущности и новой России – прекрасные ансамбли Петербурга, Петергоф и другие возникли позже. Именно эти жемчужины дворцово-паркового искусства представляют сегодня расцвет культуры Петровской эпохи, а их прародитель – Лефортовский парк – остался в тени и превратился в так называемый "Парк Московского военного округа". За два года работы ЦАИ были получены сведения о раннем этапе развития парка, в том числе о рельефе и высотных отметках его сооружений. Эти данные позволили приступить к проектированию реконструкции парка. По-моему, это яркий пример важности участия археологии Нового времени в изучении истории искусства, культуры и для воссоздания разнообразнейших исторических памятников и ландшафтов.

Отвечая же на вопрос о необходимости публикации в журнале поздних материалов, хочу заметить, что Леонид Андреевич очень точно выделил то звено, которое, если оно будет включено в сферу работы "Российской археологии", позволит превратить издание, и без того одно из самых читаемых и авторитетных в археологических кругах, в еще более востребованное, буквально в настольное для всех, кто занимается охранными раскопками в исторических городах. Ведь здесь сегодня представлены совсем немногие научные центры. На самом деле заинтересованных лиц и организаций несравнимо больше, и мне на протяжении ряда лет приходится общаться с теми, кто работает как археолог в этих малых и больших городах России – например, с теми, кого Министерство культуры приглашало для стажировки в Москву. И все они единодушно высказывались в пользу публичного и широкого обсуждения вопросов поздней археологии, включения ее памятников в круг

охраняемых, а итогов их изучения – в круг серьезных, фундаментальных научных работ.

А.В. Энговатова (Москва), зав. отделом Института археологии РАН

Я хотела бы начать свое выступление с вопроса о регламентации изучения поздних слоев. Конечно, они постоянно обнаруживаются на памятниках сколь угодно раннего происхождения, и перед нами встает задача, что с ними делать. Когда Открытый лист уже выдан на тот или иной объект, археолог, особенно, когда речь идет об охранных работах, просто не имеет выбора: копать все равно придется. В отношении верхних, поздних уровней он может сегодня руководствоваться только голосом совести: изучить их с большей или меньшей подробностью, или просто снести, как балласт. Но хотелось бы понять, насколько возможен официальный запрос и выдача Открытого листа непосредственно на поздний объект и сдача отчета по нему в ОПИ. Иными словами, насколько возможно предоставить исследователю возможность (и в то же время обязать его) копать памятник Нового времени по всем правилам методики, а затем обработать материал и издать его как полноценную научную работу. Ответ на этот вопрос очень важен.

Покажу это на примере. Недавно Институт археологии проводил экспертизу археологических работ по вскрытию поздних захоронений 1930-х годов в районе "Коммунарка" – Бутово. Одни работы финансировала и проводила Церковь, другие – Общество "Мемориал". Между ними возник достаточно серьезный конфликт, доходящий до суда. Приглашенные для работ исследователи были высококвалифицированными и уважаемыми специалистами и проводили работы добросовестно, но их выводы и методы, по тем или иным причинам, были оспорены достаточно крупной общественно-политической организацией, т.е. "Мемориалом". В основе столкновения лежали вполне серьезные материальные интересы, шел спор за владение землей, но аргументами служили заявления типа "строительство ведется на могилах", "на чужой земле" и т.п. Общественная значимость этого проекта, при любом решении вопроса, очень велика.

Как выяснилось, работы проводились без Открытого листа, и в результате нигде не отложилась документация по исследованиям. Что-то есть у заказчика, но он может ею и не поделиться, или превратить ее в предмет для манипуляций. Краткими отчетами располагают органы охраны памятников – но это именно краткие отчеты, и ничего более существенного нет. С обеих сторон работали профессионалы, – но где критерий правильности? У них же не было в запасе ничего, кроме их совести ученых, что подвигало бы их к максимально строгому следованию правилам методики и строгой научности выводов. Институт специально указал на невнимание к подобным темам, хотя результаты, полученные при работах, оказались интересными.

Подобное отношение показывает, что присутствие специалистов-археологов нужно не только при работах на тех территориях и при исследовании исторических периодов, где бессильна живая память и письменные источники, но и в тех зонах (пусть пока локальных), где, по тем или иным причинам, эта память просто утрачена и никто, кроме археологов, не может адекватно восстановить ход событий или провести экспертизу достоверности совершавшихся в прошлом событий. Несомненно, толща времени при этом может оказаться просто минимальной (закон, думается, прав, определяя ее как 40 лет – менее полустолетия). Археолог, по моему мнению имеет полное право серьезно заниматься столь поздними сюжетами – пусть в специальных обстоятельствах и по особым запросам. Причем на эти работы должны выдаваться Открытые листы с тем, чтобы включить такие работы в единую систему отчетности и методики и получить возможность адекватно оценивать и сравнивать результаты.

Настоящая дискуссия показала, что область поздней археологии формируется сегодня стихийно и процесс идет в основном от практики и потребностей охранных работ, от того, что поздние слои попросту есть на памятниках и с ними приходится иметь дело. За этим, отчасти, стоит и финансовый интерес: включение зон с поздним материалом в область обязательных археологических работ резко расширит количество заказов, увеличит территорию исследований и общий объем их стоимости. Это, в свою очередь, расширит возможность спокойно и обеспеченно исследовать небольшие по объему и трудозатратам древние объекты в той же зоне.

Хочу еще очень коротко остановиться на пункте, связанном с погребальной традицией, с кладбищами, погостами, могильниками и т.д. Например, кладбища декабристов в Сибири – копались без Открытых листов и материалы работ остались на руках у авторов раскопок, они мало доступны и не включены в единую информационную систему. А ведь могильники, даже XVIII–XX вв., как места памяти, все равно так или иначе исследуют, и значимость их для людей очевидна. Интересный пример этого года – исследование позднего могильника в Троице-Сергиевой Лавре конца XIX–XX вв., почти полностью разрушенного и осквернённого в 1920–1930-е годы, с утраченными могильными плитами. Руководство монастыря, при достаточно полных архивах и прекрасных архивистах, пришло к выводу, что информация по участку утрачена столь полно, что нет никакой возможности идентифицировать места по-

гребения отдельных семей и родов, вложивших значительных средства в Лавру, и которые было бы желательно отметить и восстановить для почитания. Однако благодаря серьезному археологическому исследованию, это стало возможно и вряд ли могло быть достигнуто иными методами.

В общем очевидно, что журнал поднял эти вопросы очень своевременно. И особенно тут важен вопрос регламентации, официального оформления подхода к подобным исследованиям. Именно это может позволить вытащить весь пласт поздней археологии из разряда чего-то подспудного, полуофициального, и определить его положение внутри "классической" археологии.

С.З. Чернов (Москва), Институт археологии РАН

Мне кажется, что тут перед нами два направления. Ведь объекты поздней археологии многочисленны и разнообразны. Некоторыми занимаются с интересом, который ясно выражен в области архитектурной археологии и изучении художественных ценностей. Ясна и привлекательность для археологии (а также истории и ряда других наук) изучения некрополей. В изучении населенных местностей этот интерес не так очевиден, хотя и здесь такие работы очень перспективны. Так, мы столкнулись с их необходимостью при работах в Мытищах, при изучении села, сложившегося в 1640-х годах и существовавшего до XX в. Оказалось, что это интересная работа, но требующая отдельной разработки методики: усадьбы села очень велики и неравноценны по насыщенности материалом. Традиционные методы археологии, даже применяемые в широком масштабе, зачастую не позволяют понять, в какой точке усадьбы вы находитесь. Так что необходимы какие-то новые приемы, которые позволят адекватно изучать усадьбу эпохи XVII и XVIII вв., необходима такая степень специализации этих работ, которая позволит превратить их в подспорье к тем или иным комплексным исследованиям. Это имеет большое значение и для археологии (прежде всего, средневековья) – поскольку позволяет понять аналогичные ситуации в древности, где у нас нет столь полно сохранившихся комплексов.

Затем, очень важны критерии значимости поздних комплексов. Ведь, кроме оценки с точки зрения художественной ценности или причастности памятника к важным историческим событиям, существует и оценка по степени интереса наших современников к их местной истории, ценности объектов для местного населения. Эта ценность будет создавать, при занятиях поздней археологией, очень важную психологическую среду, иногда положительную, но зачастую и напряженную, даже отрицательную. Думаю, что при разработке нормативных документов для развития поздней археологии имеет смысл их приводить в соответствие или изначально строить с учетом требований Гражданского кодекса РФ. Но это вопрос не только юридический – это важная этическая составляющая.

В.Ф. Старков (Москва), Институт археологии РАН

Хочу начать с выражения признательности организаторам Круглого стола. Я уже более 30 лет занимаюсь в нашем институте проблемами исторической археологии. У нас до сих пор не было ничего, что поддержало бы это направление в археологии. И то, что мы сегодня видим это собрание, – важное событие для всех археологов нашей страны. Симптоматично, что историческая археология у нас, хотя и развивается, но как-то почти подпольно, стихийно. В то время как на Западе историческая археология – одно из основных, если не главное лидирующее направление археологии вообще. Для США и Европы историческая археология – это уже естественный и усвоенный пласт, поскольку он перекрыт новым пластом – индустриальной археологией, археологией XIX–XX вв. Во многих странах Северной Европы и в Германии приняты законы об охране археологического наследия, в которых в археологическое наследие включаются все культурные объекты, возникшие до Второй мировой войны. Понятно, что западные археологи с большим энтузиазмом встречают все возможности сотрудничества с российскими учеными в этой области. Так, на архипелаге Шпицберген, где мы работаем все археологические объекты, в сущности, являются историческими. В этом году на Шпицбергене проходила конференция и совещание с участием представителей многих стран Западной Европы и США, и было принято решение об организации на Шпицбергене центра археологических исследований, который будет заниматься преимущественно изучением памятников индустриальной археологии, т.е. ранней промышленности на архипелаге.

Мы сегодня обсуждаем проблемы археологии Нового времени, возникающие, так сказать, случайно, в ходе охранных работ. Но в нашей стране уже развита историческая археология и как самостоятельное направление научных исследований – это направление активно развивается в Сибири, где исследуют памятники освоения края. Сюда входят Ачинское и Надымское городища, Томский и Новокузнецкий кремли и еще многие и многие объекты, которые изучают не ради охраны и не ради денег, но с целью получения полноценных, научных, исторических данных. Материалы археологов Сибири рисуют наиболее объективную картину освоения русскими огромной территории от Урала до Тихого океана, невоспроизводимую на основе иных источников и несравнимую с ними по полноте. Это касается и архипелага Шпицберген, где за 26 лет изучено более

50 становищ русских первопроходцев XVI, XVII и XVIII вв. и накоплен огромный археологический материал (более 15 тыс. артефактов) этого периода. В итоге получается, что все, что мы знаем о материальной культуре русских поморов, дал нам архипелаг, а на материке до сих пор не раскопано ни одного пункта, ни одного памятника поморов XVI и XVII вв. От Кольского полуострова до Урала, где были разбросаны поморские поселения – зияет огромное белое пятно. Так что объекты археологии XVI–XVIII вв. – абсолютно полноценный и самый яркий источник, во многих отношениях способный заменить письменные памятники. Конечно, историческая археология – раздел фундаментальной науки и дает полновесный археологический материал по истории позднего средневековья и раннего Нового времени. Методика в ней должна применяться по необходимости та же, что и в других традиционных областях средневековой археологии.

На самом деле то, что мы обсуждаем сегодня, – предельно важно для археологии. Мы давно эмпирически перешагнули рубеж "классической" археологии – XV в. Правда, мы не имеем пока особой нужды вторгаться в еще более позднее время – в сферу индустриальной археологии, но период исторической археологии, XVI–XVIII вв., давно полноценно исследуется археологами России. Мы имеем полное право считать археологию этого периода абсолютно полноценной. Говоря о конкретных мероприятиях – предлагаю один из номеров "Российской археологии" посвятить исторической археологии. Не сомневаюсь, что все работающие в этом направлении археологи пришлют свои материалы, и выход такого номера станет большой и реальной поддержкой изучаемого направления. Следует также решить вопрос с выдачей Открытых листов на памятники поздней археологии.

Е.Н. Черных (Москва), зам. главного редактора журнала "Российская археология", зав. лаборатории Института археологии РАН

Когда Вы, Леонид Андреевич, поставили вопрос, нужно или не нужно заниматься поздней археологией, Вы, конечно, знали, что ответ будет положительным. Он не может быть иным, хотя совсем недавно работавшие в области традиционной археологии специалисты считали вполне естественным сносить все более поздние слои как балласт, да и сегодня все еще многие, к глубокому сожалению, их сносят, и мне, как занимающемуся первобытной археологией, это хорошо известно. Конечно, такой практике нужно поставить заслон.

Даже я, первобытник, вынужден был столкнуться с проблемой археологии Нового времени, с ранней индустриальной эпохой, при исследовании столь важной и обширной археологической зоны ранней металлургии, такого гигантского центра, как Каргалы. Мы, к сожалению, с трудом способны различить, что в нем принадлежит эпохе бронзы, а что – русскому XVIII в. Потому что, когда туда пришли русские, они начали работать подобно своим далеким предшественникам. Конечно, читая литературу по ранней индустрии, мы получаем впечатление, что технология XVIII в. должна быть иной, – но это иллюзия, на самом деле мы наблюдаем те же самые методы. А это – чрезвычайно важное наблюдение для истории материальной культуры.

Когда мы касаемся поздней археологии, мы вступаем в зону очень неожиданных ассоциаций в истории культуры. Так, на Каргалах, как и в Москве, есть дом Пашкова – ведь шедевр московской архитектуры построен на "каргалинские" деньги. Пашковы были главными владельцами Каргалов, а Каргалы давали миллионы. Но когда вы начинаете работать там как археолог, вести раскопки, то у вас появляется новый род азарта – изучать поздние постройки, прослеживать ход работ в XVIII в., публиковать эти материалы (которые уже вошли в том "Каргалов"). Мы видим, например, эпизод восстания Пугачева: его армия подходит к Оренбургу, и все население Каргалов, огромная масса людей, бросает работу, сжигает или оставляет жилища, и отправляется под Оренбург. Этот важный эпизод был совершенно неизвестен до сих пор, археологически же он прослеживается очень хорошо.

В ряде случаев письменные источники предлагают нам одну картину. Но если сравнить их с понастоящему широкой и серьезной базой археологических данных, обнаруживаются столь серьезные несоответствия, что можно говорить о подчас полной недостоверности письменных данных. А если археологические источники могут столь серьезно корректировать общие представления об истории – какой еще фундаментальности искать? Особенно это делается понятным при сравнении источников разного вида. Безусловно, задача отражения происходящих в археологии процессов, в том числе, и развития археологии поздних периодов, в нашем журнале – первостепенная. Что же касается ситуации с выдачей Открытых листов на поздние памятники – то их отсутствие следует считать недоразумением или недоработкой ОПИ, чтобы не сказать больше. Вопрос об их выдаче следует немедленно решать.

Комментарий Л.А. Беляева

Мне все же не хотелось бы, чтобы коллеги сочли поставленные редакцией вопросы риторическими. Во всяком случае, я их таковыми не считаю. В нашей науке пока не сложилась четкая позиция по вопросу поздней археологии. Она, конечно, существует de facto, ею можно заниматься на эмпирическом уровне, но она обязательно должна

быть научно обоснована, а не на уровне "поздняя археология – тоже археология".

Комментарий С.З. Чернова

Мне хотелось бы сказать несколько слов по поводу ситуации с Открытыми листами. Думаю, нужно выработать особый метод разведочного обследования памятников с целью выделения среди сотен объектов тех памятников, которые имеют перспективы целевого исследования.

А.Р. Артемьев (Владивосток), Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН (текст прислан в редакцию журнала)

Археологические исследования памятников XVIII–XIX вв. имеют самостоятельное научное значение, если добытая при их изучении информация могла быть получена только археологическим путем. Этого критерия следует придерживаться и при решении вопроса о том, публиковать или нет результаты таких исследований в журнале "Российская археология". Конечно, можно отдать материалы "промышленной" и "архитектурной" археологии "на откуп" журналам "История естествознания и техники" и "Архитектурное наследство", но зачем же обкрадывать самих себя.

Памятники археологии XVIII–XIX вв. нуждаются в такой же охране, как и более ранние. Совершенно очевидно, что бытовые предметы этого времени, принадлежавшие рядовому населению, не отложились в музеях, и этот пласт материальной культуры может быть совсем утрачен. Между тем, если мы обратимся к такой фундаментальной многотомной работе, как "Очерки русской культуры XVIII в." (1985–1990), то с удивлением обнаружим, сколь скудно отображена в ней бытовая культура рядового населения России. Причины этого очевидны. В Великом Новгороде, являющемся подлинной кладовой материалов по истории материальной культуры средневековой Руси второй половины X–первой трети XV в., слои более позднего времени находятся в плачевном состоянии, за исключением Никитинского раскопа, исследованного в 2002–2003 гг. Г.Е. Дубровиным. Культурные напластования XVIII–XIX вв. хорошо сохранились и активно исследуются в Москве и Пскове. По вполне понятным причинам исследователей там пока больше интересуют слои древнерусского времени и периода развитого средневековья.

Хронологические рамки работ отечественных этнографов, плодотворно изучающих материальную культуру русского населения, как правило, охватывают XVII–начало XX в. Однако никаких этнографических материалов XVII–первой половины XIX в. в этих работах нет. Только в одной-единственной монографии А.А. Люцидарской (Старожилы Сибири. Историко-этнографические очерки. XVII–начало XVIII вв. Новосибирск, 1992), в разделе "Утварь", представлены рисунки бытовых вещей из раскопок западносибирского города Мангазеи. Тем не менее и там, несмотря на свою бесспорную информативность, эти материалы никак не фигурируют в тексте самой работы. Исключительная информативность археологических материалов для освещения вопросов культуры и быта городов России позднего средневековья и Нового времени, казалось бы, стала очевидной после выхода двух монографий М.Г. Рабиновича (Очерки этнографии русского феодального города: Горожане, их общественный и домашний быт. М., 1978; Очерки материальной культуры русского феодального города. М., 1988). Однако это обстоятельство никак не отразилось при создании таких фундаментальных исследований, как "Этнография восточных славян: Очерки традиционной культуры" (1987) и "Русские" (1999). Между тем в 1996 г. известным якутским археологом А.Н. Алексеевым были опубликованы великолепные материалы из раскопанного им на крайнем северо-востоке Сибири Алазейского острога второй половины XVII–первой половины XVIII в. (Первые русские поселения XVII–XVIII вв. на северо-востоке Якутии. Новосибирск, 1996). В том же году в Санкт-Петербурге, где в 1957 г. остался совершенно без внимания выход книги А.Д. Грача "Археологические раскопки в Ленинграде", постановлением Президиума Санкт-Петербургского Научного центра, подписанным академиком Ж.И. Алфёровым, был образован Научный Совет по историко-археологическим исследованиям на территории Санкт-Петербурга и Ленинградской области и в акватории Финского залива.

В 1990–1992 и 1997 гг. нами исследовался посад Нерчинска (Читинская обл.), основанного в 1658 г. сразу как центр уезда и в 1689 г. ставшего первым в Забайкалье городом. Там прекрасно сохранились слои XVIII в., где помимо прочего была открыта мастерская сапожника и собрана первая на Дальнем Востоке коллекция обуви середины XVIII в. В 1992 г. мы нашли и раскопали остатки двух промысловых зимовий второй половины XVIII в. в урочище Дивиткан в 90 км к северо-западу от Байкала на притоке Киренги – р. Ханда (Иркутская обл.). Там были собраны детали почти всего набора экипировки русского промысловика, которые до этого были известны только по описанию С.П. Крашенинникова на основании материалов, собранных им в ходе работы в составе академического отряда Второй Камчатской экспедиции в 1735–1736 гг., у промышленников, добывавших соболя на севере Забайкалья. В последние годы мы стали уделять больше внимания изучению центров зарождения промышленного производства в Прибайкалье и Забайкалье. В 1998–2000 гг. нами велись работы на территории Тальцинского стекольного завода 1784–1956 гг. под Иркутском, который был основан академиком Э.Г. Лаксманом

и будущим правителем русских колоний в Северной Америке А.А. Барановым. Химический анализ стекла оттуда выявил применение на заводе рецепта стекла, нигде и никогда в мире ранее не известного.

Следует подчеркнуть, что, изучая материальную культуру русских XVIII–XIX вв. в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке, мы по существу изучаем общерусскую культуру, поскольку большинство бытовых предметов были тогда привозными. Письменные источники зафиксировали факт завоза в Забайкалье в начале XVIII столетия "русских" товаров более 110 наименований. Что же касается возможного вклада археологии "современности" в общую методику археологии, с моей точки зрения, он очевиден.

Ю.Б. Цетлин (Москва), Институт археологии РАН, зам. главного редактора журнала "Российская археология"

Как тот факт, что вопрос об археологии "позднего периода" поставлен на обсуждение редакцией и редколлегией журнала "Российская археология", так и все предшествующие выступления участников нынешнего Круглого стола свидетельствуют о том, что эта проблема реально существует в современной археологической науке. С этим нельзя не считаться и надо искать ее разумное решение.

Насколько я понимаю, суть поставленной на Круглом столе проблемы состоит в следующем: *нужно ли с позиций сегодняшнего дня включать в сферу археологии как науки исследование памятников, относящихся к XIX и XX вв.?*

Прежде чем перейти к анализу существа дела, хотелось бы обратить внимание на тот факт, что большинство участников Круглого стола систематически ведут раскопки именно поздних памятников, в том числе и памятников указанного периода. Поэтому в предыдущих выступлениях вполне проглядывало стремление обосновать (или оправдать) свою деятельность. В связи с этим у меня возникают большие сомнения по поводу того, что высказывавшиеся здесь мнения действительно объективно отражают отношение всей научной археологической общественности к данной проблеме.

Теперь, по существу дела. Мне кажется, что постановка проблемы в такой общей форме не вполне правомерна. Сама проблема нуждается в конкретизации. Например, с моей точки зрения, абсурдно относить к археологии *все то, что добывается из земли (или воды) путем раскопок.* А такая мысль звучала в выступлениях. Поэтому мне кажется неразумным включать в сферу археологии раскопки погребений Великой Отечественной войны или затонувших военных кораблей этого же времени.

Далее. Мне кажется, что нужно совершенно определенно различать сферу археологии как науки и случаи участия (пусть даже и длительного) профессиональных археологов в исследовании тех или иных памятников позднего периода. В этих случаях археологи выполняют роль экспертов, но это не значит, что их деятельность относится к сфере археологии. От того, что, например, петрографы делают анализ добытой раскопками керамики, археология еще не становится частью петрографии.

Совершенно особо стоят случаи, когда очень поздние слои перекрывают более ранние, которые целиком относятся к сфере археологии. Думаю, что здесь трудно дать однозначный ответ, но, очевидно, что этот вопрос нуждается в специальной проработке и обсуждении.

После такого рода смысловых ограничений сама проблема приобретает конкретность и может стать объектом серьезного анализа.

Традиционно одним из основных критериев верхней хронологической границы археологической науки считается соотношение относительной информативности о прошлом вещественных и письменных источников. Считается, что сфера археологии заканчивается тогда, когда информативность последних начинает существенно преобладать по сравнению с первыми. Естественно, что такая граница весьма условна, так как это соотношение будет существенно различным для разных периодов и территорий. Например, античная эпоха целиком относится к сфере археологии, хотя от этого времени сохранилось большое число письменных источников. Нет необходимости приводить общеизвестные примеры. Однако несмотря на известную условность этого критерия, его применение, как мне кажется, имеет большой практический смысл. Для XIX и XX вв. прирост конкретных знаний в результате археологических исследований несопоставимо мал по сравнению с тем объемом информации о самых разных сторонах жизни общества, который содержится в письменных источниках и художественной литературе этого времени. В абсолютном большинстве случаев те добавления и уточнения в существующую ныне историческую картину, которые вносит археологический материал, являются более чем скромными и, уж совершенно очевидно, не имеют принципиального значения, т.е. не ведут к ее пересмотру.

Теперь коснусь некоторых методических сторон таких исследований. Во многих случаях исследование поздних памятников оказывается в сфере "новостроечной" археологии, т.е. речь идет об изучении разрушающихся объектов или объектов, находящихся в зоне строительства. В этом случае не выдерживают никакой критики высказывания о некой особой методике таких

раскопок. Если называть вещи своими именами, то речь идет в абсолютном большинстве случаев просто о плохой методике, причем это обычно не зависит от конкретного руководителя исследований. Такие объективные обстоятельства, как сжатые сроки и масштабность работ, отсутствие достаточного числа квалифицированного лаборантского состава, неизбежно ведут к снижению тщательности раскопок и фиксации материала.

Именно в силу этих обстоятельств такие экспедиции в принципе не могут служить учебной базой для студентов-археологов и начинающих исследователей, о чем здесь шла речь. Учиться и учить нужно на хороших, а не на плохих примерах. Начинающего исследователя, который еще не может отличить "плохое" от "хорошего" в археологии, с моей точки зрения, может только методически "развратить" участие в таких раскопках.

Тем не менее безусловным плюсом и выигрышной стороной таких исследований является их мощное финансирование, которое позволяет широко использовать при раскопках современные технические средства, а также проводить дорогостоящие и не всегда обоснованные естественно-научные экспертизы, что сегодня практически недоступно руководителям традиционных экспедиций.

Что же все-таки привлекает людей, в том числе и профессиональных археологов, к целенаправленному исследованию памятников XIX–XX вв.? Вероятно, на первом месте все-таки следует поставить профессиональный интерес, другой вопрос, насколько этот интерес обоснован научной необходимостью. Второе – это, безусловно, значительное финансирование, которое стало мощным фактором именно сейчас, когда бюджетные гуманитарные исследования финансируются крайне слабо. Третье – это сильнейший общественный резонанс таких исследований, которым умело пользуется, прежде всего, сильно "поумневшая" современная церковь. Вот, например, только на днях так называемые археологи нашли пещеру Иоанна Крестителя – об этом сообщалось во всех теленовостях, хотя никаких доказательств такой интерпретации нет и в помине. В Сирии в окрестностях Дамаска уже несколько столетий открыта для посещения пещера, где "Каин убил Авеля". Можно привести много и других примеров.

Все, сказанное выше, не означает, что памятники последних двух веков в принципе не должны изучаться археологией. Однако я думаю, что это должно осуществляться в строго оговоренных случаях. Первое, когда эти раскопки нацелены на проработку конкретной методической проблемы, решение которой существенно расширяет раскопочные, аналитические или интерпретационные возможности археологической науки. Второе, когда эти раскопки ориентированы на решение важной историко-культурной проблемы.

Думаю, что решение о целесообразности такого рода работ должно приниматься коллегиально специальной Комиссией, куда входили бы специалисты по разным периодам археологической науки, а не только те, кто профессионально занимается исследованием поздних памятников. Финансирование таких работ также должно идти в эту Комиссию и ею же распределяться по конкретным экспедициям. Только в этом случае, вероятно, удастся избежать нецелесообразного использования значительных финансовых средств и столь же нецелесообразного распыления сил профессиональных археологов.

В заключение остановлюсь еще на одном моменте. Во многих выступлениях звучали слова о том, что это направление исследований бурно развивается на Западе и, дескать, не гоже нам плестись в хвосте. Во-первых, я глубоко убежден в том, что ни Советская, ни Российская археология никогда не плелась в хвосте Западной науки, скорее наоборот. Во-вторых, финансирование археологических исследований на Западе и в США не идет ни в какое сравнение с отечественным и поэтому они могут позволить себе некий вариант "развлекательной" археологии. В-третьих, ограниченные финансовые возможности российских археологов и их очевидно недостататочное число (учитывая размеры территории страны) делают неправомерным, с научной точки зрения, трату сил и средств на раскопки памятников XIX–XX вв., когда в это же время и значительно более интенсивно разрушаются памятники дописьменных и раннеписьменных периодов отечественной истории.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Н.А. Макаров (Москва), чл.-кор. РАН, директор Института археологии

Отношение археологов, работающих в России, к изучению поздних памятников двойственно. С одной стороны, действующий закон об охране культурного наследия ориентирует на исследование любых объектов, возраст которых старше 40 лет. В практике охранной археологии изучение поздних объектов, поздних напластований давно стало нормой. Исследуются слои XIX и начала XX в., не говоря уже о XVIII в. Поздние материалы зачастую интересны и выразительны, работы по их изучению могут неплохо оплачиваться. С другой стороны, "поздняя археология" воспринимается с известной иронией, как маргинальное занятие. В археологии всегда существовала негласная шкала ценностей, в которой статус объекта зависел от его древности. С этой точки зрения, поздние объекты, безусловно, имеют низкий статус, и внимание к ним должно быть оправ-

дано какими-то особыми обстоятельствами, дополнительными доводами.

С моей точки зрения, отношение академической науки к "поздним древностям" должно определяется прежде всего потенциалом той исторической информации, который они в себе заключают. Оно должно быть сформировано исходя из ответа на вопрос, способны ли раскопки поздних памятников действительно добавить что-либо существенное к нашим знаниям по истории XVIII–XIX вв., или они могут лишь пополнить коллекции, спасти от уничтожения отдельные предметы, выполнять антикварные функции.

Первый опыт археологического изучения поздних памятников был накоплен на окраинах ойкумены, на территориях позднего освоения или позднего распространения цивилизации современного типа – на Крайнем Севере, в Сибири, на Аляске. Научные задачи "поздней археологии" в областях с экстремальными природными условиями были предельно конкретны и вполне весомы. Эти задачи – изучение подробностей освоения и жизнедеятельности, воссоздание конкретных событий. Классический пример исследований такого рода – раскопки зимовки на острове Фаддея или сибирских острогов XVII в. Будучи перенесенной "на материк", в центр, поздняя археология по-прежнему оказалась ориентирована на проверку фактов, на изучение микроистории. Исчерпываются ли этим ее возможности или она способна на большее? И если да, то какие крупные проблемы могут быть перед ней поставлены?

Одна из этих проблем, несомненно, изучение "повседневности", той ее части, которая документирована археологическим материалом полнее, чем текстами. При всем богатстве письменных источников, фиксирующих быт и повседневную жизнь нового и новейшего времени, выясняется, что многие существенные культурные явления в них отражены недостаточно полно или лишены диахронии. Привлечение археологических материалов радикально меняет их интерпретацию. Так, обычай бросать деньги в могилу рассматривался в русской этнографии как архаическая традиция, прямое продолжение языческой обрядности. Изучение поздних некрополей показывает, что широкое распространение "оболов мертвых" в погребениях в России относится к XVIII–XIX вв., погребения с монетами XVII в. немногочисленны, XVI в. – редки. Вполне вероятно, что этот обычай действительно связан с древними представлениями о смерти и загробном мире, но в настоящем своем виде он должен рассматриваться не как пережиток, а как инновация. Другой пример – обычай ношения крестов-тельников, появление которого, судя по материалам тех же некрополей, относится ко времени не ранее XVII в. Это наблюдение, сделанное Л.А. Беляевым на основании изучения нескольких московских некрополей, подтверждается материалами поздних кладбищ других регионов, но не стало еще предметом специального обсуждения. Позднее появление металлических крестов-тельников в массовом обиходе, безусловно, неожиданность для исследователей народной культуры и повседневной жизни Московской Руси – Российской империи, яркая иллюстрация того, что конкретные формы православной культуры были многообразны и подвержены изменениям.

Столь же широки возможности использования поздних археологических материалов для изучения экономической истории: проблем микроэкономики, локальных экономических систем и стандартов потребления в обществах нового и новейшего времени. Клады эпохи революции и гражданской войны и совсем недавние денежные клады начала 1990-х годов должны рассматриваться не как дополнительные иллюстрации к тому, что уже хорошо известно, а как важные независимые свидетельства, позволяющие измерить глубину кризиса, масштабы социально-экономических потрясений. Находки монет, фаянсовой и стеклянной посуды в культурном слое сельских поселений XVIII–XIX вв. представляют собой благодатный материал для исследования реального материального положения сельского населения, экономического потенциала деревни. Недавно, после исследований экспедиции Е.Н. Черных на Каргалинском комплексе, в поле зрения археологии неожиданно оказались остатки горных выработок XVIII в., раскрывающие грандиозные масштабы добычи медной руды. Отражение этого производства – десятки тысяч монет, отложившихся в культурном слое поселений на всем пространстве Российской империи. Контраст с монетными находками XVII в. разителен. Частота монетных находок в поздних культурных отложениях различных периодов, распределение монет – важные показатели состояния экономики, денежных отношений, в чем-то более надежный, чем письменные источники. К сожалению, исследователи пока редко задумываются над этими фактами.

В поздней археологии обозначается огромная тема культурного ландшафта и организации сельского расселения. Русская деревня нового и новейшего времени постепенно становится объектом археологического изучения, но научная программа этих исследований еще довольно неопределенна. Пока очевидно лишь, что исчезнувшие на наших глазах деревни плохо изучены и документированы как материальные памятники, очевиден огромный дефицит конкретных знаний о планировке поселений, жилых постройках, хозяйственных сооружениях. Пространственные структуры деревень и сельских угодий восстанавливаются по старым планам и этнографическим описаниям и почти никогда – по археологическим данным.

При исследовании заброшенных в недавнее время деревень важно восстановить весь цикл их исторической жизни, продолжительность которого иногда – целое тысячелетие. Как соотносятся поздние планировочные структуры деревень с их древнейшими топографическими ядрами? Исключительно интересны вопросы преемственности в планировке и организации пространства, характер трансформаций в землепользовании. Такой подход продуктивно используется в западноевропейской археологии при изучении сельского культурного ландшафта.

Наконец, поздние памятники предоставляют благодатную возможность для сопоставления письменных и вещественных материалов, для оценки характера их стыковки. Всегда ли эти две категории источников дают согласные показания? Поздняя археология важна как полезный инструмент проверки самих методов археологического прочтения материальных остатков.

Таким образом, "поздняя археология" имеет право на существование в той мере, в которой она способна решать действительно серьезные научные задачи. С моей точки зрения, перспективы в этой области достаточно широкие и они не ограничены изучением исторических частностей, локальных сюжетов. Но столь же реальна и опасность превращения изучения поздних объектов в чисто антикварное занятие. Пока крупных проблемных исследований в области поздней археологии выполнено немного. Несомненно, многое зависит от того, сумеем ли мы сформулировать важные и выполнимые темы.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 100–108

ПУБЛИКАЦИИ

ОСТАТКИ КОМПЛЕКСА С АПСИДОЙ В ТИРЕ
(к проблеме атрибуции)

© 2005 г. В. М. Зубарь

Институт археологии НАН Украины, Киев

В 1996 г. в ходе работ на территории Тиры было открыто, а на протяжении 1997–1999 гг. исследовано, помещение с апсидой в восточной стене, которая принадлежала сооружению, расположенному под дорогой, ведущей к Килийским воротам средневековой крепости (рис.1, *1*). Хотя этот комплекс исследован лишь частично, остатки постройки были датированы периодом раннего средневековья и атрибутированы как христианский храм, который, с точки зрения исследователей, свидетельствует о достаточно раннем распространении христианства в регионе (Самойлова, Росохацкий, 1997. С. 32; Росохацкий и др., 1999. С. 11, 12). Такая интерпретация строительных остатков, сделанная без анализа всего комплекса материала, сразу же вызвала критику в работе, посвященной распространению христианства в Северном Причерноморье (Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 43. Прим. 1). Но, несмотря на это, в 2003 г. появилась новая работа, в которой приведена более развернутая, чем это было ранее, аргументация в пользу раннесредневековой датировки и атрибуции памятника как христианского храма – базилики. На основании этого с привлечением широкого круга письменных источников о распространении христианства у готов и антов, в которых, правда, Тира не упоминается, было заявлено, что раскопанный комплекс заполняет "хронологический промежуток между античной Тирой и золотоордынским Белгородом" и что Тира была одним из центров распространения христианства в междуречье Дуная и Днестра, в том числе и среди ранних славян (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 39–47). Одновременно был издан отчет о результатах совместных археологических работ Белгород-Тирской экспедиции Института археологии НАН Украины под руководством Т.Л. Самойловой и Института фракологии Румынии под руководством В. Кожокару на территории античной Тиры и средневекового Белгорода за 1996–1999 гг. (Самойлова и др., 2002). Развернутая аргументация, приведенная в статье Т. Л. Самойловой и В. Кожокару, а также публикация отчета позволяют на конкретном материале оценить степень достоверности и научной обоснованности выводов относительно интерпретации раскопанной в Тире постройки как раннесредневекового христианского храма, который якобы был одним из центров распространения христианской религии в регионе.

В ходе раскопок 1996–1999 гг. была открыта восточная часть здания с полукруглой апсидой, выступающей на 1.10 м за линию стены (рис. 2, 3). Правое ее плечо примыкает к более ранней оборонительной стене № 552, место стыка с которой заделано известняковым раствором (рис. 3). Слева от апсиды, в кладке № 548, имелся проем, который в одном месте отчета назван дверным, а в другом, на той же странице, – оконным (Самойлова и др., 2002. С. 179) (рис. 2, *а*). Цокольный ряд кладки стены и апсиды, в отличие от фундамента, сложен на известковом растворе. Стены с обеих сторон и пол апсиды оштукатурены. Пространство апсиды от помещения по уровню стены № 550 отделено кладкой № 556 (рис. 3). Южное плечо стены № 550 с апсидой (кладка № 547) открыто на протяжении 3.34 м, сложено на известковом растворе и оштукатурено. К внутреннему фасаду кладки № 547, на расстоянии 0.7 м от южного ее торца, впритык примыкает южная стена помещения (№ 581), открытая на протяжении 0.8 м (рис. 2, *б*; 3). Южное плечо восточной стены выступает за пределы помещения (Самойлова и др., 2002. С. 180), что не позволяет постройку с апсидой ограничивать кладкой № 581.

Слои и пол внутри помещения нарушены строительством, которое велось здесь в XIII–XIV вв. В заполнении встречено "достаточно много фрагментов мраморных облицовочных плит, возможно, они составляли покрытие пола" (Самойлова и др., 2002. С. 178). Ниже золотоордынского слоя обнаружен материал II–III вв., а также отдельные вещи V–VII вв., в том числе "фрагменты капители с растительным орнаментом, аналогичные встреченным при раскопках христианских базилик в Херсонесе" (Самойлова и др., 2002. С. 178; ср.: Самойлова, Кожокару, 2003. С. 40) (рис. 4, *1*, *2*). На уровне пола апсиды, ограниченной с запада кладкой № 556, зафиксированы "красноглиняный светильник III–IV вв., бронзовая подвязная фибула второй половины III–IV вв., обломок свинцовой гири (?), игральный жетон из глухого синего стекла – изделие, получившее широкое распространение в позднеантичное время, обломок донышка

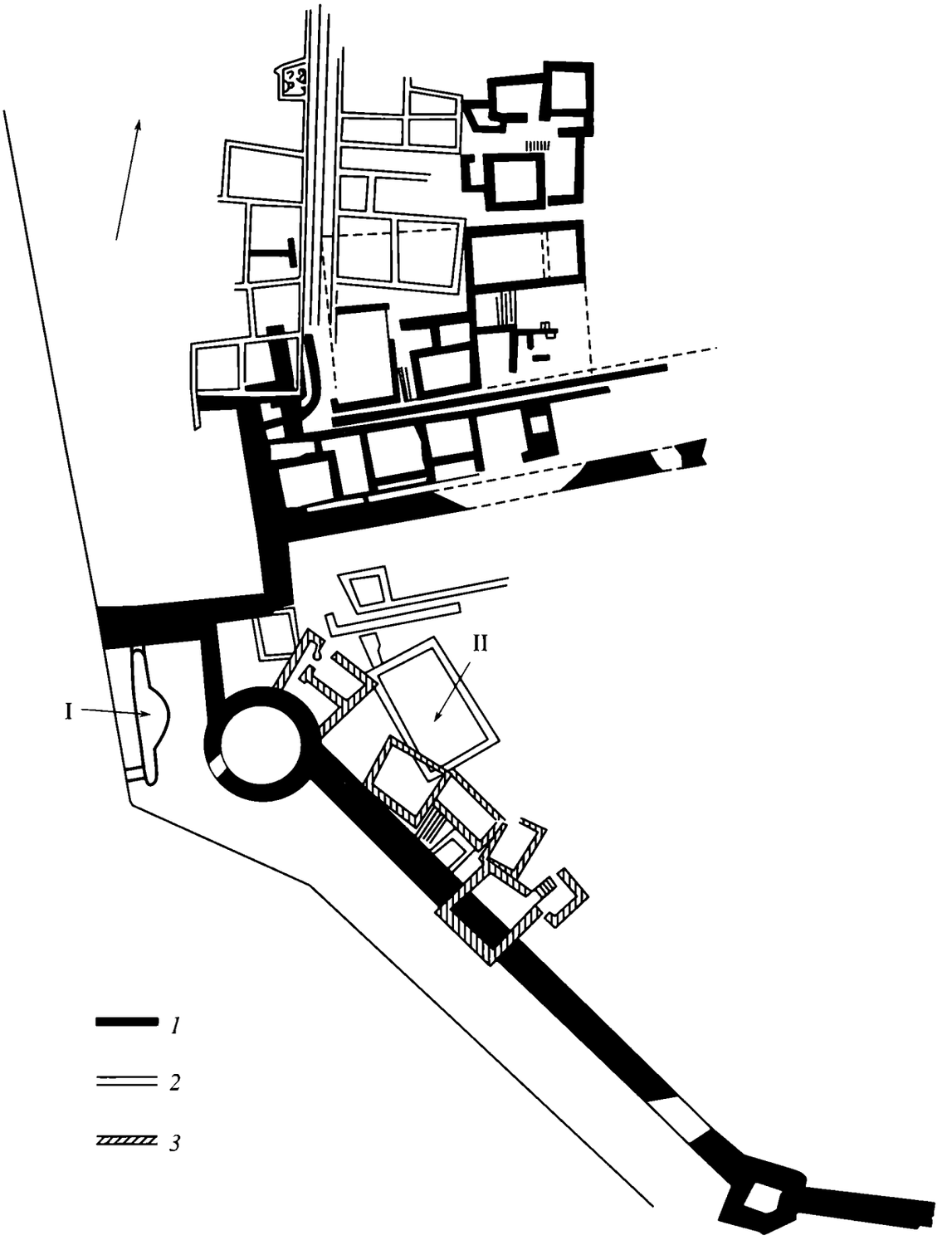


Рис. 1. Схематический план раскопанной части территории античной Тиры по Т.Л. Самойловой и В. Кожокару. Строительные остатки эллинистического (*1*), римского (*2*) и позднеантичного ("послеготского") (*3*) периодов. I – помещение № 610; II – арсенал тирской вексилляции (здание тирской вексилляции по И.Б. Клейману).

стеклянного флакона, фрагменты стенок красноглиняных амфор с рифлением и кирпичей" (Самойлова и др., 2002. С. 179). Однако ссылок на прорисовки или фотографии перечисленных находок, к сожалению, в отчете не приведено и в данном случае остается лишь полагаться на правильность датировки этого материала, предложенную авторами.

Результаты раскопок "здания" № 610 позволили Т.Л. Самойловой и В. Кожокару сделать вывод, что в Тире открыта базилика, подобная херсонесским. На основании сравнения "здания" № 610 с раннесредневековыми храмами Херсонеса авторы приходят к заключению, что в постройке, раскопанной на территории Тиры, присутствуют следующие элементы христианского храма:

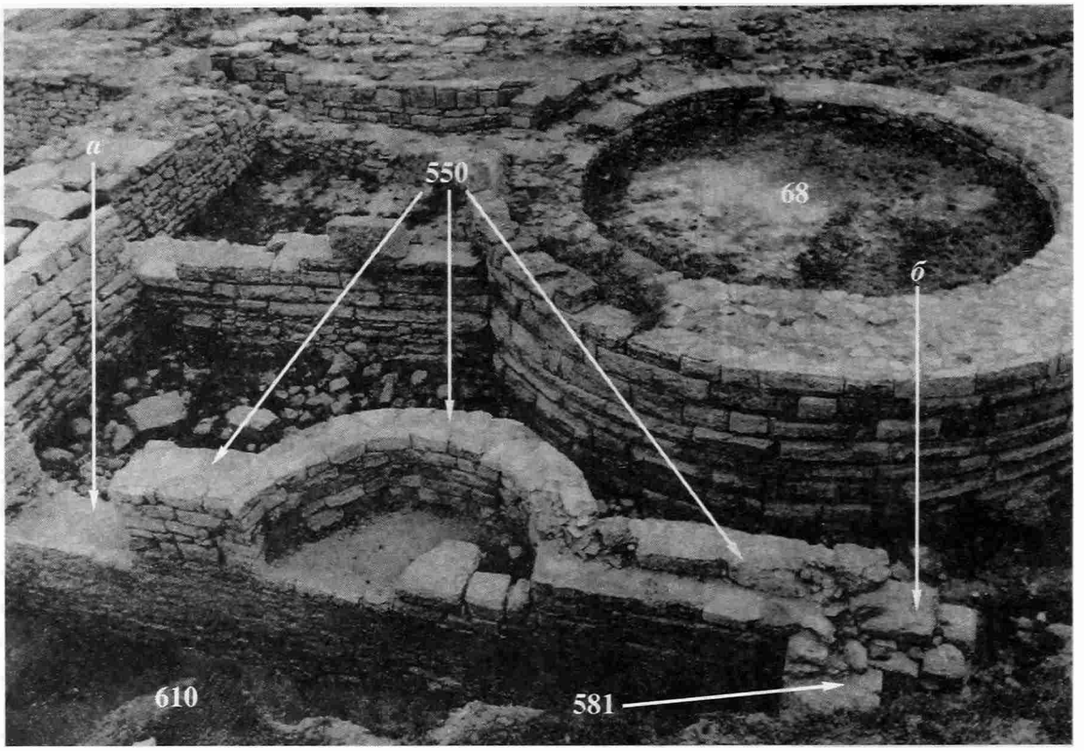


Рис. 2. Общий вид стены помещения № 610 с апсидой и круглой башни (№ 68) оборонительной системы Тиры. Фото Т.Л. Самойловой и В. Кожокару. *а* – дверной проем; *б* – окончание восточной стены помещения № 610.

"1) одна апсида полукруглой формы; 2) три нефа; 3) наличие нартекса и экзонартекса предположительны; 4) наличие хор предположительно, хотя и маловероятно" (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 41). Дополнительным аргументом в пользу атрибуции раскопанного комплекса в качестве именно христианского храма служат фрагменты мраморных плиток, которые "позволяют предположить наличие вымостки из мраморных плит", обломки "беломраморных профилированных дверных косяков, а также два беломраморных фрагмента капителей орнаментированных листьями, аналогичных капителям VI в. из Херсонеса" (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 40). Еще одним аргументом в пользу сделанного вывода, с их точки зрения, свидетельствует использование в постройке цемянкового раствора, который вплоть до средневекового периода использовался в Северном и Северо-Западном Причерноморье лишь при строительстве виноделен (Самойлова и др., 2002. С. 180).

Однако выделенные элементы конструкции и атрибуция находок, которые, по мнению Т.Л. Самойловой и В. Кожокару, свидетельствуют о наличии в Тире христианского храма V–VII вв. или середины–второй пол. I тыс. н.э., полностью противоречат сделанному заключению. В печати уже указывалось на невозможность атрибуции раскопанной постройки в качестве базилики, но так как эта точка зрения, высказанная еще в 2000 г., осталась неизвестной Л.Т. Самойловой и В. Кожокару, необходимо вновь вернуться к этому вопросу. Тем более что после публикации отчета о раскопках и специальной статьи об этом можно говорить более аргументированно, используя для дискуссии всю совокупность материала из раскопок.

Основной конструктивной особенностью постройки, которая позволила сделать вывод о наличии в Тире раннехристианской базилики, является апсида. Однако наличие небольших по размерам апсид, подобных тирской, совершенно не характерно для алтарной части раннесредневековых христианских храмов (Якобсон, 1959. С. 152–197). Но они хорошо известны в ряде общественных сооружений римских военных лагерей, в частности в принципиях и термах (рис. 5), которые строились на территории римских провинций (Piccottini, Vetters, 1981. Abb. 13, 17; Suceveanu, 1982. P. 172. Fig. 3; Jonson, 1990. Abb. 87, 92, 99, 169; Vinogradov, Zubar, 1995/1996. Abb. 2; Виноградов и др., 1999. Рис. 2 и др.), в том числе и в Северном Причерноморье, где последние археологически зафиксированы в Херсонесе, на территории Харакса и в Пантикапее (Думберг, 1901. С. 13–15; Блаватский, 1951. С. 283–288; Антонова, Аркадова, 1971. С. 270; Зубар, Антонова, 2001. С. 81–87) (рис. 6). Причем не только при строительстве виноделен, но и терм в северопричерноморском регионе во II–III вв. повсеместно и широко использовался известковый вяжущий раствор (Блаватский, 1951. С. 288; Зубар, Антонова,

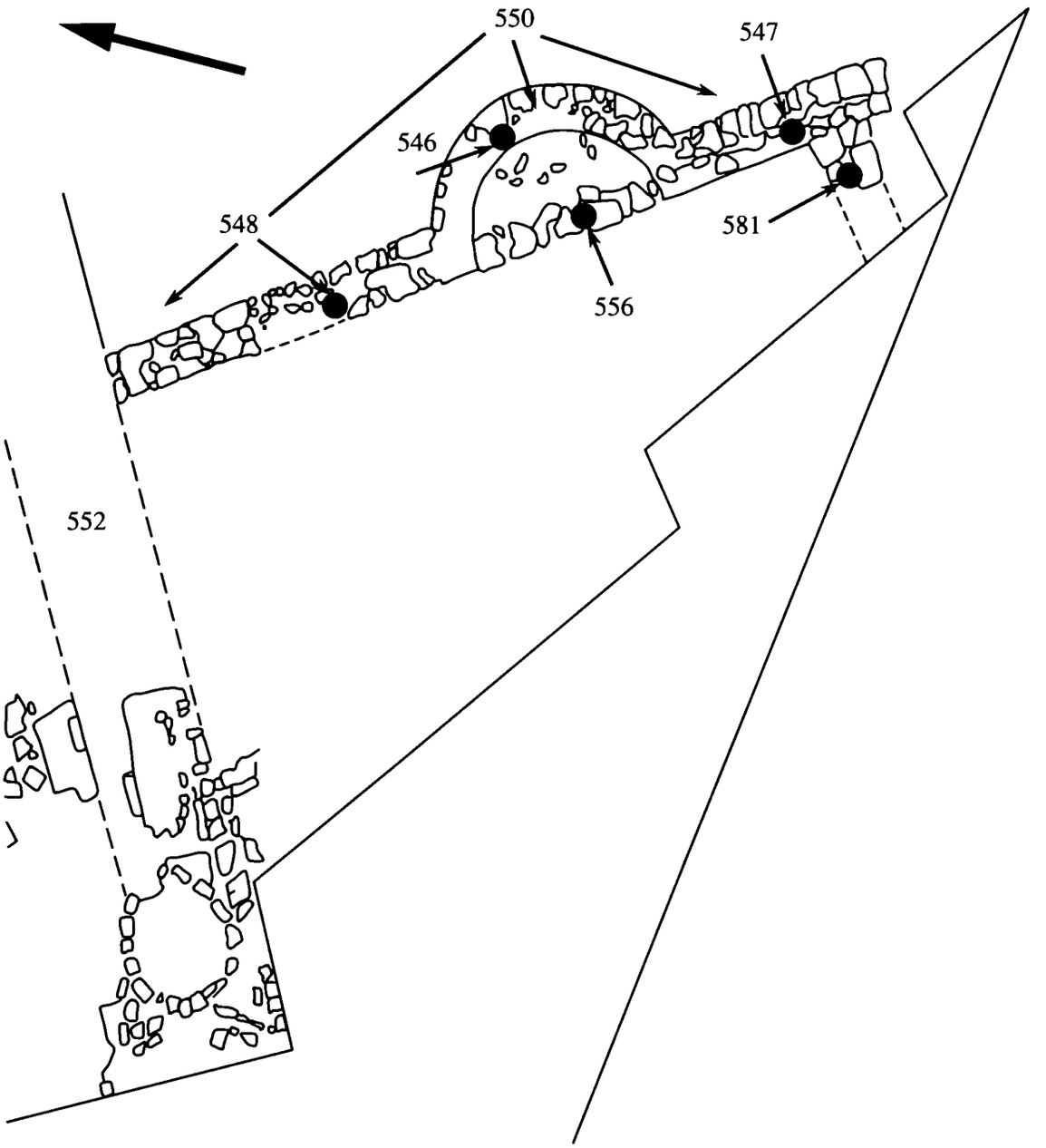


Рис. 3. План помещения № 610 по Т.Л. Самойловой и В. Кожокару.

2001. С. 81, 83; ср.: Крыжицкий, 1986. С. 428; Крыжицкий, 1993. С. 212)[1].

Анализ опубликованных планировочных остатков также не позволяет согласиться с интерпретацией открытого сооружения в качестве трехнефной базилики. Против этого свидетельствуют не только небольшие размеры апсиды, но и асимметричное ее расположение по отношению к южной и северной отрезкам восточной стены постройки (рис. 2; 3). Судя по опубликованному плану (рис. 3), южная стена не параллельна северной, а восточная стена с апсидой образует тупой угол с кладкой № 552, к которой она пристроена (рис. 2, *б*; 3). Это полностью противоречит всему тому, что известно о планировочном решении базиликального типа раннехристианского храма.

Следует обратить внимание и на то, что рядом с апсидой располагался проем, который, судя по фотографиям и чертежам, приведенным в отчете, следует однозначно интерпретировать как дверной (рис. 2, *а*). Его наличие также противоречит безусловной атрибуции постройки в качестве базилики, где дверные проемы только в единичных случаях располагались рядом с апсидами (ср.: Якобсон, 1959. С. 152–197; 1983; Завадская, 2001. С. 261–289, Табл. III, *4*; 2002. С. 251–272).

[1] В этом отношении весьма показательно, что в Ольвии также были найдены кирпичи со следами известкового раствора (Крапивина, 1993. С. 41), а в ходе раскопок 2003 г. на участке Р-25, по любезному сообщению В.В. Крапивиной, известковый раствор был зафиксирован в кладке стены здания первых веков н.э.

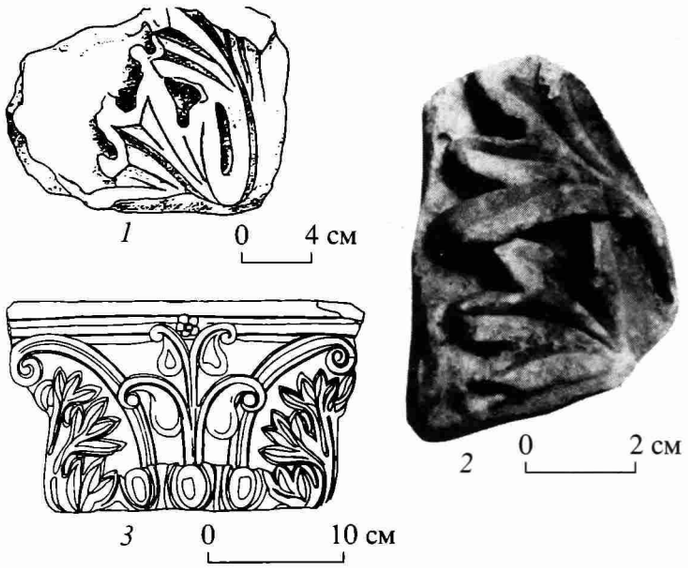


Рис. 4. Фрагменты мраморных капителей из Тиры (*1*, *2*) по Т.Л. Самойловой и В. Кожокару и капитель коринфского ордера из терм II Истрии (*3*) по А. Суцевиану.

Поэтому их наличие рядом с алтарной частью храма следует не только констатировать, но и объяснить определенным функциональным назначением.

Сомнительным представляется вывод о трехнефной конструкции постройки, сделанный на основе находки "фундаментальной части под колонну, которая принадлежала колоннаде, отделявшей северный неф от центрального" (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 40). В тексте отчета, правда, эта находка вообще не упомянута (Самойлова и др., 2002. С. 178–180). Более того, в отчете сказано, что "пол помещения был нарушен и не потревоженные участки не выявлены" (Самойлова и др., 2002. С. 178; ср.: Самойлова, Кожокару, 2003. С. 40). Следовательно, если база колонны была действительно найдена в этом помещении, то она не могла быть зафиксирована *in situ*. Общеизвестно, что в раннехристианских базиликах колонны на базах стояли не просто на полу храма, а на специальных фундаментах, так как они несли значительную нагрузку. Судя по мощному фундаменту восточной стены (№ 550) (рис. 2), достигавшему глубины почти 2 м (Самойлова и др., 2002. С. 178), в помещении № 610, если там имелась колоннада, они были просто необходимы. Но в процессе раскопок каких-либо следов таких фундаментов зафиксировано не было. Это полностью противоречит всему тому, что известно о планировочном решении христианских базилик. Исходя из этого, нельзя реконструкцию постройки в качестве трехнефной признать правомерной. Выводы авторов построены на сугубо формальном и очень поверхностном сравнении планировки части постройки, открытой в Тире, с раннесредневековыми базиликами Херсонеса, а не на основе анализа реальных строительных остатков, зафиксированных в процессе раскопок (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 40, 41).

С точки зрения Т.Л. Самойловой и В. Кожокару, в пользу атрибуции "здания" № 610 именно как базилики свидетельствуют фрагменты капителей (Самойлова и др., 2002. С. 150, Табл. LXIV, *3*; Самойлова, Кожокару, 2003. Рис. 1, *1*), которые отнесены к коринфско-византийскому типу раннесредневекового времени, наиболее ярко представленному в культовой христианской архитектуре Херсонеса (Якобсон, 1983. С. 17). Но опубликованные экземпляры (рис. 4, *1,2*)[2], один из которых является фрагментом капители пилястра (Самойлова и др., 2002. С. 150. Табл. LXIV, *3*) (рис. 4, *2*)[3], относятся к типу капителей коринфского ордера, украшенных листьями аканфа, которые являлись продукцией малоазийских мастерских и получили широкое распространение в декоре интерьеров построек на территории всего Восточного Средиземноморья, и в том числе дунайских провинций Римской империи во II–III вв. (Младенова, 1991. Обр. 101–111; Буйских, 1992. С. 49, 50; 2001. С. 15, 18, 20, 24. Рис. 6, 7; ср.: Kiss, 1987. S. 114–140, Taf. 14, 15, 40, 41, 57, 67, 68, 118, 115). Ближайшие аналогии этому типу капителей происходят из терм II Истрии (рис. 4, *3*) и Херсонеса (Suceveanu, 1982. Pl. 30). Стилистически они не имеют никакого отношения к капителям коринфско-византийского ордера, использовавшимся в раннесредневековых базиликах в V–VI вв. (ср.: Якобсон, 1983. С. 17). А мраморные фрагменты, интерпретированные авторами как дверные косяки (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 46. Рис. 1, *2–5*)[4], в действительности являются карнизами (рис. 7), которыми украшались интерьеры помещений различного назначения зданий (частного – виллы, общественного – термы), возводившихся во II–III вв. (Suceveanu, 1982. Pl. 32; Младенова, 1991. Табл. 87, 89–91; Буйских, 2001. С. 20) и не имеющих ничего общего с христианскими храмами[5]. Что же касается мраморных облицо-

[2] Поскольку один фрагмент опубликован без сечения (Самойлова, Кожокару, 2003. Рис. 1, *1*), неясно, к какому типу капители он принадлежал: пилястре, капители колонны или капители столба. При анализе строительных остатков, определении и датировке архитектурных деталей автор пользовался консультациями А.В. Буйских, которой выражает свою благодарность.

[3] В тексте отчета отсутствует ссылка на таблицу, а фото фрагментов детали перевернуто.

[4] На этом рисунке мраморные карнизы опубликованы в перевернутом виде.

[5] Т.Л. Самойлова и В. Кожокару указали, что архитектурные фрагменты "беломраморные" (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 40). Но в предположительном плане можно говорить, что эти мраморные фрагменты, как считает А.В. Буйских, могли происходить из проконесских мастерских, специализировавшихся на массовой продукции именно такого рода во II–III вв. н.э.

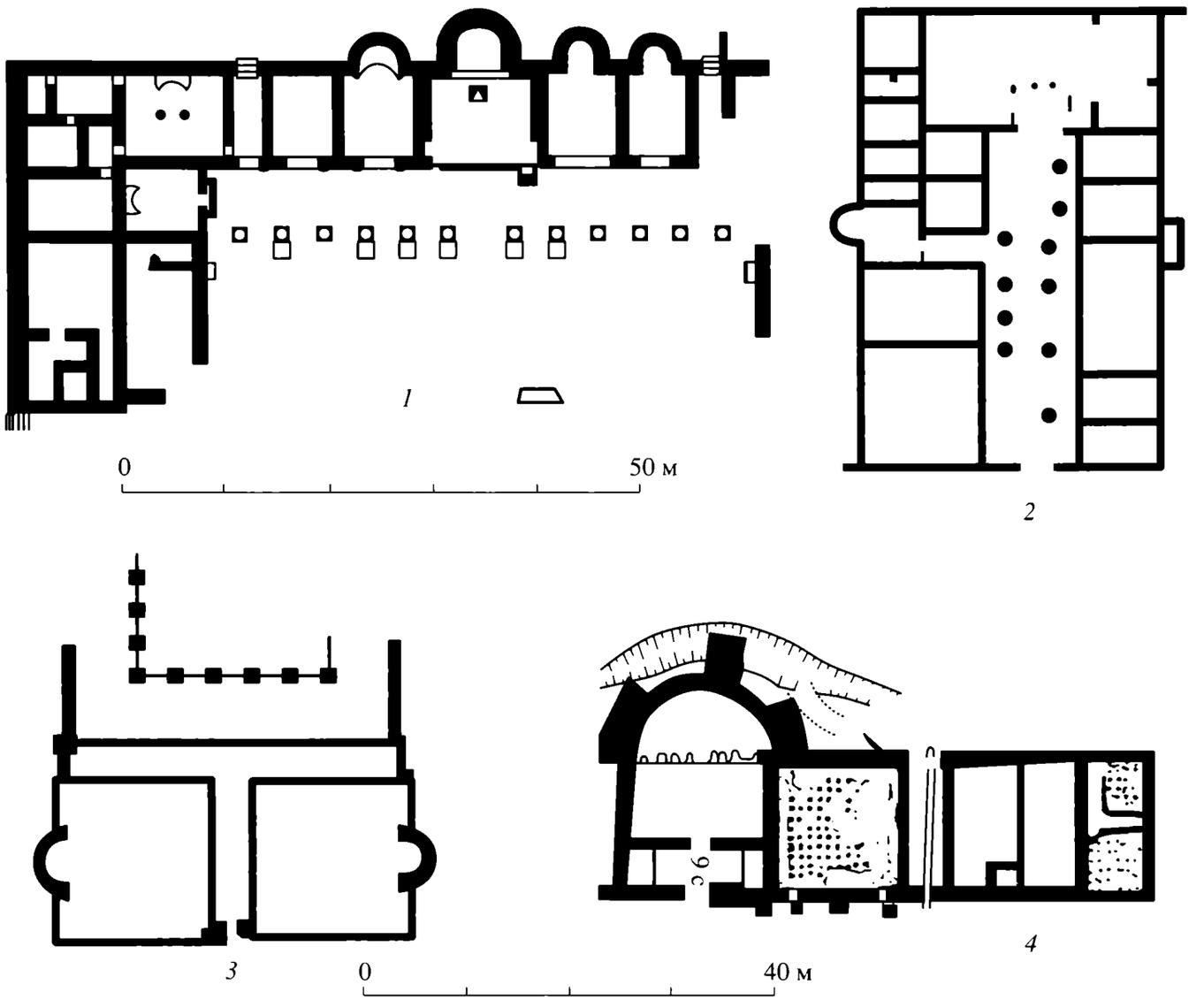


Рис. 5. Здания с апсидами на территории римских военных лагерей Лабмесиса (*1*), Инчтатхила (*2*), Карнунта (*3*) по Х. Петриковицу и Нове (фрагмент) (*4*) по Т. Сарновскому.

вочных плиток, то они служили не только в качестве "вымостки" пола, а в первые века н.э. широко использовались при отделочных работах внутри помещений – облицовка стен или в мозаичном покрытии (Крыжицкий, 1986. С. 428; 1993. С. 214; ср.: Suceveanu, 1982. P. 204. Fig. 38).

Итак, анализ материалов, полученных при раскопках помещения № 610 на территории Тиры, свидетельствует, что его нельзя атрибутировать в качестве христианского храма. Судя по имеющимся данным, оно, вероятно, являлось составной частью какого-то большого, еще не раскопанного строительного комплекса, а не отдельно стоящим христианским культовым сооружением.

Говоря о датировке помещения № 610, следует обратить внимание на кладку № 556, зафиксированную внутри апсиды, которая, безусловно, относится ко времени после прекращения ее функционирования (рис. 3). В пространстве между западной частью этой кладки и апсидой был найден вещественный материал, который авторами отчета датируется второй пол. III–IV вв. н.э. (Самойлова и др., 2002. С. 179). Если такая датировка правомерна, то можно предполагать, что апсида была заложена после середины–3-ей четверти III в. н.э. И кладку № 556 следует относить не к византийскому времени (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 41), а к так называемому послеготскому периоду в истории Тиры (подр. см.: Сон, 1993. С. 54–59), когда функции помещения с апсидой изменились. Это хорошо согласуется с тем, что до настоящего времени в ходе археологических раскопок в Тире не выявлены археологические слои раннесредневекового времени, а непосредственно над строительными остатками позднеантичного периода, в том числе и в помещении № 610 (Самойлова и др., 2002. С. 178; Самойлова, Кожокару, 2003. С. 40), фиксируются постройки золотоордынского города XIII–XIV вв. (см.: Раби-

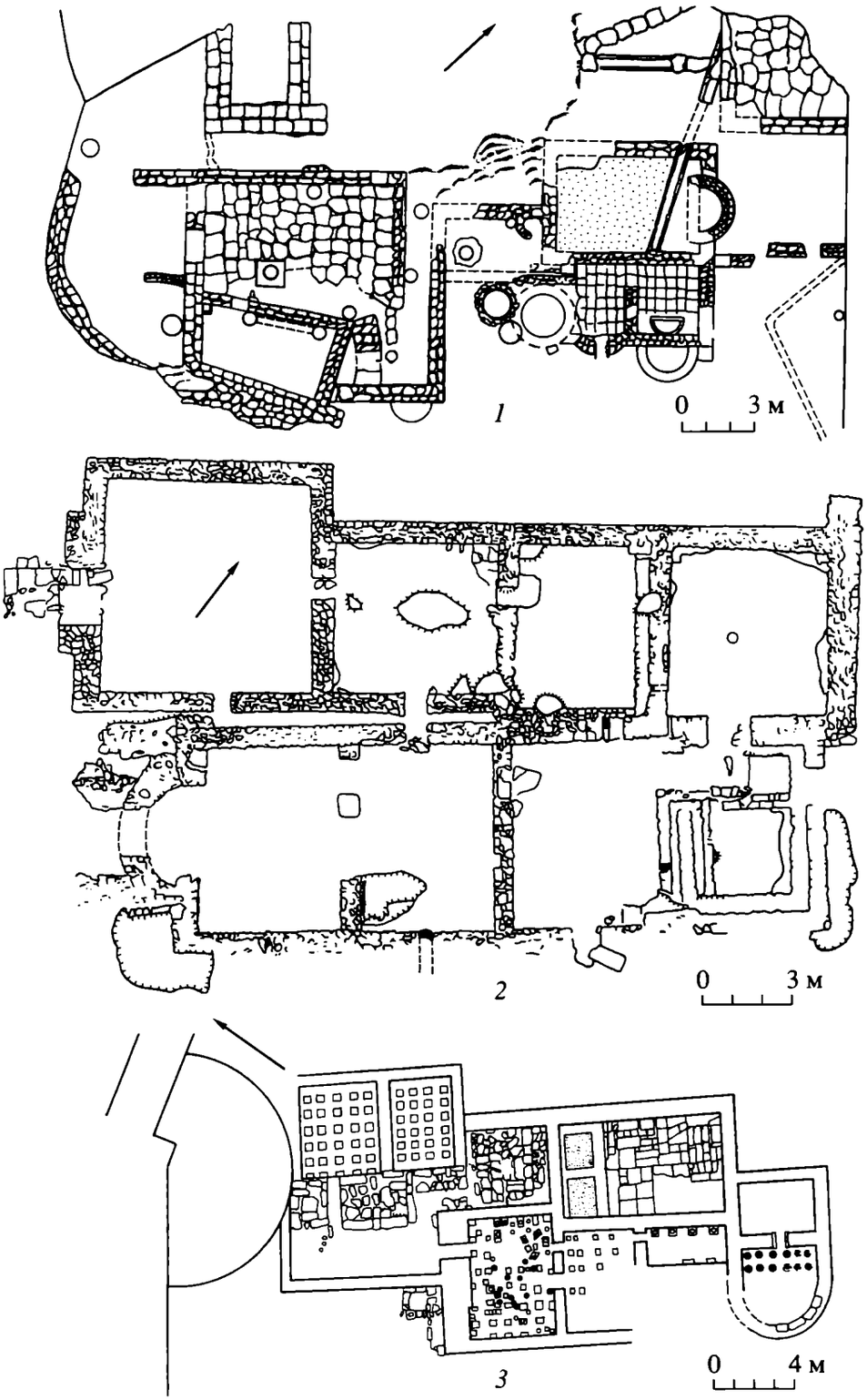


Рис. 6. Планы терм Пантикапея (*1*) по К.Е. Думбергу, Харакса (*2*) по В.Д. Блаватскому и Херсонеса (*3*) по И.А. Антоновой и В.М. Зубарю.

нович, 1968. С. 102–107; Мезенцева, Иваненко, 1979. С. 369, 370; Мезенцева, 1981. С. 283, 284; 1986. С. 513–518; Кравченко, 1986. С. 3). А отдельные находки в Тире и ее окрестностях более раннего материала, в том числе и византийских монет, на которые ссылаются Т.Л. Самойлова и В. Кожокару (Самойлова, Кожокару, 2003. С. 42; ср.: Самойлова и др., 2002. С. 184), не могут рассматриваться в качестве достаточно весомого аргумента в пользу заключения о долговременной и стационарной жизни на месте бывшего античного центра вплоть до XIII в. (ср.: Абрамзон, Масленников, 1999. С. 80–83).

В связи с тем, что пока исследована лишь восточная часть помещения № 610, трудно что-то определенное сказать о функциональном назначе-

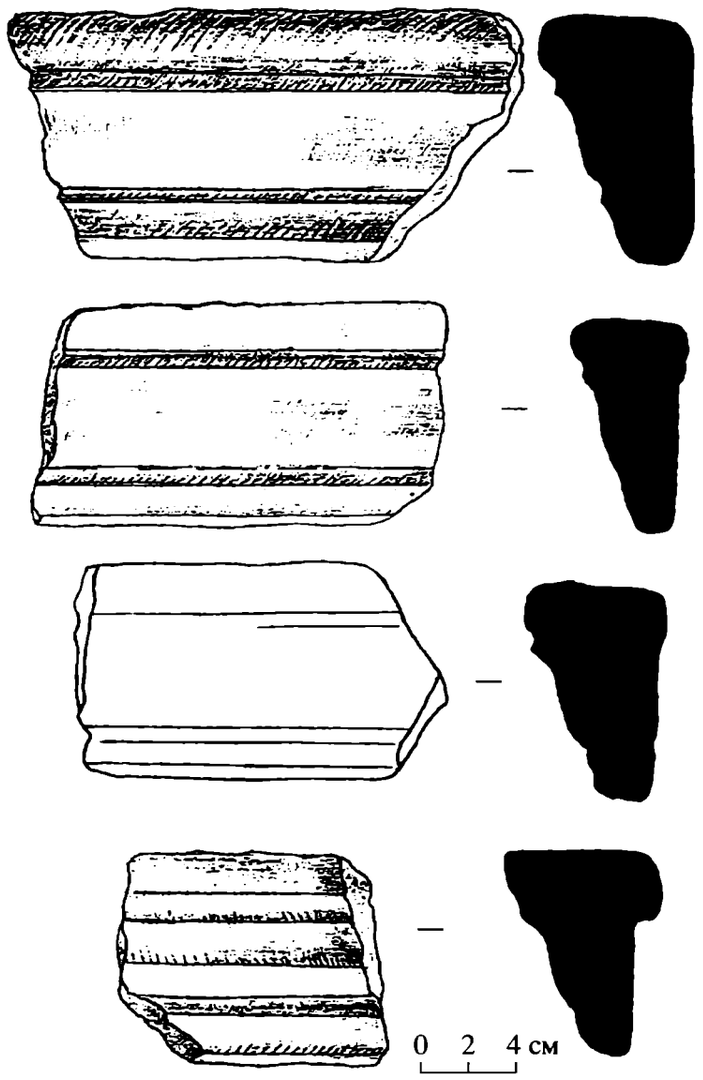


Рис. 7. Мраморные карнизы интерьера из раскопок Тиры по Т.Л. Самойловой и В. Кожокару.

нии всего здания. Однако наличие в восточной стене строительного комплекса небольшой апсиды, применение известкового раствора, наличие деталей декора интерьеров, которые широко использовались при сооружении зданий на территории дунайских провинций Римской империи во II–III вв. – все это указывает, что все-таки есть все основания связывать помещение № 610 с пребыванием в Тире римского гарнизона. В сугубо предположительном плане это помещение могло быть составной частью, например, принципии или терм, но, естественно, настаивать на этом ввиду того, что комплекс раскопан не полностью, сейчас вряд ли можно (ср.: Зубарь, Хворостяный, 2000. С. 43. Прим. 21). С другой стороны, датировка помещения № 610 II–III вв. и его расположение за линией крепостной стены с круглой башней эллинистического периода, с противоположной стороны которой находился арсенал тирской вексилляции (рис. 1, II) (см.: Зубар, Сон, 1999. С. 119), позволяет предполагать, что в первые века н.э. оборонительная система уже не функционировала. Это наблюдение, видимо, должно быть использовано при анализе вопроса о хронологии оборонительных сооружений Тиры, который пока все еще далек от своего окончательного решения (ср.: Самойлова и др., 2002. С. 166, 167, 185).

Итак, комплекс материалов, полученных в ходе раскопок помещения № 610 в Тире, свидетельствует, что нет абсолютно никаких оснований использовать его для доказательства продолжения жизни на территории города после IV в. (ср.: Самойлова, 2004. С. 112, 113), рассматривать в качестве христианского храма-базилики середины–второй половины I тыс. н.э., а также связывать с христианизацией населения Северо-Западного Причерноморья и сопредельных территорий в период раннего средневековья. Эти выводы Т.Л. Самойловой и В. Кожокару, сделанные без надлежащего анализа археологического материала, несостоятельны и не могут быть использованы для каких-либо серьезных исторических или религиоведческих реконструкций.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамзон М.Г., Масленников А.А. Золотые монеты Феодосия II // ВДИ. 1999. № 4.

Антонова И.А., Аркадова Л.А. Раскопки терм и античной протейхизмы в Херсонесе // АО–1970. 1971.

Блаватский В.Д. Харакс // МИА. 1951. № 19.

Буйских А.В. Об импорте малоазийских архитектурных деталей в Северное Причерноморье во II в. н.э. // Международные отношения в бассейне Черного моря в древности и средневековье. Тез. докл. шестой науч. конф. Ростов-на-Дону, 1992.

Буйских А.В. К изучению стилей в монументальной архитектуре Херсонеса Таврического первых веков н.э. ΑΝΑΧΑΡΣΙΣ. // Памяти Ю.Г. Виноградова. Херсонесский сборник. 2001. Вып. XI.

Виноградов Ю.Г., Зубарь В.М., Антонова И.А. Schola principalium в Херсонесе // НЭ. 1999. Т. 16.

Думберг К.Е. Раскопки в Пантикапее в 1897–1898 гг. // ОАК за 1898 г. СПб., 1901.

Завадская И.А. О происхождении христианской архитектуры ранневизантийского Херсонеса // МАИЭТ. Симферополь, 2001. Вып. VII.

Завадская И.А. Баптистерии Херсонеса (к истории крещального обряда в ранневизантийский период) // МАИЭТ. Симферополь, 2002. Вып. IX.

Зубар В.М., Сон Н.О. Нові археологічні дані про римську залогу Тіри // Археологія. 1999. № 3.

Зубарь В.М., Хворостяный А.И. От язычества к христианству. Киев, 2000.

Зубар В.М., Антонова І.А. Римські терми на території цитаделі Херсонеса Таврійського // Магістеріум. Киев, 2001.

Кравченко А.А. Средневековый Белгород на Днестре (конец XIII–XIV вв.). Киев, 1986.

Крапивина В.В. Ольвия. Материальная культура I–IV вв. н.э. Киев, 1993.

Крыжицкий С.Д. Строительство и архитектура // Археология Украинской ССР. Киев, 1986.

Крыжицкий С.Д. Архитектура античных государств Северного Причерноморья. Киев, 1993.

Мезенцева Г.Г. Раскопки в Белгород-Днестровской крепости // АО–1980. 1981.

Мезенцева Г.Г. Средневековый Белгород-Днестровский // Археология Украинской ССР. Т. 3. Киев, 1986.

Мезенцева Г.Г., Иваненко И.А. Открытия в Белгород-Днестровском // АО–1978. 1979.

Младенова Я. Античната вила Армира край Ивайловград. София, 1991.

Рабинович М.Г. Исследования средневековых слоев Белгорода Днестровского в 1954 и 1958 гг. // КСИА. 1968. Вып. 113.

Росохацкий А.А., Кындя И., Батизат Г.В. и др. Некоторые итоги археологических исследований Белгород-Тирской экспедиции в 1997–1998 гг. // Охрана и исследования памятников археологии в Одесской области. Одесса, 1999.

Самойлова Т.Л. К вопросу о времени основания и гибели античной Тиры // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Ч. 2. СПб., 2004.

Самойлова Т.Л., Росохацкий А.А. К вопросу о распространении христианства в Северо-Западном Причерноморье // Матеріали 2-ї Миколаївської обласної краєзнавчої конференції "Історія. Етнографія. Культура. Нові дослідження". Миколаїв, 1997.

Самойлова Т.Л., Кожокару В. К вопросу о распространении христианства в первом тысячелетии в междуречье Дуная и Днестра // Христианское наследие Византии и Руси. Сб. матер. II Междунар. конф. "Церковная археология: изучение, реставрация и сохранение христианских древностей" (Севастополь, 2002 г.). Симферополь, 2003.

Самойлова Т.Л., Кожокару В., Богуславский Г.С. Античная Тира – средневековый Белгород (Отчет о раскопках за 1996–1999 гг.) // Tyras, Cetatea Albă / Belhorod-Dnistrovs'kyj. Bucureşti, 2002.

Сон Н.А. Тира римского времени. Киев, 1993.

Якобсон А.Л. Раннесредневековый Херсонес // МИА. 1959. № 63.

Якобсон А.Л. Закономерности в развитии раннесредневековой архитектуры. Л., 1983.

Jonson A. Römische Kastelle. Mainz am Rhein, 1990.

Kiss A. Pannonische Architekturelemente und Ornamentik in Ungarn. Budapest, 1987.

Piccottini G., Vetters H. Furhrer durch die Ausgrabungen auf dem Magdalensberg. Klagenfurt, 1981.

Suceveanu A. Les thermes Romains // Istria. Bucarest; Paris, 1982. T. VI.

Vinogradov Ju.G., Zubar V.M. Die Schola Principalium in Chersonesos // Il mar Nero. 1995/1996. T. 2.

The remains of an apse complex (concerning the problem of attribution)

V. M. Zubar'

Summary

The article criticises the attribution of construction 610 excavated in 1996–1999 in the territory of Classical Tyra and identified as early medieval Christian basilica by T.L. Samoilova and V. Kozhokaru. Having analysed the entire corps of material (construction remains and architectural details), the author comes to a different conclusion. He states that the construction in question does not evidence continuation of life in the town after the 4th c.; there are no grounds to identify it as Christian basilica dating from the mid–the second part of the 1st millennium AD. Consequently, the adaptation to Christianity by the populaiton of the North-Western Pontic zone in the early Middle Ages cannot be probed. The conclusions were suggested by T.L. Samoilova and V. Kozhokaru without proper analysis of the archaelogical material and are not grounded; they should not be taken into accound, when working out serious historical reconstructions.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 109–111

ПУБЛИКАЦИИ

МРАМОРНАЯ СТУПКА ИЗ КОЛЛЕКЦИИ НАЦИОНАЛЬНОГО ЗАПОВЕДНИКА "СОФИЯ КИЕВСКАЯ"

© 2005 г. А. А. Архипов*, Е. И. Архипова**

* *Киевский национальный университет им. Тараса Шевченко*

** *Институт археологии НАН Украины, Киев*

В 1944 г. в фонды Музея архитектуры Украинского филиала Академии архитектуры (ныне Национальный заповедник "София Киевская") было передано несколько вещей от Б.К. Жука[1]. Среди них за № УФАА МА 3120а значилась "Древняя мраморная ступка из цельного округлого куска мрамора с выдолбленным в нем углублением полусферической формы" (Инвентарная книга 1944 г.). В 1979 г. В.Г. Пуцко уделил ей несколько строк в статье, посвященной изделиям византийского художественного импорта из древнего Киева (1983. С. 135. Рис. 8). Данные о происхождении этого предмета ему остались неизвестными. Определив его как мраморную фиалу IX–X вв., он почему-то считал, что она происходит именно из киевских находок. Новые данные, полученные в последнее время, позволяют внести некоторые уточнения и пересмотреть атрибуцию этого изделия.

Во-первых, относительно происхождения предмета. Личность Б.К. Жука до недавнего времени была почти неизвестной. Сейчас, благодаря поискам Л.В. Пекарской в архивах музея Дамбартон Окс в Вашингтоне и Украинской академии наук в Нью-Йорке, мы имеем представление не только о нем, но и о его коллекции.

Борис Касьянович Жук (1878–1960) жил в Киеве и собирал свою коллекцию почти полстолетия. Археолог по специальности (закончил Петровскую академию и Археологический институт в Петербурге), он в 1921 г. работал экспертом в Киевском историческом музее и читал курс по истории прикладного искусства в Археологическом институте. В 1937 г. руководил изъятием из закрытых молитвенных домов Подольской губернии предметов музейного значения, работал по определению фондов в музеях Винницы, Бердичева, Мариуполя, Полтавы и др., с 1938 до 1943 гг. в государственном историко-культурном заповеднике (Всеукраинский музейный городок) в Киеве и одновременно – в Киевском музее украинского прикладного искусства. В его коллекции были памятники разных эпох: золотые украшения греческой работы из Керчи, бронзовые предметы эпохи переселения народов, значительную часть составляли золотые и серебряные изделия древнерусского искусства из киевских находок, культовые предметы X–XIII вв. (в том числе вещи двух киевских кладов, один из которых, по данным Л.В. Пекарской, был найден 1842 г. возле Десятинной церкви). С этой коллекцией Б.К. Жук в 1943 г. выехал в Австрию, а позднее перебрался в Германию. Лишь некоторые вещи со временем он продал в Музей Дамбартон Окс, судьба же основной части коллекции после его смерти в 1960 г. осталась неизвестной (Pekars'ka, 1997. P. 71–75; Пекарська, 1999. С. 64, 65).

В Софийский заповедник из коллекции Б.К. Жука попало четыре предмета: мраморная ступка, железная кольчуга, нагрудник и било. К сожалению, акт передачи предметов не сохранился, и мы не знаем, как именно эти предметы попали в Музей. Поскольку предметы были переданы в Музей во время войны, можем лишь догадываться, что, скорее всего, это произошло после отъезда Б.К. Жука из Киева с основной частью коллекции, а эти вещи остались как менее ценные и тяжелые. Поскольку в коллекции Б.К. Жука были как киевские находки, так и вещи с юга Украины, у нас нет оснований утверждать, что этот мраморный сосуд найден именно в Киеве.

Неубедительна и предложенная В.Г. Пуцко атрибуция изделия как фиалы. Известные мраморные портативные сосуды для святой воды, как правило, имеют бóльшие размеры и другую форму. Например, мраморная фиала из монастыря Ватопед на Афоне полусферическая, без ручек, с профилированным венчиком, высотой 26 см, диаметром 55 см. Снаружи она украшена рельефным изображением креста и листьями аканта. Мраморные сосуды для святой воды и купели из монастыря Пантократора на Афоне, св. Мелетия в Мегарах, Византийского музея в Афинах и др. также украшены крестами (Pazaras, 1997. P. 243. № 6, 7). Известны случаи, когда фиалы для святой воды делали из мраморных капителей (Everyday life..., 2002. P. 216, 217. № 247, 248). Мраморные чаши, орнаментированные крестами или христианскими надписями, использовали в церковных обрядах в раннехристианский период (Tzitzibassi,

[1] Акт № 1 на поступление в Архитектурный музей Украинского филиала Академии архитектуры от 3 июня 1944 г. / Научный архив Национального заповедника "София Киевская", НА-238.

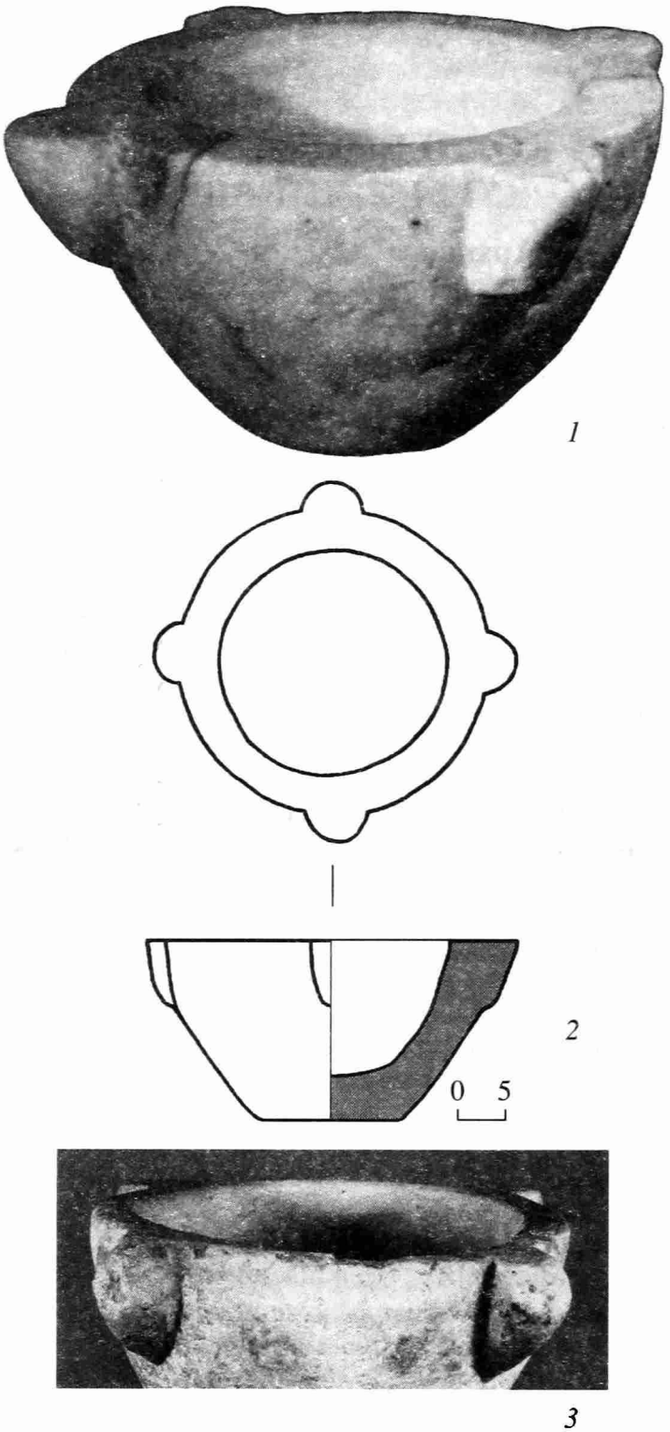


Рисунок. *1, 2* – мраморная ступка VI–XI вв. из фондов Национального заповедника. *3* – мраморная ступка V–VI вв. из раскопок в Фессалониках. Музей Византийской культуры. Фессалоники, Греция (АГ 3184/12).

2000. P. 27). Подобная киевской находке небольшая мраморная фиала, украшенная рельефными изображениями креста и листьями аканта, например, экспонируется в Государственном Эрмитаже в Санкт-Петербурге.

Сосуд из коллекции Б.К. Жука сделан из белого с серыми прожилками проконнесского мрамора, который с первых веков нашей эры добывали на о. Проконнес, что неподалеку от Константинополя в Мраморном море[2]. Сосуд в форме усеченного конуса, с плоскими венчиком и дном, толстыми (4 см) стенками. Диаметр венчика 31 см, диаметр дна 16 см, высота 19 см. С четырех сторон на уровне венчика крестообразно расположены четыре ручки в виде овальных в плане выступов шириной 6 см. Ручки округлые, косо срезаны к корпусу сосуда, высотой около 8 см (рисунок *1, 2*). Снаружи поверхность изделия тщательно отшлифована и отполирована. Внутри она неровная, имеет множественные мелкие углубления, и только ближе к венчику также тщательно обработана[3]. Бугристость внутренней поверхности образовалась в результате растирания различных продуктов (злаков, бобовых, фруктов, специй) или красок. Таким образом, форма киевского сосуда и состояние его внутренней поверхности свидетельствуют о том, что его использовали именно как ступку.

По данными А. Цицибасси, подобные каменные сосуды, известные как lekanes, lekanides или goudia, с античного времени до сих пор используются на Крите и Хиосе для растирания, в основном продуктов питания. В них также растирали краски и косметические и лечебные средства. Для перетирания использовали песты из дерева, глины, камня, железа. Поскольку этот процесс был монотонным и долгим, такие чаши получили латинское название mortarium, которое образовалось от греческого глагола, имевшего значение "лишать силы", "уничтожать", "сохнуть" (mortua, mortum, mortarium). В древности эти сосуды были неотъемлемой частью повседневной жизни (Tzitzibassi, 2000. P. 26, 27). Каменная ступка даже упоминается в поэме "Moretum", авторство которой приписывают Вергилию (Строкова, в печати;[4] Кнабе, 1986. С. 123, 124). Благодаря прочности материала, из которого делали такие ступки, они были долговечными, а их форма изменялась чрезвычайно медленно. Как свидетельствует завещание XIII в., их наследовали из поколения в поколение, а в поздневизантийский период как неотъемлемая часть домашней утвари, они входили в состав приданого хорошей хозяйки (Everyday life..., 2002. P. 359. № 420).

По археологическим данным, форма и размеры таких ступок были разнообразны (высотой от 4.5 до 30 см, диаметром от 11 и более 40 см). Иногда они имеют не четыре, а шесть выступов-ручек и напоминают в плане цветок. Поверхность как правило обработана небрежно, более тща-

[2] Из этого мрамора изготовлено подавляющее большинство деталей архитектурного декора киевских храмов X–XII вв.

[3] В конце 80-х годов XX ст. ступку реставрировали, но паспорта на эти работы в фондах заповедника нет. Ступка в хорошем состоянии, имеет только мелкие сколы на венчике и по краям ручек и трещину возле венчика.

[4] Благодарим Л.В. Строкову, ознакомившую нас со своей работой.

тельно отделаны небольшие сосуды. Находки мраморных ступок с Делоса и Коринфа указывают, что стандарты таких сосудов сложились к позднеримскому времени. В раннехристианский период доминировали почти полусферические открытые ступки с плоским венчиком, плоским массивным дном, толстыми стенками, четырьмя симметрично расположенными овальными в плане ручками, иногда с врезным орнаментом на венчике или плоскостях ручек (Tzitzibassi, 2000. P. 26). Судя по материалам Коринфа, ступки именно такой формы, но разных размеров, употреблялись в течение всего раннехристианского периода вплоть до X–XI вв. Со временем их форма немного изменяется – например, мраморные ступки поствизантийского периода выше и глубже, с массивными стенками и дном и более закрытым корпусом (Everyday life..., 2002. P. 358, 359. № 420, 421).

Ступки из мрамора и известняка обычны в странах с богатыми месторождениями этих пород камня. Немало их, например, было найдено в Греции (Делос, Коринф, Фессалоники), на Балканах, в Крыму. Много ступок из мрамора и известняка хранится в фондах Национального заповедника "Херсонес Таврический", музее Византийской культуры в Фессалониках, в Преславе (Tzitzibassi, 2000. P. 26, 27). По данным В.Г. Пуцко, мраморные ступки, подобные киевской, есть в краеведческом музее во Владимире-Волынском, церковно-археологическом кабинете Московской Духовной академии в Загорске (Пуцко, 1983. С. 135). Мраморная ступка V–VI вв. из фондов Национального музея истории Украины найдена в Керчи (Строкова, в печати). Материал (проконнесский мрамор) и форма ступки из коллекции Б.К. Жука указывают на ее византийское происхождение.

Обычно мраморные ступки находят вместе с кухонной посудой во время раскопок жилых зданий. Как показывают материалы кораблекрушения VII в. у побережья Малой Азии, такие ступки были и среди корабельной утвари (Everyday life..., 2002. P. 358). Алебастровая ступка для растирания красок найдена в погребении художника III в. во Франции (Tzitzibassi, 2000. P. 27). Возможность использования мраморных ступок, найденных в слое мусора за апсидами церкви "А" VI в. в Градине (Сербия), в христианских обрядах остается невыясненной. Судя по находкам фрагментов подобных сосудов внутри церкви, это не исключено, но здесь они были использованы вторично (Milinković, 2002. S. 110. Abb. 31, *б*). Иначе говоря, в данном случае речь может идти лишь об использовании бытовых сосудов (ступок) для совершения церковных обрядов.

В.Г. Пуцко датирует киевскую ступку IX–X вв., опираясь на находку подобной ступки в гробнице в Селище в Преславе, которая по сопутствующим материалам не может быть позднее X в. (Пуцко, 1983. С. 135). Однако, учитывая универсальность формы этой посуды и соответствие ее стандартам, бытовавшим в Византии с раннехристианского времени вплоть до XI в. (рисунок, *3*), считаем, что сосуд из коллекции Б.К. Жука следует датировать более широко – VI–XI вв.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Кнабе Г.С. Древний Рим – история и повседневность. М., 1986.

Пекарська Л. Пам'ятки княжого Києва в західних колекціях // Музей на рубежі епох: минуле, сьогодення, перспективи (матер. ювілейної міжнар. науково-практичної конф.). Національний музей історії України (1899–1999). Київ, 1999.

Пуцко В.Г. Византийский художественный импорт в древнем Киеве // Slavia Antiqua. Poznan. T. XXIX. 1983.

Строкова Л.В. Мармурова ступка V–VI ст. з Керчі // Vita Antiqua (в печати).

Everyday life in Byzantium. Byzantine hours, works and days in Byzantium. Athens, 2002.

Milinković M. Die Byzantinische Höhenanlage auf der Jelica in Serbien – ein Beispiel aus dem Nördlichen Jlyricum des 6. Jh. // Старинар. Кн. LI / 2001. Београд, 2002.

Pazaras T.N. Sculpture // Treasures of Mount Athos. Thessaloniki, 1997.

Pekars'ka L.V. Treasures from Ancient Kiev in The Metropolitan Museum of Art and Dumbarton Oaks // Metropolitan Museum J. 1997. V. 32.

Tzitzibassi A. Marble bowls for everyday use // Museum of Byzatine Cultur. Thessaloniki, 2000.

Marble mortar from the collection of the National state-preserved museum St. Sophia of Kiev

A. A. Arkhipov, E. I. Arkhipova

Summary

The paper is devoted to the publication of the vessel made of the Prokonnesian marble (its deposits are known in the island Prokonnesus in the Sea of Marmara). The vessel belonged to the collection of B.K. Zhuk, main part of the collection is preserved in the Museum of Dumbarton Oaks, Washington DC. Initially the vessel was attributed as a phial designed for holy water. Now the authors demonstrate that it should be attested to mortars (lekanes) used for grinding dry matters. The object is dated to the chronological span corresponding to the Early Christian or Middle Byzantine periods (the 6th–the 11th cc.).

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 112–123

ПУБЛИКАЦИИ

ПАЛЕОРЕЛЬЕФ ВЫСОКОЙ ПОЙМЫ ДНЕПРА НА ТЕРРИТОРИИ ГНЁЗДОВСКОГО АРХЕОЛОГИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА

© 2005 г. А. Л. Александровский*, Н. А. Кренке, В. С. Нефёдов**

* Институт географии РАН, Москва

** Институт археологии РАН, Москва

Поймы представляют собой один из наиболее быстро трансформирующихся ландшафтных комплексов и надежно "консервируют" эти изменения. Основными факторами пойменных процессов были и остаются колебания климата, развитие меандрирующего русла реки и хозяйственное воздействие человека. Следовательно, комплексные исследования пойм создают особый вид источника для суждений об эволюции природной среды, а также о характере и динамике антропогенного изменения ландшафтов речных долин и озерных котловин. Эти исследования имеют большое значение для археологии и исторической географии.

В настоящей публикации представлены первые результаты археолого-палеогеографического изучения высокой поймы Днепра в центральной части Гнёздовского археологического комплекса. Задачи полевых работ заключались в получении информации об изменениях рельефа и режима поймы в позднем голоцене (миграций русла Днепра, периодов почвообразования и осадконакопления), выяснении их относительной и абсолютной хронологии, а также в корреляции этих данных с археологическими источниками. Помимо указанных "прикладных" задач, связанных с исследованиями Гнёздовского микрорегиона, ставилась и более общая цель: накопление материалов по аллювиальной геоархеологии центральной части Русской равнины для уточнения особенностей и периодизации формирования пойменных отложений на основе радиоуглеродных и археологических датировок.

Комплексные исследования пойм с участием археологов давно и успешно развиваются в Западной Европе и США; там уже появились специальные учебные пособия (например, Brown, 1997). В отечественной науке это направление начало активно развиваться в 1980-х годах. За последние 20 лет для центра Русской равнины опубликовано несколько работ по отдельным микрорегионам (Александровский, 1990; Александровский и др., 1987; 1996; 1999; 2001; Сычёва, 1993; Сычёва, Узянов, 1987; Фоломеев и др., 1990) и сделаны первые попытки выявления общих закономерностей пойменных процессов в бассейнах Днепра, Волги и Оки в эпоху голоцена (Сычёва, 1999; 2002; Alexandrovskiy et al., 2000). Настоящее исследование позволит дополнить имеющиеся материалы данными по одному из самых информативных историко-географических микрорайонов Верхнего Поднепровья – территории Гнёздовского комплекса.

Гнёздовский археологический комплекс X–начала XI в. является крупнейшим комплексом археологических памятников периода образования Древнерусского государства. Он занимает долину р. Днепр (преимущественно ее правый берег) в 10.5–16.5 км к западу от центра Смоленска, ограничен с севера Витебским шоссе, построенным в середине XIX в., с востока краем леса, называемого Красный Бор (до 1920-х годов – Черный Лес), с запада левобережьем р. Нивленка, за которой начинается широко известный Катынский Лес. Оба лесных массива существуют с глубокой древности и фигурируют уже на картах XVII–XVIII вв.

Гнёздовский комплекс имеет сложную топографическую структуру, обусловленную в первую очередь расположением транзитных путей сообщения конца I тыс. н.э. Он включает два городища, два достоверно известных селища (в X в. их было, вероятно, больше), а также минимум 16 курганных могильников и отдельных курганов, насчитывавших в целом более 4000 насыпей (Археологическая карта..., 1997а. С. 82–92; 1997б. С. 205–206) (рис. 1).

Центральная (географически – восточная) часть комплекса состоит, в свою очередь, из трех частей. Во-первых, это городище площадью около 1 га, расположенное на мысу первой надпойменной террасы правого берега Днепра и левого берега ручья Свинец. Во-вторых, это селище площадью около 20 га, окружающее городище со всех сторон. В-третьих, это курганный некрополь, который принято делить на четыре могильника, окружавших селище подковообразно, от края первой террасы Днепра на западе и востоке до края водораздельной равнины чуть севернее Витебского шоссе (Сизов, 1902. С. 3–5; Лявданский, 1924. С. 127–149; Булкин и др., 1978. С. 25–40; Авдусин, Пушкина, 1982; Авдусин, 1999; Пушкина, 2001). Перечисленные памятники представляют собой остатки раннегородского центра X–на-

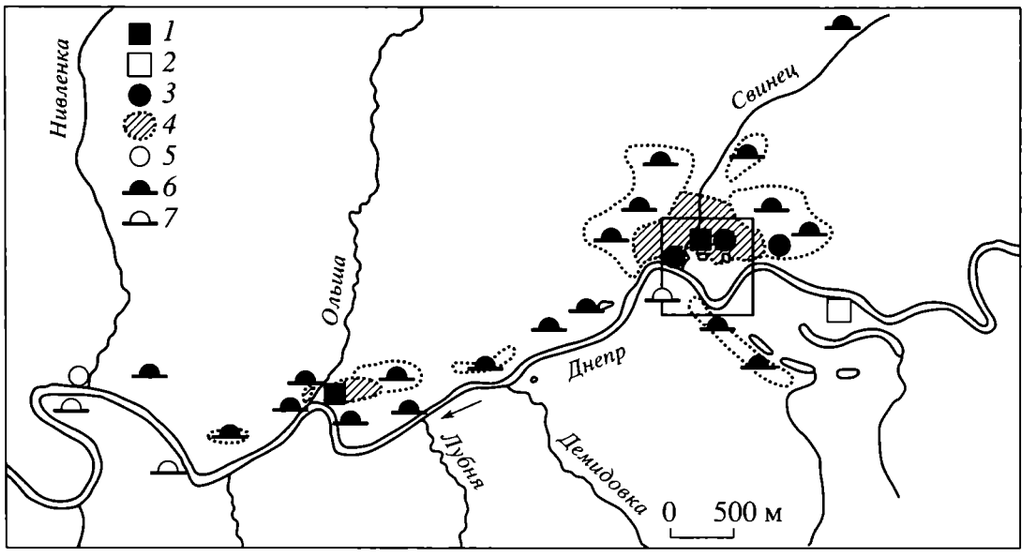


Рис. 1. Средневековые археологические памятники на территории Гнёздовского комплекса и его ближайших окрестностей: *1* – городище, возникшее в X в.; *2* – городище XVI–XVII вв.; *3* – селище III–VII вв.; *4* – селище, возникшее в X в.; *5* – селище XI–XIII вв.; *6* – курганы X–начала XI вв.; *7* – курганы XI–XII вв. и не датированные.

чала XI в., возникшего на одном из важнейших участков пути "из варяг в греки". Наблюдаемая ныне структура комплекса оформилась во второй пол. X в.

В центральной части Гнёздовского комплекса известны как более ранние, так и более поздние археологические памятники. Кремневые орудия и отходы их производства неоднократно находили при раскопках курганов и Центрального селища на первой надпойменной террасе правого берега Днепра (Лявданский, 1927. С. 228, 229; новейшие данные не опубликованы). Керамика и другие предметы 2–3-й четверти I тыс. н.э. обнаружены на мысах той же террасы на обоих берегах ручья Свинец, а также восточнее, под южными курганами так называемой Лесной группы (Шмидт, 1974. С. 152–157), что указывает на существование здесь двух–трех селищ тушемлинской культуры (рис. 1). В ближайших окрестностях Гнёздова находятся городища днепро-двинской культуры раннего железного века: Демидовка, Драветчино, Новые Батеки (Шмидт, 1976. С. 200–203, 224, 225) и др.

На Центральном городище в XII–XIV вв. располагалась, вероятно, феодальная усадьба (Авдусин, Пушкина, 1982. С. 78), а во 2-й четверти–середине XVII в. – резиденция смоленского католического епископа П. Парчевского (Мурзакевич, 1804. С. 39; Авдусин, 1953. С. 114). На большей части Центрального селища также найдена керамика XII–XVII вв. Сельцо Гнёздово впервые упоминается в 1648 г. с первой пол. XVIII в., оно известно по географическим описаниям и картам. По-видимому, поселение в том или ином виде существует в Гнёздове практически непрерывно с X в. до настоящего времени. Кроме того, на левом берегу Днепра, напротив Гнёздова расположены курганный могильник XI–XII вв., топографически обособленный от могильника X в., (Мурашёва, Пушкина, 2001. С. 91) и городище XVI–XVII вв., обозначенное на плане окрестностей Смоленска, выполненном польским гравером В. Гондиусом на основе съемок и рисунков архитектора И. Плейтнера 1632–1634 гг. (Гондиус, 1636. Л. 12, 14) (рис. 1). Таким образом, изучаемый микрорегион осваивался человеком начиная с позднего мезолита или раннего неолита, а более интенсивно и без длительных перерывов – с III–V вв. н.э. до современности[1].

Сегмент высокой поймы к югу и юго-востоку от Центрального городища имеет подтреугольную форму, размеры около 640 × 330 м, высоту от летнего уреза воды в Днепре около 5–9 м (в основном 7–9 м). В более древней притеррасной части высокой поймы расположены две котловины, занятые частично заболоченными старичными озерами Бездонка и Камыши, а на остальных ее участках рельеф относительно плоский. В сравнительно молодой прирусловой части видно 3–5 старорусельных понижений Днепра, на внешних краях которых находятся аллювиальные береговые валы. Эти образования вытянуты примерно параллельно друг другу, с ВЮВ на ЗСЗ, что не соответствует конфигурации современного русла реки (рис. 2; 3)[2]. В настоящее время высокая пойма

[1] Достоверные данные о заселении территории Гнёздовского комплекса в VIII-IX вв. пока отсутствуют, хотя на этот счет существует длительная дискуссия (см: Пушкина, 2001; Шмидт, 2001).

[2] Авторы благодарят Т.А. Пушкину, предоставившую для этой работы топографический план центральной части Гнёздовского комплекса (съемка 2001 г.), и М.О. Жуковского за помощь в его компьютерной обработке.

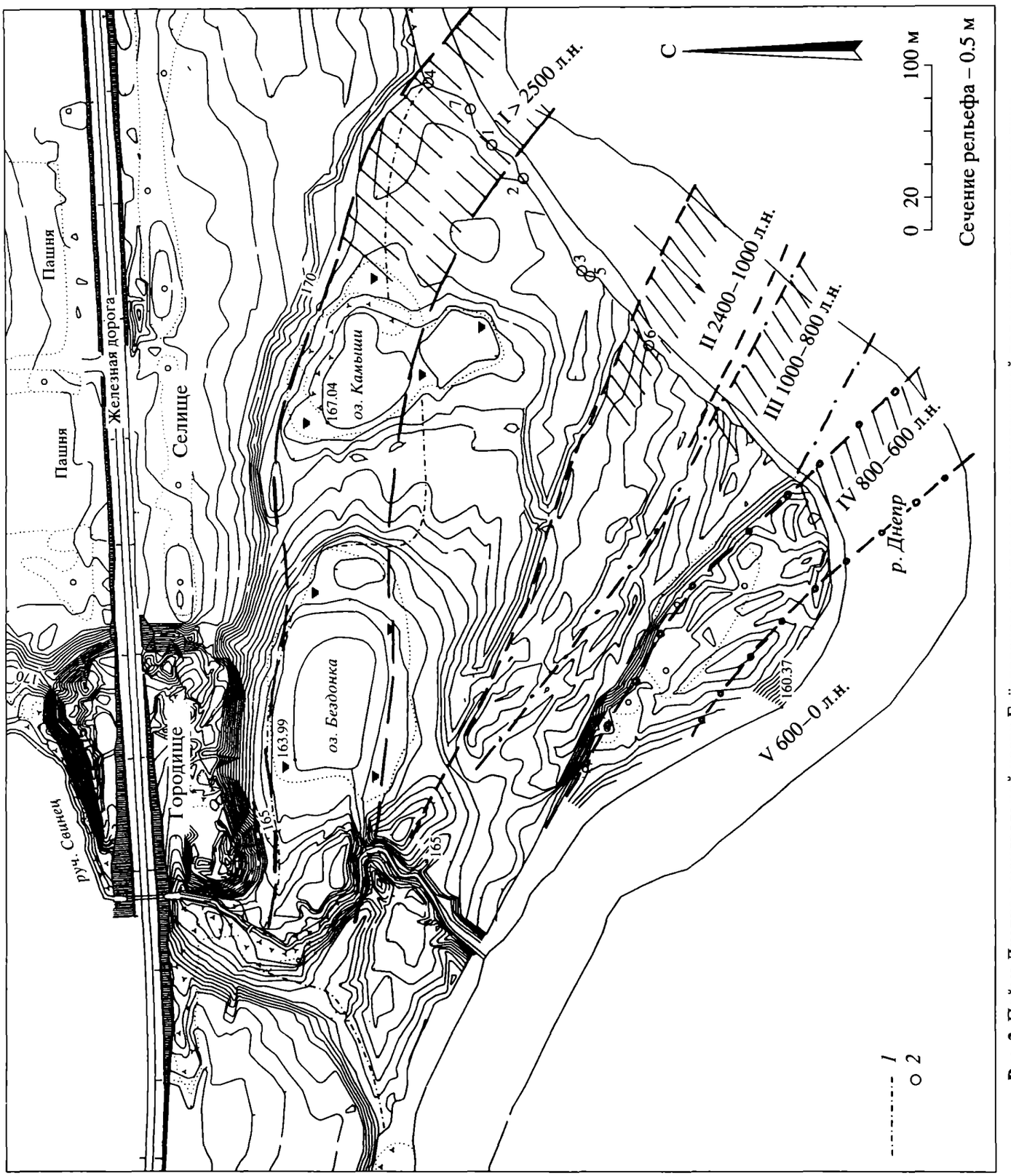


Рис. 2. Пойма Днепра в центральной части Гнёздовского комплекса с реконструкцией положения русла за последние 2500 лет: *1* – приблизительная южная граница культурного слоя Центрального селища; 2 – разрез 2001 г.

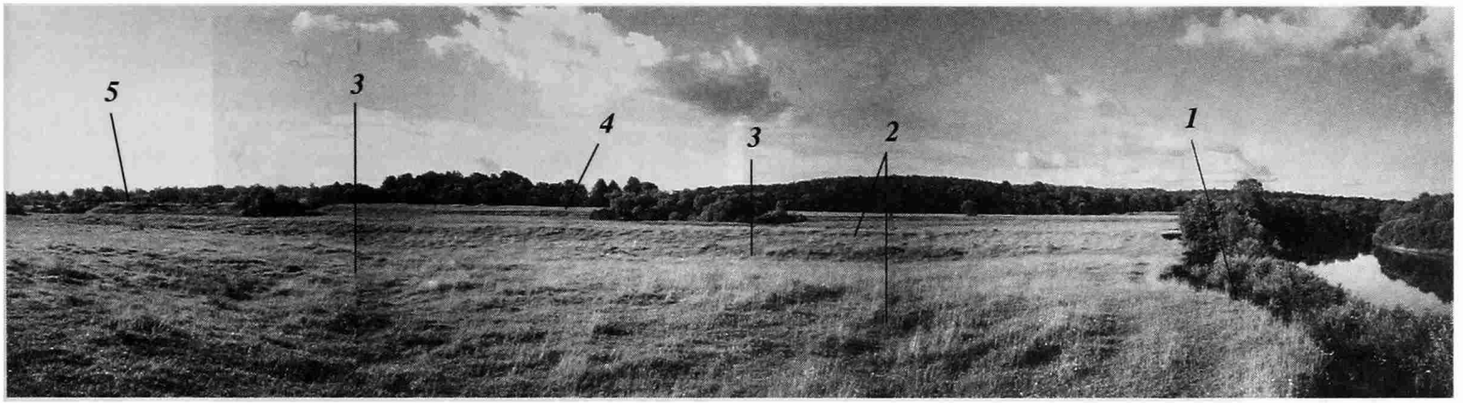


Рис. 3. Панорама "гнёздовского" сегмента высокой поймы Днепра. Вид с юга: *1* – обрыв высокой поймы правого берега р. Днепр, где изучались отложения; *2* – древние прирусловые валы; *3* – старорусельные понижения; *4* – край первой надпойменной террасы (селище); *5* – городище.

почти полностью занята лугом и используется под пастбище (рис. 3).

В притеррасной части поймы (вдоль основания склона первой террасы Днепра и на гривообразном возвышении между двумя озерами) в толще аллювиальных отложений залегает культурный слой Центрального селища. В основном он датируется X–XI вв., но во многих местах, особенно вблизи склона террасы, в его верхней части найдены артефакты XII–XVII вв. и, вероятно, начала Нового времени (Пушкина и др, 2001; Мурашёва, Пушкина, 2002). Толщина аллювия над средневековым культурным слоем увеличивается в сторону русла Днепра и достигает 1.5 м.

С 1995 г. по инициативе Смоленской археологической экспедиции МГУ в Гнёздове и его окрестностях проводятся междисциплинарные исследования с целью реконструкции природной среды позднего голоцена, изучения ее эволюции, а также характера и динамики хозяйственного освоения (Sedov et al., 1999; Bronnikova et al., 2003). В рамках этой программы авторы настоящей работы предприняли летом 2001 г. исследование высокой поймы Днепра в центральной части археологического комплекса. Была реализована максимально легкая в исполнении и эффективная полевая методика – зачистка береговых обнажений в самых информативных местах, что позволило выявить в толще аллювия погребенные почвы и горизонты заполнения старых русел. Затем по простиранию почв и других горизонтов велся поиск артефактов и объектов, пригодных для радиоуглеродного и археологического датирования. Картографирование разновозрастных пойменных отложений, сопоставление их с элементами современного рельефа (в том числе старорусельными понижениями и береговыми валами) позволили подойти к решению проблемы реконструкции палеорельефа и динамики развития конкретного сегмента поймы, эталонного для всего региона.

Работы 2001 г. проводились на юго-восточном обрывистом краю пойменного мыса, поскольку там современное русло Днепра прорезало как притеррасную, так и прирусловую части высокой поймы (рис. 3). На этом обрыве, протянувшемся на 340 м от основания склона первой надпойменной террасы до края склона к низкой пойме, было сделано семь разрезов (рис. 2). На прилегающем к склону террасы северо-восточном участке обрыва на протяжении до 90 м обнаружены отложения погребенной старицы Днепра мощностью более 3 м, сложенные старичным аллювием песчаного и супесчаного, а в верхней части – суглинисто-глинистого состава с древесиной (в том числе стволами деревьев) и прослоями торфа. Старица перекрыта слоистым песчано-супесчано-суглинистым аллювием мощностью около 2.8–3.2 м (разрезы 1, 4, 7). Далее, на удалении от террасы до 230 м в аллювии выявлены три погребенные почвы разного возраста, залегающие на глубине около 1.4–3 м (разрезы 2, 3, 5, 6). Приводим описание разрезов[3] (рис. 4; 5).

Разрез 4. 16 м от основания склона террасы. В нижней части разреза выявлены старичные отложения, над которыми залегает горизонт, предположительно интерпретируемый как культурный слой (рис. 5, *2*).

A1 (0–20 см). Современная почва. Серовато-бурая супесь. Граница волнистая, переход постепенный.

C (20–220 см). Аллювий. Светло-бурый слоистый песок, внизу супесь к легкому суглинку. На глубине 210–220 см залегает бурая суглинистая прослойка с ожелезнением. Граница волнистая, переход резкий.

C (220–248 см). Аллювий. Слабо оглеенная белесая плотная глина, содержит угли. По верхней

[3] Описание разрезов дано с северо-востока на юго-запад, т.е. в направлении от основания склона первой террасы к низкой пойме Днепра.

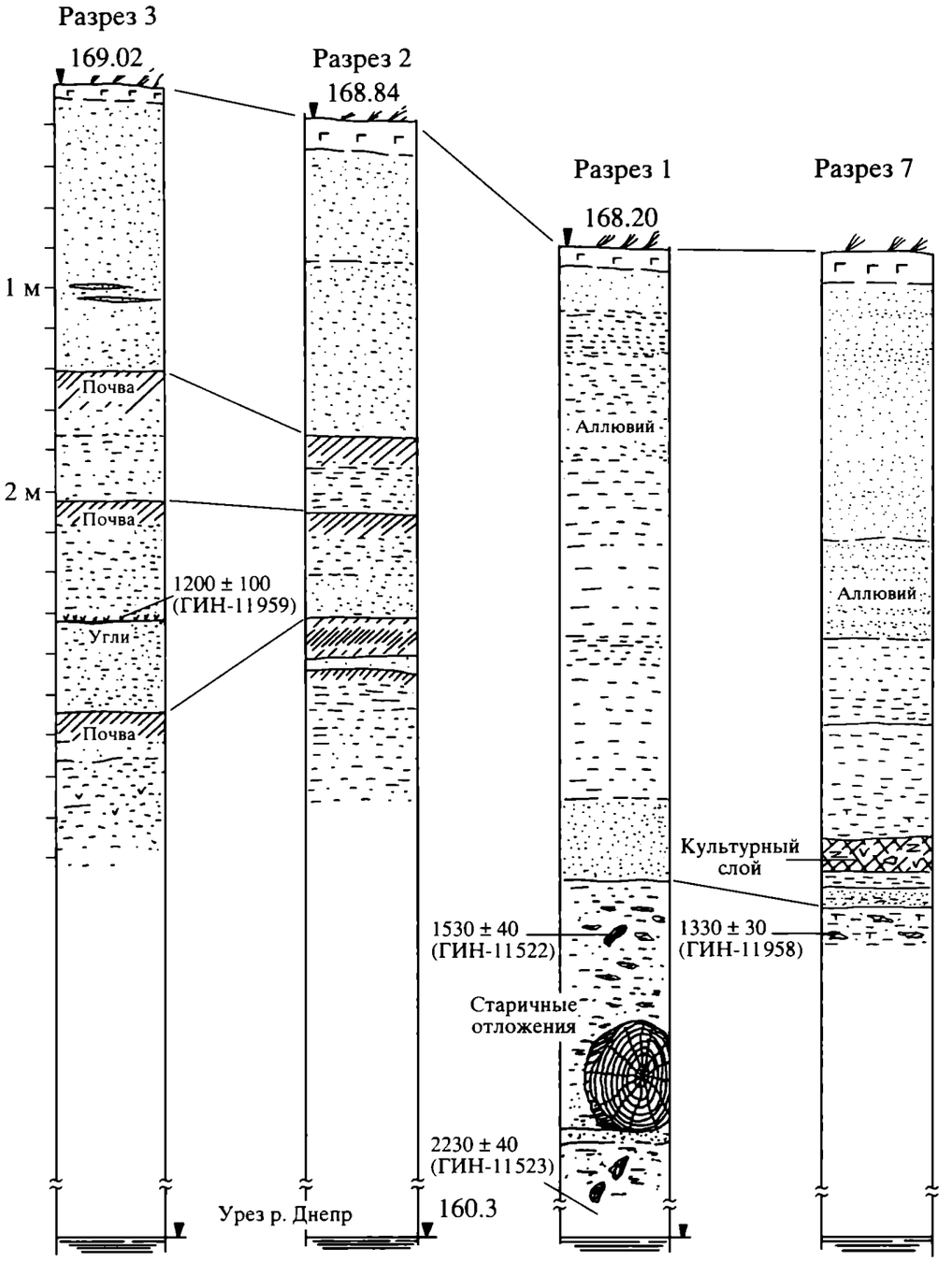


Рис. 4. Стратиграфические колонки разрезов 1–3, 7.

границе встречаются камни. Граница ровная, переход резкий.

C (248–275 см). Аллювий с признаками культурного слоя. Серый суглинок с тонкими белесыми прослойками в верхней части, ниже буровато-серый гомогенный, содержит угли и кусочки древесины (вероятно, культурный слой). Граница волнистая, переход резкий.

D (275–300 см). Старичные отложения. Темно-серо-бурый тяжелый суглинок (ближе к глине), в нижней части с тонкими белесыми прослойками. Содержит кусочки древесины. Граница ровная, переход резкий.

D (300–360 см). Старичные отложения. Серый суглинок со стволами деревьев, в том числе дуба.

Разрез 7. Около 50 м от террасы. Строение разреза в целом аналогично предыдущему. Культурный слой над старичными отложениями менее мощный, но идентифицирован надежнее (рис. 4).

A1 (0–16 см). Современная почва. Буровато-темно-серая супесь. Много мелких железисто-марганцевых конкреций. Граница неровная, переход постепенный.

C (16–187 см). Аллювий. Чередующиеся прослойки серовато-светло-бурого и буровато-палевого песка (последние толще в нижней части). Со-

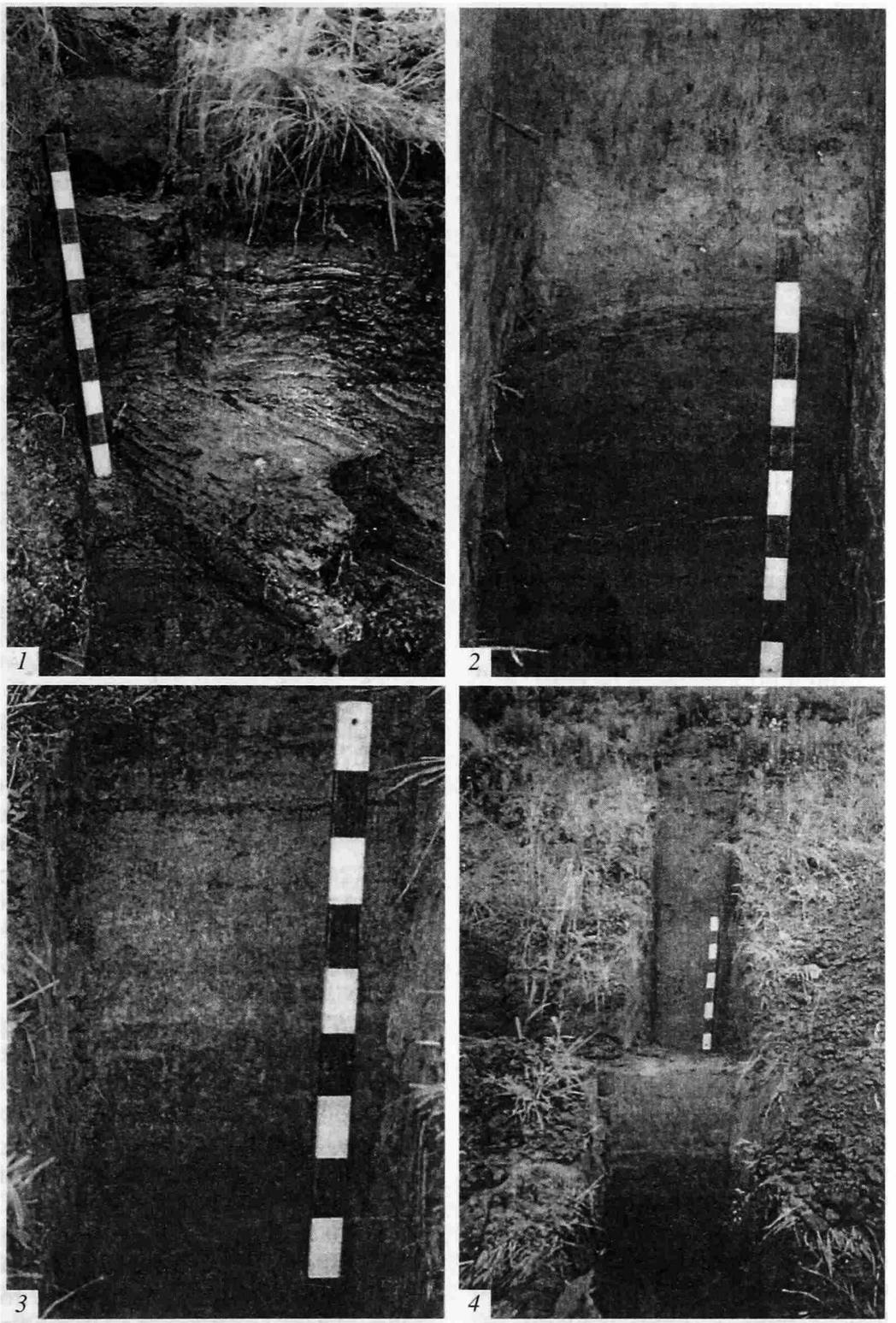


Рис. 5. Фотографии разрезов: *1* – нижняя часть разреза 1; *2* – нижняя часть разреза 4; *3* – нижняя часть разреза 2; *4* – разрез 3.

держит железистые конкреции. Переход постепенный.

С (187–233 см). Аллювий. Слабо оглеенная с сизоватым оттенком супесь (верхняя часть) и легкий суглинок (нижняя часть). Слоистость выражена слабо. Переход постепенный.

С (233–282 см). Аллювий. Слабо слоистый оглеенный суглинок, серовато-сизые прослойки которого чередуются с тонкими прослойками слабо разложившегося торфа, включающими мелкие кусочки древесины. Граница неровная, переход постепенный с затеками до глубины 290 см.

С (282–302 см). Культурный слой. Буровато-светло-серая супесь. Включения слабо разложившейся мелкой щепы, углей, кальцинированных костей. Граница неровная, переход постепенный.

C (302–311 см). Аллювий. Сизовато-светло-серая легкая супесь. Граница неровная, переход постепенный.

D (311–320 см). Аллювий. Чередующиеся прослойки буровато-палевого песка и коричневато-светло-бурой оторфованной супеси. Граница волнистая, переход резкий.

D (320–350 см). Старичные отложения. Буровато-темно-коричневый торф с большим количеством обломков древесины, в основном слабо разложившейся. Слоистый со слабоволнистым залеганием. Имеются прослойки слабооторфованного песка, сходного с вышележащим.

Разрез 1. Около 75 м от террасы. В общем сходен с разрезами 4 и 7, но над старичными отложениями отсутствует горизонт антропогенного происхождения (рис. 4; 5, *1*).

A1 (0–15 см). Современная почва. Серовато-бурая супесь. Переход постепенный.

BC (15–30 см). Аллювий, проработанный почвообразованием. Светло-бурая супесь.

C (30–105 см). Аллювий. Слоистая серовато-бурая супесь с белесыми песчаными прослойками. Содержит железо-марганцевые конкреции. Переход постепенный.

C (105–190 см). Аллювий. Светло-бурая супесь, слоистость выражена слабее. Переход постепенный.

G (190–205 см). Аллювий. Сизовато-бурый оглеенный легкий суглинок. Переход постепенный.

C (205–270 см). Аллювий. Бурая супесь с многочисленными пятнышками оглеения и мелкими железистыми конкрециями. Граница волнистая, переход резкий.

D (270–310 см). Аллювий. Ярко-белый мелкозернистый песок. Граница волнистая, переход резкий.

D (310–440 см). Старичные отложения. Темно-бурая слоистая оторфованная глина. Содержит много древесины, в том числе стволы дуба толщиной до 70 см. Переход постепенный.

D (440–570 см). Старичные отложения. Серо-бурый слабо слоистый суглинок с белесыми песчано-супесчаными прослойками и стволами деревьев. Граница ровная, переход постепенный.

D (ниже 570 см). Аллювий. Слабо слоистый легкий суглинок.

Разрез 2. Около 100 м от террасы. Линза старичных отложений сменяется хорошо развитой погребенной почвой, выше которой в толще аллювия выделяются две слаборазвитые почвы (рис. 4; 5, *3*).

A1 (0–15 см). Современная почва. Серовато-бурая супесь. Переход постепенный.

BC (15–70 см). Аллювий, проработанный почвообразованием. Слабослоистая серовато-бурая супесь с сероватым оттенком. Переход постепенный.

C (70–155 см). Аллювий. Серовато-бурый легкий суглинок (ближе к супеси) с белесоватыми пятнышками оглеения и темно-бурыми крапинками. Имеются прослои белесой супеси. Переход более резкий.

A1 (155–170 см). Первая слаборазвитая почва. Серовато-бурый легкий суглинок. Переход постепенный.

C (170–195 см). Аллювий. Серовато-бурый легкий суглинок, светлее вышележащего. Переход постепенный.

A1 (193–208 см). Вторая слаборазвитая почва. Серовато-бурый суглинок, темнее вышележащей почвы. Переход постепенный.

C (208–220 см). Аллювий. Серовато-бурый легкий суглинок с белесоватыми пятнами и мелкими железистыми конкрециями. Граница ровная, переход резкий.

C (220–243 см). Аллювий. Яркопятнистый: белесые песчаные и светло-бурые супесчаные пятна. Границаровная, переход более резкий, чем к вышележащим почвам.

A1 (243–265 см). Третья развитая почва. Серовато-бурый суглинок, темнеющий до темно-серого на глубине 250–255 и 260–265 см. В нижнем темно-сером горизонте – прослои мелких угольков. Граница ровная, переход резкий.

C (265–270 см). Аллювий. Бурый суглинок. Граница ровная, переход резкий.

(A1) (270–277 см). Слаборазвитая почва (?). Серовато-бурый легкий суглинок. Переход постепенный.

C (277–550 см). Аллювий. Пестрый суглинок: белесые пятнышки на буром фоне. Переход постепенный.

C (550–750 см). Аллювий. Слоистый песок.

Разрез 3. Около 160 м от террасы на ближайшем к ней береговом валу. Строение разреза аналогично разрезу 2 (рис. 4; 5, *4*).

A1 (0–10 см). Современная почва. Серовато-бурая супесь. Переход постепенный.

C (10–140 см). Аллювий. Светло-бурый песок, ниже супесь, в нижней части ближе к легкому суглинку. Светлые песчаные прослойки в средней части. Внизу мелкие белесые пятнышки. Переход постепенный.

A1 (140–170 см). Первая слаборазвитая почва. Серовато-бурый легкий суглинок. Граница неровная, переход постепенный.

BC (170–205 см). Аллювий. Слабо слоистая светло-бурая супесь (ближе к легкому суглинку) с белесоватыми пятнышками и зачаточными марганцевыми конкрециями. Переход постепенный.

А1 (205–215 см). Вторая слаборазвитая почва. Серовато-бурый легкий суглинок. Переход постепенный.

С (215–262 см). Аллювий. Буроватая слоистая супесь (ближе к легкому суглинку) с белыми пятнышками. В основании горизонта залегает прослой угольков толщиной 1–2 см. Граница ровная, переход резкий.

С (262–290 см). Аллювий. Слоистый буроватый супесчано-песчаный горизонт с мелкими белесыми и светло-бурыми пятнышками. Граница ровная, переход резкий.

А1 (290–302 см). Третья развитая почва. Серовато-бурый к темно-серому средний суглинок. Переход относительно резкий.

С (302–307 см). Аллювий, слабо проработанный почвообразованием. Светло-бурый суглинок. Граница ровная, переход резкий.

С (307–400 см). Аллювий. Слабослоистый серовато-бурый легкий суглинок с мелкими белесоватыми пятнышками (по прикорневым зонам). Единичные угольки на глубине 350–370 см.

Разрез 5. Около 165 м от террасы на том же береговом валу. В аллювии выявлены две слаборазвитые погребенные почвы.

А1 (0–10 см). Современная почва. Серовато-бурая супесь. Переход постепенный.

С (10–150 см). Аллювий. Слои супесчаного и суглинистого состава. Граница ровная, переход резкий.

А1 (150–185 см). Первая слаборазвитая почва. Серовато-бурый легкий суглинок (ближе к супеси). Переход постепенный.

С (185–220 см). Аллювий. Светло-бурая супесь (ближе к легкому суглинку) с белесоватыми пятнышками. Переход постепенный.

А1 (220–245 см). Вторая слаборазвитая почва. Серовато-бурый легкий суглинок. Переход постепенный.

С (245–300 см). Аллювий. Слоистая супесь.

Разрез 6. Около 230 м от террасы на следующем береговом валу. Здесь выделяется только первая (верхняя) слаборазвитая погребенная почва, залегающая на глубине 160–190 см в слоистом светло-буром песчаном аллювии. Она представлена светло-серо-бурым песчаным горизонтом. Под ней слоистость аллювия выражена лучше.

Культурный слой, выявленный над старичными отложениями в ближайших к краю террасы разрезах 4 и 7, не связан с активной хозяйственной деятельностью в этом месте и представляет собой периферийный шлейф культурного слоя Центрального селища. К югу от разреза 7 слой выклинивается. Он отложился в конце периода трансформации заболоченной старицы в относительно сухое старорусельное понижение, позже погребенное под аллювием. Русло Днепра в то время располагалось значительно дальше от террасы, но еще не существовало современной излучины реки, обнажившей изучаемый край сегмента высокой поймы.

В разрезах 2001 г. не было обнаружено артефактов, позволяющих предложить археологические датировки. Однако для некоторых горизонтов получены радиоуглеродные даты (рис. 4; 6):

1. Уголь и кусочки дерева из нижнего горизонта аллювия (глубина 220–248 см) над старичными отложениями и культурным слоем в разрезе 4 – 550 ± 100 л.н. (ГИН–11523а), калиброванное значение 1σ – 1311 (1406) 1441 гг. н.э.

2. Уголь из аллювия между второй и третьей погребенными почвами (глубина 260–262 см) в разрезе 3 – 1200 ± 100 л.н. (ГИН–11959), калиброванное значение 1σ – 688 (782, 790, 815, 842, 859) 977 гг. н.э.

3. Дерево из самого верха старичных отложений (глубина 320–330 см) в разрезе 7 – 1330 ± 30 л.н. (ГИН–11958), калиброванное значение 1σ – 661 (674) 690 гг. н.э.

4. Дерево из верха старичных отложений (глубина 310–330 см) в разрезе 1 – 1530 ± 40 л.н. (ГИН–11522), калиброванное значение 1σ – 440 (540) 599 гг. н.э.

5. Дерево со дна старицы (глубина около 600 см) рядом с разрезом 1 – 2230 ± 40 (ГИН–11523), калиброванное значение 1σ – 381 (357, 286, 258, 243, 234) 224 гг. до н.э.

К сожалению, радиоуглеродную дату щепы из культурного слоя в разрезе 7 получить не удалось.

Приведенные данные, соотнесенные с общими представлениями о развитии пойменных процессов в центре Русской равнины, дают возможность предварительно реконструировать основные этапы изменений русла Днепра, рельефа и хозяйственной деятельности на данном участке высокой поймы за последние 2500 лет. Кроме того, полученные результаты помогают решить некоторые проблемы топографии Гнёздовского археологического комплекса.

Современный рельеф поймы (особенно старорусельные понижения и приуроченные к ним береговые валы) и ее строение в разрезе, выясненное в результате работ 2001 г. (рис. 6), позволяют сделать вывод о том, что в период позднего голоцена Днепр последовательно отступал от края первой надпойменной террасы (рис. 2).

В ближайшей к склону террасы части обнажения на глубине около 2.8–6.5 м залегает линза старичных отложений шириной 80–90 м с остатками деревьев. Радиоуглеродные даты, полученные по древесине, составляют интервал от 2230 ± 40 до 1330 ± 30 л.н., по калиброванным данным приблизительно с IV в. до н.э. по VII в. н.э. Они опре-

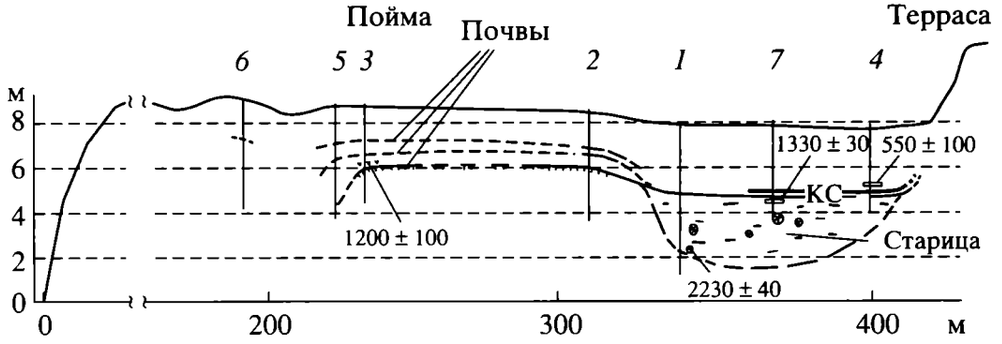


Рис. 6. Схематическое строение поймы Днепра с указанием разрезов 2001 г. КС – шлейф культурного слоя Центрального селища.

деляют время существования здесь старичного водоема, а затем болота, постепенно высохшего в результате накопления аллювия. Русло Днепра проходило в этом месте не позже середины I тыс. до н.э. На его направление указывают старичные озера Бездонка и Камыши. Образование довольно крутого склона первой террасы следует связывать с деятельностью Днепра, который размывал правый берег в начале позднего голоцена, около 3000–2500 л.н. Вместе с тем остаются неясными происхождение и время формирования гривообразной гряды, находящейся между озерами перпендикулярно предполагаемому руслу (рис. 2). Внешне это возышение напоминает береговые валы Днепра, но его расположение и строение на первый взгляд противоречат такой интерпретации.

В 3-й четверти I тыс. до н.э. (вероятно, около 2400 л.н.) Днепр проложил новое русло на расстоянии около 120–200 м от террасы. Склон правого берега этого русла хорошо читается в современном рельефе в виде глубокого старорусельного понижения, пересекающего сегмент высокой поймы с ЗСЗ на ВЮВ и делящего его на притеррасную и прирусловую части. Предшествующее русло превратилось в старичное озеро, а затем местами в болото. На площадке между ним и новым руслом, полого понижавшейся к юго-западу, начала формироваться почва, выявленная в разрезах 2 и 3 (третья погребенная почва, глубина около 2.4–3 м). Эта почва имеет развитый гумусовый горизонт и слабые признаки оглеения. Она существовала тогда же, когда и линза старичных отложений, с 3-й четверти I тыс. до н.э. по 3-ю четверть I тыс. н.э. В этот период аллювий сюда почти не поступал, т.е. высокая пойма функционировала фактически в режиме первой надпойменной террасы.

Начало медленного накопления аллювия в пойме датируется периодом после 1330 ± 30 и ранее 1200 ± 100 л.н.; по данным калибровки, примерно концом VII–первой пол. VIII в. н.э. Аллювий быстрее отлагался вдоль русла Днепра, где начал формироваться видимый и сейчас береговой вал, расположенный на краю старорусельного понижения (рис. 2; 3). Позднее имел место сравнительно короткий, продолжительностью не более 100 лет, период стабилизации поймы, маркируемый второй слаборазвитой погребенной почвой (разрезы 2, 3, 5, глубина около 1.9–2.4 м). В разрезах 4 и 7 ей соответствует шлейф культурного слоя с примесью щепы (глубина около 2.6–3 м). По-видимому, этот горизонт синхронен периоду расцвета Гнёздова (X–начало XI в.)[4].

Во время накопления аллювия между второй и первой погребенными почвами, предположительно в самом начале II тыс. н.э., Днепр отступил от края террасы еще почти на 50 м и позднее продолжал постепенно отодвигаться к юго-западу. Накопление аллювия на высокой пойме в первой пол. II тыс. происходило все еще медленно и преимущественно в прирусловой части. Был и кратковременный период стабилизации, которому соответствует первая слаборазвитая погребенная почва (разрезы 2, 3, 5, 6, глубина около 1.5 м). В разрезе 3 в горизонте A1 этой почвы и верхней части подстилающего горизонта BC присутствуют вертикальные трещины, внутри которых находятся тонкие глинистые натеки (кутаны), характерные для лесных почв. Они связаны с еще более поздним периодом почвообразования, не отраженном в разрезах, и сформировались в некий короткий период, когда дневная поверхность располагалась выше первой погребенной почвы, но не достигла современного уровня. Следовательно, на высокой пойме гораздо позже "гнёздовского" времени существовала лесная растительность. Впрочем, все три выявленные нами погребенные почвы формировались при некотором участии леса, хотя признаки лесного почвообразования в них проявляются слабо. Тем не менее следует учитывать наличие в почвах углей (в ос-

[4] Из-за отсутствия радиоуглеродных дат шлейф культурного слоя над старицей датирован по аналогии с "мокрым" культурным слоем, находившемся в той же стратиграфической позиции в раскопе П-2 и шурфах П-4, 9, 10 (Пушкина и др., 2001).

новном дуба и, вдали от террасы, сосны), а в старичных отложениях – большого количества древесины (в том числе дуба, ивы, ясеня, сосны и березы).

Относительно недавно Днепр на данном участке резко изменил русло и образовал современную излучину, размывшую восточный край сегмента высокой поймы. На низкую притеррасную поверхность стал более интенсивно поступать аллювий. Начало накопления верхней толщи аллювия определяется датой 550 ± 100 л.н., что, по результатам калибровки, соответствует периоду около 1400 г. н.э. С этого времени аллювиальный процесс в пойме постоянно усиливался и замедлился только во второй пол. XX в., что привело к образованию современной почвы. В результате за последние 600 лет в притеррасной части поймы накопилось до 1.5 м аллювия, а на месте древней старицы – до 3 м, в связи с чем ее восточный край был полностью снивелирован.

Следует подчеркнуть, что накопление аллювия в притеррасной части высокой поймы в течение последних 1300 лет происходило неравномерно из-за ее изначально неровного рельефа. На низких участках (особенно в понижениях старых и по краям действующих русел) аллювий отлагался интенсивнее, благодаря чему рельеф поймы в целом выполаживался. Наоборот, на гриве между озерами Бездонка и Камыши, первоначально самом высоком месте поймы, древнерусский культурный слой был перекрыт аллювием только в XVII–XVIII вв. (по археологическим данным, полученным для северной части гривы). На протяжении всего Средневековья ее поверхность, в отличие от других участков пойменного сегмента, почти не менялась. Можно предположить, что три погребенные почвы, выявленные в разрезах 2001 г., соответствуют одному горизонту на гриве, представленному культурным слоем. Этот вывод подтверждается отсутствием выраженных погребенных почв как ниже, так и выше культурного слоя. Возможно также, что грива во второй пол. II тыс. н.э. задерживала часть аллювия, поступавшего в котловину оз. Бездонка, поэтому последняя теперь на 3 м глубже, чем котловина оз. Камыши.

Таким образом, проведенные исследования показали, что формирование правобережного "гнёздовского" сегмента поймы началось в интервале 2500–2300 л.н., когда русло Днепра отошло на 120–200 м от первой террасы. На месте прежнего русла, которое пролегало вплотную к склону террасы, образовалось старичное озеро, позже местами превратившееся в болото. В самом начале II тыс. н.э. миграция русла в юго-западном направлении возобновилась. Не позднее XV в. возникла современная излучина реки, ограничившая пойменный сегмент с юго-востока. В притеррасной части высокой поймы началось интенсивное накопление аллювия, особенно усилившееся в последние 300 лет. В значительной степени это связано с широкомасштабной вырубкой лесов и распашкой склонов в долинах рек, вследствие чего увеличились темпы весеннего стока и активизировалась эрозия.

Выделяется длительный интервал с 2400–2300 до 1300–1200 л.н., когда накопление аллювия практически полностью прекратилось. В результате на пойме сформировалась развитая почва, а в старице накапливались озерно-болотные отложения. Период образования почвы в основном совпадает с таковым погребенных почв, обнаруженных в поймах Оки, Москвы-реки, Верхней Волги и других рек центра Русской равнины, что позволяет идентифицировать ее с почвой 2 (субатлантической) в стратиграфической схеме пойм региона, имеющей даты около 2300–1050 л.н. (Александровский и др., 1987; Сычёва, Узянов, 1987; Alexandrovskiy et al., 2000; Сычёва, 2002). Вместе с тем в Гнёздове ее погребение под аллювием началось не позже 1200 л.н. в прирусловой (южной) части поймы и около 600–300 л.н. в притеррасной (северной) части, тогда как в поймах Оки и Москвы-реки – в интервале от 900 до 500 л.н. Следовательно, в первом случае этот процесс протекал более плавно, что создавало благоприятные условия для освоения поймы человеком. Косвенным доказательством хозяйственной деятельности в "гнёздовской" пойме являются мелкие угольки, выявленные нами во всех погребенных почвах, что может указывать на периодическое сведение леса в раннем железном веке и Средневековье.

Важным результатом исследований представляется определение местоположения русла Днепра, существовавшего в период возникновения и расцвета Гнёздова. Как уже отмечалось, в конце I тыс. н.э. река протекала значительно ближе к краю первой террасы, чем теперь. Пойменная часть Центрального селища удалена от синхронного берега Днепра не более, чем на 80 м (возможно, меньше, поскольку южная граница культурного слоя в пойме точно не определена). В ходе раскопок последних лет установлено, что на гриве между старичными озерами в X в. располагался комплекс производственных сооружений, связанных с черной и цветной металлургией и металлообработкой (Мурашёва, Пушкина, 2002. С. 185). Характерно, что он был удален за пределы основного поселения на достаточно сухой изолированный участок, ограниченный со всех сторон водоемами (с юга рекой, с севера болотом, с запада и востока озерами) и в то же время доступный с края первой надпойменной террасы.

Полученные данные предоставляют новую возможность реконструкции левобережной час-

ти Гнёздовского комплекса. В частности, расположенный там курганный могильник X–начала XI в. вытянут вдоль левого берега одной из стариц Днепра (рис. 1)[5]. Поиски относящегося к нему селища пока не увенчались успехом. Сейчас можно предположить, что поселение находилось или у северо-западного края могильника, и тогда оно полностью размыто рекой во II тыс. н.э., или у его юго-восточного края, где будут проведены дополнительные разведки.

Исследования высокой поймы в районе Гнёздова должны быть продолжены. Остаются нерешенными проблемы происхождения рельефа и стратиграфии поймы в районе озер Бездонка и Камыши, недостаточно радиоуглеродных дат. В связи с этим предложенная в настоящей статье реконструкция истории развития поймы является предварительной. Для решения поставленных вопросов необходимо продолжить комплексное изучение отложений и почв, уделив особое внимание геоморфологическим исследованиям, а также распространить работы на соседние сегменты поймы, в том числе на левом берегу Днепра.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Авдусин Д.А. Раскопки Гнёздовских городищ в 1953 году // ВМУ. 1953. № 11.

Авдусин Д.А. Главы из монографии "Гнёздово". Обзор местоположения // Гнёздовский могильник. Ч. 1. Археологические раскопки 1874–1901 гг. (по материалам ГИМ). М., 1999.

Авдусин Д.А., Пушкина Т.А. Гнёздово в исследованиях Смоленской экспедиции // ВМУ. 1982. № 1.

Александровский А.Л. Палеопочвенные исследования на Куликовом поле // Куликово поле. Материалы и исследования. Тр. ГИМ. 1990. Вып. 73.

Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И. Опыт археолого-географических исследований древнерусских памятников XII–XIV вв. долины Верхнего Дона (район Куликова поля) // На юго-востоке Древней Руси. Историко-археологические исследования. Воронеж, 1996.

Александровский А.Л., Гласко М.П., Гоняный М.И. Ландшафты Куликова поля времени битвы (по данным комплексных почвенно-археологических исследований) // Музей-заповедник "Куликово поле": концепция развития. Вып. 1. Тула, 1999.

Александровский А.Л., Гласко М.П., Фоломеев Б.А. Археолого-географические исследования погребенных пойменных почв как геохронологических уровней второй половины голоцена (на примере Средней Оки) // Бюлл. комиссии по изучению четвертичного периода. 1987.

Александровский А.Л., Кренке Н.А., Низовцев В.А. и др. Предварительные результаты изучения погребенных почв и археологических памятников в пойме р. Москвы // Звенигородская земля: История, археология, краеведение. Матер. науч. конф. Звенигород, 2001.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 1. М., 1997а.

Археологическая карта России. Смоленская область. Ч. 2. М., 1997б.

Булкин В.А., Дубов И.В., Лебедев Г.С. Археологические памятники Древней Руси IX–XI вв. Л., 1978.

Гондиус В. План осады и обороны г. Смоленска 1632–1634 гг. // СГМЗ. Коллекция СОМ 9826. 1636.

Лявданский А.Н. Материалы для археологической карты Смоленской губернии // Тр. Смоленских гос. музеев. Вып. 1. Смоленск, 1924.

Лявданский А.Н. Некоторые данные о каменном веке и культуре бронзовой эпохи в Смоленской губ. // Науч. изв. Смоленского гос. ун-та. Т. IV. Вып. 3. Смоленск, 1927.

Мурашёва В.В., Пушкина Т.А. Исследования Гнёздовского комплекса // АО–2000. 2001.

Мурашёва В.В., Пушкина Т.А. Исследования Гнёздовского комплекса археологических памятников // АО–2001. 2002.

Мурзакевич Д.Н. История губернского города Смоленска от древнейших времен до 1804 года. Смоленск, 1804.

Пушкина Т.А. Гнёздово: итоги и задачи исследования // Археол. сб. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124.

Пушкина Т.А., Мурашёва В.В., Нефёдов В.С. Новое в изучении Центрального селища в Гнёздове // Археол. сб. Гнёздово. 125 лет исследования памятника. Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124.

Сизов В.И. Курганы Смоленской губернии. Вып. 1 Гнездовский могильник близ Смоленска // МАР. Вып. 28. СПб., 1902.

Сычёва С.А. Почвенно-геоморфологические условия древних поселений Потускарья // Экологические проблемы в исследованиях средневекового населения Восточной Европы. М., 1993.

Сычёва С.А. Ритмы почвообразования и осадконакопления в голоцене (сводка 14С-данных) // Почвоведение. 1999. № 6.

Сычёва С.А. Многовековая ритмичность почво- и рельефообразования на Среднерусской возвышенности в голоцене // Изв. АН. Сер. геогр. 2002. № 3.

Сычёва С.А., Узянов А.А. Динамика водности р. Тускарь по почвенным и археологическим данным // Изучение и оптимизация водных ресурсов центральной лесостепи. Курск, 1987.

Фоломеев Б.А., Александровский А.Л., Гласко М.П. и др. Древние поселения и природная среда приустьевой части Непрядвы // Куликово поле. Материалы и исследования. Тр. ГИМ. 1990. Вып. 73.

Шмидт Е.А. К вопросу о древних поселениях в Гнёздове // МИСО. Вып. VIII. Смоленск, 1974.

Шмидт Е.А. Археологические памятники Смоленской области (с древнейших времен до VIII в. н.э.). Смоленск, 1976.

Шмидт Е.А. Племена культуры длинных курганов и Гнёздово в конце IX–начале X в. // Археол. сб.

[5] Восточная часть этих стариц (оз. Глушицкое) показана уже на плане В. Гондиуса 1636 г. (Л. 12–14).

Гнёздово. 125 лет исследования памятника: Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124.

Alexandrovskiy A.L., Glasko M.P., Sedov S.N. et al. Buried floodplain soils as evidences of the holocene environmental changes in Eastern Europe // GeoLines. Prague, 2000. № 11.

Bronnikova M.A., Zazovskaya E.P., Bobrov A.A. Local landscape evolution related to human-impact of an early medieval pre-urban centre in the Upper Dnieper region // Mexican J. Geological Sc. Special volume proceedious of INQUA palepedology simposium, 2003.

Brown A.G. Alluvial geoarchaeology. Floodplain archaeology and environmental change // Cambridge manuals in archaeology. Cambridge, 1997.

Sedov S.N., Zazovskaya E.P., Bronnikova M.A. et al. Late holocene man-induced environmental change in Central Russian plain: paleopedological evidences from early medieval archaeological site // Chinese science bulletin. 1999. V. 44.

Paleorelief of the Dnieper high flood-plain in the terriroty of the Gnezdovo archaeological complex

A. L. Aleksandrovsky, N. A. Krenke, V. S. Nefedov

Summary

In the article are discussed the results of complex studies of the Dnieper high flood-plain undertaken by the authors in 2001 in the central part of the Gnezdovo archaeological complex of the 10th–the 11th cc. In the high flood-plain outcrops 7 sections were cleared up, which enabled to study the flood-plain structure. Five 5 radiocarbon dates were obtained. Proceeding from these data, preliminary reconstuction of development of the floos-plain in the late Holocene is suggested. In the first part of the 1st millennium BC the Dneieper river-bed ran along the slope of the first flood terrace; around 2400 BP it receded 120–200 m from the slope and occupied this position until the early 2nd millennium AD. In the interval 2300–1300 BP the flood-plain practically did not received alluvium. During this period lake and marsch deposits were formend in the old-bed, while in the area between the ol-bed and the new river-bed developed soil was formed. The soil deposits has been established in flood-plains of many rivers running across the centre of the Russian plain. Not later than the 8th c. AD in the part of the high flood-plain desposed close to the river-bed slow process of accumulation alluvium started alternating with the periods of stabilization. In the part of the flood-plain disposed close to the terrace the process of accumulation of alluvium practically has not been registered, and it was here that the process of accumulation of cultural deposit started from the 10th–the 11th cc. In the very beginning of the 2nd millennium AD the Dnieper river-bed resumed its migration in south-west direction. Not later than the 15th c. the present bend of the river emerged. This had led to formation of the studied outcrop of the high flood-plain. Since then, and especially in the recent 300 years the process of alluvium accumulation became much more intensive, only in the 20th c. the process slowed down. The earliest singn of economic development in the Gnezdovo flood-plain probably date back to the last quarter of the 1st millennium BC–the third quarter of the 1st millennium AD. In the 10th c. the Gnezdovo central dwelling site expanded over the part of the flood-plain not affected by floods, and around 600–300 years ago alluvium was superimposed over the cultural deposit.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 124–129

ПУБЛИКАЦИИ

"ИДОЛ" ИЗ ГНЁЗДОВА

© 2005 г. В. В. Мурашева

Государственный Исторический музей, Москва

В 2003 г., при раскопках пойменной части гнёздовского поселения была найдена небольшая антропоморфная фигурка, отлитая из чистого свинца[1]. Пойменная часть поселения является органической частью Гнёздовского археологического комплекса, однако, с источниковедческой точки зрения, важной для современных исследований, ее характеризует ряд специфических черт. Во-первых, культурный слой на этом участке перекрыт мощными аллювиальными наносами, что обусловило его хорошую сохранность и защитило от распашки и грабителей (Пушкина и др. 2001. С. 12–26). Во-вторых, высокая информативность хорошо стратифицированного культурного слоя дополняется тем, что в его составе обнаружены изделия из свинцово-оловянных сплавов, обычно не сохраняющиеся в культурном слое.

Фигурка была найдена в районе развала большого каменного производственного очага, связанного с ювелирным делом. Очаг относится к финальному горизонту культурного слоя исследуемого участка, точную датировку которого предложить пока не представляется возможным. Наиболее важной датирующей находкой из данного горизонта является наконечник ножен меча, подобные наконечники встречены, в основном, у балтских племен (Кулаков, 1990. С. 30, 31). Они относятся к восточно-прусской группе по типологии П. Паульсена и датируются, по мнению С.Ю. Каинова концом X–началом XI в. (Каинов, в печати). Можно отметить также находку дирхема, относящегося к династии Бувейхидов и отчеканенного после 960 г., это первая в Гнёздове находка столь поздней арабской монеты. На данном этапе исследований наиболее вероятной датой финального горизонта представляется начало XI в. Невозможно также пока решить вопрос о том, соответствует ли момент прекращения функционирования ювелирной мастерской времени гибели Гнёздова, как раннегородского центра.

Мастерская, частью которой был очаг, принадлежала, вероятно, выходцу из Скандинавии – об этом говорит находка фрагмента глиняной литейной формы от овальной фибулы, а также такие этноопределяющие вещи, как кресаловидная подвеска и поясная пряжка в стиле Борре (см. также: Мурашева и др., 2003. С. 107).

Находка представляет собой миниатюрную человеческую фигурку высотой 2.9 см, шириной 0.8 см (рис. 1). Вероятно, первоначально статуэтка изображала стоящего мужчину, однако ноги оказались утрачены. Прекрасно проработаны черты лица: крупный прямой нос, круглые выпуклые глаза. Уши обозначены полукружьями. Хорошо читаются усы и небольшая бородка. Голова увенчана коническим головным убором, состоящим из восьми отчетливо отделяющихся друг от друга и закругляющихся внизу лепестков-лопастей. Головной убор завершается круглым навершием.

Одежда человечка представляет собой перепоясанную рубаху или кафтан, доходящий до колен. Пояс в виде выпуклого валика выделен очень отчетливо. Ниже пояса одежда собрана в складки. Руки согнуты в локтях, левая лежит на поясе, правая – чуть выше, на животе.

Находка объемного человеческого изображения в древнерусских памятниках эпохи образования государства (конец IX–начало XI в.) – чрезвычайная редкость. Можно указать лишь знаменитого "идола" из Черной Могилы (Пушкина, 1984. С. 86, 87) и несколько довольно грубых деревянных поделок из Старой Ладоги (Старая Ладога..., 2003. С. 108, 109). Точных аналогий находке из Гнёздова неизвестно, однако ряд деталей заставляет обратиться к древностям североевропейского круга.

Хорошо известна целая серия небольших фигурок из Скандинавии, выполненных из разных материалов: моржового клыка, янтаря, медных сплавов. Эти миниатюрные скульптуры представляют собой фигуры сидящих человечков, и большинством ученых рассматриваются как изображения богов скандинавского языческого пантеона. Всего таких фигурок известно шесть: это находки из Феддета (Feddet) (Дания), Эйрарланда (рис. 2, *1*), Бальдурсхеймюра (Baldursheimur) (Исландия), Рэллинге (рис. 2, *2*) и Лунда (Швеция) (Les Vikings..., 1992. Kat. № 71, 77, 182, 602. P. 246, 247, 276, 387; Ellis Davidson, 1967. P. 134. Fig. 60). Частью этого круга предметов является и фигу-

[1] Рентгено-флюоресцентный анализ выполнен в лаборатории анализа минерального вещества ИГЭМ РАН А.И. Якушевым.

ра из Черной могилы – единственная находка за пределами Скандинавии. Большинство фигурок считаются изображением бога-громовика Тора и лишь одна (фаллическая) изображением бога плодородия Фрейра (Ellis Davidson, 1967. P. 123, 134; Graham-Campbell, 1980. P. 154; Пушкина, 1984. С. 86, 87 и др.). Возможно эти статуэтки были миниатюрными копиями статуй из языческих храмов (Ellis Davidson, 1967. P. 134), одним из которых был храм в Упсале, описанный Адамом Бременским (Дюмезиль, 1986. С. 138, 139).

Наиболее акцентированной деталью изображений Тора является борода, что и позволяет связывать большинство изображений именно с этим божеством. Рыжая борода Тора ассоциировалась с молнией — небесным огнем, сотрясение бороды порождало ветры и штормы. Существует целая историографическая традиция подобного отождествления (см., например: Gjœrder, 1964. P. 102; Ellis Davidson, 1967. P. 134; Пушкина, Петрухин, 1995. С. 49), основанная на единственном отрывке из "Пряди о Рёгнвальде и Рауде" (Perkins, 2001. P. 27–29), которая существует как самостоятельно, так и входит в текст "Большой Саги об Олафе Трюггвасоне". Сага написана около 1300 г., на русский язык полностью не переведена (Джаксон, 1994. С. 133). В тексте саги говорится о Рауде, который владел колдовством и у которого был храм, посвященный Тору. Узнав о нежелательном приближении Олафа Трюггвасона, Рауд обратился к изображению Тора с просьбой подуть в бороду и тем вызвать встречный ветер (Perkins, 1999. P. 184, 185).

Однако в вопросе интерпретации фигурок нет единого мнения. Так, например, Л. Мотц считает, что приведенные фигурки изображают не бородатое божество, а музыкантов (Motz, 1992. P. 233). Исследовательница полагает, что то, что кажется бородой, на самом деле – изображение флейты, а иногда – двойной флейты, которую музыкант держит обеими руками. Впрочем, данное мнение, интересное своей оригинальностью, не представляется достаточно обоснованным и может быть приведено, скорее как историографический казус.

Предназначение фигурок спорно – некоторые исследователи считают их фишками для игры, другие полагают, что они могли использоваться в качестве амулетов (все варианты трактовок рассмотрены в монографии Р. Перкинса – Perkins, 2001. P. 88). Представляется, что очень важным для интерпретации является приведенный Р. Перкинсом отрывок из "Саги о Халльфреде". Халльфред Трудный Скальд был вынужден креститься по воле конунга Олафа Трюггвасона, однако продолжал соблюдать языческие обряды, о чем и сообщил конунгу один из недругов скальда, рассказав, что тот держит в сумке маленькое изображение Тора, сделанное из моржового клыка.

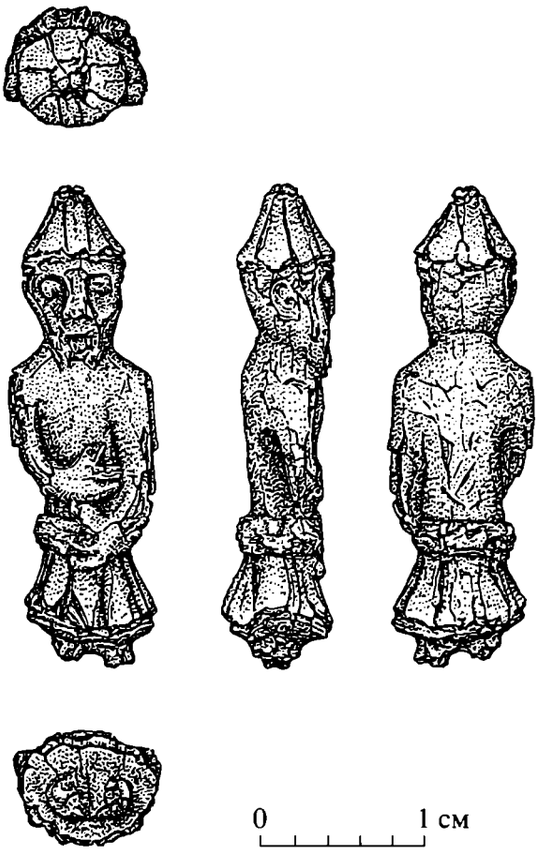


Рис. 1. "Идол" из Гнёздова.

По приказу конунга Халльфред был подвергнут обыску, однако "карманный божок"[2] найден не был (Perkins, 1999. P. 186, 187; 2001. P. 61, 62). Опираясь на приведенный эпизод, Р. Перкинс полагает, что все вышеперечисленные статуэтки можно считать "карманными божками". Большую часть фигурок исследователь связывает с богом Тором, изображения которого, по его мнению, должны были быть амулетами моряков. Именно моряки особенно нуждались в благоприятном ветре, который можно было вызвать с помощью этих магических предметов (Perkins, 1999. P. 184, 185).

Все рассмотренные предметы можно отнести к кругу достаточно далеких аналогий гнёздовской фигурке. Наиболее же близкими аналогиями гнёздовскому "идолу" являются две небольшие фигурки, изображающие стоящих персонажей, одна из них является случайной находкой из Линдбю (Сконе, Швеция), вторая найдена при раскопках западно-славянского городища Шведт на Одере на территории современной Германии. Фигурка из Линдбю (Gabriel, 1991. S. 287. Abb. 6, *б*), изображающая бородатого и усатого мужчину

[2] Термин "карманный божок" условен, так как известно, что в эпоху викингов одежда карманов не имела. Амулеты, безусловно, должны были храниться в сумочках или кошельках, подвешиваемых к поясу и игравших роль карманов.

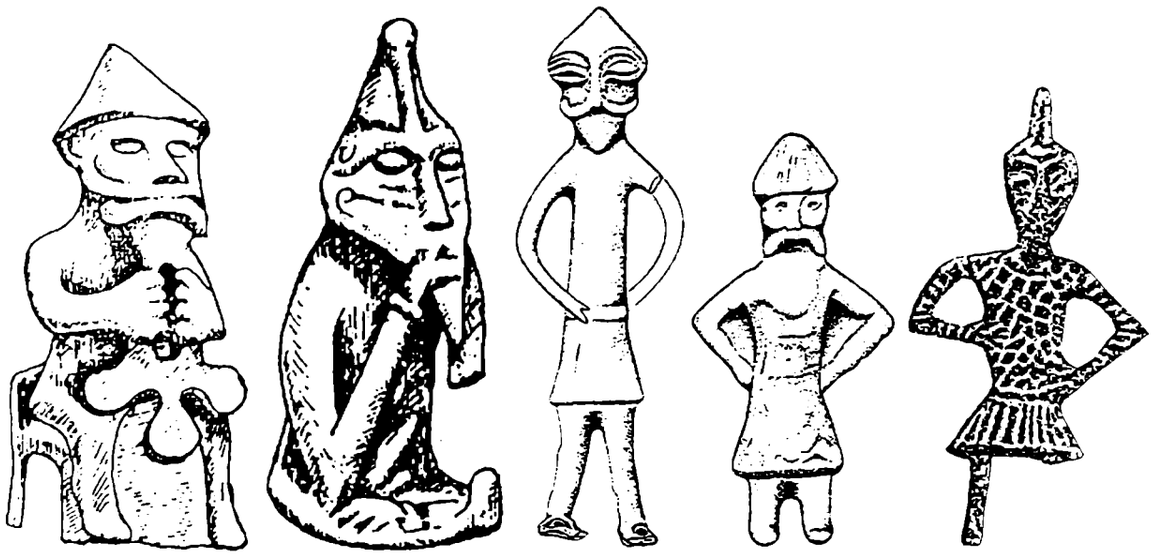


Рис. 2. "Карманные божки": *1* – Эйраланд (Исландия); *2* – Рэллинге (Швеция); *3* – Линдбю (Швеция); *4* – Шведт на Одере (Германия); *5* – Пермь.

(рис. 2, *3*), также как и гнёздовская, одета в короткую подпоясанную тунику, на голове – конический головной убор, левая рука лежит на поясе, от гнёздовской статуэтки она отличается гораздо худшим качеством проработки деталей и размером (высота – 6.9 см). Разный способ изображения глаз (правый изображен прямой линией, а левый – изогнутой) позволил Грэхэм-Кэмпбэлу предполагать, что скульптурка изображает одноглазого бога – Одина (Graham-Campbell, 1980. P. 154).

Фигурка из Шведта (рис. 2, *4*) тоже очень схематична, от статуэтки из Линдбю ее отличает отсутствие пояса и бороды. Едва различимые вертикальные полосы на коническом головном уборе напоминают лопастное членение головного убора "идола" из Гнёздова. Инго Габриэль считает, что фигурка имела культовое предназначение, он полагает местное ее изготовление и отмечает, что это единственная находка подобного рода амулета на западно-славянских территориях. Исследователь считает, что она изображает божка в восточном княжеском одеянии, состоящем из кафтана и остроконечной шапки. Он отмечает, однако, и скандинавские параллели, например шапку с вертикальным членением, как у бронзового Фрейра из Рэллинге (Gabriel, 1993. S. 332, 333).

Если ряд фигурок, рассмотренных вначале, еще мог иметь какой-то утилитарный смысл – они могли быть использованы в качестве игральных фишек, то обе последние скульптурки никак не могли нести бытовой нагрузки ввиду их абсолютной неустойчивости. Таким образом, с большой долей вероятности, они могут быть трактованы как "карманные божки". Значительное сходство фигурок с "идолом" из Гнёздова позволяет отнести и данную находку к категории "карманных божков".

При попытке интерпретации фигурки существенными представляются все детали изображения. Очевидно важной и хорошо проработанной деталью гнёздовского идола является конический головной убор. Головной убор рассматриваемой формы – явление загадочное. Грэхэм-Кэмпбэлл отмечает, что изображение конических шлемов встречается на Готландских камнях (например, Смисс, приход Нэр – Graham-Campbell, 1980. P. 140), на руническом камне из Ледберга в Швеции (Perkins, 2001. P. 98, 99. Fig. 13, 14), на Миддлтонском каменном кресте (Йоркшир, Англия – Graham-Campbell, 1980. P. 159), однако "археологически" подобная форма шлемов ни в Скандинавии, ни на Британских островах не известна.

Среди находок на территории Восточной Европы можно указать два шлема, которые А.Н. Кирпичников выделяет в тип конических (Кирпичников, 1971. С. 24). Один из них происходит из Гнёздова (кург. 18, раскопки С.И. Сергеева, ГИМ, оп. 1537/63), второй из Немии (Кирпичников, 1971. Табл. IX.). Однако точной аналогией головному убору гнёздовского идола их считать невозможно. Прежде всего потому, что шлем из Гнёздова состоит из двух половин, а шлем из Немии, вероятно, цельнокованный. Таким образом, реально существующие шлемы из Гнёздова и Немии оказываются достаточно далекими аналогиями головному убору "идола", состоящему из многих лопастей.

Отсутствие точных археологических параллелей неизбежно порождает различные гипотезы. Так, например, И. Габриэль полагает, что головной убор фигурки из Шведта копирует княже-

скую шапку "восточного" происхождения (Gabriel, 1993. S. 332, 333). Это утверждение базируется на упоминании "русской шапки", полученной в числе других подарков героем "Саги о Ньяле" (Gabriel, 1991. S. 291). Впрочем, как же выглядела эта шапка, неизвестно. Ф.Б. Успенский, проанализировав все упоминания так называемой "русской" шапки в древнеисландской прозе, полагает, что письменные источники не дают ровным счетом никаких оснований для реконструкции ее фасона. Более того, исследователь считает, что упоминающиеся в сагах головные уборы можно трактовать скорее как "греческие шапки" (Успенский, 2002. С. 340–346).

В качестве аналогий И. Габриэль упоминает также конические головные уборы из Бирки, сооруженные из ткани на проволочном каркасе. Остатки сложных головных уборов, украшенных коническими навершиями были обнаружены в двух богатых мужских камерных погребениях Бирки (погр. 581, 644 – Arbman, 1943. S. 188–190, 221–226). Однако восточные параллели данному типу головного убора гипотетичны, так как подтверждения в археологических материалах Восточной Европы они не имеют. Исключение составляет единственный предмет – небольшой полый конус с округлым завершением, который традиционно трактуется как принадлежность головного убора и относится к древностям венгров эпохи "завоевания родины" (The Ancient Hungarians, 1996. P. 132).

Таким образом, оказывается, что наиболее близкие аналогии рассматриваемому головному убору мы находим лишь в сфере изобразительного искусства, и прежде всего среди уже приведенной серии фигурок скандинавских божков. Конический головной убор надет на голову Тора из Эйрарланда, убор Фрейра из Рэллинге не просто имеет коническую форму, он увенчан округлым навершием, что делает его еще ближе гнёздовскому. Конические уборы венчают также головы идолов из Линдбю и Шведта (здесь он разделен слабо намеченными вертикальными линиями, намекающими на лопастное членение).

В пользу того, что под рассматриваемым головным убором подразумевался шлем, из круга северных древностей можно указать голову нак называемого "улыбающегося викинга" (Les Vikings..., 1992. P. 116, 247. Fig. 1) – это антропоморфное навершие из Сигтуны датируется XI–XII вв. Очевидно, что воин изображен в шлеме – об этом позволяет точно говорить такая важная деталь, как наносник. Кроме того, радиально расположенный циркульный орнамент, может являться указанием на конструкцию шлема, состоявшего из четырех пластин, соединенных накладными полосами, укрепленными рядами небольших заклепок.

В ряд близких аналогий головному убору "идола" можно также поставить островерхий шлем с круглым навершием, венчающий голову Ярослава Мудрого на печати, найденной в Новгороде в слое начала XI в. (Янин и др., 1995. С. 6, 7; Янин, Гайдуков, 1998. С. 259. Табл. 1, 2*а*). Едва намеченные вертикальные линии по бокам шлема могут рассматриваться как указание на конструкцию из многих пластин.

Костюм гнёздовского "идола", казалось бы, изображен с достаточным количеством деталей, и тем не менее их недостаточно, чтобы однозначно определить его характер. Изображения людей в верхней одежде выше колен, собранной у пояса в складки, нередко встречаются в Северном изобразительном искусстве. В качестве примеров можно привести рунический камень из Ледберга в Швеции с изображением сцены гибели богов (Perkins, 2001. P. 98, 99. Fig. 13, 14) и камень из Еллинге в Дании (Славяне и скандинавы, 1986. С. 140. Рис. 59). Художник, изобразивший персонаж в такого рода одеждах, мог подразумевать самый разный фасон. Подпоясанная верхняя одежда выше колен может быть определена, например, как кафтан. Именно так исследователи описывают фасон одежды фигурок из Черной могилы, из Линдбю и Шведта (Пушкина, 1984. С. 86; Gabriel, 1993. S. 332). Подобный покрой мужской верхней одежды для Скандинавии традиционно рассматривается как предмет "восточного" заимствования. Такая точка зрения была сформулирована Т. Арне (Arne, 1914. P. 222) и получила развитие в работах И. Янссона (Jansson, 1988. S. 605–607). Одежда в складку ниже талии хорошо читается и у известных "фигурок викингов" с кольцом в руках, найденных на Даугмальском городище и близ Нового Быхова. В.П. Петренко, рассматривая эти фигурки, полагает, что данный фасон одежды можно считать юбкой (Петренко, 1970. С. 257). Впрочем, трудно отрицать и самый простой вариант – подпоясанную рубаху – именно так реконструируется обычный мужской костюм эпохи викингов (Les Vikings..., 1992. P. 193).

Все приведенные данные говорят о невозможности предложить однозначную интерпретацию рассматриваемым деталям. Таким образом, приходится с сожалением констатировать тот факт, что ни одну из деталей мы не можем использовать как некий атрибут, позволивший бы нам интерпретировать изображенный персонаж. И тем не менее, весь круг аналогий позволяет однозначно говорить о северном, скандинавском происхождении гнёздовского "идола". Кроме того, нельзя не обратить внимание на одну из самых проработанных деталей костюма гнёздовской фигурки – прекрасно читаемый пояс. Среди всех рассмотренных изображений поясом, кроме гнёздовской, наделены две – "идол" из Черной Могилы и скульптурка из Линдбю в Швеции. В соответствии с "Младшей Эддой", пояс – волшебный

атрибут бога Тора: "... бесценным сокровищем владеет Тор – Поясом Силы. Лишь только он им опояшется, вдвое прибудет божественной силы" (Младшая Эдда, 1970. С. 41, 42). Таким, образом, пояс – единственная деталь изображения, которая дает возможность сделать очень осторожное предположение о конкретном божестве, которое имел в виду мастер, отливший фигурку из Гнёздова. Впрочем, можно привести еще мнение Р. Перкинса, который вслед за И. Линдквистом считает, что круглые выпуклые глаза тоже являются составной частью традиционной иконографии Тора, отмечаемой не только в прикладном искусстве, но и на рунических камнях (Perkins, 2001. P. 63).

Большая часть рассматриваемых нами фигурок найдена вне археологического контекста и их датировка, таким образом, вызывает затруднение. Фигурка из Дании датируется в целом X–XI вв., также широко датируются обе стоящие статуэтки (из Линдбю и из Шведта). Более узкую дату – XI в. имеют оба "бородатых божка" из Исландии, один из них найден в составе погребального инвентаря. Фрейр из Рэллинге и Тор из Лунда также датируются XI в. Самой ранней из приведенных в качестве аналогий находок, является "идол" из Черной Могилы (60–70-е года X в.). Гнёздовская находка, происходящая из слоя поселения, может служить основанием для уточнения и подтверждения датировок. Полагаю, что она позволяет сузить дату для наиболее близких аналогий (стоящих фигурок) до рубежа X–XI – первой пол. XI в. Косвенным подтверждением предложенной даты может служить и портрет Ярослава Мудрого с новгородской печати, изображенного в головном уборе, совершенно аналогичном гнёздовскому. Вероятно, само появление "карманных божков" – миниатюрных объемных фигурок, совершенно не свойственных ранней и средней эпохе викингов, следует отнести ко времени заката язычества и начала господства христианства. Подобного рода амулеты могли стать актуальными для людей, крестившихся не по своей воле или принявших так называемое "неполное крещение".

Контекст находки, круг аналогий, пусть и не очень близких, позволяет отнести "идола" из Гнёздова к кругу скандинавских древностей. Наличие некоторых, предположительно "восточных", аналогий в деталях одежды (возможность трактовать одежду как кафтан, а головной убор, как остроконечный колпак, характерный для евразийских кочевников) может быть истолковано в рамках восточного влияния на скандинавскую культуру эпохи викингов в период ее заката. К этому кругу явлений можно отнести и смелое предположение (Пушкина, Петрухин, 1995. С. 49; Perkins, 2001. P. 144–146) о влиянии позы фигурки Будды (находка из Хельгё) на позу бородатых божков с территории Скандинавии. Возможный восточный флер – можно рассматривать, как проявление эклектики, характерной для заката многих языческих систем.

Вполне вероятно, что традиция изготовления "карманных божков" изображающих неведомого нам языческого бога, продолжала жить на территории периферийных языческих районов севера Восточной Европы. Свидетельством этого являются фигурки так называемых "перунчиков". Многие детали изображения гнёздовского идола повторяются в этих фигурках, найденных в Прикамье, Новгороде и в святилищах на острове Вайгач – это верхняя одежда, подпоясанная и спадающая складками до середины бедер, круглые навыкате глаза, крупный выступающий нос и, самое главное, поза – одна рука "перунчиков" лежит на поясе, вторая – чуть выше, на животе (рис. 2, *5*). Возможно, что все эти совпадения не случайны, а отражают непрерывность изобразительной традиции.

П.М. Алешковский (1980. С. 286), а вслед за ним и Н.Г. Недошивина считают местом производства "перунчиков" территорию Прикамья. Однако Н.Г. Недошивина отмечает, что амулеты, выполненные в местной ремесленной традиции (плоское литье с небрежной отделкой поверхности с одной стороны) имеют облик, не характерный для местных финно-угорских племен. Кольчуга, рог в руке у одного из "перунчиков", возможно, подчеркивают связь амулета с русскоязычной дружинной средой. Н.Г. Недошивина полагает, что фигурки-амулеты могли быть изготовлены мастерами верхнего Прикамья для русской дружинной среды, осевшей в данных регионах (1996. С. 200, 201).

Гнёздовская статуэтка, принадлежащая к исчезнувшему миру свинцово-оловянных предметов, может быть рассмотрена как одно из звеньев совершенно не сохранившейся цепи, соединяющей мир северного язычества эпохи его заката и более поздние проявления языческого мировоззрения на территории Восточной Европы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алешковский П.М. Языческий амулет-привеска из Новгорода // СА. 1980. № 4.

Джаксон Т.Н. Исландские королевские саги о Восточной Европе. М., 1994.

Дюмезиль Ж. Верховные боги индоевропейцев. М., 1986.

Кирпичников А.Н. Древнерусское оружие. Вып. 3. Л., 1971.

Каинов С.Ю. Наконечники ножен мечей из Гнёздова (в печати).

Кулаков В.И. Древности пруссов VI–VIII вв. М., 1990.

Младшая Эдда. Л., 1970.

Мурашева В.В., Фетисов А.А., Ениосова Н.В. Производственный комплекс на территории пойменной части Гнёздовского поселения // Ладога и истоки

российской государственности и культуры. СПб., 2003.

Недошивина Н.Г. Ритуальные литые фигурки со святилищ острова Вайгач // СА. 1996. № 2.

Петренко В.П. О бронзовых фигурках викинга // Исторические связи Скандинавии и России. Л., 1970.

Пушкина Т.А. Бронзовый идол из Черной Могилы // Вестник МГУ. Сер. 8. История. 1984. № 3.

Пушкина Т.А., Мурашева В.В., Нефедов В.С. Новое в изучении центрального селища в Гнездове // Гнездово. 125 лет исследования памятника. Археол. сб. Тр. ГИМ. 2001. Вып. 124.

Пушкина Т.А., Петрухин В.Я. История бородатого божка // Живая старина. 1995. № 3 (7).

Славяне и скандинавы. М. 1986.

Старая Ладога – древняя столица Руси. СПб., 2003.

Успенский Ф.Б. Скандинавы. Варяги. Русь. Историко-филологические очерки. М., 2002.

Янин В.Л., Гайдуков П.Г. Актовые печати Древней Руси X–XV вв. М., 1998.

Янин В.Л., Рыбина Е.А., Хорошев А.С. и др. Работы Новгородской археологической экспедиции на Троицком раскопе в 1995 г. // Новгород и новгородская земля. История и археология. Новгород, 1995.

The Ancient Hungarians. Exhibition Catalogue. Budapest, 1996.

Arbman H. Birka. Die Gräber. Text. Uppsala, 1943.

Arne T. La Suède et l'Orient. Uppsala, 1914.

Ellis Davidson H.R. Pagan Scandinavia. L., 1967.

Gabriel I. Christentum und Heidentum // Starigard/Oldenburg. Ein slawischer Herrschersitz des fruhen Mittelalters in Ostholstein. Neumünster, 1991.

Gabriel I. Tashengott von Schwedt // Bernward von Hildesheim und das Zeitalter der Ottonen. Katalog der Ausstellung. Hildesheim, 1993.

Gjærder P. The beard as an iconographical feature in the Viking Period and the early Middle Ages // Acta archaeologica. T. 35. Copenhagen, 1964.

Graham-Campbell J. Viking Artefacts. L., 1980.

Jansson I. Wikingerzeitlicher orientalischer Import in Scandinavien // Oldenburg-Wolin-Staraja Ladoga-Novgorod-Kiev. Mainz am Rhein; Francfurt am Main, 1988.

Motz L. New Thoughts on an Archaic Artifact // The Mankind Quarterly. V. XXXII. № 3. Spring, 1992.

Les Vikings... Les Scandinaves et l'Europe. Uddevalla, 1992.

Perkins R. The gateway to Trondheim: Two Icelanders at Agdenes // Saga-Book. V.XXV. P. 2. L., 1999.

Perkins R. Thor the wind-raiser and the Eyrarland image. L., 2001.

The "idol" from Gnezdovo

V. V. Murasheva

Summary

The paper is aimed at introduction in scientific circulation the anthropomorphic figurine discovered in 2003 at the dwelling site Gnezdovo, in its flood-plain portion. The find is a miniature himan figurine portrauing a man shown in upright position, with a conic headdress on his head. The personage is dressed in a girdled shirt, or a caftan reaching his knees. The statuette was found in the stone debris identified as a large hearth connected with jewellery production. The hearth is attributed to the final horizon of the cultural deposit in the studied area and should de dated from the late 10th–the early 11th cc. No close analogies to the Gnezdovo find can be pointed to so far, nevertheless, a number of details seem unite it with the antiquities of North European circle. Similar figurines are identified by many scholars as representations of the deities of Scandinavian pagan pantheon. It is diffucilt to identify the Gnezdovo "idol" as certain personage, the only promising feature is the girdle traditionally regarded as the attribute of the god Thor.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 130–142

ПУБЛИКАЦИИ

ФРЕСКИ СЕНТИНСКОГО ХРАМА И ПРОБЛЕМЫ ИСТОРИИ АЛАНСКОГО ХРИСТИАНСТВА В X в.

© 2005 г. Д. В. Белецкий*, А. Ю. Виноградов**

* Москва

** Институт всеобщей истории РАН, Москва

Происхождение форм и время строительства храмов алано-абхазского круга являются предметом оживленных дискуссий. Большинство исследователей, основываясь на стилистическом анализе памятников, относят их к X в. До сих пор только одно сооружение этой сравнительно немногочисленной группы имело более точную дату – Моквский храм в Абхазии (построен в девятилетнее правление Леона III, которое в разных работах относится ко времени от 957–966 до 960–969 гг.). Считается, что эти сооружения "обнаруживают явные связи с восточновизантийским (малоазийским) зодчеством", но при этом не исключается и причастность мастеров к закавказской традиции (Кузнецов, 1977б. С. 115, 116; Перфильева, 1992. С. 200).

Несмотря на большую известность пяти сохранившихся на территории Карачаево-Черкесии (древней Западной Алании) крестовокупольных храмов этой группы (Северный, Средний и Южный в Нижнем Архызе, Шоанинский и Сентинский), до сих пор не был предпринят анализ сохранившейся в них фресковой живописи. К сожалению, дошедшие до нас фрагменты росписи Северного и Среднего храмов в Архызе малы и труднодоступны для исследования, а копии фресок, снятые в XIX в. художником Д.М. Струковым, крайне низкого качества.

Наиболее сохранной является роспись храма у аула Сенты (ущелье р. Теберда, над современным селением Нижняя Теберда), который часто упоминают в кавказоведческой литературе (библиографию см.: Кузнецов, 2002. С. 71–77; Марковин, 1996. С. 180–201). Храм однокупольный, в плане представляет собой крест с примыкающей к нему с востока апсидой. Стены сложены из хорошо обтесанного песчаника на известковом растворе. В подпружных арках, в арке между сводом восточной ветви креста и сводом апсиды, а также в перекрытии оконных проемов использована плинфа (рис. 1, *1,2*). Литургических устройств в интерьере не сохранилось. В.И. Марковин отметил остатки солеи (называя так ступень перед алтарной преградой), "от которой сохранились отдельные камни", и (видимо, ошибочно) три ниши в апсиде – их следов не существует (Марковин, 1996. С. 181). Известно, что имелся синтрон (ныне разобран; сохранился его четкий отпечаток на стене), доходивший на западе до заплечиков апсиды, где вероятно, проходила алтарная преграда. Синтрон приложен к уже оштукатуренной стене и, возможно, не первоначален; его верхний край в древности отмечала линия красной охры, проведенная по штукатурке.

Фрескам Сентинского храма посвящены лишь две дореволюционные публикации (Дьячков-Тарасов, 1899; Владимиров, 1902). Первый из авторов не был профессиональным художником, но привел в статье несколько неплохих зарисовок с росписей. Художник И.А. Владимиров, посетивший Сенты по заданию Императорской археологической комиссии и составивший подробный отчет, сделал с фресок ряд рисунков и живописных копий, часть которых выполнена с использованием кальки и отличается высоким для того времени качеством. Для последующих исследователей эти материалы стали основным источником, поскольку в литературе сложилось мнение, что фрески, "хорошие рисунки" с которых опубликовал И.А. Владимиров, "не сохранились" (Кузнецов, 2002. С. 71). Вместе с тем все композиции, упоминаемые в указанных работах, несмотря на ухудшившееся состояние, можно видеть до сих пор, они вполне доступны изучению[1].

Еще И.А. Владимиров отметил, что роспись многослойна. Нам удалось выделить четыре этапа декорации (рис. 2). Самая ранняя штукатурка в храме идентична кладочному раствору – темного, серого цвета. На нее нанесена насечка в виде широкой сетки, а сверху положен желтоватый хрупкий известковый слой с большим содержанием рубленых растительных волокон. Этот слой нанесен, вероятно, с расчетом на роспись, однако храм некоторое время стоял побеленным изнутри, и только между окон апсиды имелись два больших четырехконечных креста на ступенчатых возвышениях – "Голгофах". Ветви крестов слегка расширяются к концам и украшены "драгоценными камнями". Использовано три пигмента:

[1] Сведения о нашем осмотре фресок см. в предварительной публикации: Белецкий, Виноградов, 2004.

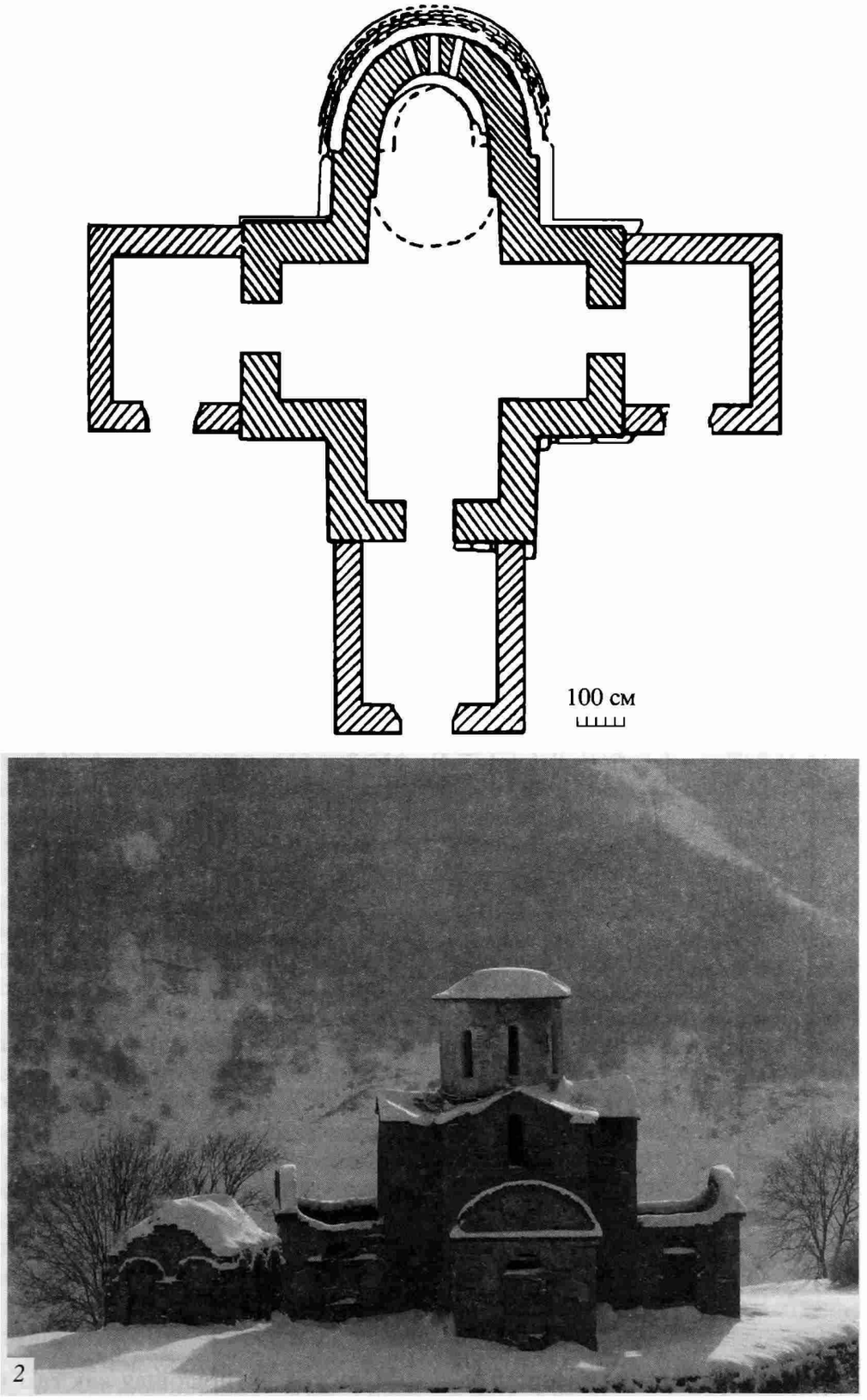


Рис. 1. Сентинский храм. *1* – план храма (по В.И. Марковину); *2* – современный вид с запада.

синий (уникальный случай во всех росписях храма), сажа и красная охра. И.А. Владимиров писал, что кресты "носят следы многочисленных поновлений". На самом деле, их частично перекрывает побелка с росписью следующего этапа. Исследователь опубликовал прориси крестов, отличающихся друг от друга по форме и декорации (Владимиров, 1902. С. 11. Рис. 8). Видимо, это ошибка – судя по сохранившимся фрагментам, оба изображения идентичны. Подобные богато украшенные "триумфальные" кресты (так называемые *cruces gemmatae*) на характерном трехступенчатом

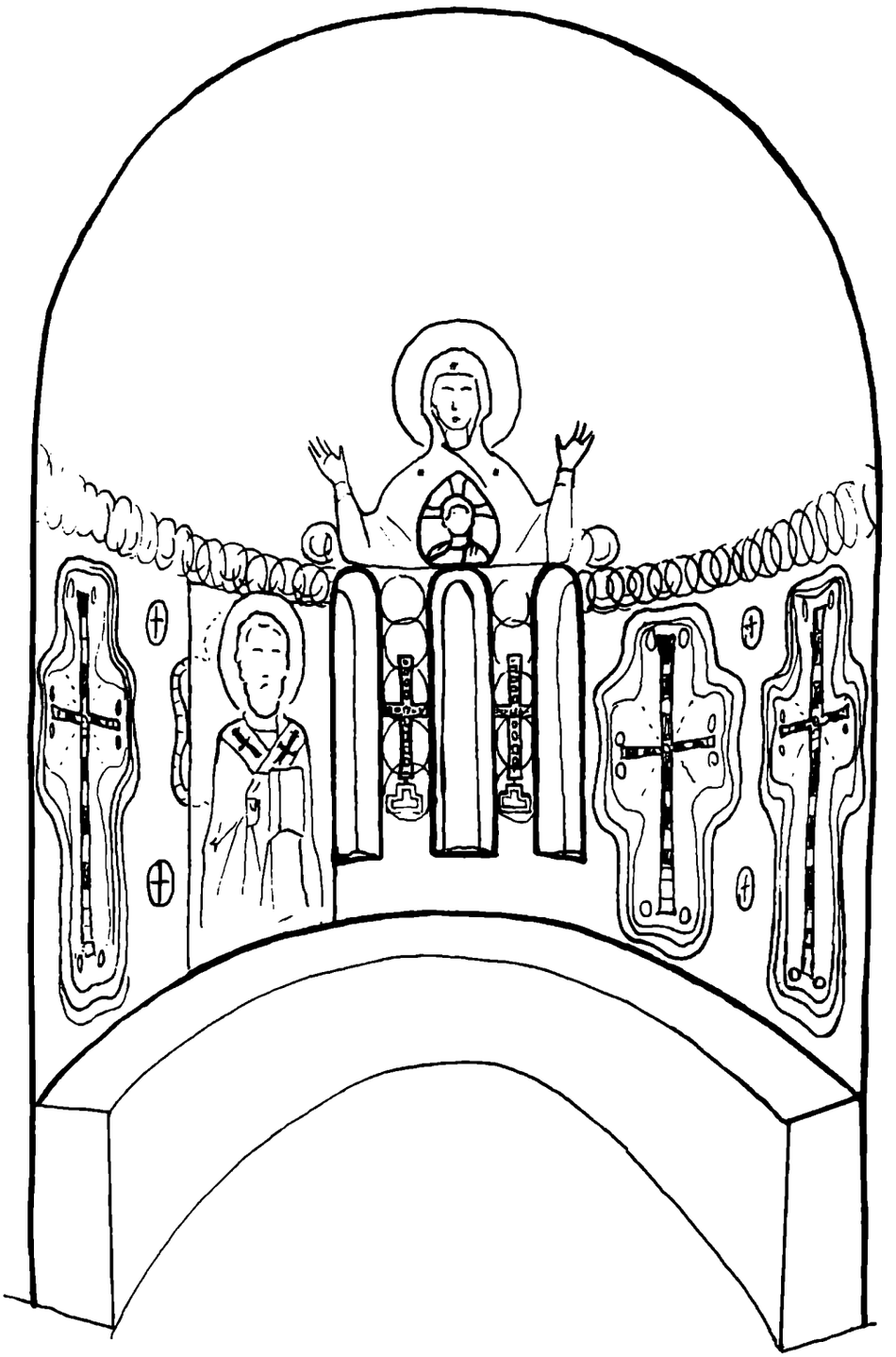


Рис. 2. Апсида Сентинского храма. Схема росписи I–III этапов.

монументальном основании являются распространенным мотивом в византийском искусстве, начиная с доиконоборческих времен. Мы допускаем, что на первом этапе росписи имелись и другие изображения: в апсиде под позднейшими наслоениями прослеживаются следы красной охры, лежащей на той же поверхности штукатурки. Однако до более основательных исследований сказать что-либо определенное невозможно. К первому этапу декорации относится и строительная надпись (см. ниже), датирующая как сам храм, так и первый слой росписи. Забегая вперед, укажем, что этот первый слой относится к 965 г.

На следующем, втором этапе изображения первого слоя были забелены. В апсиде было написано четыре крупных и своеобразно оформленных креста, а также линия орнамента над ними. Изображения этого периода просматриваются только частично (они либо утрачены, либо перекрыты последующими слоями росписи). Лучше

всего виден западный крест на северной стороне апсиды. Его основной контур прочерчен графьей. Крест имеет слегка расширяющиеся концы. Ветви разделены на "сегменты" белого, красного и серого цвета. На пересечении ветвей прочерчен круг, от которого во все стороны отходят по две параллельные линии. На концах ветвей, по углам, – окружности (множество аналогий чему имеется в Закавказье и Малой Азии: такая форма, по-видимому, восходит к "капелькам" на концах ветвей). Вокруг креста просматриваются традиционные надписи с титлами: "IC XC NHKA". Крест вписан в своеобразный и довольно сложный абрис из параллельных линий, в промежуток между которыми помещены круги с "точками", треугольники и т.п. К сожалению, утрачена нижняя часть изображения. Правее креста, в промежутке перед следующим, просматриваются две аналогично декорированные окружности. Надо отметить, что все окружности этого этапа имеют глубокую циркульную графью. Судя по угадывающимся фрагментам, так же выглядели и три другие креста.

Над крестами расположена полоса орнамента, которая прослеживается по всему пространству храма. Это плетенка, также построенная на основе циркульной графьи. Элементы орнамента окрашены в красный, серый, черный и белый тона и "декорированы" белыми и красными "точками". По внешнему краю плетенки проходит линия мелких "лепестков" красного и серого цвета. Промежутки между окнами алтаря, как и пространство над ними, заполнял орнамент. И.А. Владимиров, зарисовывая расположенные между окнами кресты первого этапа, не разобрался в наслоениях. Малопонятные дугообразные линии и странно выглядящие "зубчатые" края ветвей крестов, показанные на его прорисях, – следы орнамента второго этапа росписи.

Рисунок этого слоя довольно небрежен: при всей геометричности орнамента, построенного с помощью циркуля и восходящего к изысканным византийским образцам, здесь сквозит "народный" вкус: линия не имеет четкости, симметрия сбита, и вряд ли можно говорить о работе профессионального художника.

Ко второму этапу относится также несколько крупных надписей красной охрой, частично просматривающихся из-под позднейших слоев. Одна из них находилась вокруг креста у южного окна апсиды. Другая, довольно обширная – высоко на южной стене восточного рукава, рядом с ранней строительной. На восточной стене южного рукава из-под образа мученика, относящегося к четвертому этапу, проступает еще одна надпись, ниже которой располагается фигура, написанная красной охрой, сильно поврежденная и малопонятная. Возможно, аналогичные изображения были по всей церкви, но основная декорация сконцентрирована в алтарной части.

К третьему этапу мы относим только два изображения: Богоматери над окнами апсиды и святителя слева от алтарных окон. Богоматерь представлена по пояс, в иконографии Знамения-Влахернитиссы. В настоящее время верхняя часть этого изображения утрачена, но оно зафиксировано дореволюционными исследователями (Дьячков-Тарасов, 1899. С. 9. Илл. 8; Владимиров, 1902. С. 11, 12. Табл. 7). На уровне груди Богородицы сохранился и прекрасно просматривается представленный в медальоне (мандорле?) оплечный образ Спасителя Эммануила. Судя по всему, в начале XX в. обмазка с более поздней живописью четвертого этапа осыпалась еще не полностью, и Младенец не был виден. На обоих рисунках Младенец не показан, поэтому сентинский образ Богородицы иногда называют Орантой (например, Кузнецов. 2002. С. 72).

Изображение святителя, также поясное, расположено с севера от алтарных окон (рис. 3; рис. 4, *1*). Фигура вписана в прямоугольное поле красного цвета. Образ смотрелся как своего рода большая икона. Предыдущий этап росписи (кресты) не был ни забелен, ни стерт, а лишь частично перекрыт живописью третьего периода, и стал как бы частью новой декорации. Сквозь изображение святителя ясно проступает графья второго этапа: например хорошо видна прочерченная по левкасу окружность на правой щеке, а абрис левой ветви креста выступает слева из-под края красного поля. Как известно, в нижнем регистре алтарной росписи традиционно помещали святительский чин. Однако, как ни странно, в Сентинском храме с юга от окон апсиды следов симметричного изображения святителя не прослеживается. Оно не утрачено – его действительно не было: в этом месте видны и фрагменты креста, и часть надписи второго этапа, перекрытые лишь росписью четвертого периода. Добавим, что на изображении святителя имеются два граффити, в которых призывается исключительно святой Николай. Видимо, перед нами образ Николая Мирликийского, что подтверждает и его иконография.

Изображения третьего этапа, насколько можно судить, написаны вполне профессионально, хотя и с некоторым налетом провинциальности. Святитель исполнен графично и плоскостно, четырьмя красками: сажей, белилами, красной и желтой охрами, с минимальной тоновой разделкой. Лик младенца Христа, к сожалению, сильно стерт, но разделку края Его гиматия нельзя назвать очень упрощенной.

Спустя определенное время изображения второго и третьего этапов были перекрыты обмазкой, причем старая штукатурка к тому времени местами имела крупные выпады. Новая желтоватая

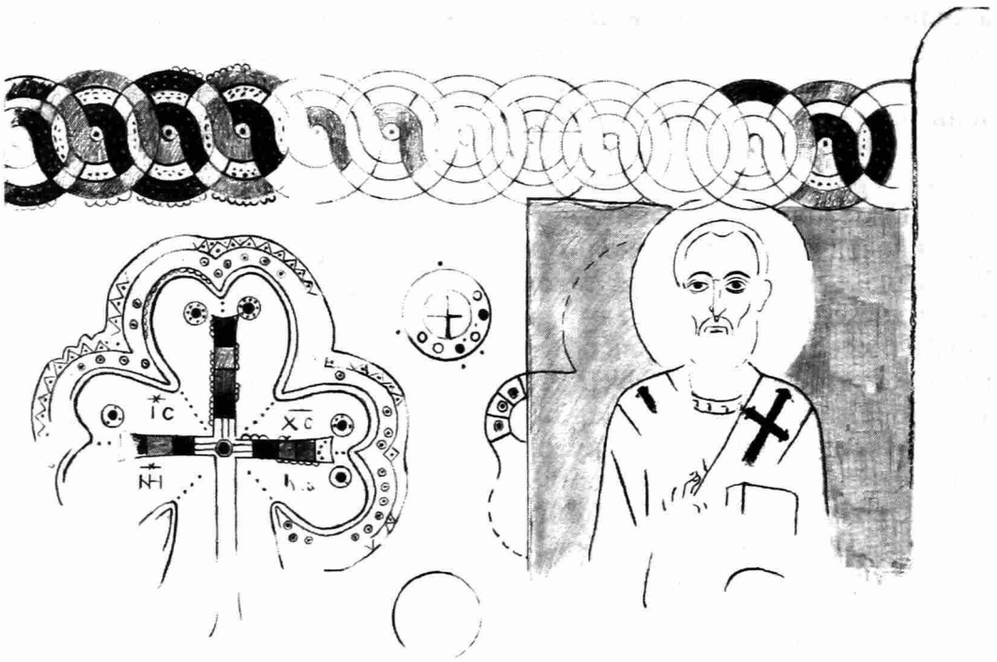


Рис. 3. Северная сторона апсиды Сентинского храма. Роспись II–III этапов. Прорисовка по кальке с частичной реконструкцией.

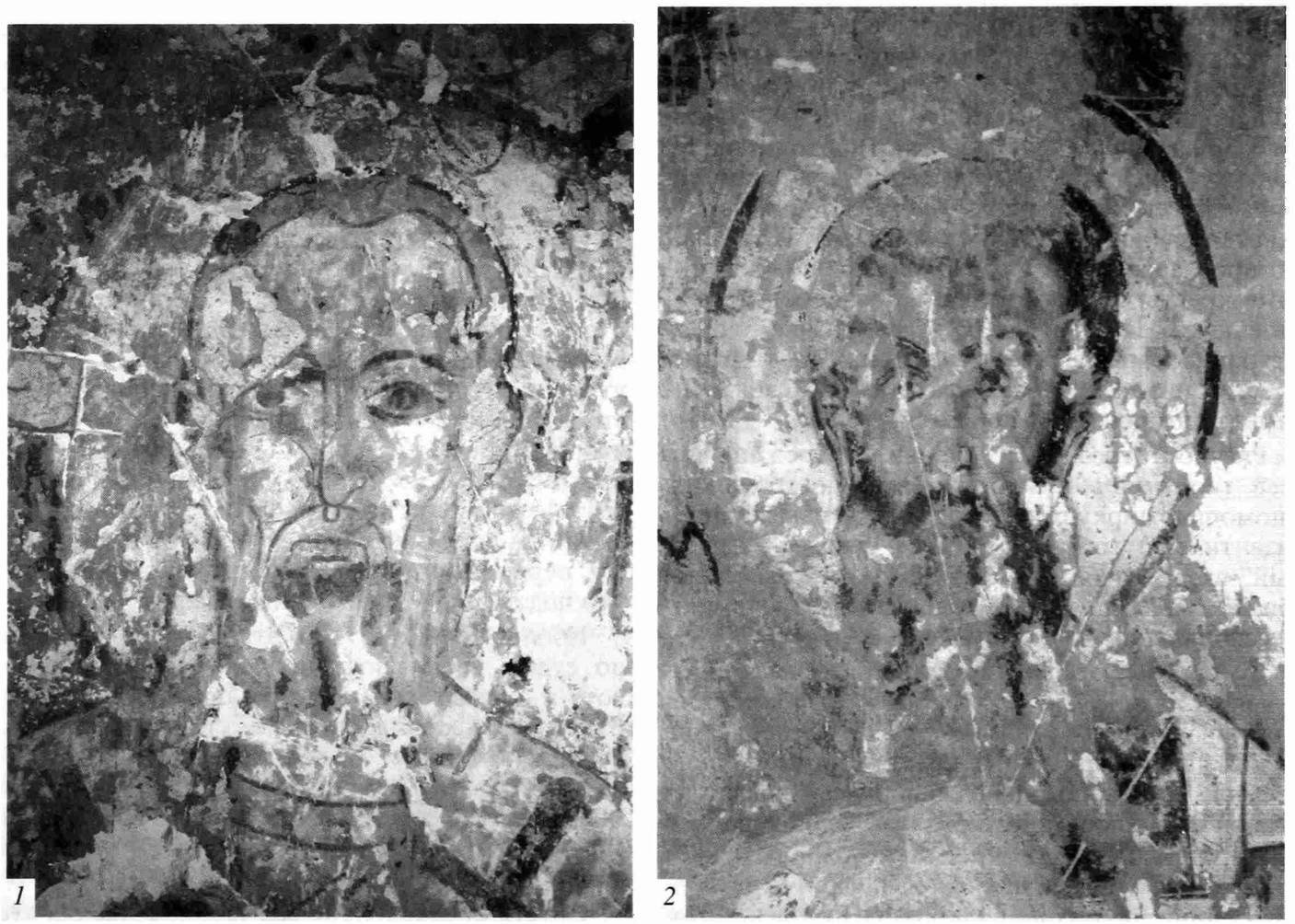


Рис. 4. Детали росписи в апсиде Сентинского храма. *1* – Св. Николай Мирликийский (III этап росписи, северная стена); *2* – Святитель (IV этап росписи, южная стена).

Рис. 5. Голова Спасителя из сцены "Воскрешение Лазаря". Южная стена южного рукава Сентинского храма.

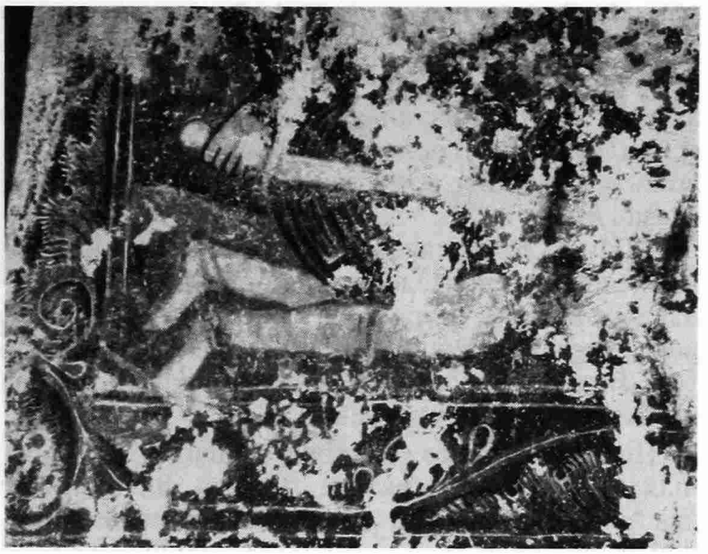


Рис. 6. Фигура воина. Деталь композиции второго регистра; южная стена западного рукава Сентинского храма.

обмазка на основе суглинка с добавлением рубленной соломы напоминает лёссовые штукатурки, хорошо известные на Ближнем и Среднем Востоке. Слой настолько хрупок (например, легко размывается водой), что нельзя не удивляться, как на нем еще сохранился красочный слой, причем кое-где неплохо. Местами изображения второго этапа ("плетенка") покрыты глубокими параллельными царапинами: по-видимому, для лучшего сцепления с новым слоем (святитель и Богоматерь третьего этапа таких царапин не имеют). Желтая обмазка полностью покрывает стены апсиды, местами нанесена в восточной ветви креста, а пятнами – и в других частях храма, там, где особой нужды в обмазке не было. Основная же часть последнего слоя живописи в наосе лежит на старой первоначальной штукатурке, где изображений ранее не имелось.

На последнем этапе стены храма были расписаны полностью. Сейчас от изображений четвертого периода сохранился один регистр в апсиде и два регистра на стенах наоса – местами до уровня окон. Известно, что фрагменты каких-то фигур прослеживались в барабане купола и во втором регистре алтаря (Владимиров, 1902. С. 8, 11). Регистры разделены красивой орнаментальной разгранкой, местами сохранившейся.

В апсиде размещены восемь фронтальных фигур святителей. С северной стороны они сильно осыпались, благодаря чему хорошо читаются ранние слои. С юга сохранность лучше: можно даже судить о личнóм письме (рис. 4, *2*) Слева стоят свв. Власий, Максим (?), неизвестный, Иоанн Златоуст, справа – Василий Великий, Дионисий (?), неизвестный, Елевферий.

В наосе верхний регистр занят изображениями евангельских сцен, в том числе и страстного цикла. Повествование начиналось с восточной стены северного рукава, где располагается сцена Благовещения. Далее, за углом, на северной стене восточной ветви креста находится изображение Рождества Христова. Причем эта сцена, в отличие от остальных сохранившихся композиций христологического цикла, занимала оба регистра и доходила почти до низа.

Напротив, на южной стене, во втором регистре композиция почти утрачена. В соответствии с последовательностью изображений, там могла быть сцена Сретения, с чем вполне согласуются небольшие фрагменты архитектуры, сохранившиеся в верхней части. Далее, за углом, видимо, находилось Крещение (И.А. Владимиров видел здесь изображения фантастических рыб). Над южным входом сохранились сцены Преображения и Воскрешения Лазаря (рис. 5). Далее, на западной стене – Вход в Иерусалим.

Следом, за углом, видимо, на всю ширину стены, располагалось Взятие Христа под стражу

(рис. 6). Эту композицию И.А. Владимиров принял за Воскресение: хорошо сохранилась коленопреклоненная мужская фигура с мечом, вероятно, интерпретированная им как спящий воин у гроба Христа. Но более вероятно, что это один из воинов и служителей, которые, "когда [Христос] сказал им: это Я, ... отступили назад и пали на землю" (Ин 18:6). Такая атрибуция основана на хронологической последовательности: далее, над западным входом, сохранились две сцены – Христос перед первосвященниками и Христос перед Пилатом. В других местах живопись второго регистра почти полностью утрачена.

По низу в наосе идет ряд сильно поврежденных изображений святых. Алтарь фланкируют два конных мученика (на восточных стенах северной и южной ветвей креста). Остальные святые представлены фронтально стоящими во весь рост. К сожалению, надписи почти полностью утрачены. Опознаются преподобные Антоний и Онуфрий Великие, Савва Освященный. Вообще, все сохранившиеся святые в западном рукаве креста – это преподобные. Южную дверь фланкируют два воина, правая фигура на южной стене восточной ветви – архангел (Михаил?), а слева от северной двери мученик Мина в позе оранта.

В.А. Кузнецов обратил внимание на сходство орнаментальных мотивов последнего слоя сентинских фресок с росписями Атенского Сиона (Кузнецов, 1977б. С. 77, 79). Этот знаменитый грузинский памятник датирован последними десятилетиями XI в. на основании атрибуции ктиторских портретов (Вирсаладзе, 1984. С. 13, 14). С определенными оговорками к этому же направлению следует отнести роспись Хахули и ряд фресок в Каппадокии (например, Каранлык-килисе). Впрочем, живопись указанных памятников более сложна и изысканна, а иконография сцен в деталях отличается от сентинских фресок. Нельзя не отметить, что в целом сентинские росписи последнего этапа следуют схеме, сложившейся в Константинополе, хотя отдельные элементы указывают на восточную традицию (парные святые воины на конях). Учитывая глубокую провинциальность нашего памятника, последний этап его живописи следует датировать концом XI–началом XII в. Предполагая наличие "ощутимой грузинской струи в сентинских фресках" (Кузнецов, 1977б. С. 79) и основываясь при этом на сходстве мотивов с росписью Атени, нельзя забывать, что атенские фрески – это самый яркий и сохранный среди немногих дошедших до нас памятников этого времени на территории Грузии. В Закавказье у него, кажется, нет прямых аналогов, и его мастера могли быть как местными, так и происходящими из какого-либо византийского центра.

Поскольку дата самого раннего периода декорации нам известна (965 г.), то второй и третий этапы росписи Сентинского храма укладываются в рамки второй пол. X–середины XI в.

Вполне вероятно, что первые два этапа декорации Сентинского храма исполнены местными мастерами, возможно, по книжным образцам. Монументальные кресты первых двух этапов с иконоборчеством, конечно, никак не связаны. Известен целый ряд храмовых росписей, не имеющих изображений святых, но относящихся к постиконоборческому времени (Brubaker, 2001. P. 209–216). Есть много примеров и того, когда за синтроном (в том числе на Горнем месте) изображали кресты. Интересно, что в Шоанинском храме также могла быть аналогичная ограниченная нефигуративная роспись: Нарышкин видел здесь следы каких-то крестов, и при этом отметил, что в храме "ни ликов, ни других изображений не оказалось" (Отчет..., 1876. С. 353). Фиркович, описывая этот же памятник, указывает на крест "на правой стороне алтаря", написанный черной и желтой краской, с расположенной по сторонам греческой надписью возможно посвятительного характера (Помяловский, 1881. С. 19). Это, кстати, напоминает относящийся ко второму этапу крест с надписью у южного окна Сентинского храма. В Шоанинском храме под штукатуркой XIX в. до сих пор сохранилась древняя обмазка с многочисленными граффити, на которой нет следов сплошной росписи.

Изображения святителя и Богоматери третьего этапа отражают формирование традиционной системы алтарных композиций, в общих чертах завершившееся, вероятно, к середине XI в. Вызывает некоторое удивление одиночное изображение святителя, не имеющее парного образа, расположенное ассиметрично и смотревшееся своеобразной иконой. Можно с осторожностью предположить, что образ святителя Николая отражал второе посвящение храма (см. ниже). Мы допускаем, что Богоматерь и святитель были написаны не одновременно и разными художниками, хотя до промывки росписи и более подробного обследования об этом судить сложно. В любом случае, эти изображения близки по времени и написаны не ранее первой пол.–середины XI в. Таким образом, сентинское изображение Влахернитиссы является древнейшим из известных образов этой иконографии в монументальной живописи византийского круга (ср.: Смирнова, 1995. С. 289, 300).

Как уже говорилось, система "ограниченной" росписи с располагающимися только в отдельных местах храма изображениями, прежде всего в апсидах, хорошо известна. В частности, в Грузии это первый этап декорации Атенского Сиона (VII в.), состоявший из процветших крестов на пилонах, разделки стен "блоками" и различных надписей, а также помещенные только в апсиде росписи церкви Спасителя в Несгуне в Верхней Сванетии (X в.)

и мозаики Цроми (VII в.). Многочисленные "ограниченные" росписи известны в Каппадокии.

Даже без углубленного анализа стилевых особенностей и поиска аналогий очевидна принадлежность всех четырех этапов сентинских росписей восточновизантийской традиции. Все это вполне соответствует документально известным связям Алании с Трапезундом. Учитывая географическую близость и аналогии, нельзя отрицать и влияния Грузии, хотя вряд ли удастся указать на какой-то конкретный центр или школу. Описываемые фрески следует рассматривать более широко – в рамках искусства восточных областей византийской ойкумены от Ближнего Востока и Кипра до Закавказья и Крыма, и, несомненно, связывать с греческим присутствием в Абхазии.

Все многочисленные надписи Сентинского храма (практически не привлекшие внимания ученых) – греческие. Они собраны (кроме подписей к изображениям) в восточной его части, прежде всего в апсиде, и делятся на три группы (датировку позволяют уточнить установленные этапы покрытия штукатуркой и росписью). Во-первых, это упомянутые выше надписи красной охрой (соответствуют второму этапу декорации). Они выполнены крупным и неровным шрифтом, имеют нетрадиционные лигатуры и сокращения; И.А. Владимиров опубликовал прорись надписи на северной стене апсиды (нами не обнаружена), судя по шрифту, относящуюся к той же группе (1902. С. 13. Рис. 9). Другая группа – это граффити, выполненные поверх изображений второго и третьего этапов декорации и сконцентрированные преимущественно на северной стороне апсиды. Интересно, что пара граффити вписана в ветви креста второго этапа. Надписи обеих групп имеют в основном инвокативный характер: призываются Христос и святые. Их ономастикон чисто христианский.

Наконец, особняком стоит строительная надпись, которая упоминалась выше (рис. 7; рис. 8). Не совсем традиционно и несколько загадочно ее местоположение: на высоте более 2 м от пола в правой половине южной стены восточного рукава креста. Наиболее вероятно, что такое необычное расположение объясняется соседством с храмовой иконой, которая могла находиться на проскинитарии под надписью (Православная..., с. 215, 216). Следует принять во внимание, что надпись – не только и не столько сообщение о строительстве храма, сколько род официального документа, свидетельства об официальном освящении церкви (подобно современной записи на антиминсе).

Надпись выполнена черной краской на белой лощеной штукатурке первого этапа декорации. Уже на втором этапе она была перекрыта тонким слоем побелки, через который тем не менее не-

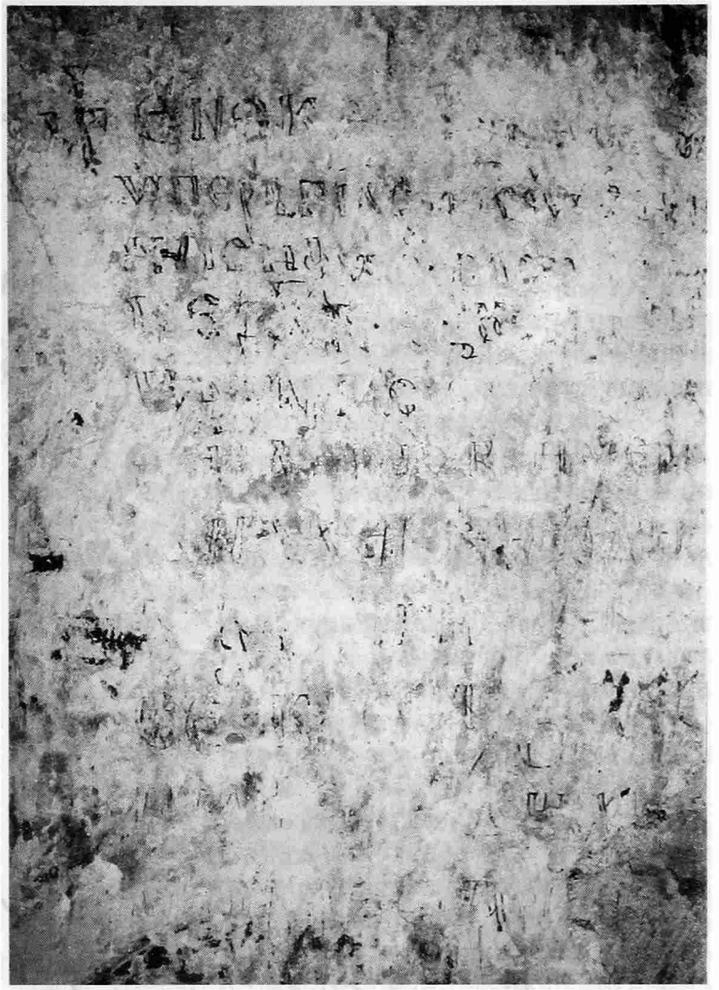


Рис. 7. Строительная надпись Сентинского храма. Фрагмент.

плохо просматривается, а на четвертом – желтой обмазкой и фреской (предположительно, со сценой Сретения и с изображением архангела). Наконец, при монашеской реставрации XIX–XX вв. по правой стороне надписи была проведена вертикальная полоса синей краской, видимо, отмечавшая расположение нового иконостаса. Все наслоения, перекрывавшие надпись, за исключением побелки, в настоящее время практически полностью осыпались.

Шрифт надписи характерен, как ни странно, для византийских надписей на металле IX–X вв.: одна или несколько апицированных гаст каждой буквы нарисованы двойной линией. Отсутствие аналогий этому феномену во фресковой и лапидарной эпиграфике невольно наталкивает на мысль о том, что писец подражал или даже копировал надпись на металлическом предмете: вспомним, например, что при основании храма всегда жертвуется комплект литургических сосудов. Почерк выдает руку опытного мастера (к его личности мы еще вернемся ниже): буквы написаны свободно и изящно, хотя не всегда ровно; крупно выделена дата. Высота букв колеблется от 1.3 до 2.8 см, а в числах – от 2

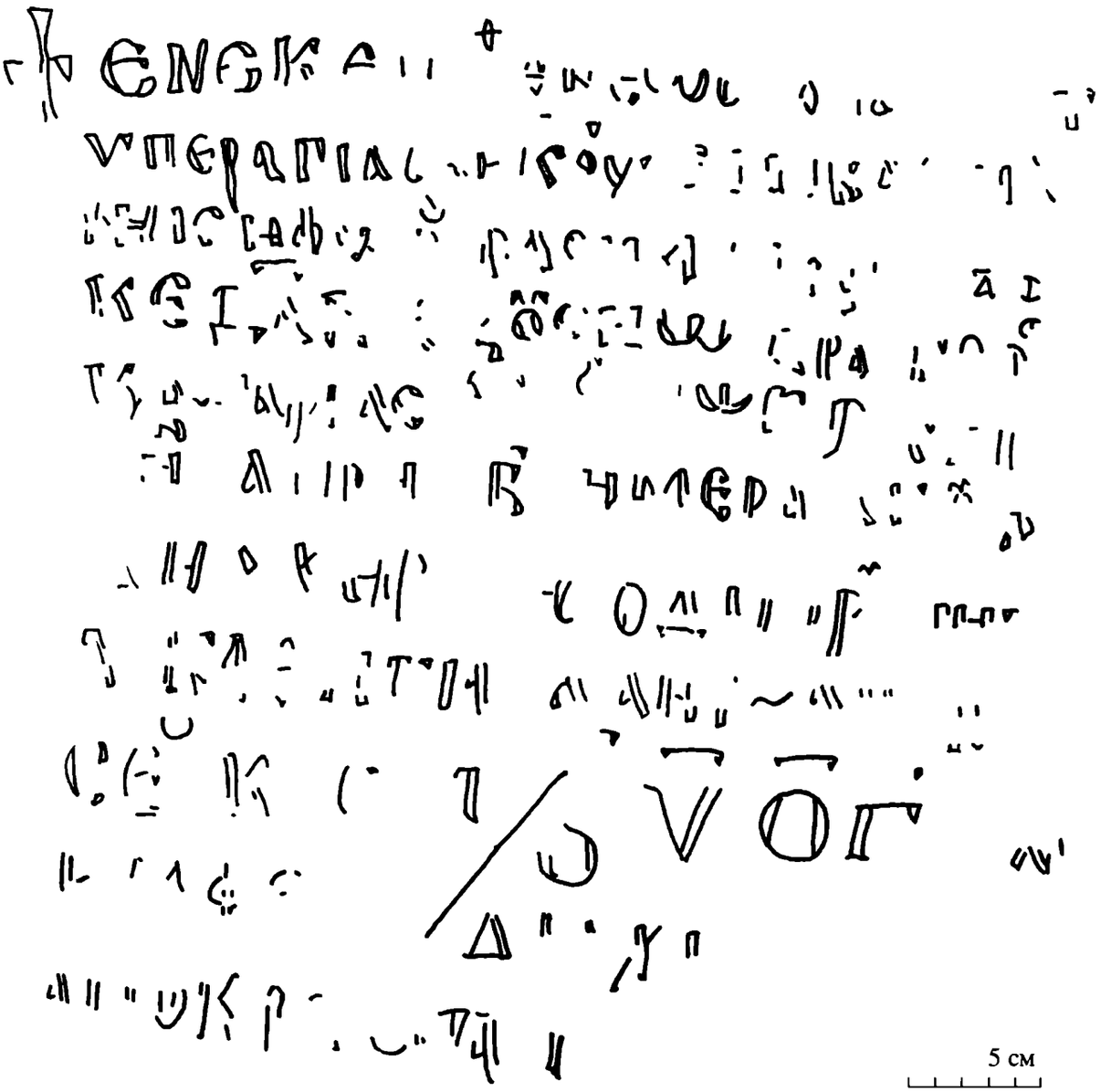


Рис. 8. Строительная надпись Сентинского храма. Прорись.

до 6.8 см. Текст надписи восстанавливается следующим образом.

+ Ἐνεκεν[ισ]θ(η), ἐνεώσ[θ(η)] ὁ να[ὸς] τ(ῆς)
ὑπεραγίας θ(εοτόκ)ου ἐπὶ βασηλ[είας
Νηκηφώρου βασηλ[(έως)] καὶ καίσ (αρος)
κὲ Δα(υὶ)δ ἐξουσηωκράτορ(ος) [Ἀλανίας
κ(αὶ) Μαρίας ἐξουσ[η]ωκρατ[ορίσσης
μ]ην(ὶ) Ἀπρη(λίου) β′, ἡμέρᾳ ἁγ[ή]ου
Ἀ[ντιπάσχα (?)
δηὰ χηρὸς Θεοδώρου, μητ[ροπολ(ίτου)
καθηγη(ασμένου) Ἀλανί(ας), ἀπ[ὸ]
κ[τίσε(ως) κό(σμου) ἔτ(ους) ϛυοϛ′. Ἀν[ε-
γράφε[το] δηὰ χειρὸς [τοῦ δεῖνος
ἀποκρησ(ιαρίου) πατρ(ικίου).

+ Освящен, возобновлен храм
пресвятой Богородицы в царствование
Никифора, императора и кесаря,
и Давида, эксусиократора Алании,
и Марии эксусиократориссы
2 апреля, в день святой антипасхи (?),
рукою Феодора, митрополита освященного Алании, от сотворения мира в 6473 г. Написано рукой имярек,
апокрисиария патрикия.

Текст вполне типичен для средневизантийских строительных надписей: указаны посвящение храма, датировка по правителям, по числу месяца, по церковному празднику и, наконец, по году,

а также имя архиерея. Несколько неожиданной выглядит лишь постановка указания на год освящения после упоминания иерарха. Интересно, но не уникально и прибавление имени писавшего в конце текста.

С. 1: Глагол ἐγκαινίζω (букв. "обновлять") имел в византийской литургической практике значение "освящать храм" (Lampe, 1961. P. 399). Между тем второй глагол – νεόω (отметим отсутствие между ними союза καί) действительно значит "возобновлять". В чем же заключалось возобновление Сентинского храма? Ни в экстерьере, ни в интерьере церкви до второго этапа росписи (а наша надпись, напомним, относиться к первому этапу) не прослеживается никаких следов каких-либо перестроек. Между тем изменения должны были быть настолько существенными, что потребовалось новое освящение храма. Здесь стоит вспомнить предположение В.А. Кузнецова (1977а. С. 64; 1977б. С. 83) о существовании в Сентах более древнего храмика (его апсида видна из-под стоящего рядом с храмом мавзолея), который мог быть разрушен при изгнании христиан из Алании в 931/2 г. Впрочем, мы не отрицаем возможности возобновления заброшенного храма или его полной перестройки на старом фундаменте.

С. 2: Наша надпись подтверждает сложившееся мнение о посвящении Сентинского храма Богородице, порожденное образом Богоматери-Знамение над центральным окном апсиды (Бессолов, 1983. С. 2). На самом деле изображение Богородицы в "зените" алтарной апсиды вовсе не является указанием на посвящение храма, а имеет более глубокий символический смысл (вспомним, например, аналогичные изображения в Софийских соборах в Киеве и Охриде, в храмах Николая в Кинцвиси, Спаса на Нередице и т.п.). В надписи отсутствует указание на какой-либо богородичный праздник, так что церковь, по-видимому, была посвящена просто Богоматери или какому-то Ее образу (например, Знамению-Влахернитиссе).

С. 3: "Никифор император" – это, несомненно, византийский император Никифор II Фока (963–969).

С. 4: Эксусиократор – устойчивое византийское наименование правителя Алании от Константина Багрянородного (Constantine..., 1967. 10, 11; Constantinus..., 1829. 48) до Анны Комнины (Alexias 13, 6, 2). Поскольку у Порфирогенита, наиболее близкого по времени автора, такой титул прилагается только к правителю Алании и всегда соединяется с обозначением Ἀλανίας, то разумно предположить, что именно оно находилось в утраченном конце строки. Отметим дипломатичную тонкость формулировки: Давид, конечно же, не назван василевсом, но он царствует, подобно Никифору: "в царствование Никифора императора... и Давида эксусиократора". Имя Давид впоследствии дважды повторяется в семье аланских правителей (при преобладании нехристианских имен; см. Алемань, 2003, с. 421).

С. 5: Мария так же, как и Давид, не известна по письменным источникам. Скорее всего, эта эксусиократорисса была его женой. Косвенным подтверждением этому могут служить неизданные карачаевские предания, собранные Р. Баташевым (который любезно предоставил нам информацию о них), где речь идет об аланском правителе Даут-хане (т.е., Давиде) и его супруге Мариам (т.е., Марии), живших в эпоху расцвета Алании и занимавшихся активным строительством.

С. 6: Обычно словом ἡμέρᾳ "в день" в византийской эпиграфике вводится обозначение дня недели, но добавление ἁγίου "святого" здесь явно указывает на праздник. От последнего слова строки сохранились остатки одной буквы – альфы либо лямбды. Никаких святых на "л" 2 апреля не празднуется, а вот с альфы начинаются два святых этого дня – братья Амфиан (Ἀμφιανός) и Эдессий (Αἰδέσσιος): отметим, что только их память из всех святых 2 апреля сопровождается проложным житием во всех рукописях константинопольского синаксаря, кроме **Mc** (Synaxarium..., 1902. Col. 579, 580). Но более вероятным нам представляется другой вариант: на 2 апреля в 965 г. приходился праздник антипасхи (Ἀντιπάσχα, т.е. первое воскресение после пасхи), имевший в Византии не только торжественный характер, но и миссионерский аспект (Православная..., С. 544–548).

С. 7–8: Прежде самое раннее упоминание о митрополите Алании (Николае) относилось к 997–998 гг. (Honigmann, 1944. P. 146) Теперь аланская митрополия удревняется как минимум на 32 года.

С. 8–9: Несомненно, что речь идет о византийской эре от сотворения мира, т.е. год нашей надписи – 6473–5508 = 965. Тот факт, что этот год действительно падает на время правления Никифора II, опровергает недавнее предложение С. Саканиа видеть в датах надписей из Алании абхазское летоисчисление (2004. С. 178). Попутно отметим, что к середине X в. относится и найденная в южном притворе Сентинского храма золотая византийская монета (Дьячков-Тарасов, 1927. С. 83).

С. 9–10: Слово патрикий дано в сокращении (πατρ(ικίου)), а следовательно, оно обозначает здесь не имя собственное, но высокий византийский титул, который в VIII–X вв. носили наиболее важные правители фем и военачальники. Светский характер этого титула заставляет считать и апокрисиария нашей надписи не церковным чиновником, но государственным посланником (Oxford..., 1991. P. 75, 136, 1600). Маловероятно, чтобы в аланском государстве была столь развитая чиновничья система – следовательно, наш аноним был высокопоставленным посланцем императо-

ра Никифора Фоки, который зимой-весной 965 г. находился на зимних квартирах в Каппадокии (Leo nis..., 1828. III, 11; IV, 1).

Посмотрим, как открытие сентинской надписи влияет на представления о хронологии аланских храмов и об истории христианства в Алании X в.

На территории древней Западной Алании известны остатки множества маленьких зальных одноапсидных церквей аланской эпохи, четыре необследованных крестообразных храмика (Кузнецов, 1977б. С. 84–87) и только пять крестовокупольных храмов. Эти последние типологически едины и характеризуются неместным, провинциально-византийским происхождением форм. Обнаруженная нами дата строительства Сентинской церкви с неизбежностью поднимает вопрос о принадлежности всей этой группы храмов к середине – второй пол. X в.

Распространенное в науке мнение о строительстве первых храмов этой группы в эпоху христианизации Алании, т.е. в начале X в., кажется чисто умозрительным (Кузнецов, 2002. С. 47; Саканиа, 2004). Архитектурные аналогии, приведенные для наиболее древнего, с точки зрения В.А. Кузнецова, Северного Архызского храма (Кузнецов, 1977б. С. 27–72), относятся к первой пол.–середине X в., а не исключительно к его началу. Кроме того, о крупномасштабном строительстве на этом этапе в источниках нет и речи: Николай Мистик в своем письме (Nicolaus Mysticus, 1973. 46) просит эксусиаста соседней Авасгии предоставить архиепископу Алании "необходимое и утешительное для жизни".

В Алании, конечно, сооружали какие-то храмы, и вполне вероятно, что изгнание христиан в 931/2 г. сопровождалось их разрушением. В этой связи вспомним предположение В.А. Кузнецова о разрушении первого храмика рядом с Сентинской церковью, косвенным доказательством чего может служить и указание нашей надписи на "обновление" храма. Если так, то церковное строительство в Алании вряд ли возобновилось раньше 40-х годов X в. Неоднократно отмечалась архитектурная связь между храмами Алании и Абхазии: в форме ли гипотезы о единой школе (Афанасьев, 1986) или о заимствовании образцов (Перфильева, 1992). Причем Абхазия, как мы помним, была помощницей византийцев в деле христианизации аланов в начале X в. (Nicolaus Mysticus, 1973. 46) Особенно часто сближаются Северный Зеленчукский и Лыхненский храмы. Между тем Л.А. Перфильева говорит о родстве последнего с храмом в Мокви, который датируется временем правления Леона III (между 957 и 969 гг.), т.е. хронологически совпадает с Сентинской церковью: "храм в Лыхны является звеном, следующим за сооружением Северного Зеленчукского храма и собора в Мокви" (Перфильева, 1992. С. 199, 200).

Таким образом, существует ряд аргументов в пользу того, что группа из пяти аланских храмов в Карачаево-Черкесии, обладающая внутренним типологическим единством, построена в середине–второй пол. X в., после восстановления христианства в Алании. Одной из этих церквей, хотя вряд ли первой, была Сентинская.

Мы полагаем, что, помимо уточнения датировки храмового строительства в Западной Алании, сентинская надпись проливает свет и на историю аланского христианства в X в. Его исследователи постоянно приводят свидетельство Масуди: "После 320 (т.е. 931/2 – *А.В., Д.Б.*) г. они (т.е. цари Алана – *А.В., Д.Б.*) отреклись от христианства и прогнали епископов и священников, которых византийский император раньше им прислал" (Кузнецов, 2002. С. 44; Иванов, 2003. С. 190). Очевидно, преемственность аланской церковной иерархии, по крайней мере в самой Алании, была в 931/2 г. прервана, и соответственно возвращение аланских правителей к христианству сопровождалось возобновлением кафедры. Этот перерыв не был долгим: если около 940 г. Алании нет в *Notitia episcopatuum* (Алемань, 2003. С. 259), то в конце этого десятилетия Константин Багрянородный называет эксусиократора Алании своим "духовным сыном" (Иванов, 2003. С. 190). Действительно, аланы были вынуждены отказаться от христианства не добровольно, но вследствие военного поражения от хазар (Петрухин, Раевский, 2004. С. 228). Несомненно, и византийцы стремились как можно скорее вернуть в свою орбиту важнейшего стратегического союзника: о значимости союза с аланами против хазар прямо говорит Константин Багрянородный (Constantine..., 1967. 10). Хотя вопрос о границах Аланской державы в 940-х годах остается предметом споров (Zuckerman, 2000), следует признать, что эта эпоха отмечена политической активностью Аланской державы: между 953 и 954 г. заключается династический союз с правителем аварцев, а в 944/5 г. аланы, лезги и русы вторгаются в Арран (Алемань, 2003. С. 347, 500). Пристальный интерес к Алании византийцы испытывали и при Никифоре Фоке, в правление и, вероятно, при содействии которого был создан Сентинский храм и выполнена, рукою императорского посланника, строительная надпись.

В системе византийской дипломатии аланский правитель имел особенно высокий статус. Еще Кулаковский заметил, что в отличие от посланий всем другим варварским властителям Кавказа, обращение к эксусиократору Алании не обозначается как κέλευσις "приказ" (Кулаковский, 2000. С. 176, 177). Добавим к этому, что правитель Алании единственный у порфирородного писателя обладает титулом эксусиократор, который стоит на первом месте среди десятков других обозначений варварских правителей (Constantinus..., 1829. 46).

Не исключено даже, что этот уникальный титул был создан *ad hoc* для аланского правителя.

Следствием желания византийцев прочнее привязать к себе северного соседа, уже изгнавшего однажды греческий клир, стал рост статуса Аланской кафедры в 40-х годах X в. Стремясь почтить местного правителя и привязать его к христианству, византийцы повысили титул предстоятеля Аланской епархии, превратив архиепископию в митрополию. Этот процесс параллелен повышению статуса самого аланского правителя от начала к середине X в., от архонта – к эксусиократору (Алемань, 2003. С. 257). Все это объясняет и странный для митрополии статус Алании, не имевшей подчиненных кафедр, – В.А. Кузнецов в своей последней работе, выдвинув версию о существовании в рамках Аланской митрополии нескольких епископий, не привел ни одного фактического аргумента в пользу их существования, кроме очень поздних упоминаний Кавказской епархии (Кузнецов, 2002. С. 82). По материалам же нотиций, где всегда упоминаются подчиненные митрополии епископства, никаких подразделений Аланской кафедры в X–XII вв. нам не известно.

В пользу такой даты возникновения аланской митрополии может говорить и печать аланского митрополита Игнатия из коллекции Закоса, которую Ж.-К. Шене отнес к рубежу X–XI вв. (Cheynet, 2001. P. 13). В. Зайбтом предложена новая датировка, вернее, даже две: 920–930-е годы (Seibt, 2003) и середина X в. или еще раньше (Зайбт, 2002. С. 14). Вполне вероятно, что речь идет о первом митрополите Алании, прибывшем туда после восстановления христианства в 40-х годах X в. Он вполне мог быть непосредственным предшественником митрополита Феодора, упомянутого в сентинской надписи.

Итак, картина политической и церковной истории Алании в середине X в. восстанавливается следующим образом. В 931/2 г. аланы терпят поражение от хазар и оказываются вынуждены изгнать христианский клир. В 940-е годы возрождается военная мощь аланов, восстанавливается союз с Византией и Аланская епархия. В результате возрастает статус и аланского правителя (с архонта до эксусиократора), и иерарха (с архиепископа до митрополита). Возможно, что первым митрополитом Алании был Игнатий, а Феодор – одним из его преемников. При помощи византийцев возводятся храмы, в том числе и Сентинский. Наконец, в 965 г. император Никифор Фока, который ведет победоносную войну против арабов, направляет специального посланника с высокими титулом патрикия для освящения Сентинской церкви. Этот год знаменателен для аланов: Святослав Киевский разгромил их извечных врагов хазар (Алемань, 2003. С. 490). Но под этим же годом сообщается и о победе русского князя над самими аланами – на арену выходит новая политическая сила, которой лишь в следующем поколении предстоит пойти христианским путем своего кавказского соседа.

Авторы сердечно благодарят за помощь директора Карачаево-Черкесского историко-культурного и природного музея-заповедника У.Ю. Ильканова, а также И.В. Аржанцеву, В. Зайбта, С.А. Иванова, Л.К. Масиеля Санчеса, В.Я. Петрухина и Ж.-К. Шене.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Алемань А. Аланы в древних и средневековых письменных источниках. М., 2003.

Афанасьев К.Н. Типологический и пропорциональный анализ Верхне-Кубанской группы храмов Северного Кавказа // Новые материалы по археологии Центрального Кавказа. Орджоникидзе, 1986.

Белецкий Д.В., Виноградов А.Ю. Фресковые и эпиграфические находки в Сентинском храме // РА. 2004. № 3.

Бессолов В.Б. Архитектура храма Сенты и многоаспектное сравнение его с памятниками христианского Востока и Византии // IV Междунар. симп. по грузинскому искусству. Тбилиси, 1983.

Вирсаладзе Т. Роспись Атенского Сиона. Альбом. Тбилиси, 1984.

Владимиров И.А. Древний христианский храм близ аула Сенты в Кубанской области // ИАК. Вып. 4. СПб., 1902.

Дьячков-Тарасов А.Н. Сентинский храм и его фрески // Кубанский сборник. Т. V. Екатеринодар, 1899.

Дьячков-Тарасов А.Н. Археологические разведки в Карачае в 1927 г. // Бюллетень Северо-Кавказского НИИ. 2–4. Ростов/Д, 1927.

Зайбт В. Византийские печати из Алании "μητροπολίτης 'Αλανίας" и "ἐξουσιοκράτωρ 'Αλανίας" // Новое в византийской сфрагистике. СПб., 2002.

Иванов С.А. Византийское миссионерство. М., 2003.

Кузнецов В.А. В верховьях Большого Зеленчука. М., 1977а.

Кузнецов В.А. Зодчество феодальной Алании. Орджоникидзе, 1977б.

Кузнецов В.А. Христианство на Северном Кавказе до XV в. Владикавказ, 2002.

Кулаковский Ю.А. Избранные труды по истории аланов и Сарматии. СПб., 2000.

Марковин В.И. Исследования Сентинского храма и некрополя у реки Теберды в Карачаево-Черкесии // Историко-археологический альманах (Армавирского краеведческого музея). Вып. II. Армавир; М., 1996.

Отчет гг. Нарышкиных, совершивших путешествие на Кавказ (Сванетию) с археологической целью в 1867 г. // ИРАО. 1876. Вып. VIII. № 4.

Перфильева Л.А. К вопросу о византийском влиянии на культовую архитектуру Северно-Западного Кавказа X–XI вв. // Аланы: Западная Европа и Византия. Владикавказ, 1992.

Петрухин В.Я., Раевский Д.С. Очерки народов России в древности и раннем Средневековье. М., 2004.

Помяловский И. Сборник греческих и латинских надписей Кавказа. СПб., 1881.
Православная энциклопедия. Т. 2. М., 2002.
Саканиа С.М. Хронологические параллели Лыхненского и Зеленчукского храмов // Древний Кавказ: ретроспекция культур. Междунар. науч. конф., посв. 100-летию со дня рождения Е.И. Крупнова. Тез. докл. М., 2004.
Смирнова Э.С. Новгородская икона "Богоматерь Знамение": некоторые вопросы богородичной иконографии XII в. // Древнерусское искусство. Балканы. Русь. СПб., 1995.
Brubaker L. On the margins of Bizantine Iconoclasm // XXe congrès international des études Byzantines. Pré-actes. Séances plénières. Paris, 2001.
Cheynet J.-C. Sceaux de la collection Zacos. Paris, 2001.
Constantine Porphyrogenitus. De administrando imperio / Ed. G. Moravcsik // Corpus fontium historiae Byzantinae. 1. Dumbarton Oaks Texts. 1. Washington, 1967.
Constantinus Porphyrogenitus. De cerimoniis aulae Byzantinae libri duo. V. 1 / Ed. J.J. Reiske // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn, 1829.
Honigmann E. Studies in Slavic Church History // Byzantion. 1944. T. 17.
Lampe G.W.H. A Patristic Greek Lexicon. Oxford, 1961.
Leonis diaconi Caloënsis historiae libri decem / Ed. K.B. Hase // Corpus scriptorum historiae Byzantinae. Bonn, 1828.
Nicolaus Mysticus. Epistulae / Ed. R.J.H. Jenkins, L.G. Westerink // Corpus Fontium Historiae Byzantinae. V. 6. Washin., 1973.
Oxford Dictionary of Byzantium / Ed. A. Kazhdan. N.Y., Oxford, 1991.
Seibt W. Metropoliten und Herrscher der Alanen auf byzantinischen Siegeln des 10.–12. Jhdts. SPb., 2003.
Synaxarium ecclesiae Constantinopolitanae // AASS. Nov. Propylaea. Bruxelles, 1902.
Zuckerman C. A propos du livre des cérémonies, II, 48. II. Le probleme d'Azia/Asia, le pays des Ases // TM. 2000. T. 13.

Frescoes of the Senty church and the problems of the history of Alanic Christianity in the 10th c.

D. V. Beletsky, A. Yu. Vinogradov

Summary

Investigations of frescoes in the Senty church (Karachai–Cherkesia) resulted in establishment four chronological stages in the period of the church decoration (from the mid 10th till the early 12th cc). Painted decoration of the church developed from simple to more complicated patterns: 1st stage – the images of two crosses, 2nd stage – crosses and ornaments, 3rd stage – two representations in the apse, 4th stage – painted decoration of the whole interior. Painters working in the church Byzantine were Byzantine artists mainly of East Anatolian and Trabzon provenance. Numerous Greek inscriptions have been registered in the church, one of them is identified as the donators' inscription; it specifies construction date (965) and mentions the donators' names – they were the exusiocrator David, his wife Maria and Metropolitan Theodore. The discoveries permit to shape a new idea concerning Alanic Christianity in the 10th c. The events of 931/2 were of key importance: it was this year that the Greek missionaries were expelled from Alania. Restoration of Christianity in the early 940-s led to gaining higher status by the Alanic governor and the head of local hierarchy, on the one hand, and on the other hand, was accompanied by construction of big churches, including the Senty church.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 143–148

ПУБЛИКАЦИИ

НЕКОТОРЫЕ РАЗНОВИДНОСТИ НАТЕЛЬНЫХ КРЕСТОВ СРЕДНЕВЕКОВОГО ПСКОВА

© 2005 г. Ю. В. Колпакова

Псковский государственный педагогический институт

Процесс христианизации Пскова, вероятно, должен был потребовать появления значительного числа христианских атрибутов, в том числе и предметов личного благочестия. Изучение коллекции предметов личного благочестия Пскова позволяет определить, насколько готовы были к этому местные ремесленники, и каков был процент импортных вещей среди христианских древностей Пскова, а также насколько верен для Пскова тезис о перемещении на русскую почву бытовой греческой материальной христианской культуры.

В публикации рассматривается ряд вещей из археологической коллекции предметов личного благочестия Пскова, которые могут интерпретироваться как предметы импорта. Речь пойдет о трех группах предметов: это крестики-тельники из импортных материалов: из перламутра и янтаря, а также медный эмалевый крестик.

Кресты из перламутра

Кресты из перламутра, найденные в Пскове, относятся к одному типу и происходят из раскопов 1954 г. у Дома Связи и 1970 г. у здания Пединститута[1]. Они имеют квадратное средокрестие с вырезанным на нем с обеих сторон косым равноконечным крестом. Интересна форма лопастей креста: они имеют овальное сечение, снабжены двумя "перехватами" и оканчиваются шаровидными, слегка заостренными к концу, головками. Крест более хорошей сохранности (рис. 1, *1*) – из раскопа у Пединститута, имеет вытянутые пропорции (31 × 21 мм), удлиненную верхнюю и равные между собой по длине остальные лопасти. Это объемный крест, так что его средокрестие можно также описать почти как кубическое. Кроме того, верхняя лопасть креста снабжена оковкой из бронзы, к сожалению слишком сильно окисленной и коррозированной, чтобы дать ей более подробное описание. Общая схожесть крестов позволяет предположить у последнего крестика аналогичные пропорции и наличие оковки. Крестик из раскопок 1954 г. более тонкий (рис. 1, *2*), возможно, его поверхность стерлась под воздействием пребывания в грунте. От этого крестика сохранился лишь фрагмент 18 × 20 мм.

Оба перламутровых креста происходят из слоев XII–XIII вв. древней части Застенья (Среднего города).

Крест из раскопа Г.П. Гроздилова у Дома Связи 1954 г. найден в горизонте сооружений XII в. Предмет располагался в слое среди остатков постройки, находящейся к северо-западу от участка уличного замощения, отделенного от дворов частоколом (рис. 2). Квартал, в котором находился двор, в целом может быть охарактеризован как ремесленный. В горизонте построек XII–XIII вв. два комплекса четко определяются как дворы литейщика и сапожника. Г.П. Гроздилов отмечал, что изученные им дворы принадлежали, скорее всего, представителям среднего слоя жителей Пскова. Однако к юго-востоку от постройки, в пределах которой был найден крестик, раскопками 1954 г. был раскрыт крупный по площади двор, судя по составу находок и особенностям застройки принадлежавший очень зажиточной семье (Гроздилов, 1962. С. 72. Рис. 58, *7*).

Перламутровый крестик с бронзовым навершием найден в пределах сруба № 23 двора (в отчетной документации – "северного") (рис. 3), раскрытого раскопом у здания Педагогического института в 1970 г. (Лабутина, 1970. № 4817А. Рис. 8.). Дендродаты южной стены сруба – 1125, 1127, 1128–1130 (Лабутина, 1970. № 4817А. С. 26). Остатки стен несут на себе значительные следы обгорелости, залегают в слое пожара, что открывает причину гибели сруба. Одновременны со срубом по уровню залегания развалы крупных булыжников – возможно, в юго-западном углу сруба находилась печь. Из находок в постройке отметим также круглую спиралеконечную фибулу с круглым сечением – X–середина XIII в., по М.В. Седовой (1981. С. 86. Рис. 31, 1), древнерусскую светлоголубую зонную бусину, датирующуюся, по определению Ю.Л. Щаповой, периодом с XII в. до 1240 г. Общая ориентировка квартала – северо-запад/юго-восток и юго-запад/северо-восток, что прослеживается по направлению частокольных канавок, маркирующих границы двора. С территории двора происходят фрагменты ножей, осколки амфоры – середина X–начало XIV в.,

[1] Схему расположения раскопов в г. Пскове см.: Археологическое ..., 1992.

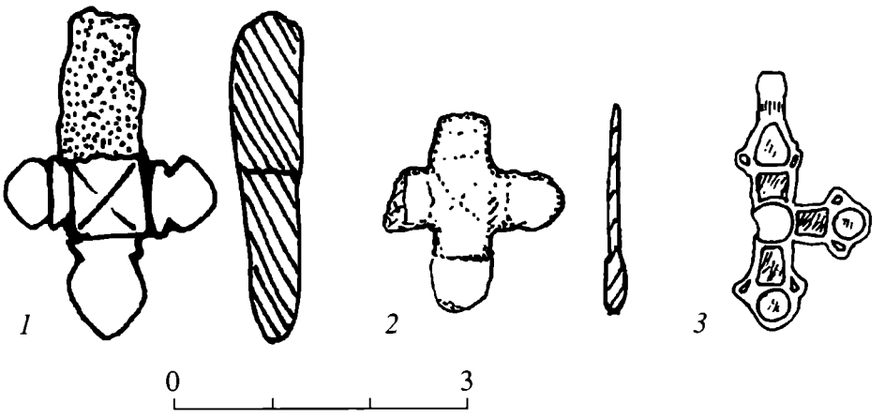


Рис. 1. Предметы импорта: *1* – перламутровый крест с бронзовым навершием (ППИ–70, А–2–16–43); *2* – перламутровый крестик (фрагмент) (ПГОИАХМЗ, колл. 3542 В 17 (у пикета В 18), гл.3, 57); *3* – крест бронзовый с выемчатой эмалью (П–95-КД IX, А–46–13 (–260) пятно 22).

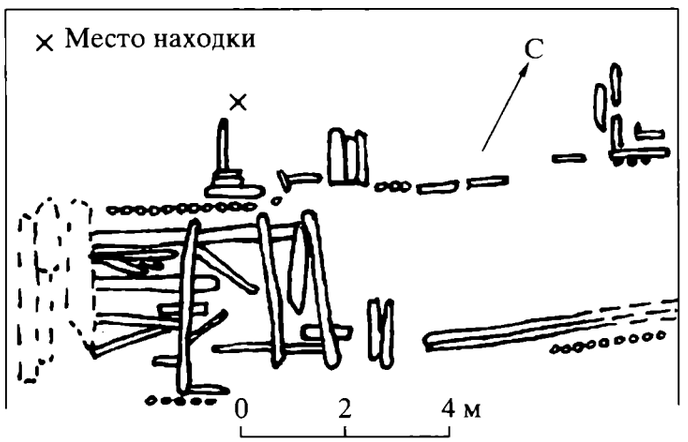


Рис. 2. Место находки перламутрового крестика на раскопе Г.П. Гроздилова 1954 г. у Дома Связи в г. Пскове.

по Б.А. Колчину (Колчин, 1982. С. 174. Рис. 9), тиглей, овальное заостренное кресало 1130–1340 гг., по Б.А. Колчину (Колчин, 1982. С. 163. Рис. 4), цилиндрический замок и ключ типа В – 1160–1420 гг., по Б.А. Колчину (Колчин, 1982. С. 162. Рис. 3). В целом комплекс и, следовательно, перламутровый крестик можно датировать 60-ми годами XII в.–30-ми годами XIII в. Что касается социальной и профессиональной принадлежности хозяев двора, можно предположить их связь с литейным делом, а также торговлей.

Ряд перламутровых крестов происходит с других территорий Древней Руси. Схожие с псковскими крестики (размерами 20 × 15 мм с квадратным средокрестием и округлыми завершениями лопастей) происходят из Новгорода с Троицкого раскопа из усадеб 1155–1184 гг., 80-х годов XIII в.–40-х годов XIV в., конца XIII–начала XIV в. и с Ильинского раскопа из слоя 1230–1260 гг. (Мусин, 2002. С. 78–79; Полубояринова, 1994. С. 75–82), с городища Звенигород на одном из притоков Днестра из слоя домонгольского времени (Русанова, Тимощук, 1993. Рис. 33, *5*).

Также маленький крестик и обломки перламутра найдены в кладе домонгольского времени на городище Девичья гора близ села Сахновка Киевской губернии (Корзухина, 1954. С. 131), восьмиконечный крестик найден в Изяславле, четырехконечный – в Смоленске, крестик XII в. из морской раковины с изображением Голгофского креста – в селе Автуничи Черниговской области (Готун, Моця, 1993. С. 69), равноконечный, слегка выгнутый крестик, вероятно XI–XII вв., с ушком и сквозным отверстием найден в 2000 г. в Старой Рязани близ Борисоглебской церкви (Беляев, 2003. С. 492. Илл. 3).

Интересен крест из Суздаля XIV–XV вв., по форме и размерам (21 × 10 мм) напоминающий псковские перламутровые тельники, но изготовленный из янтаря. Возможно, это результат позднего подражания местных ювелиров раннему привозному образцу с использованием доступного материала (Энколпионы..., http://www.museum.vladimir.ru).

А.Е. Мусин полагает, что перламутровые кресты можно связать с паломнической традицией. Преимущественное время распространения реликвий из перламутра на Руси хорошо согласуется с письменными свидетельствами о возрастании числа хождений в Святую Землю со второй пол. XII в. Как отмечает исследователь, кресты и иконки из перламутра и в наши дни привозят из Святой Земли и с Афона (Мусин, 1999. С. 92–110; Мусин, 2002. С. 78). В XIV в. возникает еще один центр резьбы по перламутру – при Болгарской Патриархии в Великом Тырнове, что иногда связывается исследователями с распространяющимся с Афона иноческим учением исихастов, в котором перламутр мог иметь значение символа нетварного фаворского света (Федотов, 1991. С. 112, 118; Мусин, 2002. С. 78).

Как следует из стратиграфических дат псковских перламутровых крестиков, они были созданы и перемещены на территорию Руси в тот период,

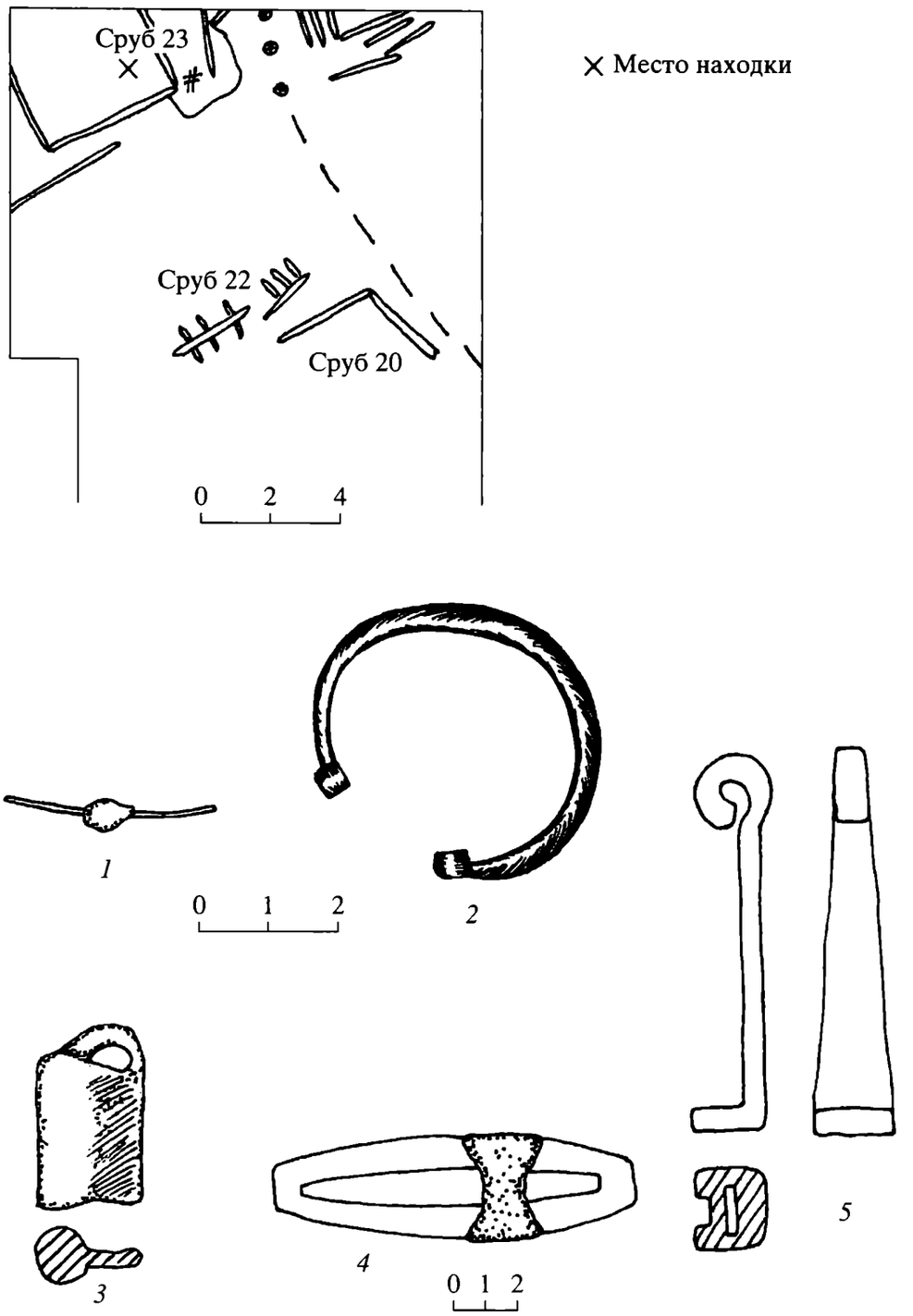


Рис. 3. Место находки перламутрового крестика на раскопе у Пединститута 1970 г. в Пскове и сопутствующие находки на территории двора: 1- височное кольцо с остатками бусины; 2 – фибула подковообразная спиралеконечная (X–сер. XIII вв. по М.В. Седовой); 3 – замок цилиндрический; 4 – кресало (1130–1340 гг. по Б.А. Колчину); 5 – ключ (1160–1420 гг. по Б.А. Колчину).

когда единственным источником поступления таких древностей могли быть Афон и Святая земля.

Паломнические связи Руси в более поздние времена хорошо иллюстрируются путешествиями преподобного Сергия Обнорского (ум. 1412) на Афон, Нила Сорского (1433–1508) на Афон и в Палестину, преподобного Саввы Крыпецкого (ум. 1495), постриженника афонского, основателя обители в Крыпецкой пустыни под Псковом, преподобного Арсения Коневского из Новгорода Великого (ум. 1447), основателя обители на острове Коневец в Ладожском озере, привезшего с Афона икону Божией Матери, названную "Коневской", и других (Федотов, 1991. С. 127).

На нашем материале невозможно определить конкретный маршрут паломнических путешествий, благодаря которым крестики из перламутра попали в Псков. С равной вероятностью это мо-

жет быть путь по Волхову и Днепру до Черного моря, затем через проливы до Эгейского моря на Афон или же путь на Афон вокруг Европы через Гибралтар. Те же маршруты позволяли попасть в Палестину.

Крестик с эмалью

Крестик с эмалью равноконечный, литой из бронзы (рис. 1, *3*) происходит с Козмодемьянского IX раскопа 1995 г. на Запсковье. В средокрестии и окончаниях нижних лопастей – круглые углубления, заполненные желтой эмалью. Углубление в окончании верхней лопасти – подтреугольное. Свободное пространство на лопастях креста занимают прямоугольные углубления с пурпурной эмалью. По бокам на концах лопастей – парные "ушки" с белой эмалью. Эмаль чистого яркого цвета, по тону резко отличается от киевских образцов, хранящихся в ГИМе.

Крестик происходит из ямы с печью-каменкой близ деревянных бревенчатых конструкций пятна. По краю печи фиксируются остатки деревянного настила. В центре раскопа в направлении запад–восток на уровне 12-го пласта открыты остатки сооружения плохой сохранности, напоминающие настил, в центре которого находилось не интерпретированное сооружение в виде круга из согнутой доски. Здесь же зафиксировано мощное пятно белого речного песка с незначительными включениями белой глины. Из этого слоя происходит рассматриваемый крестик с эмалью, зеленая пастовая кольцевидная бусина, пряслице из розового шифера. По глубине залегания крестик тяготеет к деревянным сооружениям XI в. (Ершова, 1995. С. 21–22, 68).

Аналогии кресту – это бронзовые крестики сходных пропорций, но декорированные только желтой эмалью из слоев XII в. в деревне Пировы Городища – летописном Ярополче Залесском (Энколпионы..., http://www.museum.vladimir.ru), из Киева (экземпляр датируется XIII в.) (Ханенко Б.Н., Ханенко В.И., 1899. Табл. XII, *243*, XXI, *241*).

Крестики такого типа датируются Н.Г. Недошивиной на территории Руси XI–XII вв. (Николаева, Недошивина, 1997. С. 166–178, 349. Табл. 103, *30*). Данный тип является распространенным на Руси, известен в Московской, Рязанской, Смоленской, Новгородской областях.[2]

Т.Е. Ершова, автор раскопок, предполагает, что крест был изготовлен не в Киевских эмальерных мастерских, а в мастерской, располагавшейся на р. Даугаве (Ершова, Салмина, 1996. С. 119). О существовании второго после Киева центра производства крестов с эмалью в Восточной Латвии пишет Э. С. Мугуревич (Мугуревич, 1965. С. 63). О мастерской в низовьях Даугавы упоминает и М.В. Седова (Седова, 1981. С. 52).

Вывод о прибалтийском происхождении креста позволяет сделать близость аналогичных крестов из Даугмале в Земгале. В XI–XII вв. это был заметный ремесленно-торговый центр догородского облика. При раскопках Даугмале обнаружены многочисленные вещевые находки, в том числе арабские дирхемы, византийские и западноевропейские монеты, скандинавские фибулы, дамаскированное оружие, стеклянные бусы, бронзовые крестики, шиферные пряслица. Находки свидетельствуют о широких торговых связях поселения (Седов, 1995. С. 177, 178).

О существовании устойчивого сухопутного пути от Даугавы к Пскову в конце XII–начале XIII в. свидетельствует упоминание в Хронике Генриха Латвийского (Книга третья. Девятый год епископства Альберта): "В то же время священник Алебранд с некоторыми другими послан был в Унгавнию вернуть купеческое добро, отнятое давно уже, еще до постройки Риги <в 1201 г.>. Купцы ехали в санях от Двины по направлению ко Пскову (Plicecowe), и жители Унгавнии, по совету ливов, ограбили их по дороге, а добра было много – на девятьсот марок и больше. Жители Унгавнии и добра не вернули, и о возвращении его в будущем не дали точного ответа." Путешествие Алебранда произошло в 1207 г. (Генрих Латвийский, 1938. С. 113).

Таким образом, предметы личного благочестия дают сведения не только о торговых, но и о религиозных, паломнических связях Пскова с другими государствами. Некоторые другие категории предметов личного благочестия также указывают на международные связи Пскова.

Янтарные кресты

Кресты из янтаря в г. Пскове – не импортные, а местного производства. Об этом красноречиво свидетельствуют находки отходов производства на усадьбах, открытых раскопками на ул. Ленина. Импортным было сырье – сам янтарь. Псков, вероятнее всего, имел общую с Новгородом схему поступления янтарного сырья. Е.А. Рыбина, рассматривая статьи новгородского импорта, пишет о ввозе янтаря в Новгород из Приднепровья в X–начале XIII в. Монгольское нашествие делает невозможным поступление в Новгород киевского янтаря. В XIII в. происходит смена источника сырья, и янтарь начинает ввозиться из Прибалтики. Заметное сокращение в поступлении янтаря в XIII в. в Новгород объясняется тем, что сложности в политических отношениях Новгорода с немецкими рыцарскими орденами в Прибалтике не давали

[2] Пользуясь случаем, хочу высказать глубокую благодарность Наталье Германовне Недошивиной за консультации и разрешение пользоваться неопубликованным каталогом металлических крестов-тельников Древней Руси.

возможности новгородскому рынку до последней трети XIII в. переключиться на новый источник сырья (Рыбина, 1978. С. 60; 2001. С. 71–77, 240). В Пскове подобный перерыв в поступлении янтаря археологически не фиксируется, что может свидетельствовать только о различии политической линии Пскова и Новгорода во взаимоотношениях с Прибалтикой или о сохранении торговых отношений даже в период внешнеполитических трений. Размещение находок по хронологической шкале (рис. 4) свидетельствует о постепенном возрастании количества янтарных крестиков в культурном слое Пскова на временном отрезке с XII по XIV в. и резком падении их количества в XV–XVIII вв.

Янтарные кресты в Пскове стоят на втором месте по массовости среди нательных крестов. Найдено 39 экземпляров в слоях XII–XVIII вв. Псковские янтарные тельники не отличаются большим разнообразием форм. Выделяется восемь основных типов. При изготовлении крестика мастер обычно следовал той форме, которая диктовалась ему формой исходного куска янтаря. Эту особенность, а также лаконичность форм псковских крестиков и бытование их вплоть до XVIII в. можно отнести к псковской специфике.

В основу классификации псковских крестиков была положена схема типологического анализа, предложенная М.Д. Полубояриновой (1994. С. 81), и усовершенствованная впоследствии Р.Г. Шаповаловым (2000. С. 156, 157). Р.Г. Шаповалов отметил, что для части новгородской коллекции признак поперечного сечения крестика, использованный М.Д. Полубояриновой как первичный, является менее значительным, чем признак завершения лопастей (Шаповалов, 2000. С. 150, 151). Это характерно и для псковских янтарных тельников, для которых более принципиальным выступает признак общих пропорций крестика (равноконечный или вытянутый). В основном все псковские крестики в сечении прямоугольные или трапециевидные (т.е. плоские), единичны находки вещей с бочонковидным или плосковыпуклым сечением, другое же сечение вызвано использованием заготовок нестандартной формы, возможно отходов ремесла. Типология нательных крестов из янтаря выстраивается следующим образом:

Янтарные кресты	Кресты оригинальной формы	Равноконечные	Прямоугольноконечные	Плоские в сечении
				Плосковыпуклые
			Закругленноконечные	Плосковыпуклые
				С круглыми в сечении лопастями
			Трапециевидноконечные плоские в сечении	
		Вытянутых пропорций	Прямоугольноконечные плоские или трапециевидные в сечении	
			Прямоугольноконечные с изображением голгофского креста (иногда с надписями)	Плоские в сечении
				Бочонковидные в сечении
			Трапецевидноконечные	Плоские или трапециевидные в сечении
			Кресты с ромбиконечной нижней лопастью	Трапециевидные в сечении
	Кресты формы, продиктованной материалом	Различаются лишь по размерам		

Отметим, что резные кресты и иконки из местных пород камня также псковского производства. Камнерезы города вполне обеспечивали потребности псковичей, и обилие крестов-"корсунчиков", характерное для южнорусских земель (Николаева, Недошивина, 1997. С. 173), в Пскове не прослеживается.

Привозные вещи иных категорий: ряд энколпионов и металлических нательных крестов, шиферные крестики, найденные в Пскове, преимущественно имеют, судя по аналогиям, киевское и новгородское происхождение.

Такую самодостаточность христианской общины в области производства предметов личного благочестия может объяснить сравнительно поздний характер христианизации, а также географическое расположение в непосредственной близости от такого центра ювелирного ремесла как

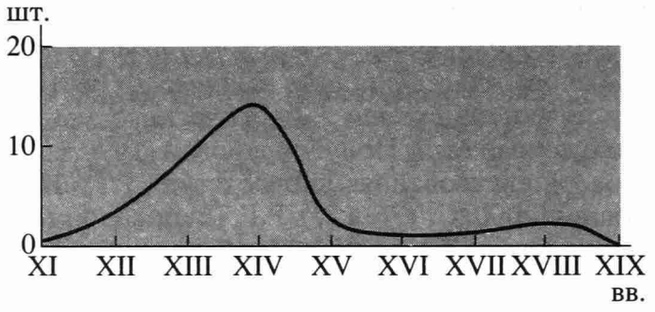


Рис. 4. Хронология янтарных крестов в Пскове.

Новгород. Вследствие этих причин на бытовой материальной культуре христианства в Псковской земле отзвуки корсунских событий сказались слабее, чем новгородская производственная традиция в отношении предметов личного благочести, которая сложилась, раньше чем в Пскове, из-за более ранней христианизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Археологическое изучение Пскова. Вып. 2. Псков, 1992.

Беляев Л.А. Пространство как реликвия: о назначении и символике каменных иконок Гроба Господня // Восточнохристианские реликвии. М., 2003.

Генрих Латвийский. Хроника Ливонии / Введ., перевод и комм. С.А. Аннинского. 2-е изд. М.; Л., 1938.

Готун І.А., Моця О.П. Соціальний аспект в забудові та хронологічні етапи функціювання давньоруського селища Автуничі // Словяни і Русь у науковій спадщині Д.Я. Самоквасова. Матер. історико-археол. семінару, присв. 150-річчю від дня нарождення Д.Я. Самоквасова. Чернігів, 1993.

Гроздилов Г.П. Раскопки древнего Пскова // АСГЭ. 1962. № 4.

Ершова Т.Е. Отчет об раскопках на ул. Герцена в г. Пскове в 1995 г. Псков, 1995. Т. 1. Козмодемьянский IX раскоп // Архив ПГОИАХМЗ НПАО. Д. 55.

Ершова Т.Е., Салмина Е.В. Козмодемьянские IX и X раскопы в г. Пскове // Археология и история Пскова и Псковской земли. 1995: Матер. семинара. Псков, 1996.

Колчин Б.А. Хронология новгородских древностей // Новгородский сборник. М.,1982.

Корзухина Г. Ф. Русские клады IX–XIII вв. М.; Л., 1954.

Лабутина И.К. Отчет о раскопках в Пскове у здания Пединститута в 1970 г. // Архив ИА РАН. Р–1. № 4817, А–В.

Мугуревич Э.С. Восточная Латвия и соседние земли в X–XIII вв. Рига, 1965.

Мусин А.Е. Археология древнерусского паломничества в Святую Землю в XII–XV вв. // Богословские труды. К 150-летию Русской Духовной миссии в Иерусалиме (1847–1997). М., 1999. № 35.

Мусин А.Е. Христианская община средневекового города северной Руси XI–XV вв. по историко-археологическим материалам Новгорода и Пскова: Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2002.

Николаева Т.В., Недошивина Т.В. Предметы христианского культа // Древняя Русь. Быт и культура. М., 1997.

Полубояринова М.Д. Полудрагоценные камни и янтарь в Древнем Новгороде // Новгородские археологические чтения. Новгород, 1994.

Русанова И. П., Тимощук Б.А. Языческие святилища древних славян. М., 1993.

Рыбина Е.А. Археологические очерки истории новгородской торговли. М., 1978.

Рыбина Е.А. Торговля средневекового Новгорода. историко-археологические очерки. Новгород, 2001.

Седов В.В. Славяне в раннем средневековье. М., 1995.

Седова М.В. Ювелирные изделия Древнего Новгорода (X–XV вв.). М., 1981.

Федотов Г.П. Святые Древней Руси. М., 1991.

Ханенко Б.Н., Ханенко В.И. Древности русские. Кресты и образки. Вып. 1. Киев, 1899.

Шаповалов Р.Г. Классификация и хронология изделий из янтаря Неревского раскопа // Новгород и Новгородская земля. Вып. 14. Новгород, 2000.

Энколпионы и кресты-тельники XI–начала XVI в. из археологических коллекций Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Электронный каталог. http://www.museum.vladimir.ru

Imported objects among Christian antiquites of Pskov

Yu. V. Kolpakova

Summary

In the paper the group of objects of Christian cult are analysed that may be interpreted as imported objects. These are two pearl crosses dating from the 12th–the 13th cc. that may be associated with the Pskovites' holy polgrimage, and one enamel cross, probably originating from a Daugmale workshop. In the article there is also presented a review of amber crosses of local production. They were made of the material imported from the Dnieper region in the 10th–the early 13th cc., while delivery of amber from the Baltic zone started from the late 13th c.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 149–154

ПУБЛИКАЦИИ

ФРАГМЕНТЫ ВИТРАЖНЫХ СТЕКОЛ ИЗ РАСКОПОК ВО ВЛАДИМИРЕ И СУЗДАЛЕ

© 2005 г. А. В. Лядова

Московский государственный университет

Фрагменты витражей встречаются в слоях древнерусских городов редко. Сведения о них в отечественной историографии невелики. По опубликованным данным единичные экземпляры плоского цветного стекла известны из раскопок церкви Иоанна Златоуста в городе Холм, Десятинной церкви в Киеве, Нижней церкви в Гродно, а также в Галиче и Новгороде (Воронин, С. 117–120; Щапова, 1963. С. 143)[1]. Большая коллекция витражей (85 фрагментов) собрана при исследовании Успенского собора Елецкого монастыря в Чернигове: здесь в слое пожара на месте древней алтарной преграды, для украшения которой они, очевидно, и предназначались, были найдены синие, желтые, красные, темно-зеленые фрагменты с растительным и геометрическим декором, выполненным росписью (Холостенко, 1963. С. 36–38).

Общее число витражных стекол, найденных во Владимире и Суздале, составляет 15 фрагментов. Их бóльшая часть происходит из Владимира: девять стекол собрано в "Мономаховом городе" на участке между Рождественским монастырем и Дмитриевским собором на территории княжеского двора при раскопках, проводившихся здесь в 1991 г. под руководством М.Е. Родиной; один экземпляр найден в 1937 г. Н.Н. Ворониным при исследовании белокаменных ворот Владимирского детинца; и один фрагмент обнаружен в 1993 г. на территории "Ветчаного города" экспедицией во главе с Ю.Э. Жарновым[2]. Из Суздаля известно только четыре фрагмента, которые найдены при раскопках северо-западной части Суздальского Кремля.

До недавнего времени фрагменты витражных стекол из-за незначительного числа их находок, известных из домонгольских слоев древнерусских городов, не являлись темой специального исследования, в частности не рассматривалась техника их производства, химический состав стекла, происхождение, а также вопрос о преемственности в Древней Руси традиции искусства витража.

В отечественной историографии были высказаны две точки зрения. На примере исследования фрагментов из Гродно Ю.Л. Щапова выдвинула предположение, что гродненские стекла могли быть отнесены к продукции греческих мастеров, работавших, скорее всего, в Киеве, так как они, с одной стороны, как по форме, так и по цвету значительно отличаются от домонгольского стекла киевского производства, с другой – лишь отчасти напоминают западноевропейские (Щапова, 1972. С. 143). Фрагменты витражей из Владимира и Суздаля рассматривались М.Е. Родиной в связи с изучением внешнеторговых связей Владимиро-Суздальской Руси. Автор, основываясь на результатах химического исследования состава двух стекол, пришла к выводу, что они имеют западноевропейское происхождение, и следовательно, "... искусство витража пришло во Владимиро-Суздальскую Русь, несомненно, из Западной Европы" (Родина, 1991а; 1991б; 1994; 1996. С. 4).

Таким образом, к настоящему времени в историографии нет единого мнения по вопросу о месте и традициях производства витражей в Древней Руси. Вот почему при изучении Владимиро-Суздальского стекла домонгольского периода особый интерес представляют находки витражных стекол, что заставило нас вновь обратиться к изучению как новых, так и уже известных материалов.

Для этой цели был выбран системный подход, суть которого состоит в комплексном исследовании объекта: его морфологии, технологии, химического состава (Щапова, 1989а).

1. Морфология

Исследуемые витражи представляют собой фрагменты геометрической (в виде прямоугольника, треугольника, многоугольника) и фигурной формы (рис. 1). Их толщина колеблется в пределах от 0.1 до 0.4 см. Все экземпляры имеют острые граненые края. Стекло витражей – прозрачное. Цвет – серый, светло-оливковый, зеленый, сине-фиолетовый, светло-желтый. Поверхность

[1] Согласно информации, любезно предоставленной Л.А. Беляевым, в ходе археологических исследований в 2002–2003 гг. фрагменты витражных стекол были также обнаружены в Старой Рязани на Борисоглебской церкви второй пол.–конца XII в. и в Новгороде в слоях конца XII–начала XIII в. Однако эти материалы еще не опубликованы и находятся в обработке, поэтому пока не вошли в данную работу.

[2] Пользуясь случаем, хотелось бы выразить признательность и благодарность М.Е. Родиной и Ю.Э. Жарнову, предоставившим для исследования материалы своих раскопок.

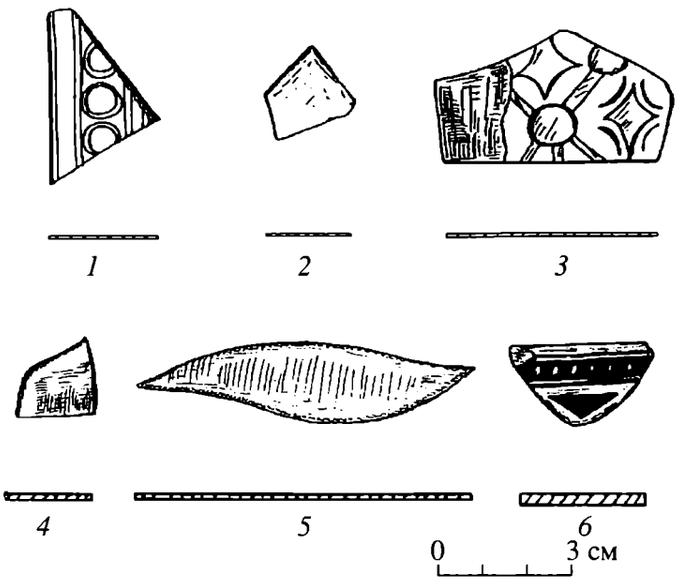


Рис. 1. Фрагменты витражных стекол из Владимира и Суздаля: *1*, *2* – витражи из раскопок территории "Мономахова города" Владимира между Дмитриевским собором и Рождественским монастырем; *3* – витраж из раскопок территории Владимирского Детинца; *4–6* – витражи из Суздальского Кремля.

четырех витражей украшена плоским декором, состоящим из геометрических знаков: линий, окружностей, треугольников, точек и ромбов белого, черного и коричневого цветов (рис.1, *1*, *3*, *6*).

2. Техника изготовления

Из истории стеклоделия известно о двух способах изготовления плоского оконного стекла: путем выдувания и литья (Harden, 1985. P. 11). В римское время и эпоху средневековья использовали технику выдувания. Причем существовали два способа ее применения. Первый заключался в выдувании полой округлой заготовки, которую при помощи вращения раскрывали до тех пор, пока под действием центробежной силы она не принимала форму круга требуемых диаметра и толщины. Это так называемый *crown method*, характерные признаки которого – увеличение толщины плоскости от центра к краям фрагментов, след понтии, располагающаяся по спирали внутренняя структура стекла (Harden, 1985. P. 9). Второй способ носит название *cylinder process*. Он заключается в выдувании цилиндрической заготовки, которую после отделения от стеклодувной трубки разрезали вдоль, подогревали до определенной температуры и выравнивали в лист с помощью железных щипцов или деревянного инструмента. Для получения плоской формы ее также могли раскладывать на железном столе, покрытым песком. Готовые стеклянные листы разрезали с помощью специальных инструментов на куски нужного размера, края которых обрабатывали ретушью.

Изучение техники изготовления владимиро-суздальских витражей показывает, что основа всех фрагментов получена путем выдувания цилиндрической заготовки с последующей обработкой ее прессованием и резанием. Вытянутая форма внутренней структуры стекла, матовая поверхность обратной стороны фрагментов, сравнительно малая толщина плоскости стекол, которую, согласно экспериментальным исследованиям Д.Б. Хардена, невозможно получить с помощью литья в плоские формы, – характерные признаки, свидетельствующие о применении метода *cylinder process* для изготовления рассматриваемых витражей. Острые края указывают на обработку вхолодную (ретушью).

Декор, отмеченный на четырех витражах, выполнен в технике росписи. Роспись витражей осуществлялась после изготовления стекол, а не одновременно при получении основы изделий, в отличие от других категорий стеклянных изделий, как, например, браслетов, украшенных таким же способом.

3. Химический состав

Для исследования химического состава витражных стекол из Владимира и Суздаля в работе были привлечены результаты количественных спектральных анализов четырех фрагментов (таблица)[3]. Для их интерпретации была использована система, разработанная Ю.Л. Щаповой (1977; 1983; 1989а).

По результатам проведенного исследования, стекла, из которых изготовлены рассматриваемые витражи, были отнесены к трем химическим классам: K–Ca–Si; Na–Ca–Si; Na–Ca–Pb–Si, что позволило связать их происхождение с традициями западноевропейской и византийской стеклоделательных школ.

Рассмотрим каждый из изученных фрагментов подробно.

Анализ № 609–39. К продукции средневековых стеклоделов Западной Европы принадлежит витраж из Суздаля. Он изготовлен из стекла состава K–Ca–Si. Как известно, мастера западноевропейской школы в стеклоделии использовали в качестве щелочей древесную золу бука, дуба, шелковицы, а также камыша, ячменя, рогоза, пшеницы, тростника и вереска, в качестве же щелочных земель вводили доломиты или доломитовые извест-

[3] Анализы выполнены в лаборатории спектрального анализа кафедры археологии МГУ под руководством Ю.Л. Щаповой и в лаборатории Археологической технологии при Институте истории материальной культуры РАН А.Н. Егорьковым и В.А. Галибиным (по: Галибин, 1999. С. 188, 189. Ан. № 1984–1986).

Результаты количественных спектральных исследований химического состава витражных стекол из Владимира и Суздаля*

№	Наименование	Номер анализа	Na_2O	K_2O	CaO	MgO	Al_2O_3	Fe_2O_3	MnO	Sb_2O_5	PbO	CuO	CoO	SnO_2	SiO_2
1	Витраж оливкового цвета с росписью (Владимир, Детинец, № 975, раскопки 1937 г. Н. Воронина)	1220	4	2	10	6	–	1.2	1.2	–	0.9	0	–	–	осн.
2	Витраж желтого цвета (Владимир, "Мономахов город", № 28, раскопки 1993 г. М.Е. Родиной)	1218	2.2	–	3	0.9	0.35	0.7	0.3	0.04	55	2.2	–	0.03	осн.
3	Витраж зеленого цвета с росписью (Владимир, "Мономахов город", № 17, раскопки 1993 г. М.Е. Родиной)	1219	1.7	–	4	1.5	2.1	0.8	0.35	0.18	42	4	–	–	осн.
4	Витраж (Суздаль, Кремль, № 219, раскопки 1983 г.)	609–39	1.9	4	30	5.9	3	0.26	3.2	–	–	0.01	–	–	осн.

* Анализы № 1–3 выполнены В.А. Галибиным (по: Галибин, 1999. С. 188, 189. Ан. № 1976–1986); ан. № 4 выполнен Ю.Л. Щаповой.

няки. Стекло рассматриваемого фрагмента сварено на буковой золе. Согласно исследованиям М.А. Безбородова, ее применяли без переработки на поташ, что объясняет наличие в исследованном образце большей доли окиси кальция (Безбородов, 1969. С. 53). Расчет относительного содержания окиси магния показал, что в качестве щелочных земель использовались доломиты (Stawiarska, 1984). При графическом представлении результатов химического исследования стекло витража располагается на корреляционном поле в пределах кривой, описывающей традиции западноевропейского стеклоделия (рис. 2, *2*).

Анализ № 1220. Стекло фрагмента, обнаруженного при раскопках белокаменных ворот Владимирского детинца, сварено в традициях византийской школы и принадлежит классу Na–Ca–Si. В данном случае в качестве щелочей использовалась зола многолетних пустынных растений *Salicornia Herbacea*, а в качестве щелочных земель – доломиты. Также установлено применение обесцвечивателя – окиси марганца. На корреляционном поле стекло образца располагается на продолжении кривой, описывающей традиции античного и провинциально-римского стеклоделия, что позволило, учитывая дату находки (домонгольский период), сделать вывод о ее принадлежности к кругу изделий византийского стеклоделия (рис. 2, *1*).

Анализы № 1218, 1219. Стекла двух фрагментов с территории княжеского двора Владимирского детинца были отнесены к классу Na–Ca–Pb–Si. Такое стекло не является характерным ни для западноевропейской, ни для византийской стеклоделательных школ. В отечественной историографии существует мнение, что производство изделий из стекла подобного состава осуществлялось в мастерских Западной Европы из средиземноморских полуфабрикатов, изготовлением которых, вероятно, занимались венецианские стеклоделы (Столярова, 1997. С. 99). Однако такая продукция получает распространение лишь со второй пол. XIII в. Рассматриваемые же витражи относятся к домонгольскому периоду. М.Е. Родина предположила, что они могли попасть сюда из Западной Руси, "... например, из Галича, где известны находки витражей в богатом доме XII в." (Родина, 1996. С. 5). Однако возникает вопрос: откуда они были привезены в Галич, если состав стекла, из которого они изготовлены, не характерен для продукции западноевропейского стеклоделательного центра? Происхождение рассматриваемых витражей не может быть связано и со стеклоделием Древней Руси, несмотря на большое содержание в их составе окиси свинца, которая установлена как отличительный признак изделий древнерусского производства. Причина – в особенности исполнения их декора: техника росписи, следы которой отмечены на фрагменте зеленого цвета, киевскими стеклоделами не использовалась как прием для украшения стеклянных изделий.

Выяснение происхождения этих витражей требует обращения к фактам из истории стеклоделия. В этой связи особый интерес представляют материалы из стеклоделательной мастерской, обнаруженной при раскопках крепости Мелник X–XII вв. на юго-западе Болгарии, где располагался византийский гарнизон (Щапова, 1998. С. 86). Как было установлено по результатам количественных спектральных анализов, найденные здесь стекла по составу относятся к редкому в Европе классу K–Ca–Pb–Si, который получали путем прибавления окиси свинца к обычному стеклу, в данном

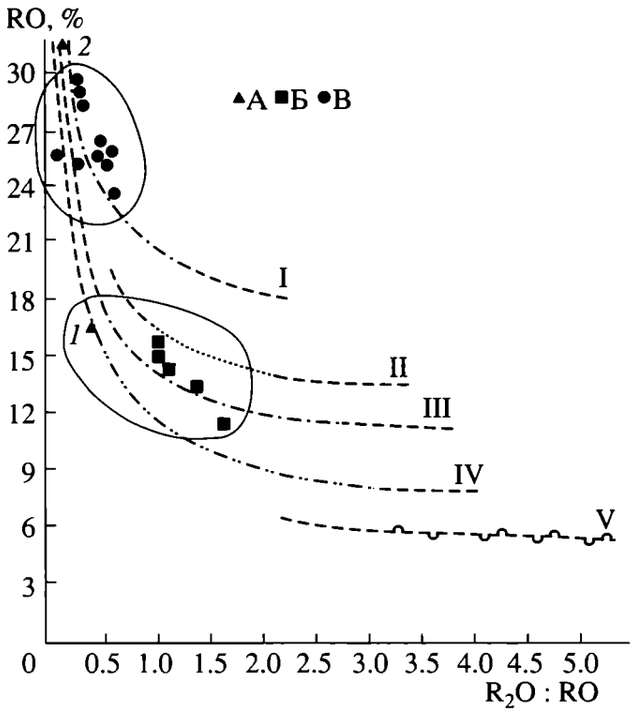


Рис. 2. Химический состав стекла витражей: *1* – стекло витража из Владимирского Детинца; *2* - стекло витража из Суздальского Кремля; I – средневековые западноевропейские стекла; II – древнеегипетские стекла и стекла средневекового Египта; III – древнее стекло Месопотамии, древнее и средневековое ближневосточное стекло; IV – провинциально-римские традиции стекловарения; V – финикийские и египетские стекла "двойной шихты"; А – стекла из Владимира и Суздаля; Б – стекла из церкви Kariye Camii в Константинополе (анализы по: Henderson, Mundell Mango, 1995. P. 352); В – стекла XII в. из соборов Англии в York Minster, Canterbury, Carlisle (анализы по: Gillies, Cox, 1988. P. 77).

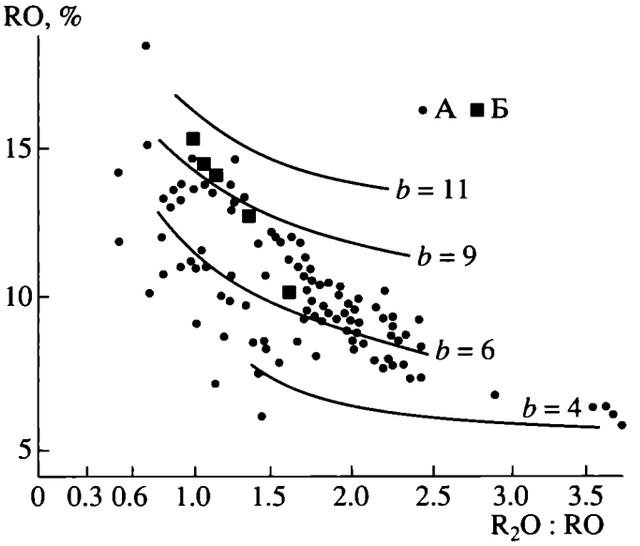


Рис. 3. Химический состав изученных византийских стекол (по: Щапова, 1998. С. 96. Рис. 13) и стекол из церкви Kariye Camii в Константинополе: b = 11 – древнеегипетские стекла и стекла средневекового Египта; b = 9 – древнее стекло Месопотамии, древнее и средневековое ближневосточное стекло; b = 6 – провинциально-римские традиции стекловарения; b = 4 – финикийские и египетские стекла "двойной шихты"; А – состав изученных византийских стекол; Б – состав стекол из церкви Kariye Camii в Константинополе.

случае к стеклу класса K–Ca–Si. Это дало основание считать, что для изделий местного производства использовались полуфабрикаты, содержащие окись свинца. Известно, что их изготовление осуществлялось в специализированных мастерских Ближнего Востока, ориентированных на торговлю с другими регионами. Находки товарных полуфабрикатов известны на значительной территории: в Скандинавии, Голландии, Древней Руси. Это так называемые гладилки. Как показало исследование их состава, они сделаны как из идентичного стекла K–Ca–Pb–Si, так и из стекла класса Na–Ca–Pb–Si (Щапова, 1989б. С. 104). Возможно, что именно полуфабрикаты этого состава использовались в качестве дополнительного сырья для получения стекла рассматриваемых витражей. Добавки окиси свинца делали стекло более пластичным и "длинным", что облегчало его дальнейшую обработку. Допуская подобный вариант, рассматриваемые витражи могли быть изготовлены греческими мастерами, работавшими в Киеве, или, возможно, других древнерусских городах, в том числе и во Владимире. Ведь, как установлено при изучении стекол из мастерской на территории Киево-Печерской Лавры, где, кстати, известны изделия состава Na–Ca–Pb–Si, византийские стеклоделы, приглашенные сюда для украшения Успенского собора, привезли с собой не только высокое мастерство, знания, опыт и умение, но и необходимые сырьевые материалы: фритту, красители (Щапова, 1998. С. 82). Поэтому, исходя из приведенных аналогий, изготовление владимирских витражей из стекла состава Na–Ca–Pb–Si также можно связать с византийской стеклоделательной школой.

Таким образом, на основании полученных результатов проведенного исследования, происхождение фрагментов витражных стекол из Владимира и Суздаля было соотнесено с традициями западноевропейского и византийского центров стеклоделия.

Тот факт, что витражное искусство характерно для Западной Европы периода готики, давно известен, следовательно, понятна и легко объяснима принадлежность суздальских фрагментов к западноевропейскому стеклоделию. О применении же цветного оконного стекла в архитектурной практике Византии стало возможным судить лишь с середины XX в., после открытий 1960-х годов, сделанных А. Мигоу в Константинополе, где в ходе реставрации трех церквей храмового комплекса монастыря Пантократора начала XII в. было обнаружено значительное число фрагментов оконного стекла синего, бесцветного, янтарно-

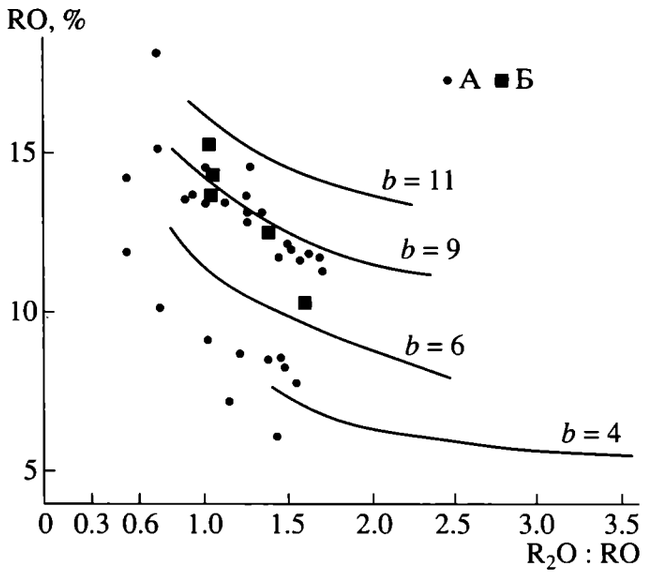


Рис. 4. Химический состав стекол, изготовленных в византийских производственных традициях (по: Щапова, 1998. С. 97. Рис. 15), и стекол из церкви Kariye Camii в Константинополе: b = 11 – древнеегипетские стекла и стекла средневекового Египта; b = 9 – древнее стекло Месопотамии, древнее и средневековое ближневосточное стекло; b = 6 – провинциально-римские традиции стекловарения; b = 4 – финикийские и египетские стекла "двойной шихты"; А – состав стекол, изготовленных в византийских производственных традициях; Б – состав стекол из церкви Kariye Camii в Константинополе.

желтого, изумрудно-зеленого и пурпурного цветов (Megaw, 1963. P. 349). В южной церкви Zeyrek-Camii синие витражи были найдены вместе со свинцовыми рамами характерной Н-образной формы в сечении[4]. Все стекло прекрасной сохранности и качества. Четверть фрагментов декорирована в технике росписи. Исследования химического состава пяти образцов из церкви Kariye Camii показали, что все они изготовлены из стекла класса Na–Ca–Si (сода–известь–песок), сваренного на золе солончаковых растений (щелочи) и доломитах (щелочные земли) и технологически отличного от традиций производства витражей в Западной Европе (Henderson, Mundel Mango, P. 352, 356). Кстати, это наглядно прослеживается при графическом представлении результатов химического исследования стекол из Kariye Camii. Как показано на рис. 2, при сравнении с данными о составе витражей XII в. из церквей Англии в York Minster, Canterbury и кафедрального собора в Carlisle, изготовленных по классическому западноевропейскому рецепту (древесная зола–песок–известь) (Gillies, Cox, 1988. P. 77), на корреляционном поле четко просматриваются две области распределения: одна – в верхней части кривой, описывающей традиции западноевропейского стеклоделия, вдоль которой оказываются сгруппированными стекла из Англии; и другая – в ареале распределения средневековых ближневосточных и провинциально-римских стекол, где располагаются образцы из Kariye Camii (рис. 2). При сопоставлении же результатов химических исследований витражей из Константинополя с данными о составе известных византийских стекол очевидно их соответствие: анализы фрагментов из Kariye Camii оказываются на корреляционном поле в области распределения изученных образцов, стекло которых, как установлено, изготовлено в византийских производственных традициях (рис. 3; 4). Поэтому расположение в одном ареале распределения витражей из Константинополя и Владимира может служить подтверждением правильности полученного вывода о принадлежности последних к византийской стеклоделательной школе.

Итак, в ходе проведенного исследования удалось выяснить, что фрагменты витражных стекол из Владимира и Суздаля связаны со стеклоделием как Византии, так и Западной Европы.

Ответить на вопрос, откуда же пришло искусство витража во Владимиро-Суздальскую Русь, скорее всего возможно будет через обращение к истории производства витражных окон.

[4] Кстати, подобный фрагмент свинцовой Н-образной в сечении рамы известен из раскопок, проводившихся в 1998 г. под руководством В. Глазова на территории Рождественского монастыря во Владимире.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Безбородов М.А. Химия и технология древних и средневековых стекол. Минск, 1969.

Воронин Н.Н. Древнее Гродно // МИА. 1954. № 41.

Галибин В.А. Состав стекла как археологический источник. СПб., 1999.

Родина М.Е. Культурные и внешнеторговые связи городов Владимиро-Суздальской Руси // Проблемы изучения древнерусской культуры (расселение и этнокультурные процессы на Северо-Востоке Руси). М., 1991а.

Родина М.Е. Витражные стекла из раскопок во Владимире и Суздале // Материалы по средневековой археологии Северо-Восточной Руси. М., 1991б.

Родина М.Е. Новые находки предметов восточного и западноевропейского импорта во Владимире // Материалы исследований / Сост. А.А.Тенеткина. Владимир, 1994.

Родина М.Е. Находки витражных стекол во Владимире // Материалы исследования / Сост. А.А. Тенеткина. Владимир, 1996.

Столярова Е.К. Происхождение и хронология стеклянных изделий Москвы XII–XIV вв // РА. 1997. № 4.

Холостенко Н. Древнерусские витражи // Декоративное искусство СССР. 1963. № 8.

Щапова Ю.Л. Стеклянные изделия Древнего Новгорода // МИА. 1963. № 11.

Щапова Ю.Л. Стекло Киевской Руси. М., 1972.

Щапова Ю.Л. О химическом составе древнего стекла // СА. 1977. № 3.

Щапова Ю.Л. Очерки истории древнего стеклоделия. М., 1983.
Щапова Ю.Л. Древнее стекло. Морфология, технология, химический состав. М., 1989а.
Щапова Ю.Л. Некоторые проблемы средневекового стеклоделия в свете новых данных ("гладилка" из Новгорода) // СА. 1989б. № 4.
Щапова Ю.Л. Византийское стекло. Очерки истории. М., 1998.
Harden D.B. New light on Roman and Early Medieval Window Glass // JGS. 1985. V. 27.
Henderson J., Mundell Mango M. Glass at Medieval Constantinople. Preliminary Scientific Evidence // Constantinople and its Hinterland / Eds C. Mango, G. Dargon Belfast, 1995.
Gillies K.J.S., Cox A. Decay of Medieval Stained Glass at York, Canterbury and Carlisle // Glasstechnische Berichte. Marz, 1988. V. 61. № 3.
Megaw A.H.S. Notes on recent work of Byzantine Institut in Instanbul // Dumbarton Oaks Papers. 1963. V. 17.
Stawiarska T. Szkla z okresu wplywow rzymskicj z polnochej Polski. Studium Technologiczne. Ossolineum, 1984.

Tesserae fragments from stained-glass windows excavated in Vladimir and Suzdal

A. V. Lyadova

Summary

Tesserae fragments from stained-glass windows are rare finds in the materials from medieval Russian towns. In Vladimir and Suzdal totally 15 fragments have been registered, 11 of them originate from Vladimir. The results of the samples complex studies are published in the paper. The author considers morphology of the finds, technology of their production, chemical composition (Figs. 1–4). Taking into account the obtained data, the author attributes the tesserae fragments from stained glass windows from Vladimir and Suzdal to West European and Byzantine centres of glass production.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 155–166

ПУБЛИКАЦИИ

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ РУССКИХ ПАМЯТНИКОВ НОВОГО ВРЕМЕНИ В ПРИБАЙКАЛЬЕ, ЗАБАЙКАЛЬЕ И ПРИАМУРЬЕ

© 2005 г. А. Р. Артемьев

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН

Амурская археологическая экспедиция (первоначально отряд) была создана в 1988 г. по инициативе ныне покойного директора Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, академика А.И. Крушанова. Объектом изучения экспедиции должны были стать памятники русских первопроходцев XVII–XVIII вв.

В 1988 г. нами был обследован прибрежный участок Амура в Шимановском р-не Амурской области, напротив предполагаемого месторасположения знаменитого Комарского острога (основан в 1654 г.), служилые люди которого успешно отразили весной 1655 г. осаду превосходящих сил маньчжуров (Дополнения..., 1851. С. 28–30; Русско-китайские отношения..., 1969. С. 206–208). Остатки острога были локализованы на правом китайском берегу Амура (рис. 1, *1*) возле устья р. Комары (р. Хумаэрхэ). На Верхнекумарском утёсе с нашей стороны Амура прямо напротив острога были обнаружены и частично раскопаны маловыразительные остатки даурского городища, содержавшего, помимо собственно даурского слоя, и русский слой середины XVII в. (Артемьев, 1990б; 1999б. С. 95–101). По-видимому, это были остатки одного из многочисленных городков коренного населения верхнего Приамурья – дауров, захваченных и разграбленных отрядом Е.П. Хабарова во время его похода по Амуру в 1651–1653 гг.

В том же году нами были осмотрены остатки Албазинского острога 1665–1689 гг. в с. Албазино Сковородинского р-на Амурской области (рис. 1, *2*), и с 1989 г. этот острог стал основным памятником русских землепроходцев XVII в. изучаемым экспедицией.

В работах отечественных историков Албазин обычно фигурирует в связи с двумя крупными событиями второй пол. XVII в. в Приамурье: приведением Е.П. Хабаровым в русское подданство значительной части населявших Приамурье народов в 1649–1653 гг. и двумя осадами крепости маньчжурами в 1685 и 1686–1687 гг. (Артемьев, 1992а; 1993а; 1994. С. 44; 1995г. С. 55–59; 1998б. С. 55; 1999а; б. С. 101–104; Artemiev, 1992. P. 131, 132).

Впервые Албазин упоминается в источниках в 1650 г., когда отряд Е.П. Хабарова занял на верхнем Амуре покинутый его жителями городок даурского князя Албазы, имя которого впоследствии дало название и острогу. Вопреки мнению ряда отечественных историков, никаких сведений о строительных работах в Албазине при Хабарове не имеется. В действительности, отряд лишь перезимовал. Более того, покидая городок в июне 1651 г., Хабаров приказал сжечь его, после чего он фигурировал в источниках как "городище" (Дополнения..., 1851. С. 260)[1].

Подлинно русский этап в истории Албазина начался в 1665–1666 гг., когда на верхний Амур бежала группа казаков, промышленных людей и крестьян во главе с Н.Р. Черниговским. Эти люди убили на Лене в устье р. Киренги грабившего их и насиловавшего их жен илимского воеводу Л.А. Обухова. В числе пострадавших от произвола воеводы был и служилый илимский человек, ссыльный поляк Н.Р. Черниговский, который возглавил беглецов. Царь Алексей Михайлович заочно приговорил Черниговского с детьми и товарищами (17 человек) к смертной казни, а еще 46 человек к наказанию кнутом и отсечению руки (Дополнения..., 1862. С. 275, 276).

На Амуре бежавшие от наказания люди поставили на Албазинском городище острог, завели пашню и с 1667 г. начали собирать ясак с местного населения, который через Нерчинск отправляли в Москву. Эти действия были по достоинству оценены сибирской администрацией, и по новому указу царя в 1672 г. Черниговский с товарищами были прощены и повёрстаны на службу в Албазинском остроге (Дополнения..., 1862. С. 276).

В 1682 г. Албазин был укреплен новой крепостью. Стены нового острога оградили значительно большую, чем прежде, территорию, обойдя с трех сторон, кроме прибрежной, старый острог. Согласно описи 1684 г., Албазинский острог 1665–1681 гг., органически вошедший в конструкцию нового острога (рис. 2), был в плане прямоугольным и имел размеры 27.7 × 38.4 м. Следы этих укреплений при археологических исследованиях острога не встречены. По-видимому, их остатки смыло рекой, уничтожившей прибрежную часть острога.

[1] Ввиду вышеизложенного мне представляется неверным название недавно вышедшей интересной статьи Т.М. Симбирцевой "Участие корейских отрядов в албазинских войнах 1654 и 1658 гг.: источники и историография" (Симбирцева, 2001), так как Албазина в это время не существовало.

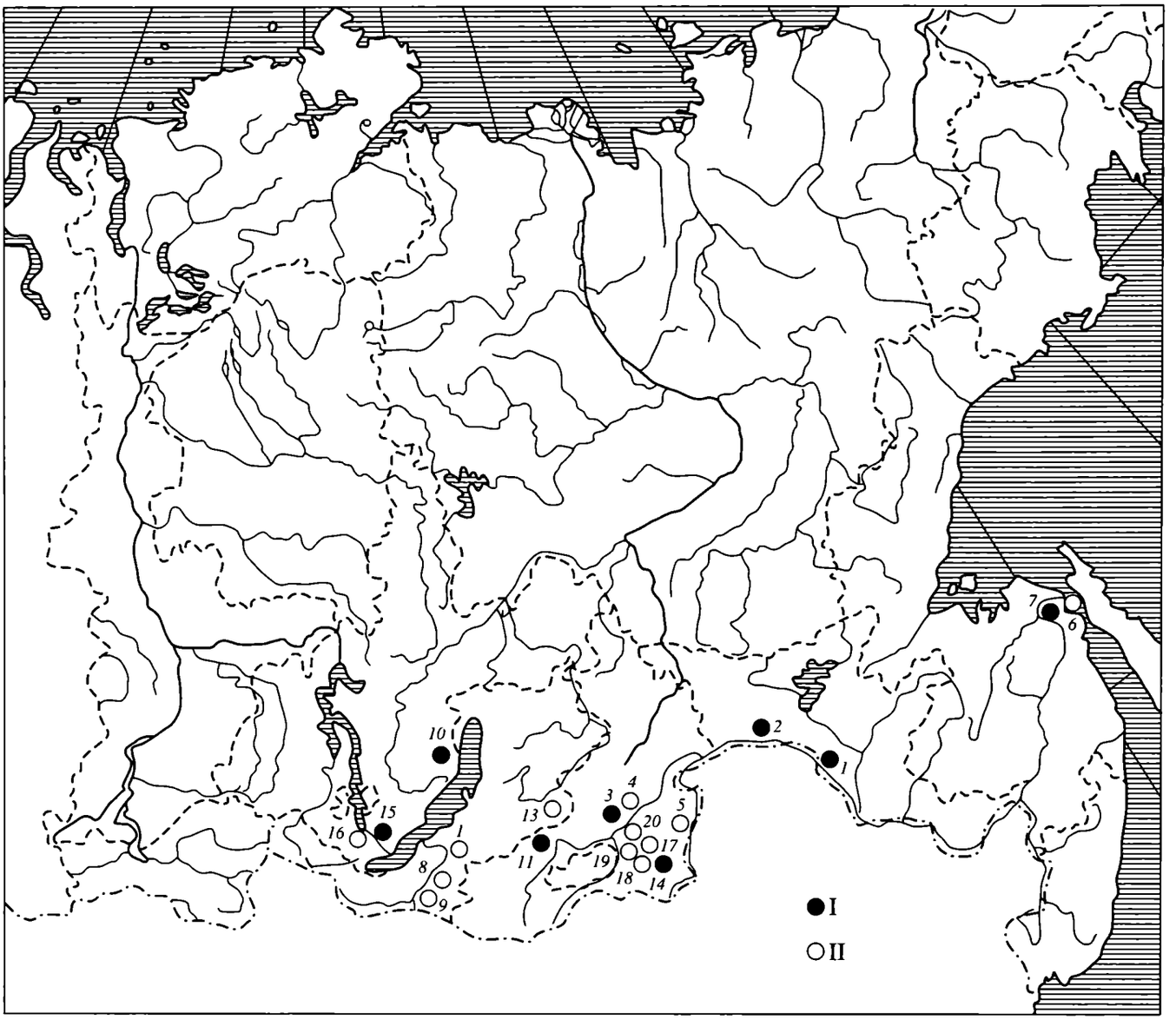


Рис. 1. Карта с исследованными памятниками. I – памятники, где велись стационарные работы; II – разведочные работы. *1* – Верхнекумарское городище; *2* – Албазинский острог; *3* – Нерчинск; *4* – Шилкский острожок; *5* – Аргунский острог; *6* – Селенгинск; *7* – Кяхта; *8* – стойбище на мысе Вассэ; *9* – Тырские храмы; *10* – зимовья в урочище Дивиткан; *11* – Иргенский острог; *12* – Удинский острог; *13* – Телембинский острог; *14* – Иркутск; *15* – Тальцинский стекольный завод; *16* – город хана Есунгу; *17* – Кондуйский городок; *18* – усадьба Олестуй; *19* – усадьба Казачья; *20* – усадьба Широкая.

Ввиду этого наша реконструкция первой Албазинской крепости основана исключительно на данных письменных источников (рис. 2).

12 июня 1685 г. острог был осажден маньчжурским войском численностью около 5000 пеших человек, приплывших на судах, среди которых 1200 были обслугой без оружия, и 1000 конных воинов, прибывших по суше. На вооружении у них было 30 больших пушек и 15 малых, а также около 100 пищалей, захваченных у русских на реках Зее, Селемдже и Амгуни (Дополнения..., 1872. С. 112). Уже в ходе первого штурма острога 16 июня выяснилось, что ядра "проломных" пушек маньчжуров легко пробивают стены и башни острога. Албазинцы, имевшие в своем распоряжении три пушки и около 300 пищалей, потеряли 100 человек из 450. Огненные стрелы маньчжуров сожгли церковь, колокольню, лавки и хлебные амбары, запасы пороха и свинца были на исходе, но острог не сдавался. Тогда маньчжурский воевода Лантань приказал обложить стены крепости хворостом и дровами и поджечь, после чего положение защитников острога стало безвыходным. Ввиду этого воевода А.Л. Толбузин, по просьбе албазинского духовенства, служилых, торговых, промышленных и пашенных людей, был вынужден начать переговоры о капитуляции. По ее условиям оставшиеся в живых албазинцы беспрепятственно ушли, некоторые по р. Урке на Лену, а основная часть в Нерчинск, куда прибыли 10 июля "наги и босы и голодны", питаясь только

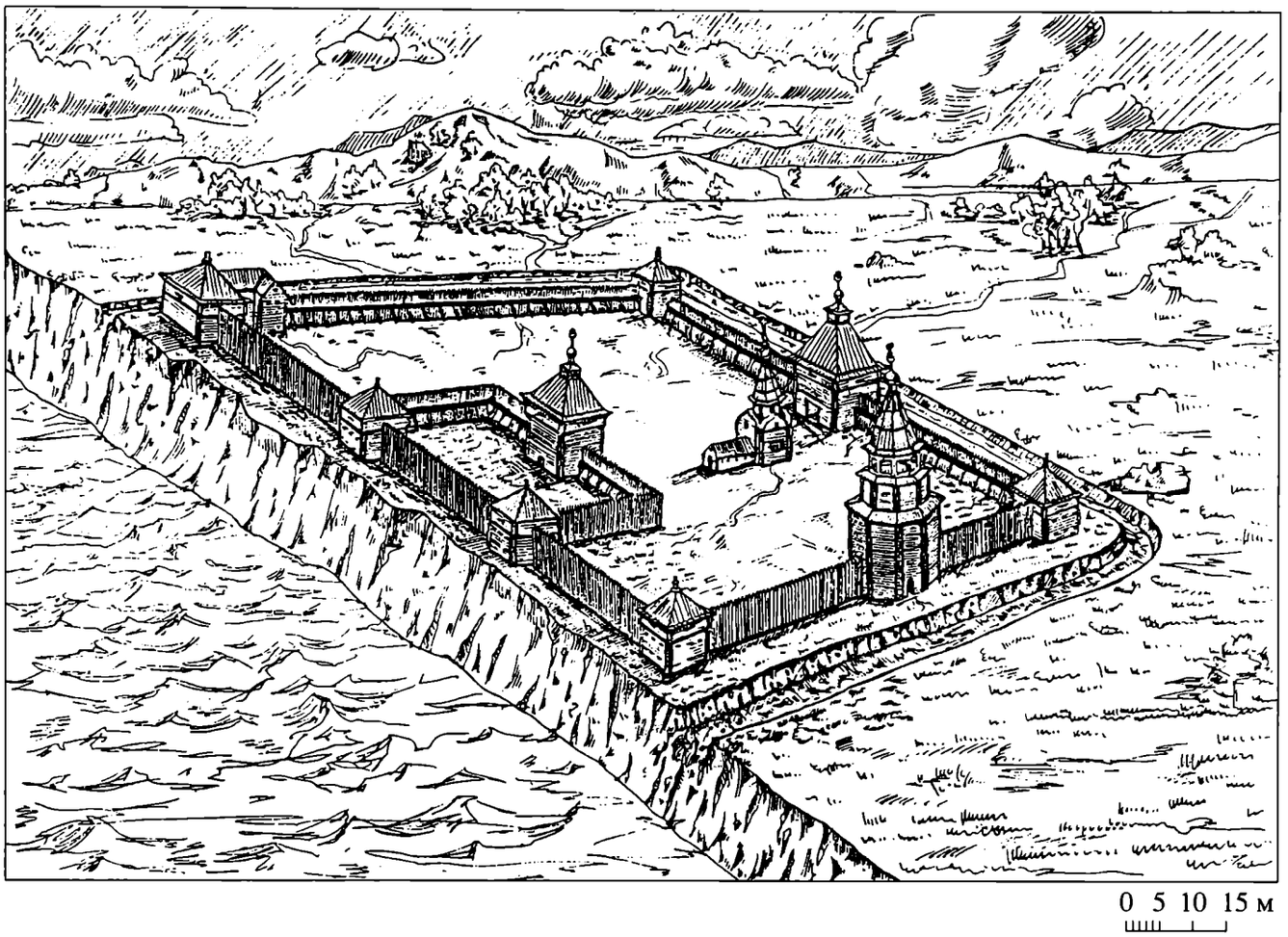


Рис. 2. Албазинский острог 1682–1685 гг. Реконструкция.

травой и корнями, поскольку маньчжуры отобрали у них все съестные припасы, лошадей и скот (Дополнения..., 1872. С. 110, 111; Русско-китайские..., 1972. С. 692).

Осенью того же года русские люди – служилые, промышленные и крестьяне вернулись на албазинское пепелище и возвели под руководством А.Л. Толбузина новый острог, который был в основном закончен к июню 1686 г. Этот острог, в отличие от предыдущего, был дерево-земляным. Благодаря этому и в равной степени героизму своих защитников, к которым добавился собранный по разнорядке по всем сибирским городам шестисотенный полк, он выдержал в 1686–1687 гг. новую тяжелейшую осаду маньчжуров. Согласно условиям русско-китайского Нерчинского договора 1689 г., Албазин был разрушен его защитниками и покинут (Русско-китайские..., 1972. С. 605, 606, 612).

Таким образом, Албазин является единственным в Сибири острогом, возведенным первопроходцами без разрешения царского правительства и имеющим свою яркую военную историю. Его государственный, военный и церковный атрибуты: печать, знамя и чудотворная икона сохранились в отечественных музеях (Артемьев, 1993а. С. 91, 92; 1993г; 1995в; С. 55, 56. Рис. 1; д; 1999б. С. 102, 103. Рис. 54, 73, *1*, *2*).

Албазинское городище расположено на мысу в излучине реки, ограниченным обрывистым берегом р. Амур с запада и неглубоким оврагом с юга. Валы острога, за исключением западного, уничтоженного рекой, хорошо сохранились и вместе с береговой линией образуют фигуру в форме параллелограмма площадью около 0.8 га (рис. 3). Первые масштабные исследования Албазинского острога были предприняты в 1974–1976 и 1979–1980 гг. отрядом Северо-Азиатской комплексной экспедиции Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Основные их итоги опубликованы (Сухих, 1977; 1978; Глинский, Сухих, 1992).

К настоящему времени нами изучены остатки северо-восточной и юго-восточной угловых башен острога, вскрыты значительные участки в западной и северной частях крепости (рис. 3). Общая площадь исследованной нами территории достигла 891 м^2, что в совокупности с примерно 400 м^2, раскопанными в 70-е годы, составляет около 16% от всей площади острога. В ходе работ прослеже-

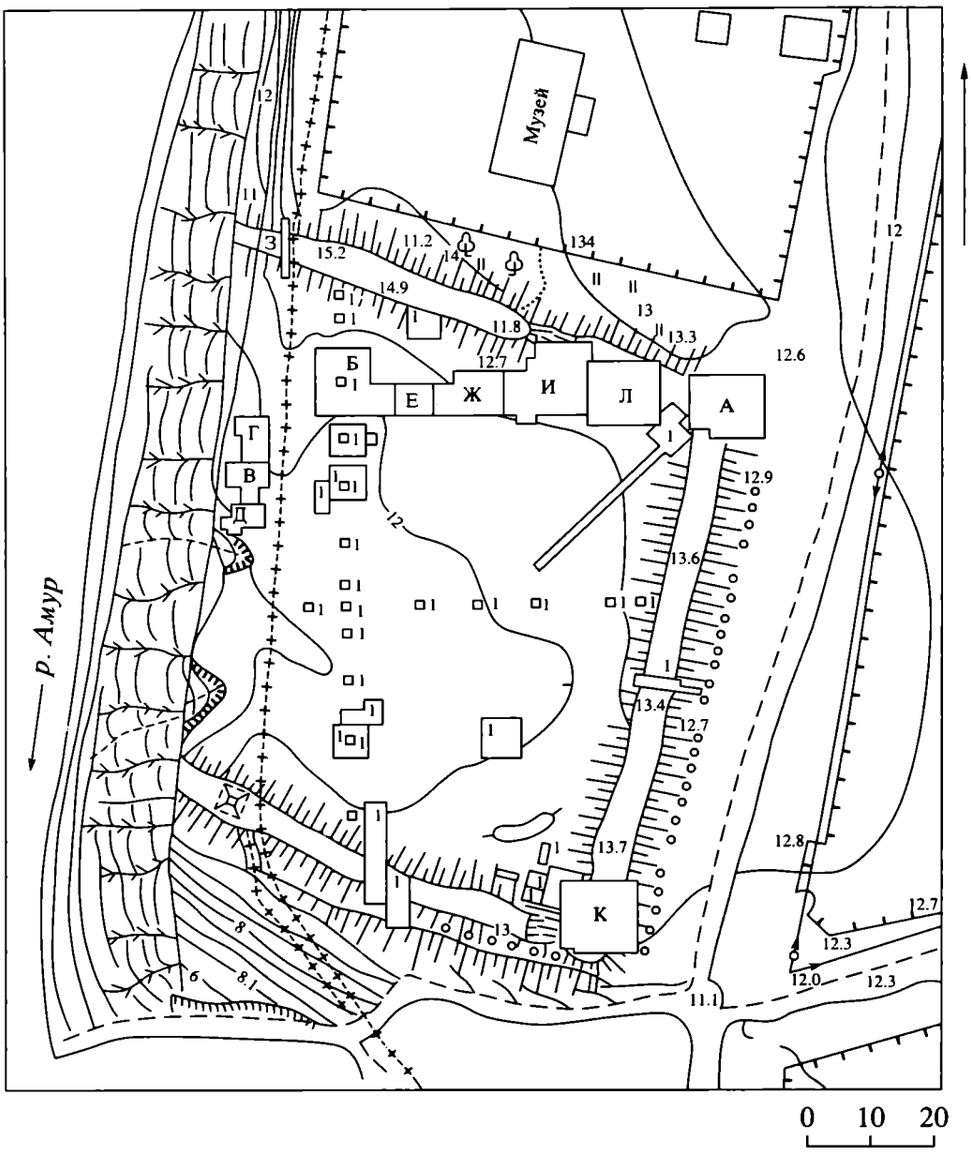


Рис. 3. План Албазинский острога. *1* – раскопы и шурфы 1974–1976, 1979–1980 гг.; А – раскоп 1989–1990 гг.; Б – раскоп 1990–1991 гг.; В – раскоп 1991–1992 гг.; Г – раскоп 1993 г.; Д, Е – раскопы 1994 г.; Ж – раскоп 1996–1998 гг.; З – траншея 1997 г.; И – раскоп 1999–2000 гг.; К – раскоп 2001 г.; Л – раскоп 2002 г.

ны два из трех этапов развития оборонительных сооружений острога (следы первого острога 1665–1681 гг. не сохранились). Наши исследования 1989–1990 гг. (раскоп А), 1997 г. (траншея З) и 2001 г. (раскоп К) убедительно показали, что остатки обугленных стен и башен крепости 1682–1685 гг. хорошо сохранились под земляными валами последних укреплений острога 1686–1689 гг. Достоверно установлено, что в 1682–1685 гг. острог имел тыновые стены, состоящие из вкопанных вплотную друг к другу бревен (тынин), укрепленных с внутренней стороны насыпью обшитой плетнем шириной 0.71 м. (Артемьев, 1992а. С. 11; 1995г. С. 66, 67; 1996г. С. 202. Рис. 12; 1998в. С. 144; 1999б. С. 110, 111. Рис. 60–63). Полученные данные имеют принципиальное значение для понимания причин сдачи острога маньчжурам в июне 1685 г., уже через несколько дней осады. Дело в том, что первый исследователь оборонительных сооружений Албазинского острога, выдающийся историк архитектуры В.И. Кочедамов и повторивший его выводы Н.П. Крадин реконструировали стены острога в виде городен – отдельных срубов, примыкавших друг к другу (Кочедамов, 1970. С. 39; 1978. С. 55, 56; Крадин, 1992а. Рис. 3). К такому же мнению пришли руководители раскопок острога в 70-х годах В.В. Сухих и С.В. Глинский (Глинский, Сухих, 1992. С. 21). Между тем все опубликованные ими чертежи свидетельствуют об ином. Никаких следов срубных конструкций на них нет, а остатки тына отчетливо видны на разрезе южного вала крепости (Глинский, Сухих, 1992. Табл. 1, 2, 3). Причиной заблуждения В.И. Кочедамова, несомненно, явилась терминологическая неточность, допущенная воеводой А.Л. Толбузиным при составлении рос-

писи острога, где он назвал тыновые стены "городнями". Об этом убедительно свидетельствует дальнейший текст росписи, где говорится о сооружении с внутренней стороны стен острога насыпи с плетнем шириною в аршин (0.71 м) и высотою в сажень (2.13 м), а на нем "полатей" (помоста, боевого хода), также шириною в одну сажень с которых открывался доступ к проделанным сквозь стены бойницам. Такие же бойницы были сделаны "под полатями сквозь плетень" (Крадин, 1992б. С. 110). Совершенно очевидно, что делать плетень и помост с внутренней стороны городен не имело никакого смысла, а проделывать бойницы сквозь двойные стены, а затем пользоваться ими было невозможно. В отписке о полном окончании строительства острога приказчика И. Войлошникова конца 1683 г. вообще нет упоминаний городен, зато точно описана отсыпка стен укрепленная плетнем (Христосенко, 1994. С. 25, 26). Тыновые стены Албазина надежно защищали землепроходцев от стрел аборигенов, но противостоять пушечному бою маньчжуров они не могли..

Остатки укреплений Албазина 1686–1689 гг. представлены весьма хорошо сохранившимися валами из прокаленной глины (рис. 3), внутри которых прослежены остатки плетня. Эта последняя крепость была дерево-земляной. Албазинский воевода А.Л. Толбузин (в 1682 г. Албазин стал центром отдельного уезда), принявший острог незадолго до его первой осады, оказался знаком с новейшими достижениями европейской практики строительства крепостей и осенью 1685 г. "зделал земляного города в ширину 4 сажени печатных, а в вышину полторы сажени печатных же" (Дополнения..., 1867. С. 253; Русско-китайские..., 1972. С. 83). Конструкция укреплений, состоявших из земляной насыпи, укрепленной плетнем, называлась на Руси "китай-городом". Это несложное сооружение было чрезвычайно эффективным средством борьбы с разрушающей силой пушечных ядер, которые в нем вязли (Кирпичников, 1979. С. 476). Дерево-земляные укрепления Албазина были усилены "бастеями" (бастионами) – выступающими за линию валов платформами, которые обеспечивали более эффективный фланкирующий огонь орудий, чем пушки на башнях, стоявших в линии таких валов.

Из крупных объектов на территории острога, помимо двух башен 1682–1685 гг., нами раскопаны остатки гранатного погреба 1686–1689 гг. (раскоп Ж). Именно так названа постройка в северной части острога, обозначенная на плане в книге "Северная и Восточная Татария", принадлежащей перу амстердамского бургомистра Н. Витсена. Хорошо известно, что одним из информаторов Витсена был глава русского посольства Ф.А. Головин, подписавший 29 августа 1689 г. Нерчинский мирный договор с маньчжурским Китаем, который в деталях знал топографию Албазина. От погреба, разрушенного перед оставлением острога его защитниками, целиком сохранилась практически только дверь из березовых плах. Однако щипцы для отливки пуль, многочисленные находки ружейных кремней и свинцовых пуль однозначно подтверждают назначение постройки.

Единственная пока жилая постройка была раскопана нами в 1992 г. (раскоп В) у западного края острога (рис. 3). Здесь было обнаружено страшное свидетельство тяжелейшей для албазинцев последней осады города. В полуземлянке размерами 6 × 3.5 м находились останки 57 тел землепроходцев. Как свидетельствуют многочисленные находки пуговиц и фрагменты ткани, все они были положены одетыми. Только один погребенный лежал в гробу. Среди погребенных, судя по размерам черепов, было несколько детей, а по находкам бус (черепа и тазовые кости из-за сохранности не позволяли определить пол) удалось зафиксировать около 10 женщин. По источникам было выяснено, что осенью-зимой 1686–1687 гг., когда в крепости умер священник, руководивший обороной после гибели воеводы А.Л. Толбузина казачий голова А.И. Бейтон запретил хоронить албазинцев без церковного отпевания и велел складывать в опустевшие полуземлянки "поверх земли". Сколько было таких полуземлянок и были ли захоронены все сложенные в них или полуземлянка, найденная нами, является исключением неизвестно. 8 августа 1992 г., по нашей инициативе и по решению Администрации Сковородинского р-на Амурской области, с благословения епископа Хабаровского и Благовещенского Иннокентия (ныне епископ Корсуньский в Париже) останки героически погибших защитников крепости были отпеты и торжественно погребены под звуки воинского салюта на территории Албазинского острога спустя 306 лет после своей физической смерти (Артемьев, 1993в; 1995г. С. 70–73. Рис. 8–11; 1996а; в; 1999б. С. 113, 114. Рис. 73, *4*, *5*; 74–76; 94; 1999в). С тех пор вторая суббота августа является в Албазино днем поминовения его героически павших защитников. В этот день на их могиле с мемориальной часовней, которая стала местом поклонения казачества и многочисленных паломников со всей Сибири, служится торжественная литургия.

Весьма представительная коллекция вещевого материала из раскопок острога состоит из предметов общерусских типов, изготовленных в сибирских городах, а зачастую привезенных из европейской части России (рис. 4, *2*, *3*, *5–10*, 12, *13*, *15*, *18–23*). В незначительном количестве встречены предметы коренного населения Приамурья – дауров и эвенков – наконечники стрел. В научный оборот введена лишь часть коллекции (Артемьев, 1990а; 1992а; 1993в; 1995г; д; 1996в; 1999а; б. С. 111–116. Рис. 72, *3–5*; 73–80; 84–88; 90–96; 101; 2000б. С. 9–12. Рис. 1; Артемьев, Артемьева, 1994; Артемьев, Сем, Сергеев, 1991. С. 49, 50. Рис. 5;

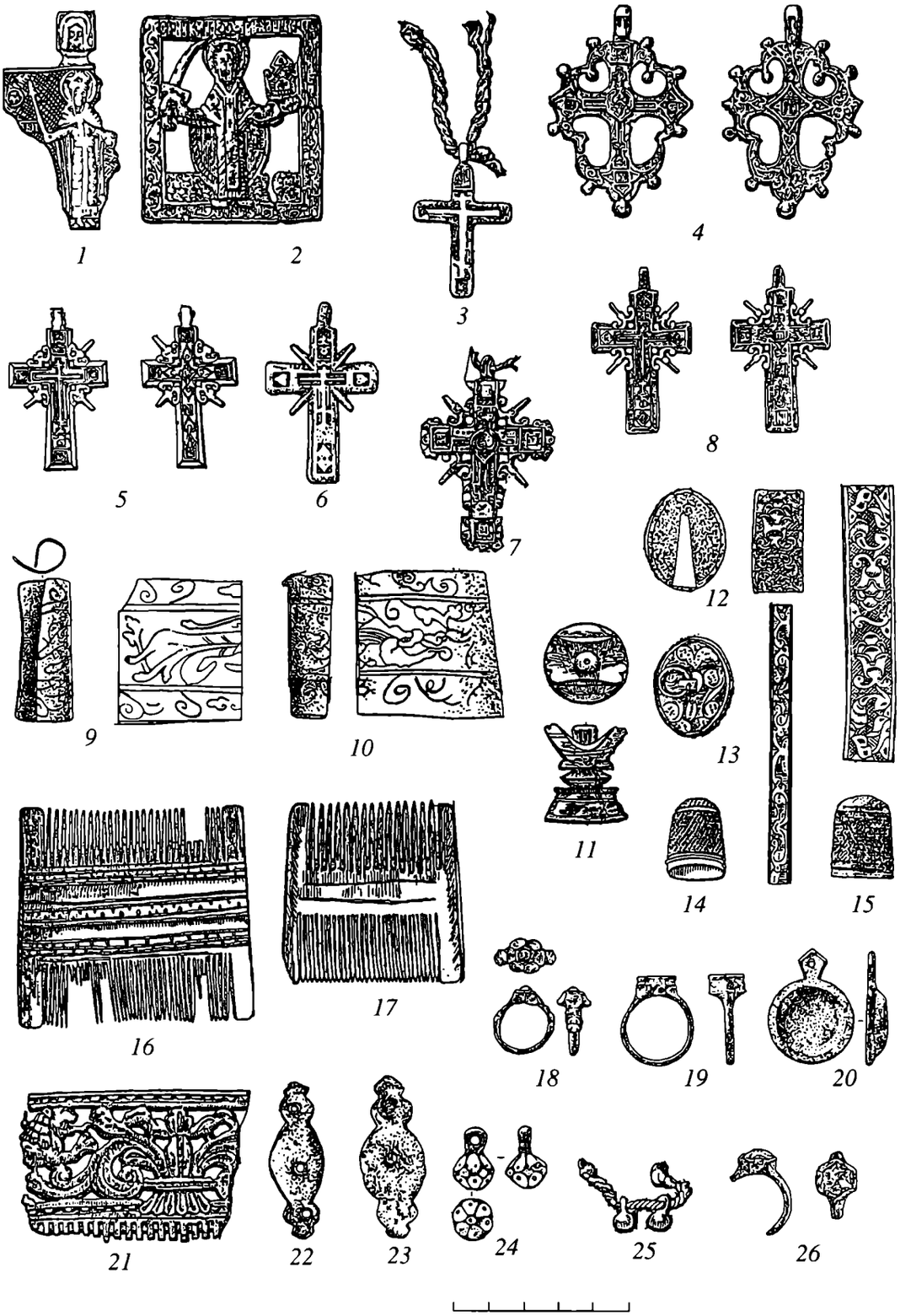


Рис. 4. Находки с памятников русских землепроходцев. *1* – Нижние Халбы (Хабаровский край); *2*, *3*, *5–10*, *12*, *13*, *15*, *18–23*, *25*, *26* – Албазинский острог; *4*, *11*, *16*, *17*, *21*, *24* – Нерчинск; *14* – Иргенский острог; *1*, *2* – нательные иконки; *3–8* – нательные крестики; *9*, *10* – игольники; *11* – шахматная ладья; *12*, *13* – верхняя и нижняя окантовки рукояти ножа; *14*, *15* – наперстки; *16*. *17*, *21* – гребни; *18*, *19*, *26* – перстни; *20* – зеркальце; *22*, *23* – накладки; *24*, *25* – пуговицы; *1*, *2*, *5*, *6*, *9*, *10*, *12–15*, *22*, *23* – бронза; *3* – серебро, золото, веревка; *4* – медь, серебрение; *7* – бронза, эмаль, веревка; *8* – серебро, золочение; *11*, *16*, *17* – рог; *18* – серебро, стекло; *19*, *26* – бронза, хрусталь; *20* – бронза, амальгама; медь, эмаль; *25* – бронза, веревка.

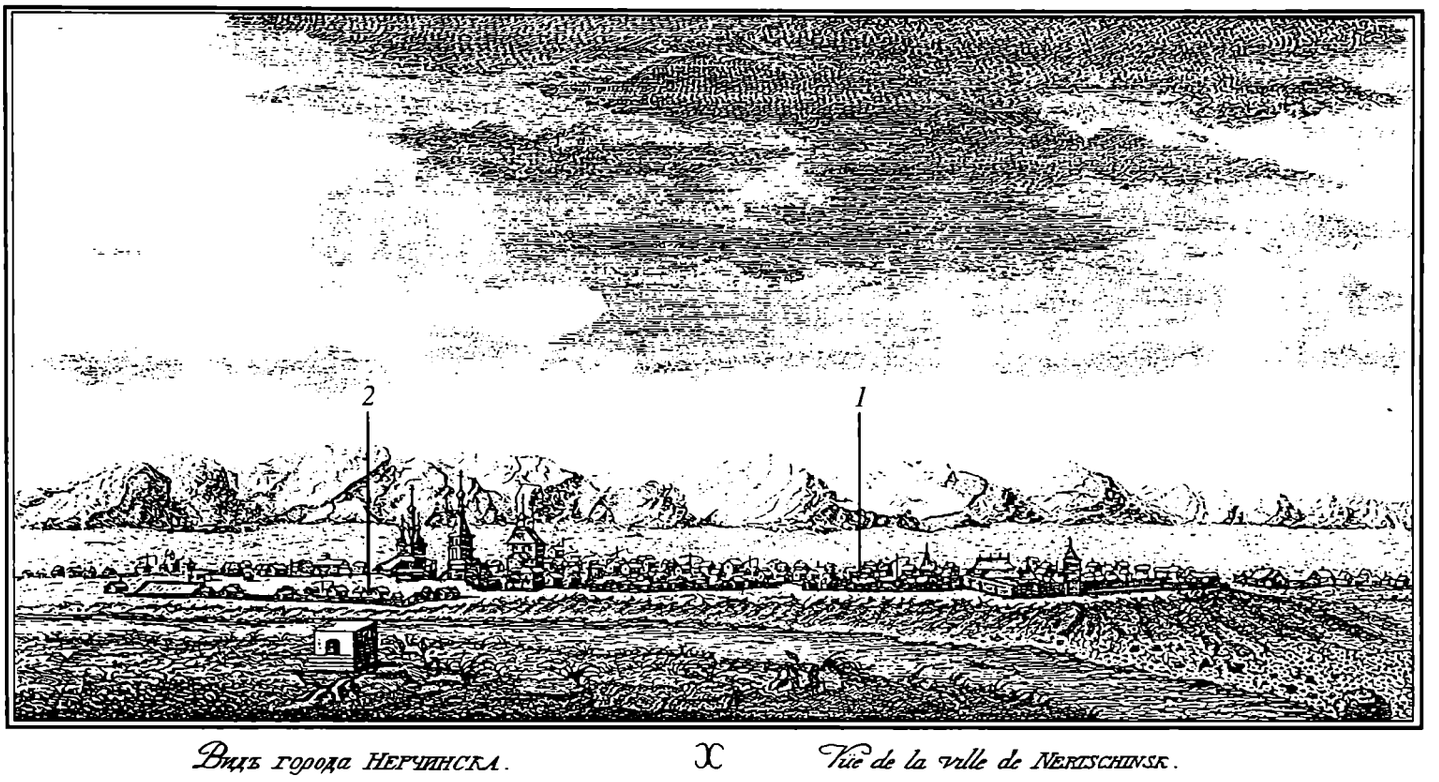


Рис. 5. Нерчинск. 1753 г. Гравюра И.Е. Гриммеля (РГАДА. Ф. 192. № 131). *1* – месторасположение раскопов А и В вблизи северной стены крепости; *2* – месторасположение раскопов Б и Г северо-западнее ц. Воскресения.

Артемьева, 1995; Аюшин, 1998; Кудрин, 1995). Публикация всего накопленного материала – дело ближайшего будущего.

Из других памятников, основанных землепроходцами в XVII в., нами были обследованы: месторасположение Шилкского острожка (основан в 1653 г.) и Нерчинского острога (основан в 1658 г.) вблизи г. Нерчинска в Читинской области (рис. 1, *3*, *4*) и местонахождение Аргунского острога (основан в 1681 г.) в Нерчинскозаводском р-не Читинской области в 1990 г. (рис. 1, *5*); месторасположение Селенгинского острога (основан в 1665 г.) в Селенгинском р-не (рис. 1, *6*) и Кяхтинской слободы в Кяхтинском р-не республики Бурятия в 1991 г. (рис. 1, *7*). В том же году нами была предпринята попытка найти остатки Косогорского острога, где отряд О. Степанова зимовал в 1656–1657 гг. Однако на мысе Вассэ (Николаевский р-н Хабаровского края) в лимане Амура (рис. 1, *8*) нами были обнаружены только остатки стойбища гиляков (нивхи). Причины неоднократного обнаружения там типично русских вещей объясняются, по-видимому, тем, что, по данным письменных источников, нивхи уничтожили в 50-е годы XVII в. в низовьях Амура не один русский отряд. Тогда же в 1991 г. нами впервые было обследовано местонахождение остатков одного из буддийских храмов начала XV в. в с. Тыр Ульчского р-на Хабаровского края (рис. 1, *9*).

В 1991–1992 гг. экспедицией велись стационарные исследования Нерчинского острога (рис. 1, *4*). Предшественник Нерчинска Шилкский острожёк был поставлен на правом берегу р. Шилка невдалеке от впадения в нее р. Нерча, в конце 1653–начале 1654 г. В конце 1656 г. местные тунгусы сожгли его, а летом 1658 г. новый большой острог был возведен в 5 км от старого на р. Нерча. Его построили служилые люди под руководством А.Ф. Пашкова, назначенного указом от 20 июня 1654 г. воеводой "на Амур-реку в Китайской и Даурской землях" (РГАДА. Ф. 214. Стлб. 453. Л. 2, 3). С момента возведения он был центром даурского воеводства, а в 1689 г. стал первым в Забайкалье городом. В ходе наших работ было установлено, что территория, где стоял острог, возведенный в 1658 г. и место, куда он был перенесен из-за наводнений в середине XVIII в., в настоящее время заняты усадьбами с. Михайловка. Ввиду этого два примыкающих друг к другу раскопа (А и В) общей площадью 192 м^2 были заложены нами вдоль линии, где проходила с середины XVIII в. северная стена крепости, напротив развалин ц. Воскресения (рис. 5, *1*). Еще два смыкающихся друг с другом раскопа (Б и Г) суммарной площадью 248 м^2 были вскрыты северо-западнее ц. Воскресения (рис. 5, *2*). Таким образом, работы велись исключительно на городском посаде, который оказался достаточно поздним. На основании находок монет – денег 1748 г. выпуска он был датирован

серединой–второй пол. XVIII в. В раскопе А было открыто подполье жилого дома. Среди находок там встречены: железные замок (рис. 6, *3*), ключ (рис. 6, *2*), дверные пробой и кольцо, шило, подкова, гвозди, чугунное ядро, две бронзовые пуговицы, ружейный кремень, точильный камень, фрагменты ткани, несколько обломков фарфоровой и множество фрагментов керамической посуды. Особо отметим обломки оконной рамы и многочисленные фрагменты слюды, крепившейся в ней с помощью железных и свинцовых пластинок. В раскопы Б и Г частично вошла усадьба сапожника, где была собрана коллекция из 158 кожаных предметов. Среди них был только один целый – туфля. Найдены также 13 головок от сапог, семь подошв, фрагменты наборных каблуков, берестяные задники и фрагмент туфли с орнаментом. Из других находок отметим медный посеребренный крест "корсуньского" типа (рис. 4, *4*) и два медных креста; шахматную ладью (рис. 4, *11*); четыре костяных гребня, три из них двусторонние, два целых (рис. 4, *16*, *17*) и один с обломанными зубцами. Еще один гребень – односторонний с фигурной спинкой, где среди растительного орнамента вырезан лев (рис. 4, *21*). Многочисленны бытовые предметы из железа: ножи, пробои, скобы, кольца. Встречены половинка калачевидного кресала, а также бронзовые пуговица с перегородчатой эмалью (рис. 4, *21*) и наперсток. Найдено также много фрагментов слюды, волосяных веревок, войлока и керамики. Среди подъемного материала – русские и маньчжурские монеты, светец (рис. 6, *12*), ядра. Расширение в Нерчинске городского посада в 3-й четверти XVIII в. и строительство там дерево-земляных бастионов были связаны с деятельностью в нем в 1753–1765 гг. секретной экспедиции. Она была названа нерчинской по местопребыванию своего начальника Ф.И. Соймонова и являлась непосредственным продолжением деятельности Второй Камчатской экспедиции, закрытой в 1743 г. В планы этой экспедиции входило строительство речных судов, открытие судоходства по Амуру для снабжения Охотского и Удского портов, а главное строительство верфи и военно-морской базы при устье Амура. Однако из-за категорического запрета на плавание по Амуру планы экспедиции оказались невыполнимы (Артемьев, 1995б. С. 108–111; 1996д; 1997б; 1998а; 1999б. С. 57, 58; 60–62. Рис. 14–25; 69–71; 72, *1*, *2*, *6*; 99; 100; 102–107; Артемьева, 1995).

В 1992 г. нами были исследованы остатки двух промысловых зимовий XVIII в. в урочище Дивиткан в Казачинско-Ленском р-не Иркутской области (рис. 1, *10*). В ходе этих работ был обнаружен полный набор промыслового снаряжения. Это – железная полка для ружья (рис. 6, *1*), свинцовая пуля и каменная форма для литья пуль; 16 ружейных кремней и 8 их обломков, концевая роговая накладка на сложный лук, железные нож, светец, клещи, обломок струга и орудие для очистки шкур животных от мездры; восемь каменных грузил и пять точильных камней; фрагменты оконной слюды, три бусины, развалы трех керамических горшков, обломки фарфоровой тарелки и бутылочного стекла (Артемьев, 1999б. С.134. Рис. 81–83; 89, *2*; 2002в; г).

В 1994 г. нами был найден и прошурфован старейший в восточном Забайкалье Иргенский острог в Читинском р-не Читинской области (рис. 1, *11*), Этот острог был основан в 1653 г. известным землепроходцем П.И. Бекетовым, а в октябре 1655 г. сожжен и снова возведен в 1657 г. отрядом первого даурского воеводы А.Ф. Пашкова. Именно в нем провел почти всю свою даурскую ссылку знаменитый расколоучитель, протопоп Аввакум, красочно описавший свои злоключения в своем "Житии" (Артемьев, 1996б; 1999б. С. 43–46; 2003а; б).

В 1997 г. было осмотрено месторасположение Удинского острога (основан в 1665 г.) в г. Улан-Удэ (рис. 1, *12*), а в 2001 г. найдены и обследованы остатки Телембинского острога (основан в 1658 г.) в Еравнинском р-не республики Бурятия (рис. 1, *13*), который во второй пол. XVII–XVIII в. был металлургическим центром Забайкалья.

В 1998–2000 гг. совместно с Архитектурно-этнографическим музеем "Тальцы" (г. Иркутск) нами было начато комплексное изучение топографии крупнейшего города Восточной Сибири Иркутска (рис. 1, *14*), основанного в 1661 г. (Артемьев, 1999в).

Следует отметить, что изучение городов и острогов в Забайкалье и Приамурье позволило по-новому осветить некоторые вопросы преемственности русского оборонного зодчества в Европейской России и в Сибири и на Дальнем Востоке, а также пути его развития за Уральским хребтом (Артемьев, 1989; 1992б; в; 1993б; 1994; 1996г; 1997а; 1998в; 1999б. С. 119–127; Artemiev, 1992).

Разведочные исследования в Восточном Забайкалье и в Приамурье, а также работа с картографическими материалами позволили уточнить некоторые спорные вопросы прохождения там границы между Россией и маньчжурским Китаем после Нерчинского договора 1689 г. (Артемьев, 2002б; д) и наметить основные этапы формирования геополитических устремлений России в Дальневосточном регионе (Артемьев, 1995а; 2001; 2002а).

В 1998–2000 гг. экспедиция приступила к совместным с Архитектурно-этнографичским музеем "Тальцы" (г. Иркутск) исследованиям Тальцинского стекольного завода 1784–1956 гг. Этот завод был основан в 47 км от Иркутска по направлению к Байкалу, на берегу впадающей справа в р. Ангара речки Тальца (рис. 1, *15*). Его основателями были известный естествоиспытатель, химик

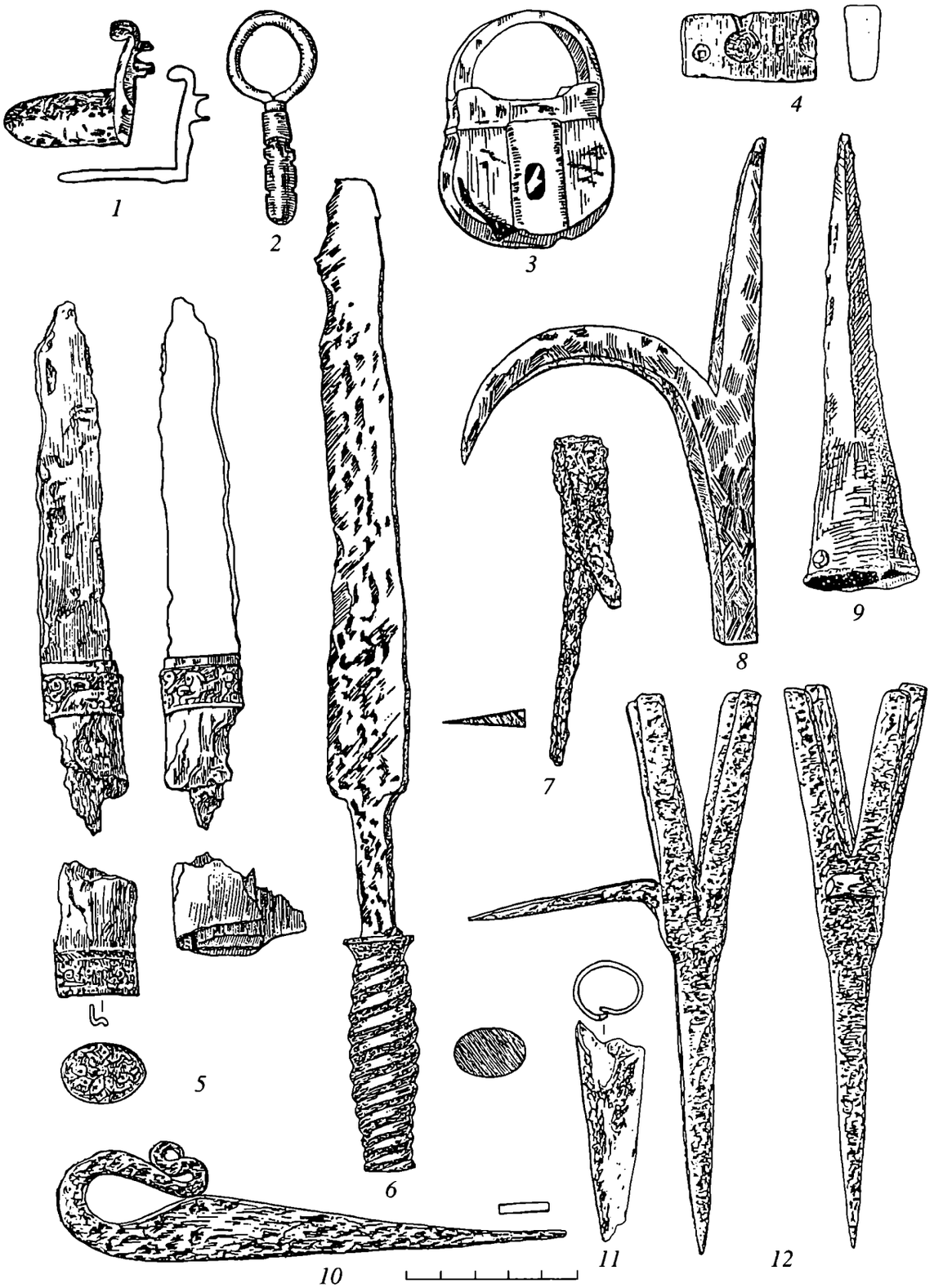


Рис. 6. Находки с памятников русских землепроходцев. *1* – зимовьё Дивиткан; *2, 3, 12* – Нерчинск; *4–11* – Албазинский острог; *1* – полка ружья; *2* – ключ; *3* – замок; *4* – пулелейка; *5* – нож с остатками рукояти и ножен; *6* – нож; *7* – щипцы для литья пуль; *8* – багор; *9* – наконечник копья; *10* – кресало-отвертка; *11* – вток от копья; *12* – светец; *1–3, 7–12* – железо; *4* – камень; *5* – железо, кап, бронза, дерево, кожа; *6* – железо, бронза.

и путешественник, член Петербургской академии наук Э.Г. Лаксман и каргопольский купец, будущий главный правитель русских владений в Северной Америке А.А. Баранов. Э.К Лаксман является автором наиболее существенного открытия в культуре стеклоделия XVIII в. – возможности применения при изготовлении стекла вместо поташа, в качестве составной части для стекловарения, его заменителя – глауберовой соли, природного сульфата натрия – Na_2SO_4 (мирабилит или

глауберова соль). Первые опыты варки стекла с сульфатом натрия в 1765 г., осуществленные в Барнауле, оказались удачными, и в 1770 г. за это открытие он был избран действительным членом Петербургской Академии наук.

Остатки Тальцинского стекольного завода находятся в 1 км к северо-западу от Архитектурно-этнографического музея "Тальцы" на берегу Иркутского водохранилища и занимают площадь около 4 га. К настоящему времени произведен химический анализ 63 фрагментов стекла из раскопок памятника (Артемьев, 2000а; Артемьев, Бычков, Тихонов, 2000), интерпретация состава которых сделана одним из ведущих отечественных специалистов в истории стеклоделия В.А. Галибиным. По его заключению, это первое исследование состава образцов стекла конца XVIII–начала XX в. в этом регионе, представляющих собой продукцию исключительно местного стеклоделательного производства. Наряду с готовыми изделиями анализировались также образцы отходов производства в виде стеклянной массы. Изучение состава образцов позволило выделить стекло девяти типов и показало присутствие среди них стекла особого химического типа, не встречавшегося раньше и не описанного в литературе не только для этой территории в это время, но и вообще среди найденных где-либо и когда-либо (Галибин, 2001). Главной особенностью состава исследованных образцов является присутствие в большинстве из них высокого содержания алюминия, которое в пересчете на Al_2O_3 доходит до 10–12% и вынуждает использование повышенного содержания щелочи в качестве стеклообразующего компонента шихты, источником которой являлась глауберова соль. Этот новый в истории стеклоделия рецепт позволит в дальнейшем попытаться выявить ареал использования продукции завода. Свидетельством изготовления на Тальцинском заводе стекла с использованием глауберовой соли являются образцы с большим содержанием натрия и пониженным, менее 1%, содержанием калия, количество которых составляет восемь экземпляров или 12.7%. Их можно датировать 1784–1796 гг., когда Э.Г. Лаксман сам руководил выплавкой стекла на заводе (Артемьев, Бахарева и др., 2003; Артемьев, Кудрин, Галибин, 2003; Артемьев, Кудрин, Галибин, Тихонов, 2003).

Работа выполнена при поддержке Президиума РАН в рамках программы "Этнокультурное взаимодействие в Евразии".

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Артемьев А.Р. О некоторых особенностях строительства крепостей XVI–XVII вв. в Сибири и на Дальнем Востоке // Материалы по средневековой археологии Дальнего Востока и Забайкалья. Владивосток, 1989.

Артемьев А.Р. Памятники истории освоения русскими Дальнего Востока: проблемы археологического изучения // Вестник ДВО РАН. 1990а. № 4.

Артемьев А.Р. Новый памятник русских первопроходцев на верхнем Амуре // Материалы по средневековой археологии и истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1990б.

Артемьев А.Р. Албазинский острог – старейший памятник истории освоения русскими землепроходцами Приамурья в XVII в. // Записки Амурского обл. краевед. музея и об-ва краеведов. Вып. 7. Благовещенск, 1992а.

Артемьев А.Р. Вопросы преемственности в развитии оборонного зодчества Европейской России, Сибири и Дальнего Востока в советской историографии // Вопросы истории Дальнего Востока России в отечественной и зарубежной историографии. Владивосток, 1992б.

Артемьев А.Р. Рец.: Н.П. Крадин. Русское деревянное зодчество. М.: Искусство. 1988. 192 с. ил. // РА. 1992в. № 2.

Артемьев А.Р. История изучения Албазина // И не распалась связь времен... К 100-летию со дня рождения П.Е. Скачкова. М., 1993а.

Артемьев А.Р. К вопросу о происхождении сибирских укреплений типа "зимовьё" // Новые материалы по археологии Дальнего Востока России и смежных территорий. Владивосток, 1993б.

Артемьев А.Р. Новые материалы о героической обороне Албазинского острога в 1685 и 1686–1687 гг. // Вестник ДВО РАН. 1993в. № 4–5.

Артемьев А.Р. Печать Албазинского острога // Вестник ДВО РАН. 1993 г. № 1.

Артемьев А.Р. Археологическое изучение памятников XVII–начала XVIII вв. на Дальнем Востоке // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток, 1994.

Артемьев А.Р. Забайкалье и Приамурье в геополитике царской России XVII–XVIII вв. // Региональная структура России в геополитической и цивилизационной динамике. Междунар. науч. конф. Екатеринбург, 1995а.

Артемьев А.Р. Из истории Нерчинска // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995б.

Артемьев А.Р. Икона Албазинской Божьей Матери // Вестник ДВО РАН. 1995в. № 5.

Артемьев А.Р. История и археология Албазинского острога // Русские землепроходцы на Дальнем Востоке в XVII-XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995г.

Артемьев А.Р. Церковно-исторические и культурные древности Албазина // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток-Запад. Матер. междунар. науч. конф. Ч. 1. Вып. 2. Владивосток, 1995д.

Артемьев А.Р. Из истории героической обороны Албазинского острога от маньчжуров // ПДВ. 1996а. № 3.

Артемьев А.Р. Иргенский острог // Освоение Северной Пацифики. Владивосток, 1996б.

Артемьев А.Р. Останки непогребенных защитников Албазинского острога // РА. 1996в. № 1.

Артемьев А.Р. Русское позднесредневековое зодчество и пути его развития в Сибири и на Дальнем Востоке // Освоение Северной Пацифики. Владивосток, 1996г.

Артемьев А.Р. Секретная нерчинская экспедиция 1753–1765 гг. и археологическое изучение Нерчинска // Вестник ДВО РАН. 1996д. № 2.

Артемьев А.Р. Военно-административные функции и этапы становления городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII в. // Губернаторское управление в России: история, современность, будущность. Матер. всерос. конф. Владивосток, 1997а.

Артемьев А.Р. Эпиграфический памятник 1696 г. из Нерчинска // Вестник ДВО РАН. 1997б. № 1.

Артемьев А.Р. Каменное надгробие 1696 г. из Нерчинска // РА. 1998а. № 3.

Артемьев А.Р. Открытие и начало присоединения Забайкалья и Приамурья к Российскому государству в середине XVII в. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток, 1998б.

Артемьев А.Р. Строительство городов и острогов Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII веке и типы оборонительных сооружений // ОИ. 1998в. № 5.

Артемьев А.Р. Албазинский острог // Тальцы. 1999а. № 2.

Артемьев А.Р. Города и остроги Приамурья и Забайкалья во второй половине XVII-XVIII вв. Владивосток, 1999б.

Артемьев А.Р. Первые планы Иркутска // Тальцы. 1999в. № 3.

Артемьев А.Р. Некоторые итоги исследований Тальцинского стекольного завода (1784–1956 гг.) // Интеграция археологических и этнографических исследований. Владивосток; Омск, 2000а.

Артемьев А.Р. Рыбный промысел у русского населения Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII–XVIII веке // Традиционные системы жизнеобеспечения и региональная национальная политика. Вып. 1. Новосибирск, 2000б.

Артемьев А.Р. Формирование геополитических интересов России на Дальнем Востоке и присоединение к ней Приамурья и Приморья (середина XVII в.–1860 г.) // Русская Америка и Дальний Восток (конец XVIII в. – 1860 г.). К 200-летию образования Российско-Американской компании. Матер. междунар. науч. конф. Владивосток, 2001.

Артемьев А.Р. Геополитические интересы России на Дальнем Востоке (середина XVII в.–1860 г.) // Известия Архитектурно-этнографического музея "Тальцы". Иркутск, 2002а.

Артемьев А.Р. О некоторых спорных вопросах пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Вестник ДВО РАН. 2002б. № 1.

Артемьев А.Р. Охота и рыболовство русского населения в Забайкалье и Приамурье во второй половине XVII–XVIII вв. // Культура русских в археологических исследованиях. Омск, 2002в.

Артемьев А.Р. С.П. Крашенинников о соболином промысле в Забайкалье и археологические материалы XVIII в. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск; Ханты-Мансийск, 2002 г.

Артемьев А.Р. Спорные вопросы пограничного размежевания между Россией и Китаем по Нерчинскому договору 1689 г. // Сибирь в XVII–XIX веках: Проблемы политической и социальной истории: Бахрушинские чтения 1999–2000 гг. Новосибирск, 2002д.

Артемьев А.Р. Даурская ссылка протопопа Аввакума // ВИ. 2003а. № 5.

Артемьев А.Р. Протопоп Аввакум в Забайкалье // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 4. Владивосток, 2003б.

Артемьев А.Р., Артемьева Н.Г. Керамика Албазинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 1. Владивосток, 1994.

Артемьев А.Р., Бахарева Г.А., Галибин В.А., Тихонов В.В. Стекольное производство в Восточной Сибири (по материалам Тальцинского завода) // Вестник ДВО РАН. 2003. № 4.

Артемьев А.Р., Бычков О.В., Тихонов В.В. Исследования истории Тальцинского стекольного завода // Тальцы. 2000. № 2.

Артемьев А.Р., Кудрин А.Ю., Галибин В.А. Химический анализ стекла из раскопок Тальцинского стекольного завода 1784–1956 гг. // Интеграция археологических и этнографических исследований. Омск, 2003.

Артемьев А.Р., Кудрин А.Ю., Галибин В.А., Тихонов В.В. Итоги исследования стеклоделия на Тальцинском заводе 1784–1956 гг. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 4. Владивосток, 2003.

Артемьев А.Р., Сем Ю.А., Сергеев О.И. Хозяйственное освоение Дальнего Востока русским населением // История Дальнего Востока СССР в эпоху феодализма и капитализма (XVII в.–февраль 1917 г.). М., 1991.

Артемьева Н.Г. Керамика Нерчинского острога // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995.

Аюшин Н.Б. Артиллерия в борьбе за Албазинский острог // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 3. Владивосток, 1998.

Галибин В.А. Состав стекла как исторический источник. СПб., 2001.

Глинский С.Г., Сухих В.В. Реконструкция крепостных сооружений Албазинской крепости по археологическим источникам и опубликованным материалам // Записки Амурского обл. краевед. музея и об-ва краеведов. Вып. 7. Благовещенск, 1992.

Дополнения к актам историческим. Т. 4. СПб., 1851.

Дополнения к актам историческим. Т. 8. СПб., 1862.

Дополнения к актам историческим. Т. 10. СПб., 1867.

Дополнения к актам историческим. Т. 12. СПб., 1872.

Кирпичников А.Н. Крепости бастионного типа в средневековой России // Памятники культуры. Новые открытия. Ежегодник 1978 г. М., 1979.

Кочедамов В.И. Албазин – русская крепость XVII века на Амуре // Тр. ин-та живописи, скульптуры и архитектуры им. И.Е. Репина. Сер. Искусствовед. Вып. 3. Л., 1970.

Кочедамов В.И. Первые русские города Сибири. М., 1978.

Крадин Н.П. Крепость Албазин // Россия и АТР. 1992а. № 1.

Крадин Н.П. Роспись Албазинского острога 1684 г. // Россия и АТР. 1992б. № 2.

Кудрин А.Ю. Новые материалы о развитии рыбного промысла у русского населения Забайкалья и Приамурья в XVII–XVIII вв. // Русские первопроходцы на Дальнем Востоке в XVII–XIX вв. (Историко-археологические исследования). Т. 2. Владивосток, 1995.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 1. 1608–1683 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М., 1969.

Русско-китайские отношения в XVII веке. Материалы и документы. Т. 2. 1686–1691 / Сост. Н.Ф. Демидова, В.С. Мясников. М., 1972.

Симбирцева Т.М. Участие корейских отрядов в албазинских войнах 1654 и 1658 гг.: источники и историография // Традиционная культура востока Азии. Вып. 3. Благовещенск, 2001.

Сухих В.В. Хозяйственное освоение Приамурья русскими в XVII веке // География Верхнего Приамурья. Благовещенск, 1977.

Сухих В.В. Полуземлянки Албазинской крепости // Археологические материалы по древней истории Дальнего Востока СССР. Владивосток, 1978.

Христосенко Г.А. Нерчинская деловая письменность XVII–XVIII вв. Чита, 1994.

Artemiev A. Archaeological Research of Earliest Russian Explorer's Sites in Far East // Proceedings of the Great Ocean Conferences. The North Pacific in Seventeenth Century. V. 2. Portland, 1992.

Archaeological investigations of Russian sites of Modern times in the regions west and east from the Lake Baikal and in the River Amur valley

A. R. Artem'yev

Summary

The author considers the results obtained in 1988–2002 by the Amur archaeological expedition of the Institute of history, archaeology and ethnography of the Far Eastern peoples, Far Eastern branch of RAS. In 1988 the expedition investigated a fortified settlement on the Amur bank (Shimanovsky district, Amur region), the evidences of Russian explorers stationed at the site were obtained. Since 1989 the works have been conducted in the village Albazino (Skovorodinsky district, Amur region) identified as the fortress Albazin of 1665–1689. In 1990–1992 the expedition excavated the suburb of Nerchinsk; the site was founded in 1658 as the centre of administrative unit (uezd), then in 1689 was appointed town, the first one in Transbaikalia. In 1990 the expedition conducted surveys at the spot the Argun fortress (1681), in 1991 – the Selenga fortress and the settlement Kyakhta (1728). Surveys were also carried out in 1997 at the Uda fortress (1665), and in 2001 at the Telembinsky fortress (1658) in Buryat Republic. On the River Knanda, tributary of the River Kirenga two hinters' winter stations of the 18th c. were investigated in the terrain feature Divitkan (90 km north-west from the Lake Baikal, Irkutsk region). In 1994 the remains of the Irgensky fortress (1653) were identified in Chita region. In 1998–2000 the works were conducted in the territory of the Taltsinsky glass-works near Irkutsk (1784–1956). New glass formula was discovered, unknown in the world glass production before.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 167–175

ИСТОРИЯ НАУКИ

ОХРАННАЯ АРХЕОЛОГИЯ В БРИТАНИИ СЕГОДНЯ*

© 2005 г. Т. Дарвилл[1]

Борнмутский университет, Великобритания

При строительстве новых зданий и разбивке сельскохозяйственных угодий издавна обнаруживают древние памятники, открытие которых часто – обратная сторона процесса их разрушения. Для учета и изучения археологических объектов, открытых в ходе строительства, выработаны разные пути. Цель данной статьи – поделиться опытом работы в новых условиях. В ней рассмотрены изменения в области организации археологических работ в Британии[2]; ситуация сопоставлена с другими европейскими странами и с США; использованы результаты проводимого сейчас анализа археологической деятельности на территории Англии (Darvill, Russell, 2002).

ОХРАНЯТЬ ИЛИ ФИКСИРОВАТЬ?

Осознание необходимости охраны археологических объектов, оказавшихся под угрозой уничтожения, имеет в Европе долгую историю. Ее итогом стало принятие особого законодательства по охране памятников, открытых в ходе строительства. Первыми были скандинавские страны: в Швеции уже королевским указом 1666 г. все древние предметы были объявлены собственностью короны (Klindt-Jensen, 1975. P. 27); почти через 150 лет (1807 г.) датский кронпринц подписал распоряжение королевской канцелярии о мерах по систематической охране археологических памятников и находок (Klindt-Jensen, 1975. P. 48). Документ содержал четыре основных положения: памятники древности подразделялись на охраняемые королевской хартией и подлежащие охране местных властей; предлагались меры по сохранению средневековых частей в разрушаемых церковных зданиях; специальные меры должны были показать крестьянам ценность археологических материалов; был основан национальный музей. В середине XIX в. в ряде европейских государств возникло особое законодательство и были учреждены специальные археологические комиссии: примерами могут служить законодательство Словакии 1850 г. (Princ, 1984. P. 14) и учрежденная в 1859 г. в России Императорская археологическая комиссия (Masson, 1989). В Британии первым законом об археологии стал Акт 1882 г. об охране памятников древности (Ancient Monuments Protection Act), а позднее (1908 г.) учреждены три Королевские комиссии, действовавшие независимо на территории Англии, Уэльса и Шотландии (Fowler P., 1981).

Одним из направлений зарождающегося европейского движения по сохранению наследия была разработка национального законодательства. В исследовании В. Виллемса о развитии системы охраны археологического наследия в Нидерландах (Willems, 1997) выделены три основные стадии этого процесса: на первой формируется осознание археологических остатков как памятников прошлого; на второй – растет интерес к сохранению памятников, возникают четкие правила и организации, связанные с археологическими раскопками; на третьей стадии основное внимание перемещается из области борьбы с угрозой разрушения памятников и чисто исследовательских работ в область активной охраны археологического наследия. Переход от одной стадии к другой в разных странах происходил не одновременно, стадии имеют разную продолжительность, но в целом эта модель работает.

Одним из существенных моментов второй стадии стало понимание, что закон не в состоянии сохранить все объекты. Необходимость строить перевешивала интересы археологии, и памятники разрушались. Чтобы получить сведения о них,

---

* Перевод Л.И. Авиловой. Текст дан в редакционном сокращении.

[1] Работа написана по предложению А.С. Смирнова (зам. директора Института археологии РАН, Москва). Выражаю благодарность ему и его коллегам, проф. Р.М. Мунчаеву, д.и.н. Г.Е. Афанасьеву и д.и.н. А.Н. Сорокину, которые ознакомили меня с состоянием археологии в России и привлекли к работе над рядом проектов. Хочу выразить благодарность также проф. Виллему Виллемсу, проф. Кристиану Кристиансену, проф. Джеффри Уэйнрайту, д-ру Генри Клиру и д-ру Адриану Оливье за помощь в ознакомлении с организацией археологических работ в других странах Европы. Приводимые количественные данные подготовили сотрудники проекта "Археологические исследования", выполняемого на базе Борнмутского университета, Б. Рассел и Г. Тальбот.

[2] Под "Британией" понимается Соединенное Королевство. Система мер по охране археологического наследия в его частях (Англия, Уэльс, Шотландия и Северная Ирландия) имеет отличия в отношении к застройке земельных участков, поскольку действуют различные законодательства и системы управления. Система охраны наследия постоянно меняется. Описанная в статье отражает ситуацию 2003 г., но во время ее написания Правительство Ее Величества Королевы объявило о намерении пересмотреть законодательство по планированию территорий, охране археологических памятников и исторической среды. Мы не знаем, каковы будут результаты пересмотра и масштаб изменений организации работы в данной области.

нужно было вести исследования. С развитием сети железных дорог и промышленных объектов были связаны многие примеры археологических работ (информацию о них содержат археологические журналы 1850-х–1930-х годов). Но до середины XX в. работы финансировали ограниченно, а исследования разрушаемых памятников проводили в минимальном объеме, изучая в основном самые богатые. Ситуация начала меняться в 1930-е годы. После вступления страны во Вторую мировую войну правительство создало археологическую службу (1939 г.) с задачей оперативного проведения раскопок в тех случаях, когда строительство военных объектов подвергало опасности уже учтенные археологические памятники. В результате были сделаны важные открытия (длинный курган эпохи неолита в Берн Граунд, графство Глостершир (Grimes, 1960); святилище эпохи железного века на территории аэропорта Хитроу (Grimes, Close-Brooks, 1993) и выработаны методические приемы разведки и описания, которые имели фундаментальное значение для разработки системы полевых исследований.

Массовое разрушение исторических городов Европы в ходе Второй мировой войны (Амстердам, Берлин, Лондон, Париж, Прага, Рим, Вена и др.) вызвало появление широких программ по их восстановлению и развитию (The war..., 1944; O'Neil, 1948), которые включали замену поврежденных зданий их копиями или новыми сооружениями. Среди проводимых работ были и археологические: в Британии еще до окончания войны (март 1944 г.) учредили Совет британской археологии (Council for British Archaeology), задачей которого стала помощь всестороннему развитию археологии в стране, причем особое внимание уделялось планированию и строительству (The Council..., 1944. P. 158). В Британии, как и в других странах Европы, утвердились принципы, учитывавшие опыт предвоенных десятилетий, и сформировался подход, позднее получивший название "охранной" археологии. На практике она означала срочную фиксацию археологических памятников непосредственно перед их уничтожением и, что крайне существенно, превалирование интересов застройщиков, имевших опору в законодательстве и использовавших политическое давление.

История "охранной" археологии в Британии и других странах Европы стала темой ряда работ (Rahtz, 1974; Jones, 1984; Trotzig, Vahlne, 1989; Willems, 1997). В 1950-х–начале 1960-х годов в Британии существовала значительная мобильная группа археологов-спасателей, которая перемещалась с одного памятника на другой, описывая их и проводя раскопки, часто в трудных условиях. В 1960 г. Королевская комиссия исторических памятников (Royal Commission on Historical Monuments) забила тревогу по поводу разрушения археологических объектов в сельской местности, но реальных результатов добиться не смогла (RCHM, 1960). Постоянных археологических организаций было немного, одна из первых создана в 1961 г. в Винчестере (позже в Саутгемптоне, Оксфорде, Линкольне, Колчестере и т.д.). Этого было недостаточно: темпы строительства не снижались. В 1970-х годах возникли новые угрозы: развитие сети шоссейных дорог, добыча полезных ископаемых в невиданных прежде масштабах, интенсивное лесоводство. В ряде публикаций авторы выражали тревогу масштабами разрушений археологических объектов в процессе городского стоительства (Британия: Heighway, 1972; Нидерланды: Es et al., 1982). Было известно, что это происходит и в сельской местности, где разрушения не так заметны и реже используются в политических целях. В январе 1971 г. в Британии была основана организация под названием "Спасение" (Rescue), ставившая целью широко информировать общественность о разрушении археологических памятников, вносить изменения в законодательство об их охране, оказывать давление на правительство для более широкого финансирования их учета и раскопок (Barker, 1974). Эта деятельность оказалась успешной, государственные расходы на охранные раскопки резко возросли (£ 450 тыс. в 1972 г.; 1 млн. в 1975 г.; 5.2 млн. в 1985 г.; максимальное финансирование, £ 7.5 млн., в 1994–1995 гг. См.: Wainwright, 1984; Olivier, 1996).

Америка столкнулась с теми же проблемами. За десятилетие 1962–1972 гг. была разрушена четверть всех известных археологических памятников на территории Арканзаса (McGimsey, 1972. P. 3). "Охранная" археология широко распространилась в США, но уже к началу 1970-х годов возникло недовольство таким подходом, которое выразил Мак-Джимси: "Археолог не может и впредь терпеть, чтобы инженер, фермер или городской архитектор указывал, как ему распорядиться своими ограниченными ресурсами" (McGimsey, 1972. P. 18). Основные этические принципы "охранной" археологии были поставлены под вопрос.

ЭТИЧНЫ ЛИ "ЭКСПРЕСС-РАБОТЫ"?

"Охранная" археология 1960–1970-х годов в Европе и Америке возникла в ответ на развитие строительства и воспринимала его как неизбежное зло. Археологи довольствовались возможностью спасти часть находок и наспех зафиксировать то, чему назначено было исчезнуть во имя прогресса. Однако не они одни были разочарованы неуклонным наступлением строителей. Сначала в США, а в начале 1980-х годов и в Европе росла тревога общества по поводу разрушения природной среды и ускорения потребления природных ресурсов. Вступив в движение за охрану окружающей среды, археология "позеленела" (All Natural Things, 1992; Darvill, 1993). На смену

"идеологии спасения" пришла системная охрана культурного и археологического наследия (Cultural Resource Management, Archaeological Resource Management). Основной целью стали консервация и защита археологических объектов, а если их невозможно обеспечить, то тщательно обоснованное и контролируемое использование (Fowler D., 1986). Это в целом отвечает третьей стадии "модели Виллемса": археологический памятник понимают уже не как поле деятельности археолога, а как нечто значительно более ценное, составляющее общее достояние, за которое социум несет коллективную ответственность (Thomas, 1971; Cleere, Fowler, 1976; Fowler P.J., 1977). Эти принципы, охватив США и Европу (1980-е годы), в совокупности с местной традицией "спасательной" археологии стали основой формирования современной системы охраны археологического наследия (Thomas, 1977; Fowler P.J., 1978; Willems, 1997). Идея всемерного содействия сохранению памятников *in situ* восторжествовала (Preserving..., 1998).

Современное международное законодательство исходит из понимания археологического наследия как достояния общества, работа с которым требует надзора. Основой многих актов стала *Хартия Международного Комитета по охране археологического наследия* (1990 г.) (ICAHM, 1990; см. также: Biörnstad, 1989; Cleere, 1993). Она определяет археологическое наследие как часть материального наследия, основная информация о которой может быть получена методами археологии. Отмечается, что археологическое наследие охватывает все материальные следы существования человека и включает любые объекты, отражающие его деятельность, а также все связанные с ними движимые находки (Ст. 1). *Мальтийская конвенция* подчеркнула ценность археологического наследия как "коллективной памяти" Европы и инструмента исторических исследований (CoE, 1992. Ст. 1.1), отнеся к археологическим памятникам здания, их группы и комплексы; другие типы наземных, находящихся под землей или под водой, а также движимых объектов (CoE, 1992. Ст. 1, 2, 3; O'Keefe, 1993; Trotzig, 1993). В *Учредительном договоре Европейского Союза* (Маастрихт, 7.02. 1992 г.) сформулирована необходимость углубления и распространения знаний о культуре и истории народов Европы (EC, 1992. Ч. IX. Ст. 128.2), а также сохранения, защиты и улучшения окружающей среды (EC, 1992. Ч. XVI. Ст. 130г. 1). *Директива по оценке воздействия на окружающую среду* (Directive on environmental impact assessment, EIA) требует "действовать до возникновения проблем" (EC, 1985; EC, 1997. C129/14). В археологии это означает необходимость выяснить, какие культурные слои имеются на данном участке, до принятия решения о его застройке[3].

В перечисленных актах детально указано, как следует проводить археологические работы; кто несет за них ответственность; какие обязательства берут на себя страны, подписавшие акт. Каждое государство вправе интерпретировать законы и соглашения в соответствии с местной практикой. Британская система охраны археологического наследия (см.: Preserving..., 1998; Darvill, 1999) основана на следующих базовых принципах:

– объекты археологического наследия должны сохраняться и консервироваться *in situ* для использования будущими поколениями;

– дифференцированный подход обеспечивает как сохранение культурного слоя (консервация), так и изучение его части (раскопки);

– принятие решений о сравнительной ценности археологических объектов и их дальнейшей судьбе должно быть обосновано (этот принцип обычно требует характеристики и оценки памятника).

Решающим для их широкого внедрения стало включение вопросов археологии в общее законодательство, регулирующее планировку, изменение систем землепользования и оценку воздействия на окружающую среду. Археология вышла из тесных рамок законов об охране древностей, став частью более обширного целого.

В Европе сформировались два главных подхода. В ряде государств окружающую среду рассматривают как единое целое, а археологические памятники – как ее составную часть. Так, в Дании Закон об охране природы 1992 г. запрещает какие-либо изменения ландшафта в радиусе 100 м от археологических памятников и охраняемых территорий, создавая "санитарный кордон" (MoE, 1993). Закон применяется в отношении памятников, видимых на поверхности, и в случаях, когда владелец участка осведомлен об их наличии под землей. Список обширен: в него входят даже камни и деревья, связанные с народными верованиями, традицией и фольклором.

В других странах контроль подразделен: защита выявленных памятников и надзор за процессом застройки существуют параллельно. В Англии вопросы археологии с 1990 г. вошли в систему проектирования городов и сельских поселков и регулируются двумя подробными документа Правительства: *Археология и планировка* (Archaeology and Planning) (DoE, 1990. PPG16); *Планировка и историческая среда* (Planning and the Historic Envi-

[3] Для обозначения всех видов строительства и землепользования, которые ведут к разрушению археологических объектов (от небольших работ типа строительства домов и озеленения, до возведения крупных зданий в центрах городов, дренажных систем и самых шиирокомасштабных прокладок шоссейных и железных дорог, сооружения аэропортов, электростанций, трубопроводов, заводов и др.) применяется один термин – "застройка".

ronment) (DoE, 1995. PPG15). Их дополняет закон об охране национальных памятников (последняя редакция: *Акт 1979 г. о памятниках древности и археологических зонах*, Ancient Monuments and Archaeological Areas Act, см: Wainwright, 1993; Champion, 1996). Такой подход создал прочную основу для охраны археологического наследия. Однако хотя контрольные функции широки, они охватили не все виды работ, потенциально опасных для археологических объектов: серьезные проблемы остаются в сельском хозяйстве и лесоводстве. Кроме того, планирование в Англии часто ведут на местах и решают большинство практических вопросов на уровне администрации графств, которых в Англии 46. Все же движение за единство в планировании нарастает: выделение, в рамках Европейского Союза, семи территорий межгосударственного планирования – шаг в нужном направлении, расширивший перспективы стратегического планирования (Darvill, 1997).

С системой планирования связана и общеевропейская *Оценка воздействия на окружающую среду*, позволяющая контролировать крупные строительные проекты. Технически оценка воздействия – комплексное, отчасти междисциплинарное, обследование памятников и окружающей среды в угрожаемой зоне; по его результатам судят о возможном воздействии строительства на среду. Результаты обобщают в особом документе, который становится основой обсуждения заинтересованными сторонами и дает информацию для принятия планировочных решений. В США идея оценки воздействия на окружающую среду имеет долгую историю (Environmental Impact..., 1988; ср.: Cleere, Fowler, 1976), в Европе она была введена Европейской комиссией в июне 1985 г. в качестве избирательно применяемой (EC, 1985), а затем пересмотрена и расширена (EC, 1997). В этих документах археологические объекты упомянуты в разделе "Материальные ценности" среди десятка других, которые следует принимать во внимание при оценке воздействия на окружающую среду (EC, 1985. Прил. III. 3). Важно, что ценности рассматриваются совокупно, а не изолированно. В течение десятилетий археологи могли лишь мечтать об этом (но теперь, когда документ действует, тему обсуждают редко).

Директива Европейского Союза получила в Британии силу закона (07.1988 г.); все детали судопроизводства опубликованы в особом циркуляре и буклете (DoE, 1989; DETR, 1999). Появились специальные указания и обзоры судебных прецедентов, подпадающих под указанные правила, в том числе том по археологии (Environmental Assessment..., 1993). В 1988–1999 гг. в Англии прошло более 2000 судебных разбирательств по оценке воздействия на окружающую среду: около половины включали археологические памятники (Darvill, Russell, 2002. P. 39). В США *Акт о национальной политике в области окружающей среды* (1969 г.) (National Environmental Policy Act) уполномочил Федеральные агентства следить за воздействием на окружающую среду, выдавать федеральные разрешительные документы и обеспечивать федеральное финансирование, а также предоставлять общественности информацию до принятия окончательных решений (Hutt et al., 1999. P. 75). Эти документы (*Заявления о воздействии на окружающую среду*) должны отражать информацию об историческом и культурном наследии. Подобным образом *Акт о защите национального исторического наследия* (1966–1992 гг.) (National Historic Protection Act) описал программу охраны памятников в национальном масштабе и систему их судебной защиты при взаимодействии всех властных уровней (федеральный уровень, уровень штата и на местах). В дополнение к систематическому выявлению объектов истории и культуры, включаемых в *Национальный реестр исторических мест* (National Register of Historic Places), *Акт* обеспечивает их охрану, требуя от Федеральных агентств принимать во внимание воздействие, которое может быть оказано на памятники (Hutt et al., 1999. P. 22).

Внедрение археологии в систему планирования и более тесное взаимодействие с системой оценки воздействия на окружающую среду выявило решающую роль момента принятия решений. В этот момент необходимо правильно представить археологические данные, чтобы решить, дать ли разрешение на реализацию строительных проектов и при каких ограничениях оно может быть дано. Это практическое воплощение принципа предупреждения ущерба, из которого исходит охрана окружающей среды в целом. Хорошо известно, что если разрешение на строительство уже дано, то поздно ставить под охрану памятники или изыскивать время и средства на исследование и описание разрушаемых культурных слоев. Хуже всего, когда археологический памятник внезапно обнаруживают в ходе строительных работ. Поэтому для улучшения информированности политиков и общественных деятелей, в чьем ведении находится принятие решений о судьбе памятников археологии, предпринимают огромные усилия. В результате разработан многоступенчатый подход к сбору информации и воздействию на процесс принятия решений. Он получил название *Цикл мероприятий по охране археологического наследия* (Darvill, Gerrard, 1994. P. 157; в Нидерландах: Willems, 1997. Рис. 1; в Ирландии: Hyde, 1993. Рис. 1). В общем виде такой подход можно применять ко всем видам археологических работ, включая исследовательские. Момент принятия решений – ключевой, поэтому исследования делят на проводимые до и после него. В развитой и отчасти схематизированной форме *Цикл* состоит из восьми основных стадий.

В стадии **"Оценка"** становится проблема и выявляются ее археологические аспекты. Нужно определить границы планируемой застройки участка; выяснить функции и размер будущих сооружений; установить, затрагивается ли культурный слой. Если оценку проводят до покупки участка и принятия решения о застройке, застройщик может сам нанять консультантов. В любом случае отправной точкой исследования является информация об имеющихся памятниках (согласно указаниям *Мальтийской конвенции о необходимости создания национальных каталогов памятников* (CoE, 1992. Ст. 2.i)). В Англии ежегодно проводят около 100 000 оценок: их проходят 20% всех заявок на планирование, поступающих к местным властям.

Стадия **"Камеральная работа"** зависит от проекта и проблем, поставленных на стадии оценки; ее состав согласуют с заинтересованными сторонами (если необходимо). В большинстве случаев стадия включает только сбор сведений о памятниках, ее главная цель – оценить объем материалов и представить их список. В хорошо обследованных регионах эта стадия может сделать ненужными последующие, сэкономить время и деньги. Ее обычно проводят в интересах застройщика или земельного агента, за их счет; заказать ее можно независимому консультанту. Иногда работу проводят в масштабе города, чтобы пользоваться результатами для стратегического планирования и контроля за строительной деятельностью (см. например: Darvill, Gerrard, 1994; York..., 1991). Результат представляют как письменный отчет и перечень рекомендуемых действий для следующей стадии. В Англии в 1999 г. было выполнено около 700 камеральных работ (Darvill, Russell, 2002. P. 21).

"Полевое обследование" проводят при обнаружении археологических объектов (или высокой вероятности их существования). Оно включает разведки и раскопки с целью выявить характер напластований (качество, мощность, условия залегания, сохранность, устойчивость к разрушению); определить особенности и тип памятника, его дату, ценность для археологии. Обычно проводят изучение сохранившихся на поверхности остатков древних сооружений; аэрофотосъемку не охваченных обследованиями участков; бурение (с целью установить толщину балластного и культурного слоя); анализ исторических источников, выявленных на предыдущей стадии; геофизическую и/или георадарную разведку намеченных участков; шурфовку на объектах археологии (ручную) и шурфовку (механическую) участков, для которых нет сведений об археологических и природных отложениях; сопоставляют данные аэрофото- и геосъемки (в одном масштабе). Поскольку обследование включает небольшие работы в культурном слое, следует составить соглашение заинтересованных сторон о том, что именно нужно сделать и в каком виде представить результаты. Это особенно важно для крупных проектов, где применяют статистические методы оценки (Orton, 2000. P. 115–147). В Британии стоимость полевого обследования участка оплачивает потенциальный застройщик.

Этот вид работ дал хорошие результаты в Англии 1990-х годах и служит надежным инструментом определения наличия или отсутствия археологических объектов, их типа, размера и значения. Он усилил интерес к применению новых технологий: геофизической разведки (Gaffney et al., 1991; David, 1995), аэрофотосъемки (Palmer, Cox, 1993), металлодетекторов (Newman, 1996). Полевое обследование внедряют в процесс принятия решений в таких видах строительства, как дорожное (Lawson, 1993) и при прокладке трубопроводов (Pearson, Brinklow, 1997). Институт полевых археологов (The Institute of Field Archaeologists – IFA) опубликовал нормативный документ по полевым обследованиям (IFA, 1994). Их число ежегодно росло с 1991 г. (ок. 500) по 1999 г. (более 1200) (Darvill, Russell, 2002. P. 28. Fig. 2). Результат полевого обследования – подробный отчет о проведенных работах и выводах. Эта стадия отвечает разделу археологии в *Заявлении об окружающей среде* (Environmental Statement), но в контексте *Директивы по оценке воздействия на окружающую среду* (EIA) археология – один из многих аспектов, о которых представляют подробную информацию.

Стадия **"Определение стратегии"** включает выработку плана археологических мероприятий, стратегию минимизации ущерба или детализированный проект, основанный на полученных ранее выводах. Минимизация ущерба достигается зонированием объекта: на важном участке можно сохранить ценную часть памятника, допустив на соседних активную застройку. Обычно стратегический план состоит из двух элементов. Первый – оценка воздействия в конкретных зонах застройки (с указанием типа памятника, его подверженности разрушениям, возможных нарушений слоя). Второй – указание на способ избежать ущерба для объектов археологии и меры по консервации или исследованию каждой части застраиваемого участка.

Стадия **"Принятие решения"** предполагает выдачу разрешения на реализацию строительного проекта. В соответствии с принятой в Англии практикой застройки, решение принимают планирующие органы; если речь идет о зарегистрированных памятниках (Scheduled Monuments), в процессе участвует фонд Английское Наследие (English Heritage) и соответствующие правительственные организации. Чаще всего на этой стадии проходят дискуссии сторон, публичные дебаты, ре-

цензирование проекта строительства. В итоге проект может быть одобрен безусловно либо одобрен с ограничениями, либо отклонен.

Стадия **"Доработка стратегии"** наступает после решения реализовать проект. На ней можно улучшить проект минимизации ущерба, используя данные, полученные в ходе обсуждений. В 1999 г. в Англии после принятия решений о строительстве проведено около 2600 археологических исследований (Darvill, Russell, 2002. P. 42, 43).

Стадия **"Реализация стратегии"** – самый очевидный для археолога этап работы, ведь она включает то, что многие считают своей основной задачей: разведки, раскопки, технические обследования. На самом деле, при строительстве (будь то торговый комплекс в центре города, прокладка дороги или посадка деревьев) работа археолога, которую оплачивает застройщик, нацелена на минимизацию ущерба. Действия обычно делят на три фазы: работы до начала земляных строительных работ (подготовка к сохранению или консервации культурного слоя; если необходимо – сплошные или избирательные вскрытия на угрожаемых участках); работы в ходе строительства, идущие параллельно с ним прямо на стройплощадке (небольшие раскопки, надзор, фиксация наблюдений); работы по окончанию строительства или действия на объекте по реализации долговременных мер консервации или защиты памятника и вне его (изучение и консервация находок, обработка документации, подготовка общего и научного отчетов, передача архивных материалов и находок в музей). Программа исследовательских работ должна включать подготовку и группировку данных, анализ, написание отчета.

Цель последней в цикле стадии **"Обзор результатов"** – установить, достигнуты ли поставленные цели. Иногда организуют многолетний мониторинг для выяснение работы всех частей проекта (особенно в случаях, когда нужно было обеспечить сохранность археологических остатков в сложных природных условиях). На этой стадии может возникнуть необходимость вернуться к началу цикла и повторить его заново, сформулировав новые проблемы, проведя повторную оценку. Было бы удивительно, если бы итоги исследовательского проекта не вели к новой фазе исследований.

ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ АРХЕОЛОГИИ

В результате внедрения археологии в систему планирования объем работ возрастает. Но дело того стоит. Местные власти в Англии ежегодно рассматривают около 500 000 заявок на строительство; на 85% из них дается разрешение, безусловное или с ограничениями. Опыт показывает, что около 4% работ могут затронуть археологические объекты, а непосредственное воздействие на зафиксированные памятники окажут менее 1%. Процент может показаться незначительным, но абсолютное число памятников достаточно велико.

Археолог сталкивается с многочисленными важными последствиями своих работ, но мы затронем только часть их. Необходимость прямого участия в принятии решений накладывает на ученых особые обязанности. Встает вопрос морально-этического характера: один и тот же специалист не может принимать решение о строительстве, планировать, какие именно работы нужно провести, и финансово зависеть от застройщика, оплачивающего работы. В Англии археологи, выступающие советниками по вопросам необходимости, типа и размаха исследований работают в национальных или местных правительственных организациях. Это кураторы. Непосредственно копают, по заказу застройщика или иного заказчика, работники по контракту – обычно небольшие частные компании, участвующие в конкурсах проектов на проведение работ (Swain, 1991). Подобная система сформировалась в Нидерландах: курирующая организация (Rijksdienst voor het Oudheidkundig Bodemonderzoek) определяет необходимый круг работ, а частные организации исполняют их по контракту (Willems, 1997. P. 13; 1999. P. 11). Сходную систему применяют (или обсуждают) в других европейских странах и в США, где контракты на проведение археологических работ существуют в течение более 25 лет, причем частные компании проводят работы для Федеральных агентств и других организаций. Контроль над ними осуществляют с помощью соглашений, характер работ сочетают с требованиями законодательства через лицензирование. В каждом Федеральном агентстве есть чиновник (Federal Preservation Officer, всего их 59), курирующий археологическое наследие в соответствии со своей юрисдикцией (King, 1998. P. 25–32).

Общее число археологических работ в Англии за последние 20 лет заметно выросло. Часть их проводят до разрешения на застройку, с целью получить информацию для выработки решения. Такие работы вносят мало нового в объем археологических знаний, но позволяют выявить объекты, перспективные для исследований по полной программе. Из 2600 исследований, проведенных в Англии в 1999 г. после принятия решений о строительстве, в 230 случаях осуществлены широкие раскопки (Darvill, Russell, 2002. P. 42, 43). Рост работ наблюдался и в Ирландии, где в 1989 г. проведено около 100 исследований, а в 2000 г. – 1097 (Excavations 2000..., 2002).

Археологические работы в Англии и во все большем числе европейских стран оплачивает застройщик, что отвечает расширительному применению принципа "кто загрязняет среду, тот

и платит" (многие строители не приемлют такого подхода, так как не считают, что загрязняют среду, видя в строительстве элемент развития экономики общества и улучшения качества жизни). Подсчитано, что стоимость археологических контрактов в Англии в 1999 г. составила £ 42 млн. ($ 63 млн.), что во много раз больше когда-либо выделявшегося правительством на охранные раскопки (максимальная сумма выделена в 1994 г.: £ 7.4 млн.) (Darvill, Russell, 2002. P. 55, 62). Откуда же берутся эти дополнительные средства? Они закладываются в общую стоимость строительного проекта.

В странах, где археология коммерциализована, численность археологов, занятых полевыми работами, резко выросла, что объяснимо перспективой профессионального роста и повышением оплаты труда, хотя многое предстоит еще сделать для того, чтобы она стала сопоставимой с оплатой инженеров и архитекторов. В 1998 г. в Британии насчиталось около 4000 археологов: около трети заняты в контрактной археологии, треть – кураторы в национальных или местных агентствах, треть работает в университетах и музеях (Aitchison, 1999. P. 2). Уровень профессиональной подготовки в условиях коммерциализации вызывает заметное беспокойство: в последнее время в Англии ощутим недостаток квалифицированных археологов, способных руководить масштабными проектами.

Наибольшую тревогу и ученых, и работодателей, вызывает проблема качества. В рыночной ситуации легко "надавить" на контрактных работников и ускорить ход работ за счет их качества. Один из способов контроля – надзор со стороны археологов-кураторов. В Англии он имеет разные формы, например куратор разрабатывает строгий перечень работ, подлежащих исполнению; посещает объекты для проверки выполнения намеченного, а затем смотрит отчет, удостоверяясь, что все открытое документировано тщательно. Одновременно следует развить профессиональные школы и разработать практические нормы и правила ведения конкретных видов работ (Addyman, 1989). Европейская Ассоциация археологов, насчитывающая около 1300 членов, разработала *Рабочий кодекс* (Code of Practice); подразумевается, что члены EAA следуют ему (EAA, 1997; Willems, 1999. P. 19–21), так же как принципам участия археологов в контрактных работах (EAA, 1998). В США Организация археологов-профессионалов (Register of Professional Archaeologists, около 1500 членов) опубликовала *Кодекс поведения* (Code of Conduct) и *Нормативы исследовательских работ* (Standards of research performance). В Британии сотрудники Института полевых археологов (около 1400 человек) обязуются соблюдать ряд постановлений местных властей и *Кодекс общепринятых действий, регулирующий организацию контрактных работ в полевой археологии* (Code of approved practice for the regulation of contractual arrangements in field archaeology). Подобными правилами руководствуются профессиональные объединения археологов в других странах (Нидерланды, Испания, Ирландия). Есть еще вариант: строгое лицензирование археологических работ, предусматривающее сложную систему контроля за выполнением всех условий. Эти три подхода к решению проблемы качества археологических работ оказывают положительное влияние в Англии, где исчерпывающие отчеты публикуются сегодня оперативно и в большом количестве.

Итак, в странах Европы и Америки археология превращается в серьезный бизнес. Ушли в прошлое времена, когда возможность провести исследование была особым одолжением со стороны застройщика. Нарастает вовлеченность археологии в процессы строительства, что тесно связано с глобальным движением за охрану окружающей среды. Растет профессиональный уровень исследований, а специализация снижает возможность возникновения конфликтов интересов. Финансирование работ включается в стоимость строительства, что в течение последних десяти лет дало резкое умножение археологических исследований. Эти тенденции отражают важный фактор – общественную поддержку идеи сохранения и исследования прошлого, которой автор планирует посвятить специальную работу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Addyman P.V. The role of the professional institution // Archaeological heritage management in the modern world / Ed. H. Cleere. One World Archaeology. 9. L., 1989.

Aitchison K. Profiling the profession. A survey of archaeological jobs in the UK. York, 1999.

All Natural Things. Archaeology and the Green Debate / Eds L. Macinnes, C.R. Wickham-Jones. Oxbow Monograph 21. Oxford, 1992.

Barker P. The Origin and Development of RESCUE // Rescue Archaeology / Ed. P.A. Rahtz. Harmondsworth, 1974.

Biörnstad M. The ICOMOS International Committee on Archaeological Heritage Management (ICAHM) // Archaeological heritage management in the modern world / Ed. H. Cleere. One World Archaeology. 9. L., 1989.

Champion T. Protecting the monuments: archaeological legislation from the 1882 Act to PPG16 // Hunter Preserving the past. The rise of heritage in modern Britain / Ed. M. Hunter. Stroud, 1996.

Cleere H. Managing the archaeological heritage: Special section // Antiquity. 1993. № 67 (includes the text of the 1990 ICAHM Charter).

Cleere H., Fowler P. US Archaeology through British eyes // Antiquity. 1976. № 50.

The Council for British Archaeology // Antiquity. 1944. № 18.

Council of Europe (CoE). European convention on the protection of the archaeological heritage (revised) // European Treaty Series. 143. Strasbourg, 1992.

Darvill T. "Can nothing compare 2 U?" resources and philosophies in archaeological resource management and beyond // Rescuing the historic environment. Archaeology, The Green movement and conservation strategies for the British landscape / Ed. H. Swain. Hertford, 1993.

Darvill T. Archaeology and Europe: an update // The Archaeologist. 1997. № 29.

Darvill T. Reeling in the years: the past in the present // The archaeology of Britain / Eds J. Hunter, I. Ralston. L., 1999.

Darvill T., Gerrard C. Cirencester: Town and Landscape. Cirencester, 1994.

Darvill T., Russell B. Archaeology after PPG16: Archaeological investigations in England 1990–99 // Bournemouth University School of Conservation Sciences Research Report. 10. Bournemouth, 2002.

David A. Geophysical survey in archaeological field evaluation // Research and professional Services Guidelines. 1. L., 1995.

Department of the Environment (DoE). Environmental Assessment: A guide to the procedures. L., 1989.

Department of the Environment (DoE). Planning policy guidance: Archaeology and Planning. L., 1990.

Department of the Environment (DoE). Planning policy guidance: Planning and the historic environment. L., 1995.

Department of the Environment, Transport and the Regions (DETR). Environmental Impact Assessment (DETR Circular 02 / 99). L., 1999.

Environmental Assessment and archaeology / Eds I. Ralston, R. Thomas // IFA Occasional Paper 5. Birmingham, 1993.

Environmental Impact Assessment / Ed. P. Wathern. L., 1988.

Es W.A. van, Poldermans J.M., Sarfatij H., Sparreboom J. Het bodemarchief bedreigd. Archeologie en planologie in de binnensteden van Nederland. Amersfoort, 1982.

European Association of Archaeologists (EAA). The EAA Code of Practice // The European Archaeologist. 1997. № 8.

European Association of Archaeologists (EAA). Principles of Conduct for Archaeologists Involved in Contract Archaeological Work // The European Archaeologist. 1998. № 10.

European Commission (EC). Council Directive 85/ 337/EEC on the assessment of the effects of certain public and private projects on the environment // Official J. European Communities. 1985. L 175.

European Commission (EC). Treaty on European Union. Luxembourg, 1992.

European Commission (EC). Council Directive 97/11/EC of 3 March 1997 amending Directive 85/337/EEC on the assessment of the effects of certain public and private projects on the environment // Official J. European Communities. 1997. L 73.

Excavations 2000: summary accounts of archaeological excavations in Ireland / Ed. I. Bennett. Wicklow, 2002.

Fowler D. Conserving American Archaeological Resources // American Archaeology Past and Future / Eds D.J. Meltzer, D.D. Fowler, J.A. Sabloff. Washington, 1986.

Fowler P.J. Land Management and the Cultural Resource // Planning and the Historic Environment. II / Eds R.T. Rowley, M. Breakell. Oxford, 1977.

Fowler P.J. The Business of Archaeology // New Approaches to Our Past. An Archaeological Forum / Eds T.C. Darvill et al. Southampton, 1978.

Fowler P. The Royal Commission on Historical Monuments (England) // Antiquity. 1981. № 55.

Gaffney C., Gater J., Ovenden S. The use of geophysical techniques in archaeological evaluations // IFA Technical Paper. 9. Birmingham, 1991.

Grimes W.F. Excavations of defence sites 1939–1945. I. Mainly Neolithic and Bronze Age // Ministry of Works Archaeological Reports. 3. L., 1960.

Grimes W.F., Close-Brooks J. The excavation of Caesar's Camp, Heathrow, Harmondsworth, Middlesex, 1944 // Proceedings of the Prehistoric Society. 1993. № 59.

Heighway C.M. The erosion of history. Archaeology and planning in towns: a study of historic towns affected by modern development in England, Wales and Scotland. L., 1972.

Hutt S., Blanco C.M., Varmer O. Heritage resources law. Protecting the archaeological and cultural environment. N.Y., 1999.

Hyde D. Building on the past. Urban change and archaeology. Dublin, 1993.

International Committee for Archaeological Heritage Management (ICAHM). Charter for the protection and management of the archaeological heritage. L., 1990.

Institute of Field Archaeologists (IFA). Standards and guidance for archaeological field evaluations. Reading: Institute of Field Archaeologists, 1994.

Jones B. Past imperfect: the story of rescue archaeology. L., 1984.

King T.F. Cultural resource laws and practice: an introductory guide. Walnut Creek, 1998.

Klindt-Jensen O. A history of Scandinavian archaeology. L., 1975.

Lawson A. The assessment of trunk road schemes // The Field Archaeologist. 1993. № 18.

Masson V.M. Archaeological heritage management in the USSR // Archaeological heritage management in the modern world / Ed. H. Cleere. One World Archaeology. 9. L., 1989.

McGimsey C.R. Public Archaeology. N.Y.; L., 1972.

Ministry of the Environment (MoE). Protection of Nature Act. Act No. 9 of 3 January 1992. Copenhagen, 1993.

Newman J. Detecting on evaluations – an extra dimension // The Archaeologist. 1996. № 26.

O'Keefe P.J. The European Convention on the Protection of the Archaeological Heritage // Antiquity. 1993. № 67.

Olivier A. Frameworks for our past: a review of research frameworks, strategy and perceptions. L., 1996.

O'Neil B.H. St.J. War and archaeology in Britain // Antiquaries J. 1948. № 27.

Orton C. Sampling in archaeology. Cambridge, 2000.

Palmer R., Cox C. Uses of aerial photography in archaeological evaluations // IFA Technical Paper. 12. Birmingham, 1993.

Pearson N., Brinklow D. Pipelines and archaeology: one approach // The Archaeologist. 1997. № 30.

Preserving archaeological remains in situ. Proceedings of the conf. of 1–3 April 1996 / Eds M. Corfield et al. L., 1998.

Princ M. Czechoslovakia // Approaches to the archaeological heritage / Ed. H. Cleere. Cambridge, 1984.

Rahtz P.A. Rescue Archaeology. Harmondsworth, 1974.

Royal Commission on the Historical Monuments of England (RCHM). A Matter of Time. L., 1960.

Swain H. Competitive tendering in archaeology. Papers presented at a one day conference in June 1990. Hertford, 1991.

Thomas C. Ethics in Archaeology // Antiquity. 1971. № 45.

Thomas C. After RESCUE, What next? (First deCardi Lecture). L., 1977.

Trotzig G. The new European Convention II // Antiquity. 1993. № 67.

Trotzig G., Vahlne G. Archaeology and society. Large scale rescue operations - their possibilities and problems. ICAHM Report 1. Stockholm, 1989.

Wainwright G.J. The pressure of the past: Presidential Address // Proc. Prehistoric Soc. 1984. № 50.

Wainwright G.J. The management of change: archaeology and planning // Antiquity. 1993. № 67.

The war and classical remains in Italy // Antiquity. 1944. № 18.

Willems W.J.H. Archaeological Heritage Management in the Netherlands: past, present and future // Archaeological heritage management in the Netherlands / Eds W.J.H. Willems, H. Kar, D.P. Hallewas. Amersfoort, 1997.

Willems W.J.H. The future of European Archaeology. Oxbow Lecture 3.Oxford, 1999.

York development and archaeology study. York, 1991.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 176–184

ИСТОРИЯ НАУКИ

НОВОСТРОЙКИ И АРХЕОЛОГИЧЕСКАЯ НАУКА

© 2005 г. А. С. Смирнов

Институт археологии РАН, Москва

Археологическое сообщество всегда одной из своих приоритетных задач провозглашало охрану исторического наследия. Основанное в 1846 г. Русское археологическое общество, согласно § 1 своего устава, "имело обязанностью сохранение для науки древностей, находимых в отечестве" (Веселовский, 1900. С. 74). Подобные цели ставились провинциальными археологическими объединениями, Губернскими архивными комиссиями, Обществом защиты и сохранения в России памятников искусства и старины. Проблема охраны памятников присутствовала в повестке всех двенадцати археологических съездов.

Деятельность РАИМК, по своему уставу, в первую очередь, сводилась к научному исследованию памятников древности и к разработке научных основ охраны этих памятников (Жебелев, 1923. С. 115). Б.Ф. Фармаковский, ученый секретарь ГАИМК, первым заданием Академии признавал организацию экспедиций и принятие мер охраны памятников древности (Фармаковский, 1926. С. 7). Такие же цели провозглашают и современные археологические учреждения.

Изначально большое внимание уделялось сохранности памятников в зонах строительства. Подобные требования содержатся в "Высочайше утвержденном положение о губернских и областных строительных и дорожных комиссиях" 1854 г., в "Уставе строительном" 1857 г. В Циркуляре МВД 1869 г. Археологической Комиссии вменялись действия по сохранению памятников при строительных работах (Высочайше утвержденное положение..., 2000. С. 120–124). В 1865 г. Комиссия направила в Департамент железных дорог Отношение, подписанное И.Е. Забелиным, с просьбой уведомлять о строительных работах в местах расположения курганов и городищ. При путейских работах обнаружены Гнёздовские курганы, Фатьяновский, Каякентский и Андроновский могильники, давшие в последствии названия археологическим культурам.

Интересно, что российские ученые проводили охранные работы и за пределами Империи. Русский археологический институт в Константинополе в 1909–1910 гг. осуществлял археологические исследования при прокладке железной дороги в древнем квартале Евгения, где были обнаружены фундаменты византийских построек и древнехристианский некрополь. В 1914 г. РАИК исследовал остатки церкви Халкопратьийской Богоматери, обнаруженной при земляных работах близ Святой Софии. (Басаргина, 1995. С. 66–70).

После 1917 г. новостроечные работы проводились в зоне Свирской ГЭС, сооружаемой по плану ГОЭРЛО. В 1923 г. М.Е. Массон осуществлял археологический надзор в Самарканде. С 1927 г. П.П. Ефименко проводил обследование в зонах строительства Ленинградской области.

Одной из первых советских организаций, целенаправленно осуществлявших спасение памятников при строительстве, был Всеукраинский археологический комитет. Им проведены в 1927–1932 гг. работы на Днепрогэсе, в 1930–1932 гг. в ложе Южнобугской ГЭС, на строительстве комбината "Азовсталь".

В 1931 г. Наркомпрос провел конференцию, провозгласившую преимущественную ориентацию полевых работ на новостроечную тематику (Конференция по планированию..., 1931. С. 20–22). В 1932 г. в ГАИМК организован специальный Комитет по работам Академии на новостройках. В 1950-х годах в Институте археологии АН СССР действовала комиссия "По работам на великих стройках коммунизма". В 1968 г. в Институте археологии АН УССР организован отдел новостроечных экспедиций. В 1973 г. в Институте археологии АН СССР создан отдел охранных раскопок. В 1985 г. Отдел работ на новостройках появился в Институте археологии АН УзССР.

Справедливо задать вопрос, что получает археологическая наука от новостроечных экспедиций? Попробуем кратко оценить научную отдачу от охранных мероприятий на примере российской археологической науки[1] и начнем с памятников эпохи палеолита, которые исследовались еще Днепрогэсовской экспедицией. В начале 30-х годов в ложах ГЭС открыты стоянка Анетовка, Островская, в Сибири обследовано свыше двадцати палеолитических памятников.

После войны в зонах водохранилищ раскапывались мустьерские стоянки Сухая Мечетка, Мо-

[1] Основная информация касается новостроечных работ в пределах современных границ Российской Федерации. В ряде случаев приводятся данные о работах на территориях Украины. Анализируются материалы, полученные в основном в советское время.

лодово I, Голубая I, IV, Катушка, Мадарак, грот Двуглазка. В ложе Майнской ГЭС выявлено более 20 стоянок, что позволило говорить о Майнинском палеолитическом районе (Васильев, 1991. С. 5–20). Исследования на Красноярской ГЭС позволили создать периодизацию верхнего палеолита Енисея (Абрамова З.А., 1971), выделить кокоревскую культуру (Абрамова З.А., 1979). В зоне Ангарстроя, затем Братской ГЭС с 1931 г. по 1958 г. раскапывалась стоянка Мальта (Липина, 2002. С.8–10) и более поздние памятники верхнего палеолита Прибайкалья (Абрамова З.А. и др., 1960. С. 5, 6).

Первые мезолитические стоянки запада Кольского полуострова открыты в зоне Патсойоксой ГЭС (Гурина, 1971. С. 94–99). Раскопки на Европейском Севере позволили детально охарактеризовать культуру типа Веретья (Ошибкина, 1997). На средней Печоре исследования первых мезолитических памятников проведены в зоне Усть-Войского водохранилища и Усть-Ижемской ГЭС.

Материалы новостроечных исследований стоянок Соболевской, Скнятинской и Гремячее долгие годы были основой представлений о мезолите Верхней и Средней Волги (Третьяков, 1963. С. 9–24). Мезолитические памятники стали активно исследоваться с начала 70-х годов в зонах мелиорации Десны, Оки, Волго-Окского междуречья и Верхней Волги. На этих материалах выделены рессетинская, пургасовская и култинская культуры, охарактеризована культурно-историческая ситуация в Верхнем Поднепровье, по новому освещена эпоха мезолита центра Русской равнины, генезис некоторых прибалтийских культур (Сорокин, 2002). По материалам новостроечных работ выделена камская мезолитическая культура. Благодаря новостройке исследован древнейший памятник Горбуновского торфяника – стоянка Серый Камень (Сериков, 1997. С. 15–25), изучались Синташтинские стоянки (Алексашенко и др., 1973. С. 153, 154). Один из первых мезолитических комплексов Прибайкалья выявлен в ложе Ангарской ГЭС (Абрамова З.А. и др., 1960. С. 8).

Переходя к результатам изучения более поздних эпох, мы все чаще говорим о новых культурах, открытых в результате новостроечных работ. Нарвская ранненеолитическая культура выделена Н.Н. Гуриной по итогам раскопок в зоне Нарвской ГЭС (Гурина, 1967. С. 5, 6). В Подесенье и Посожье обнаружены памятники раннего неолита, определены границы верхнеднепровской и деснинской культур, их взаимодействие между собой и льяловской культурой, предложен новый взгляд на "белевские" памятники (Смирнов А.С., 1991). В ложе Воронежского водохранилища раскопаны Университетские стоянки – опорные памятники среднедонской культуры (Синюк, 1986). Новостроечные работы расширили представления о верхневолжской, льяловской и балахнинской культурах (Халиков, 1973. С. 117–120).

Раскопки в ложе Чебоксарской ГЭС позволили проследить генезис населения, изготовлявшего посуду с накольчатым орнаментом, его взаимодействие с племенами Волго-Камья (Никитин, 1984. С. 48–66). Благодаря новостройкам выделена неолитическая камская культура. Неолитические памятники Казанского Поволжья открыты при строительстве Куйбышевской ГЭС, что расширило границы камской культуры и дало ей новое название – волго-камская (Халиков, 1973. С. 107). В лесостепном Поволжье открыта елшанская культура, обнаружены материалы с гребенчатой орнаментацией (Агапов, Васильев, 1985. С. 24).

При новостроечных работах изучены опорные памятники днепро-донецкой неолитической культуры, обоснованы ее хронология и периодизация.

Благодаря новостройкам, продолжены исследования стоянки I Береговая Горбуновского торфяника – известного памятника уральской археологии. Работы в ложе Новосибирской ГЭС дали материалы трех последовательных периодов неолита западносибирского типа (Грязнов, 1960. С. 22). По результатам работ в зоне Красноярской ГЭС в Минусинских степях выделена и изучена неолитическая эпоха (Грязнов, 1965). Представления о неолите Тувы основываются на результатах раскопок в зонах Майнской и Саяно-Шушенской ГЭС (Неолит ..., 1996. С. 295; Семенов, 1983. С. 20–25).

По результатам Ангарской экспедиции создана классификация могильников Прибайкалья (Окладников, 1938), сформировано современное представление о китойской, исаковской и серовской культурах (История Сибири, 1968. С. 31).

Наши представления о трипольской энеолитической культуре многим обязаны работам в зонах ГЭС на Южном Буге и Днепре. Исследования на новостройках позволили выделить нижнемихайловскую, кеми-обинскую, усатовскую культуры (Горішній и др., 1987. С. 71), "постмариупольские" захоронения (Ковалева, 1985. С. 21, 22), доямные курганные погребения на Ставрополье (Кореневский и др., 1986. С. 53). Выяснено, что Прикубанье на раннеэнеолитическом этапе входило в зону воздействия северных культур, позднее среднестоговской и раннеямной (Гей, 1985. С. 38, 39). В Среднем Поволжье получены материалы о формировании самарской культуры, в лесостепном выявлены стоянки, промежуточные между волосовскими и гаринско-борскими (Агапов, Васильев, 1985. С. 24). Памятники волосовского времени, в том числе поселение Володары (Краснов, 1979. С. 102), исследовались при строительстве Волжских ГЭС.

Энеолитические памятники Прикамья открыты при новостроечных работах 1934–1937 гг. Их изучение продолжено в 1947–1959 гг. Камской экспедицией.

Работы в ложе Саянской ГЭС позволили расширить территорию афанасьевской культуры, создать периодизацию культур неолита и бронзы Тувы (Семенов, 1989).

Фатьяновские памятники исследовались в ложе Горьковской ГЭС (Тр. Горьковской ..., 1963. С. 7) и на Верхней Оке (Смирнов А.С., 1987; Сорокин, Дукельский, 1986). Памятники среднеднепровской культуры раскапывались на Днепрогэсе (Добровольский, 1929), в зонах Киевской (Тереножкин, 1962. С. 4) и Каневской ГЭС (Довженок, 1962. С. 9).

Исследование ямной культуры на новостройках начались в 20–30-х годах XX в. Важнейшее значение имели раскопки первого и второго Михайловских поселений в зоне Каховской ГЭС. Работы в ложе Сталинградской ГЭС выявили особенности и хронологию поволжских погребений (Смирнов А.П., 1954. С. 25). Раскопки в зонах ирригации Среднего Поволжья расширили круг Волго-Уральской группы ямных памятников, обозначили преемственность между ямной и полтавкинской культурами (Агапов, Васильев, 1985. С. 24). Благодаря охранным работам, впервые древнеямные погребения обнаружены на Ставрополье (Краснов, 1979. С. 100).

Исследования в зонах мелиорации Северного Кавказа осветили взаимодействие ямной, новотиторовской (Бестужев и др., 1985. С. 34, 35) и петропавловской культур (Гей, Каменецкий, 1986. С. 40). Новотиторовская культура также стала известна благодаря охранным исследованиям (Гей, 2000).

Погребения катакомбной культуры в Заволжье впервые открыты Сталинградской экспедицией (Смирнов А.П., 1954. С. 25), позднее обнаружены в Волго-Уральских степях (Краснов, 1979. С. 101). Работы в зонах орошения Нижнего Дона показали, что в раннекатакомбное время доминирует влияние из центральных районов Северного Кавказа, позднее – северо-западных (Бестужев и др., 1985. С. 35). Продвижение катакомбников к Кавказскому хребту прослежено при охранных работах на территории Кабардино-Балкарии (Батчаев, 1984).

Исследование майкопских древностей на новостройках началось еще в 30-х годах. Майкопские комплексы исследовались в центральной и восточной частях Ставропольского края (Мунчаев, 1994. С. 162) и впервые обнаружены в северных районах Ставрополья (Краснов, 1979. С. 100). Охранные раскопки в Кабардино-Балкарии уточнили их хронологическое соотношение с памятниками северокавказской культуры, которые изучались еще в 1932 г. на Баксанстрое (Дегеи-Ковалевский, 1935. С. 12, 14). Вышедшая недавно обобщающая работа С.Н. Кореневского по майкопской культуре практически полностью основывается на материалах новостроечных исследований (Кореневский, 2004).

В Среднем Поволжье раскапывались памятники средневолжской и полтавкинской культур, выявлен "лбищенский" культурный тип (Агапов, Васильев, 1985. С. 24, 25).

В результате охранных работ раскопаны десятки поселений и несколько тысяч погребений срубной культуры. Материалы поволжских экспедиций легли в основу периодизации Н.Я. Мерперта. Позднее, на основании работ на участках мелиорации установлено, что срубные памятники складывались на основе полтавкинской и абашевской культур при участии населения лбищенского типа (Агапов, Васильев, 1985. С. 25). В Орельско-Самарском междуречье установлена их связь с погребениями культуры многоваликовой керамики (Ковалева, 1985. С. 22). В Подонье выявлены погребения с элементами абашевской культуры (Краснов, 1979. С. 99), на Белгородчине поселения с чертами, характерными для памятников Поволжья. В Прикубанье выявлен самостоятельный вариант срубной культуры (Сорокина, 1985).

Работы в зонах строительства расширили границы кобанской культуры (Каминский, Астахов, 1990), уточнили ее хронологию (Андреева, Козенкова, 1986) и позволили выделить Минераловодскую группу (Кореневский и др., 1986. С. 55).

Материалы абашевской культуры обнаружены в курганах Среднего Дона. Для понимания приказанской культуры оказались важны работы в зоне Куйбышевской, Нижнекамской и Чебоксарской ГЭС. Эпоха бронзы в Прикамье стала известна благодаря работам в ложе Камской и Волжской ГЭС.

Исследования известного комплекса Аркаим, обнаруженного при проектировании Караганского водохранилища, привели к пересмотру представлений об уровне социально-экономического развития населения Южного Урала в эпоху бронзы.

Памятники андроновской культуры были объектом исследования в зоне Новосибирской и Красноярской ГЭС. В долине р. Обь выделен особый вариант карасукской культуры (Грязнов, 1960. С. 23), поставлен вопрос об уточнении ее границ и датировки (Паульс, 1985. С. 62–64). Памятники тагарской культуры исследовались в ложе Красноярской ГЭС, затем в зонах орошения. Благодаря спасательным раскопкам в Прииртышье подтвержден факт существования, решены вопросы формирования и развития краснозерской культуры рубежа бронзового и железного веков (Абрамова М.Б., Стефанов, 1985).

Практически все опорные памятники дьяковской культуры исследованы при новостроечных

работах: в 1932–1933 гг. раскопаны Пекуновское и Санниковское городища, в 1934–1935 гг. Березняковское. Результаты новостроечных работ стали основой обобщающего труда П.Н. Третьякова (Третьяков, 1941). Позднее в ложе Можайского водохранилища раскопано Троицкое городище, на трассе автодороги – городище Настасьино. Исследования ананьинской культуры активно велось Куйбышевской (Смирнов А.П., 1954. С. 21) и Чебоксарской экспедициями (Краснов, 1976. С. 13).

Скифские могильники, в рамках новостроечных работ, впервые изучались на Днепрогэсе (Добровольский, 1929. С. 61), позднее в зоне Каховской ГЭС и Кременчугской ГЭС, а также Молочанского водохранилища. Большое значение для понимания скифской культуры имеют исследованные Б.Н. Граковым Каменское и Гавриловское городища. Курганы Толстая Могила, Гайманова могила, могильник "Частые курганы", уникальный подкурганный погребальный комплекс, включающий храм огня, на Ставрополье и многие другие памятники исследовались благодаря охранным раскопкам. Подтверждена гипотеза об освоении скифами Предкавказья, служившего для них плацдармом в переднеазиатских походах (Кореневский и др., 1986. С. 56, 57).

Материалы предсавроматского периода получены, в первую очередь, в результате новостроечных работ (Дворниченко, Кореняко, 1989. С. 148). Качественно новый этап в изучении сарматов также связан с охранными работами (Мошкова, 1989. С. 160), начало которым положено Сталинградской экспедицией. Сарматские погребения раскапывались в Нижнем Поволжье, Волго-Донском междуречье, в Среднем и Нижнем Подонье, на Северном Кавказе. Выделены группы раннесарматских погребений в центре и на северо-востоке Ставрополья (Абрамова М.П., 1989. С. 273, 274), доказано сосуществование подкурганного и бескурганного обрядов погребения (Кореневский и др., 1986. С. 58). Раскопан Чегемский сарматский могильник, где представлены ранние катакомбные захоронения (Кеферов, 1985)

Благодаря охранным исследованиям, удалось выделить границы локальных групп меотской культуры, определить время их существования, локализовать южную границу культуры (Каменецкий, 1989. С. 224, 225).

Исследования в зоне Красноярской ГЭС уточнили хронологию (Грязнов, 1965. С. 70) и периодизацию (Вадецкая, 1991. С. 237) таштыкской культуры. Работы в зоне Саяно-Тувинской ГЭС дали обильный материал эпохи ранних кочевников Тувы. При строительстве Чуйской ГЭС раскапывались могильники, близкие пазырыкской культуре.

Охранные работы на античных памятниках начались в конце XIX в., когда при строительстве порта Феодосии А.Л. Бертье-Делагарт обнаружил остатки мола (Колли, 1901). В 1932 г. работала Камыш-Бурунская экспедиция, раскапывавшая городища Тиритаки и Мирмекий. В 1954 г. начаты охранные работы в Анапе. Обнаружены следы первоначального поселения, выявлена структура города, особенности домостроительства (Алексеева, 1986. С. 61, 63). Охранные работы на античных памятниках вели Фанагорийская, Таманская, Запорожская, Ильичевская экспедиции ИА РАН.

Балтские, а чаще финно-угорские раннесредневековые древности были предметом охранных раскопок в Верхнем Поволжье (Леонтьев и др., 1986. С. 19). Памятники киевской культуры привлекли внимание исследователей только после новостроечных работ начала 70-х г. XX в. В результате охранных работ раскопан Ромашковский могильник, где В.В. Хвойко впервые обнаружил черняховские материалы. Раскопки в зоне Каховской и Днепродзержинской ГЭС, Молочанского водохранилища показали, что черняховские племена пришли сюда во II–III вв. н.э. с севера (Сымонович, 1955) и продвинулись в степь (Кучера, Драчук, 1962. С. 101). Пеньковские памятники открыты благодаря раскопкам в зоне Кременчугской ГЭС (Березовец, 1963). Зарубинецкие поселения изучались в зоне Киевской ГЭС и Белгородского водохранилища.

Важный этап изучения салтовской культуры связан с деятельностью в 30-х годах Волго-Донской, а затем Саркельской экспедиций М.И. Артамонова. В начале 50-х годов при сооружении Цимлянского водохранилища раскапывался Саркел. Материалы Куйбышевской экспедиции позволили А.П. Смирнову говорить о роли салтовской культуры в формировании волжских болгар (Смирнов А.П., 1954. С. 23). В зоне Печенежского водохранилища на рубеже 50–60-х годов прошлого столетия раскапывался комплекс памятников у с. Верхнее Салтово, изучались Нетайловское поселение и могильник, городище Маяки.

Одни из первых масштабных охранных исследований комплекса древнерусских городищ были осуществлены в зоне Каневской ГЭС. Два городища раскопаны Б.А. Рыбаковым, одно из них является древним Витичевом, упоминаемым Константином Багрянородным. Щучинское городище раскапывалось В.И. Довженком и отождествлялось им с летописным Чучином (Довженок, 1967). Впоследствие славянские городища не раз становились объектами охранных раскопок.

Древнерусские селища исследовались еще при сооружении Днепрогэса. Масштабные раскопки проводились на строительстве каскада днепровских ГЭС, по итогам этих работ выяснилось, что

в древнерусское время наиболее плотно была заселена лесостепь (Куза, 1985. С. 25). Охранные работы на Верхней Волге подтвердили этническую неоднородность населения древнерусских селищ X–XI вв. в этом регионе (Леонтьев и др., 1986. С. 19). Селища древнерусского времени являются одним из наиболее распространенных объектов при новостроечных работах в центре Европейской России.

Переходя к охранным работам в исторических городах трудно удержаться от желания предварить их словами Д.С. Лихачева из знаменитой "Декларации прав культуры": "Исторические города должны иметь право на сохранение не только своего центра, но также окраин и окрестностей, которые зачастую представляют собой историческую ценность" (Лихачев, 2000. С. 13). В этом контексте, в первую очередь, следует говорить о работах в Новгороде, где изначально потребности изучения связывались с охраной культурного слоя (Хорошев, 2000. С. 24). С 1967 г. одной из главных задач экспедиции стали работы на участках строительства (Куза, 1985. С. 86). В.Л. Янин заявлял: "Мы уже двадцать лет ведем раскопки только на местах срочных отводов и, понимая, что такой порядок становится неизбежным на весь обозримый период, перестроили всю научную программу, которая от этого только выиграла. Раскопки вовлекают в сравнительный анализ материалы из разных районов древнего города и позволяют ставить новые, сложные проблемы истории, изучение которых еще недавно казалось недоступным науке" (Янин, 1987. С. 15).

Охранные работы в г. Пскове, начавшись в 1967 г., позволили уточнить картину заселения посада и других исторических частей, реконструировать динамику расселения и строительства (Лабутина, Кулакова, 2003). Исследования в Твери детализировали древнюю топографию города, включая кремлевские укрепления (Хохлов, 1997), архиерейскую резиденцию (Салимов, 2001) и городские посады (Курбатов, 2001). Работы в Ростове Великом выявили этапы развития города и его сельской округи с X по XVIII в., подтвердили этническую неоднородность населения (Леонтьев, 2003). По результатам раскопок во Владимире реконструированы многие этапы истории города, в том числе разгром 1238 г. (Жарнов, 2003).

В Москве систематические наблюдения начались в 1926 г., продолжились на строительстве метро и позднее. Сейчас на новостройках столицы сконцентрированы значительные научные силы. Только благодаря новостройкам имеется возможность проводить раскопки в Кремле.

Новостроечные работы проводились также в Смоленске, Ярославле, Переславле-Залесском, Ивангороде и многих других городах.

Большие работы по исследованию Великих Болгар осуществлялись Куйбышевской экспедицией, обнаружившей следы разгрома 1236 г. Раскопки Ага-Базара, пригорода Болгар, характеризовали этапы существования города, этнический состав населения и происхождение культуры волжских болгар (Смирнов А.П., 1954. С. 17, 22–24).

В связи с новостройками исследовалось средневековые памятники веси, цнинской мордвы, раскапывались известные Новоядринский и Безводненский могильники (Краснов, 1976. С. 13). Благодаря новостройкам, в Прикамье выделена родановская культура (Розенфельдт, 1987. С. 153).

Многочисленные средневековые кочевнические погребения раскопаны Сталинградской экспедицией (Смирнов А.П., 1954. С. 25). Погребения военной знати домонгольского времени исследованы в Нижнем Поволжье. Золотоордынские погребения обнаружены в Воронежской области. Интересен половецкий комплекс XIII в. из кургана в бассейне р. Молочная, свидетельствующей о пребывании половцев на Угорщине, Болгарии, Руси, об их контактах с крестоносцами (Горішній и др., 1987. С. 73).

Исследования в зонах мелиорации Северного Кавказа выявили этническую неоднородность населения в эпоху раннего средневековья. Изучались аланские погребения (Габуев, 1985), курганы гуннского (Бетрозов, 1987) и кабардинского времени (Нагоев, 1987), многочисленные средневековые памятники (Чеченов, 1987).

Даже на основе вышеприведенного краткого и, несомненно, неполного обзора можно утверждать, что результаты новостроечных работ и их вклад в науку очевидны. Трудно назвать археологическую культуру, при изучении которой не использовались бы материалы новостроечных исследований. Многие культуры, как мы видели, были открыты именно в результате спасательных работ. В целом ряде работ исследователи отдают должное материалам, полученным при охранных раскопках. Общеизвестной истиной стал факт, что бóльшая (Шелов, 1981. С. 6, 7), если не бóльшая (Стоянов, 1984. С. 3) часть нового археологического материала, без которого наша наука не может существовать и развиваться, в последние полвека поступает в результате охранных работ. В этой статье мы постарались показать, что и научные результаты новостроечных экспедиций впечатляющи. Без них наши представления о древней и древнейшей истории были бы значительно менее цельными и полными.

Наши предшественники считали своим научным долгом работы по спасению памятников. О.Н. Бадер проработал на новостройках большую часть жизни, был заместителем председателя Научно-методического совета по охране па-

мятников при Министерстве культуры СССР, руководил археологической секцией.

Сталинградскую экспедицию возглавляли Е.И. Крупнов, будучи заместителем директора Института, затем К.Ф. Смирнов, заведовавший сектором скифо-сарматской археологии.

А.П. Смирнов, начав свою новостроечную деятельность на строительстве Московского метро, возглавил Куйбышевскую экспедицию, будучи заместителем директора. В 1968–1973 г., будучи заведующим сектором скифо-сарматской археологии, руководил Чебоксарской экспедицией. В последние годы жизни им создана Поволжская экспедиция, начальником которой с 1970 г. стал Г.А. Федоров-Давыдов.

М.И. Артамонов возглавил свою первую новостроечную экспедицию в 1933 г. В 1949–1961 г. руководил Волго-Донской экспедицией. Воронежскую лесостепную скифскую экспедицию возглавил П.Д. Либерова, будучи доктором наук, а ранее заместителем директора Института. Н.Н. Гурина руководила новостроечными Нарвской, Горьковской и Кольской экспедициями, отрядами Братской и Красноярской экспедиций. В.В. Седов возглавил Псковскую экспедицию, будучи заведующим сектором.

Созданной в 1951 г. Ангарской экспедицией руководил А.П. Окладников. М.П. Грязнов возглавил в 1952 г. Новосибирскую экспедицию, в 1958 г. – Красноярскую.

В руководимых этими учеными экспедициями участвовали практически все археологи, так или иначе связанные с изучаемой проблематикой.

В то же время нельзя не признать, что эти работы проводятся далеко не в том объеме, которые необходимы для действенной охраны археологического наследия, и как следствие мы теряем большое, если не большее, количество материала, столь необходимого для новых исторических обобщений и реконструкций. В настоящее время в России выдается около 400 Открытых листов по форме № 4 – для проведения охранных археологических раскопок. Примерно такое же количество разрешений для охранных работ выдается и в Дании. И это при несопоставимых размерах территорий этих стран. В Японии количество подобных разрешений достигает нескольких тысяч.

Нельзя не признать, что к этому есть ряд объективных причин. Развитие науки диктует все большую специализацию ученых, требуют все больше времени и усилий. Да и археологическая работа на новостройках изменилась. Ушли в прошлое экспедиции на гигантских "стройках коммунизма", позволявших планировать работы на годы вперед.

Лидерство в проведении новостроечных работ долгие годы принадлежало академическим институтам, в первую очередь Москвы и Ленинграда. Их экспедиции являлись кузницей кадров для региональных научных центров, вузов.

С начала 80-х годов основной объем новостроечных работ осуществляются археологами различных региональных учреждений (Шелов, 1981. С. 6). Проанализируем динамику выдачи Открытых листов по форме № 4 на право охранных археологических раскопок. Эта форма Открытого листа появилась в 1954 г., но в массовом порядке они стали выдаваться только начиная с 80-х годов[2]. В 1980–1989 гг. доля сотрудников институтов Академии наук, держателей Открытого листа по форме № 4, достигала в отдельные годы 26%, а в среднем составили 19%. В 90-е годы их доля сократилась до 14%, а в последние 4 года составляет более 12%. На первое место по количеству полученных Открытых листов по форме № 4 вышли органы охраны памятников, сотрудники которых получили в 2003 г. 30% разрешений на аварийные раскопки. Ни в коей мере не умаляя их роли в работе по охране памятников археологии, нельзя не признать, что в органах охраны работает наиболее молодая часть археологов.

Как правило, научные археологические учреждения России не имеют специализированных подразделений для проведения охранных работ. Показательно, что большую часть Открытых листов по форме № 4 в системе РАН получают сотрудники Института археологии, где традиции новостроечной археологии наиболее крепки и где с 1972 г. существует специализированный отдел. В последние годы они получают до 62% Открытых листов по форме № 4, выдаваемых среди организаций РАН. Средняя же цифра за период 1981–2003 г. – 44%. В отношении ИИМК РАН эта цифра составляет около 14%. Другие институты получают лишь единичные Открытые листы на аварийные раскопки. Это очень печально, так как охранные раскопки проводятся на памятниках, которые вскоре полностью исчезнут с лица земли. И в этом случае профессионализм специалистов ведущих археологических учреждений весьма востребован. Отсутствие системы в охранной деятельности профессиональных археологов, использование на этой работе недостаточно квалифицированных кадров ведут помимо прямого ущерба памятникам к дискредитации подобной деятельности как в глазах самих археологов, так и в глазах инженерно-строительного сообщества и общества в целом. Все это не способствует сохранению археологического наследия страны.

Красноречивым показателем, характеризующим реальное отношение отечественных ученых к проблеме сохранения памятников, является ко-

[2] Исходные данные предоставлены Отделом полевых исследований Института археологии РАН, руководителю и сотрудникам которого автор приносит свою глубокую благодарность.

личество российских археологов – членов Международного совета по охране памятников и исторических поселений (ICOMOS), организации сугубо добровольной. В составе членов советского комитета ICOMOS были известные ученые М.А. Дэвлет (комитет по наскальному искусству), Б.И. Маршак (комитет по земляным структурам) В.В. Седов (комитет по управлению археологическим наследием)[3]. Сейчас в числе 7000 членов ICOMOS (President's massage, 2003) отечественных археологов практически нет. Хотя чисто научные археологические общества, например Европейская ассоциация археологов, активно расширяются за счет российских ученых.

Охранные археологические работы были, есть и будут прерогативой научного сообщества. Современное поколение российских археологов должно, по примеру своих предшественников, осознать первостепенную важность деятельности по спасению памятников, однозначно принять положение, что именно наука несет ответственность перед будущими поколениями за сохранность археологических ресурсов страны.

Российская академия наук в лице ее археологических учреждений должна определить свое место в деятельности по спасению археологического наследия страны с учетом новых реалий. Институты академии в настоящее время не могут, как в прежние годы, осуществлять основной объем охранных раскопок. Они и не должны сейчас стремиться к этому. Институты РАН имеют своей задачей разработку фундаментальных проблем древней истории России. Именно с этой точки зрения должна определяться их роль в области охранной археологии, организации новостроечных экспедиций. Разработка методики охранной археологической деятельности, координация новостроечных работ, научное руководство наиболее крупными комплексными экспедициями – вот поле деятельности академической науки в области охранной археологии.

Автор далек от желания идеализировать ситуацию в охранной археологии, на которую неизбежно влияют экономические моменты, сжатые сроки проведения работ, хронический недостаток времени для спокойного осмысления материалов и многое другое. Проблем здесь достаточно и они актуальны не только для российской археологии. В зарубежной литературе тема соотношения исследовательской и охранной археологии дискутируется не одно десятилетие. При этом надо помнить, что в зарубежной археологии велико участие чисто коммерческих археологических объединений. Особенно ярко это проявляется в североамериканской археологии, но также присутствует в британской археологии и в иных европейских странах. И все же в результате дискуссии европейское археологическое сообщество пришло к выводу, что положительные результаты охранной археологии, несомненно, превалируют над ее недостатками, а сама охранная археология является видом научной деятельности. Недаром термин "коммерческая археология", первоначально использовавшийся в европейской литературе, был в последствие сознательно заменен на понятие "контрактная археология". Именно большую научную отдачу от охранной археологической деятельности в России и старался показать автор в этой статье.

[3] Материалы Советского комитета ICOMOS предоставлены В.В. Седовым, которому автор приносит свою искреннюю благодарность.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Абрамова З.А. Новые данные по палеолиту Енисея // МИА. 1971. № 173.

Абрамова З.А. Палеолит Енисея. Кокоревская культура. Новосибирск, 1979.

Абрамова З.А., Ларичев В.Е., Седякина Е.Ф. Новые данные по древней истории Прибайкалья (по данным раскопок 1958–59 гг.) // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960.

Абрамова М.Б., Стефанов В.И. Краснозерская культура на Иртыше // Археологические исследования в районах новостроек Сибири. Новосибирск, 1985.

Абрамова М.П. Центральный Кавказ в сарматскую эпоху // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология. М., 1989.

Агапов С.А., Васильев И.Б. Охранные работы на памятниках неолита и бронзового века Среднего Поволжья (1974–1984 гг.) // АИЗМ. Л., 1985.

Алексашенко Н.А., Генинг В.Ф., Гусенцова Т.М. и др. Работы в зоне Брединского водохранилища // АО–1972. 1973.

Алексеева Е.М. Анапская экспедиция в 1973–1984 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.

Андреева М.В., Козенкова В.И. Комплекс начала I тысячелетия до н.э. из урочища Клин-Яр (Кисловодская котловина) // СА. 1986. № 1.

Басаргина Е.Ю. Русский археологический институт в Константинополе: архивные фонды // Архивы русских византистов в Санкт-Петербурге. СПб., 1995.

Батчаев В.М. Погребальные памятники у селений Лечинкай и Былым // АИНКБ. Т. 1. Нальчик, 1984.

Березовец Д.Т. Поселение уличей на Тясмине // МИА. 1963. № 108.

Бестужев Г.Н., Избицер Е.В., Трифонов В.А. Работы Кубанской экспедиции ЛОИА АН СССР в зонах мелиорации (1978–1984 гг.) // АИЗМ. Л., 1985.

Бетрозов Р.Ж. Курганы гуннского времени у селения Кишпек // АИНКБ. Т. 3. Нальчик, 1987.

Вадецкая Э.Б. Таштыкская культура // Степная полоса Азиатской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1991.

Васильев С.А. Поздний палеолит верхнего Енисея (по итогам раскопок на водохранилище Майнской ГЭС) // СА. 1991. № 2.

Веселовский Н.И. История императорского русского археологического общества за первое пятидесятилетие его существования. 1946–1886. СПб., 1900.

Высочайше утвержденное положение об императорской Археологической комиссии // ОКНР. Т. 1. М., 2000.

Габуев Т.А. Аланские погребения IV в. н.э. в Северной Осетии // СА. 1985. № 2.

Гей А.Н. Развитие представлений об энеолите-раннем бронзовом веке западного Предкавказья в связи с работами на новостройках Краснодарского края // АИЗМ. Л., 1985.

Гей А.Н. Новотиторовская культура. М., 2000.

Гей А.Н., Каменецкий И.С. Северо-Кавказская экспедиция в 1979–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.

Горішній П.А., Отрощенко В.В., Шапошникова О.Г. Дослідження на новобудовах України // Археологія. 1987. Вип. 57.

Грязнов М.П. Археологические исследования на Оби в ложе водохранилища Новосибирской ГЭС // Научная конференция по истории Сибири и Дальнего Востока. Иркутск, 1960.

Грязнов М.П. Работы Красноярской экспедиции // КСИА. 1965. Вып. 100.

Гурина Н.Н. Из истории древних племен западных областей СССР // МИА. 1967. № 144.

Гурина Н.Н. Новые исследования в северо-западной части Кольского полуострова // КСИА. 1971. Вып. 126.

Дворниченко В.В., Кореняко В.А. Предшественники савроматов в Волго-Донском междуречье, Заволжье и южном Приуралье // Степи европейской части СССР в скифо-сарматовское время. Сер. Археология СССР. М., 1989.

Деген-Ковалевский Б.Е. Работы на строительстве Баксанской гидроэлектростанции // Изв. ГАИМК. 1935. Вып. 110.

Добровольский А.В. Звіт за археологічні досліди на території Дніпрельстану р. 1927 // Збірник Дніпропетровського історично-археологічного музею. Дніпропетровськ, 1929.

Довженок В.И. Археологические работы на территории Каневской ГЭС в 1960 г. // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

Довженок В.И. Древнерусские городища на Среднем Днепре (в зоне строительства Каневской ГЭС) // СА. 1967. № 4.

Жарнов Ю.Э. Археологические исследования во Владимире и "проблема 1238 года" // Русь в XIII веке: Древности Темного времени. М., 2003.

Жебелев С.А. Введение в археологию. Ч. 1. История археологического знания. Пг., 1923.

История Сибири. Т. 1. Л., 1968.

Каменецкий И.С. Меоты и другие племена северо-западного Кавказа в VII в. до н.э. – III в. н.э. // Степени европейской части СССР в скифо-сарматское время. // Сер. Археология СССР. М., 1989.

Каминский В.Н., Астахов И.Л. Воинские погребения позднекобанского времени из могильника Мостового на Урупе // СА. 1990. № 1.

Кеферов Б.М. Чегемский курган-кладбище сарматского времени // АИНКБ. Т. 2. Памятники эпохи поздней бронзы и раннего железа (IX–VII вв. до н.э. – II в. н.э.). Нальчик, 1985.

Ковалева И.Ф. Итоги и перспективы работы новостроечной экспедиции Днепропетровского государственного университета // АИЗМ. Л., 1985.

Колли Л.П. Следы древних культур на дне морском // Изв. Таврической уч. археол. комисии. Симферополь, 1901. Вып. 43.

Конференция по планированию археолого-раскопочных работ // Сообщ. ГАИМК. № 7. Л., 1931.

Кореневский С.Н. Древнейшие земледельца и скотоводы Предкавказья. М., 2004.

Кореневский С.Н., Петренко В.Г., Романовская М.А. Работы Ставропольской экспедиции // КСИА. 1986. Вып. 188.

Краснов Ю.А. Новостроечные экспедиции института археологии АН СССР в десятой пятилетке // СА. 1976. № 4.

Краснов Ю.А. Работа сектора новостроечных и хоздоговорных экспедиций Института археологии АН СССР в 1973–1977 гг. // КСИА. 1979. Вып. 157.

Куза А.В. Археологическое изучение Древней Руси // Древняя Русь. Город, замок, село. Сер. Археология СССР. М., 1985.

Курбатов А.В. К истории формирования посадов г. Твери (этапы территориального роста города по раскопкам 1980–1990-х гг.) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.

Кучера М.П., Драчук В.С. Памятники раннеславянского времени и Киевской Руси в зоне водохранилища Днепродзержинской ГЭС // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

Лабутина И.К., Кулакова М.И. Псков в XIII веке (археологические наблюдения по динамике расселения и строительства) // Русь в XIII веке: Древности Темного времени. М., 2003.

Леонтьев А.Е. От столицы княжества к уездному городу (материалы к исторической топографии Ростова X–XIV вв.) // Русь в XIII веке: Древности Темного времени. М., 2003.

Леонтьев А.Е., Сидоров В.В., Исланова И.В. Волго-Окская экспедиция в 1977–1983 гг. // КСИА. 1986. Вып. 188.

Липина Е.А. Мальтинское местонахождение палеолитических культур: современное состояние изученности и перспективы исследования: Автореф. ... канд. ист. наук. Новосибирск, 2002.

Лихачев Д.С. Декларация прав культуры // Культурное наследие Российского государства. Вып. II. СПб., 2000.

Мошкова М.Г. История изучения савромато-сарматских племен // Степи европейской части СССР в скифо-сарматское время. Сер. Археология СССР. М., 1989.

Мунчаев Р.М. Майкопская культура // Эпохи бронзы Кавказа и Средней Азии. Ранняя и средняя бронза Кавказа. М., 1994.

Нагоев А.Х. Итоги раскопок кабардинских курганов на новостройках Кабардино-Балкарии в 1972–1977 гг. // АИНКБ. Т. 3. Нальчик, 1987.

Неолит Северной Евразии. Сер. Археология. М., 1996.

Никитин В.В. Новые материалы к изучению эпохи камня в Марийском Поволжье // Историография и источниковедение по археологии и этнографии Марийского края. Йошкар-Ола, 1984.

Окладников А.П. Археологические данные о древней истории Прибайкалья // ВДИ. 1938. № 1 (2).

Ошибкина С.В. Веретье I. Поселение эпохи мезолита на Севере Восточной Европы. М., 1997.

Паульс Е.Д. Памятники эпохи поздней бронзы на территории Означенской оросительной системы // АИЗМ. Л., 1985.

Розенфельдт Р.Л. Коми-пермяцкие племена в IX–XI вв. Родановская культура // Финно-угры и балты в эпоху средневековья. Сер. Археология СССР. М., 1987.

Салимов А.М. Резиденция тверского архиерея на рубеже XVII–XVIII веков (местоположение, границы, характер застройки) // ТАС. Вып. 4. Т. II. Тверь, 2001.

Семенов В.А. Многослойная стоянка Тоора-Даш на Енисее: (К проблеме периодизации культур эпох неолита и бронзы Тувы) // Древние культуры Евразийских степей. Л., 1983.

Семенов В.А. Памятники эпохи бронзы в Туве // КСИА. 1989. Вып. 196.

Сериков Ю.Б. Серый Камень – древнейший памятник Горбуновского торфяника // Охранные археологические исследования на Среднем Урале. Екатеринбург, 1997. Вып. 1.

Синюк А.Т. Население бассейна Дона в эпоху неолита. Воронеж, 1986.

Смирнов А.П. Археологические работы ИИМК АН СССР на новостройках // КСИИМК. 1954. Вып. 55.

Смирнов А.С. Могильник Стайки II в бассейне Верхней Оки // СА. 1987. № 3.

Смирнов А.С. Неолит Верхней и Средней Десны. М., 1991.

Сорокин А.Н. Мезолит Жиздринского полесья. Проблема источниковедения мезолита Восточной Европы. М., 2002.

Сорокин А.Н., Дукельский В.Ю. Фатьяновское погребение на стоянке Рессета III // КСИА. 1986. Вып. 185.

Сорокина И.А. Погребения эпохи поздней бронзы в Нижнем Прикубанье // СА. 1985. № 3.

Стоянов В.Е. Некоторые особенности современной археологии в свете новостроечных исследований // Древние поселения Урала и Западной Сибири. Свердловск, 1984.

Сымонович Э.А. Памятники черняховской культуры на Нижнем Днепре // КСИА АН УССР. 1955. Вып. 4.

Тереножкин А.И. Археологические исследования в зоне Киевской ГЭС в 1960 г. // КСИА АН УССР. 1962. Вып. 12.

Третьяков П.Н. К истории племен Верхнего Поволжья в первом тысячелетии н.э. // МИА. 1941. № 5.

Третьяков П.Н. Позднемезолитические местонахождения Костромского и Ярославского Поволжья // МИА. 1963. № 110.

Тр. Горьковской археологической экспедиции. Археологические памятники Верхнего и Среднего Поволжья // МИА. 1963. № 110.

Фармаковский Б.В. Отчет о деятельности Государственной Академии истории материальной культуры с 1 октября 1924 по 1 октября 1925 года // Сообщ. ГАИМК. Вып. I. Л., 1926.

Халиков А.Х. Неолитические племена Среднего Поволжья // МИА. 1973. № 172.

Хорошев А.С. Культурный слой Новгорода как экологическая структура // Проблемы истории России. Вып. 3. Екатеринбург, 2000.

Хохлов А.Н. К локализации укреплений Тверского кремля XIII–начала XIV в. // Тверская земля и сопредельные территории в эпоху средневековья. Вып. 2. Тверь, 1997.

Чеченов И.М. Новые материалы и исследования по средневековой археологии Центрального Кавказа // АИНКБ. Т. 3. Нальчик, 1987.

Шелов Б.Д. За высокое качество полевых археологических исследований // СА. 1981. № 1.

Янин В.Л. Охрана и использование памятников археологии в СССР // Методические основы охраны и использования памятников археологии. М., 1987.

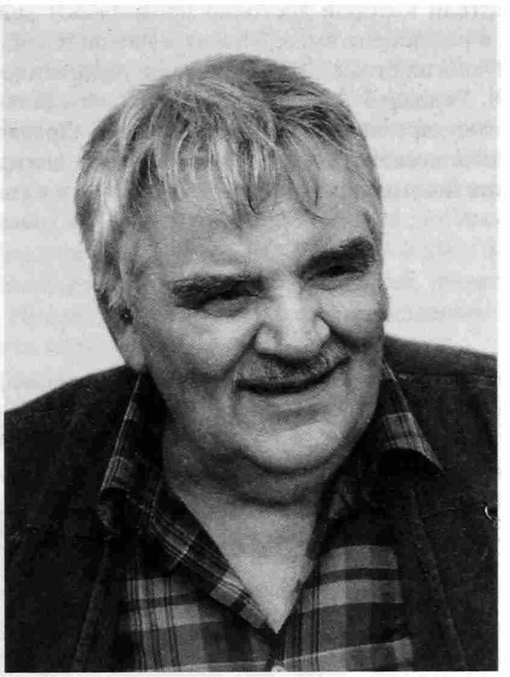
President's massage // ICOMOS news. 2003. V. 12. № 1.

РОССИЙСКАЯ АРХЕОЛОГИЯ, 2005, № 1, с. 185–192

ХРОНИКА

К 70-ЛЕТИЮ ГЕННАДИЯ АНДРЕЕВИЧА КОШЕЛЕНКО

21 января 2005 г. исполняется 70 лет выдающемуся российскому ученому, одному из крупнейших специалистов в области античной истории и археологии, профессору Геннадию Андреевичу Кошеленко.



Окончив в 1953 г. среднюю школу в городе Омске он, сын фронтовика, поступает на Исторический факультет Московского государственного университета им. М.В. Ломоносова, где специализируется по кафедре истории Древнего мира. Затем, после непродолжительной работы учителем в одной из школ Хабаровского края, Г.А. Кошеленко в 1960 г. поступает в аспирантуру ИА АН СССР. Его научным руководителем еще со студенческой скамьи был профессор В.Д. Блаватский, во многом оказавший решающее влияние на молодого ученого. Именно по совету своего учителя Геннадий Андреевич обращается к истории и археологии эллинистического Востока. С 1962 г. и на протяжении многих лет он принимает участие в работах Южно-Туркменистанской археологической комплексной экспедиции. И в дальнейшем именно с Туркменистаном в первую очередь связана его археологическая деятельность. Однако, как и у подавляющего большинства студентов МГУ, знакомство юбиляра с античной археологией началось в Северном Причерноморье, на раскопках крупнейших греческих городов – Пантикапея и Фанагории. В "команде" В.Д. Блаватского Г.А. Кошеленко активно участвует в первых в нашей стране подводных исследованиях. Как археолог Геннадий Андреевич в этом году может отмечать еще один юбилей – полвека полевых изысканий в Причерноморье, Туркмении, Узбекистане, Афганистане, Йемене, Алжире, Индии, Сирии. Только в Туркмении Г.А. Кошеленко провел более 40 полевых сезонов: Гяур-кала, Эрк-кала, Старая Ниса, Чильбурдж, Мансур-депе, Гебеклы-депе – это далеко не полный список памятников, на которых работал Геннадий Андреевич, сначала как рядовой археолог, а вскоре как начальник Среднеазиатской археологической экспедиции ИА РАН. Первый по-настоящему крупный результат научной деятельности Г.А. Кошеленко – успешно защищенная в 1963 г. кандидатская диссертация "Культура городов Парфии". В 1979 г. Геннадий Андреевич защищает докторскую диссертацию "Греческий полис на эллинистическом Востоке". Тогда же выходит из печати одноименная монография. Оригинальная концепция, научная фундированность в решении этой основополагающей проблемы в истории эллинизма и восточноэллинистического общества заставляют обращаться к данной работе всех ученых, занимающихся сходными вопросами.

В том же году Г.А. Кошеленко возглавил сначала сектор, а затем отдел античной (впоследствии – классической) археологии ИА РАН, которым руководит по сей день. Может быть именно на этом поприще особенно раскрылся организаторский талант юбиляра, его умение подбирать и воспитывать кадры отечественных археологов-антиковедов, вникать во все проблемы жизни и деятельности коллег, быть внимательным, требовательным и чрезвычайно компетентным руководителем.

Говоря о Г.А. Кошеленко как о заведующем отделом, нельзя не сказать об особом стиле его руководства: решающую роль здесь играет не "сухое администрирование", а теплые человеческие отношения и личный пример по-настоящему крупного ученого. Его эмоциональность, можно сказать, "темперамент" в исследовании и обсуждении научных проблем заражают коллег и подчиненных. Если к этому добавить глубокую порядочность, становится ясным, почему столь высоко ценим в отделе теплый творческий климат, созданный Геннадием Андреевичем.

Особенно плодотворными в научной деятельности Г.А. Кошеленко стали 80–90-е годы XX столетия, когда им был создан целый ряд важных с методологической, теоретической и практической точек зрения работ, среди них в первую очередь следует назвать: три тома "Археологии СССР" – Античные государства Северного Причерноморья (1984); Древнейшие государства Кавказа и Средней Азии (1985); Средняя Азия в раннем средневековье (1999); и три монографии – The Archaeological Map of the Murghab Delta (Roma, 1998); Древний Мерв в свидетельствах письменных источников (Ашхабад, 1994); Судьба Парфенона (М., 2000). Всего же Г.А. Кошеленко опубликовано более 400 работ.

Имя российского ученого прекрасно известно мировому научному сообществу. Г.А. Кошеленко избран член-корреспондентом Германского археологического института (Берлин) и Итальянского института Среднего и Дальнего Востока (Рим). Он много раз принимал участие в представительных международных форумах в Европе, Азии и Америке; ведущие научные и учебные заведения Франции (École Normal

Supérieur, Sorbonne), Англии (Oxford University) и других стран регулярно приглашают ученого для чтения лекций по античной археологии Причерноморья и Центральной Азии. Отдельно необходимо сказать о плодотворной педагогической деятельности Геннадия Андреевича. Множество студентов-историков навсегда запомнят лекции, семинары и спецкурсы доцента МГУ и профессора МГПИ Г.А. Кошеленко. За эти годы им было подготовлено столь большое число кандидатов и докторов наук, что с полным правом можно говорить о появлении собственной научной школы, представители которой достойно продолжают дело своего Учителя в различных вузах, музеях и научных учреждениях России и многих стран СНГ. Научная и педагогическая деятельность Геннадия Андреевича Кошеленко была высоко оценена государством: в 1999 году Указом Президента РФ ему было присвоено звание "Заслуженный деятель науки Российской Федерации".

Многие годы Геннадий Андреевич плодотворно сотрудничает с журналом "Российская археология" и как член редколлегии, и как постоянный его автор[1].

Коллеги, ученики и друзья сердечно поздравляют Геннадия Андреевича Кошеленко со славным юбилеем и желают ему доброго здоровья, творческого долголетия и дальнейших успехов на благо отечественной исторической науке.

[1] Список трудов Г.А. Кошеленко опубликован: В честь 60-летия профессора Г.А. Кошеленко // Боспорский сборник. 6. М., 1995. С. I–XII; В честь 65-летия профессора Г.А. Кошеленко // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. VIII. М.; Магнитогорск, 2000. С. 4–15; В честь 70-летия профессора Г.А. Кошеленко // Проблемы истории, филологии, культуры. Вып. XIV. М.; Магнитогорск, 2005. О юбиляре см.: Институт археологии сегодня. Сб. науч. биографий / Ред. А.В. Кашкин. М., 2000. С. 66–69; К 60-летию Г.А. Кошеленко // ВДИ. 1994. № 4. с. 219; 2005. № 1.

Отдел классической археологии Института археологии РАН
Редколлегия и редсовет журнала "Российская археология"

К 60-ЛЕТИЮ АЛЕКСЕЯ ВЛАДИМИРОВИЧА ЧЕРНЕЦОВА

1 марта 2005 г. исполняется 60 лет члену редколлегии нашего журнала, известному археологу и историку культуры Древней Руси, Алексею Владимировичу Чернецову (род. в 1945 г. в Москве). А.В. Чернецов окончил кафедру археологии исторического факультета Московского университета (1968 г.), после чего стал сотрудником Институт археологии РАН, заочно обучаясь в аспирантуре кафедры археологии МГУ (1968–1972 гг.). В 1973 г. им была защищена кандидатская ("Пахотные орудия древней Руси"), а в 1988 г. докторская ("Светская феодальная символика Руси XIV-XV вв.") диссертации.

Как исследователя, А.В. Чернецова отличает живая любознательность, которой он наделен и в жизни. Ученик академика Б.А. Рыбакова, он унаследовал стремление не ограничиваться "археологическим источниковедением", но задаваться культурно-историческими проблемами и добиваться многогранности в их решении, используя методы искусствоведческого, иконографического, филологического и других направлений. Это заметно уже в первой монографии, вышедшей в Англии ("Изображения на русских монетах XIV–XV вв. Иконографическое исследование" – "Types on Russian Coins of the XIV and XV Centuries. An iconographic study" // BAR International Series 167. Oxford, 1983).

Эти качества характерны и для работ конца 1980–2000-х годов, когда А.В. Чернецов возглавил Отдел славяно-русской археологии Института археологии РАН (1991 г.) и начал актив-

ную преподавательскую деятельность, сначала в Русском православном университете им. св. Иоанна Богослова, а затем в Российском государственном гуманитарном университете (с 1996 г. – профессор кафедры музеологии РГГУ).

С этого времени выходят работы, в которых интерес к художественной и технической стороне артефактов сплавлен воедино с потребностью увидеть за ними представления о мире и верования людей Древней Руси. Именно те памятники, в которых эти представления отразились в наиболее концентрированной форме, становятся постоянными темами исследований А.В. Чернецова: резные посохи (серия статей, а затем и книга о посохах XV в., вышедшая в 1987 г.); амулеты (прежде всего змеевики, сводка которых первоначально подготавливалась Т.В. Николаевой и опубликована в соавторстве в 1991 г.); художественно оформленные двери храмов (книга о золоченых дверях XVI в., 1992 г.). При изучении этих тем А.В. Чернецов активно обращается к сюжетам и иконографии древнерусской миниатюры – еще одной важной теме его исследований. Естественным образом к этому направлению примыкает этнология, а также неожиданные для археолога области исследования – филология, фольклористика и этнолингвистика, которым А.В. Чернецов уделяет достаточно много внимания, активно исследуя рукописи, отразившие мир народных верований и средневекового "сокровенного" знания – гадания и заговоры, нумерологические, астрологические и другие сочинения (часто в соавторстве с крупнейшим знатоком рукописного наследия А.А. Туриловым). Не случайно А.В. Чернецов входит в редакционную коллегию ведущего в области изучения фольклора журнала "Живая Старина".

Широкие рамки исследований средневекового сознания, категорий христианства, язычества и суеверий, позволяют А.В. Чернецову успешно работать одновременно в нескольких направлениях. Он – один из тех, чьими усилиями изучение христианских и церковных древностей было возрождено как самостоятельное научное направление. В сферу интересов А.В. Чернецова входит и проблема соотношения древнерусской культуры с окружающим миром, поиск их взаимосвязей, претворение и усвоение получаемых импульсов. В этом направлении его захватывает как проблема трансформации античного наследия, так и контакты с миром Востока (эта тема была избрана им для участия в семинарах Института передовых исследований (Institute for Advanced Study, USA) (Принстон, США) в 1998–1999 гг.; результаты частично опубликованы в ежегоднике "Muqarnas" за 1999 г., совм. с Л.А. Беляевым).

Умение сходиться с людьми, заинтересовать процессом научного исследования позволяет А.В. Чернецову успешно работать в сфере организации научного процесса – семинаров и конференцией (в том числе таких крупных, как VI Международный конгресс славянской археологии в Новгороде в 1996 г.), редактирования и издания сборников, создания необходимой для науки инфраструктуры. При этом он неоднократно выступал в роли партнера такого крупного ученого, как академик В.В. Седов. Среди публикаций, подготовленных при участии А.В. Чернецова, следует отметить вышедшее в 1989 г. англоязычное издание сводов Б.А. Колчина, посвященных деревянным изделиям средневекового Новгорода.

Активность А.В. Чернецова в этой сфере была особенно заметна и ценна в те годы, когда наука и страна переживали период внутренней неустойчивости и массу житейских трудностей, когда требовались внутренняя стойкость и умение начинать заново, невзирая на неудачи.

Значительная часть жизни А.В. Чернецова, начиная с 1962 г. (Белоозеро), проходит в экспедициях, причем не только на древнерусских памятниках Украины, Центральной и Северной России, но и в отдаленных регионах, от Шпицбергена до Туркмении и Таджикистана, где он принимал участие в исследовании памятников самых разных эпох. Наделенный очень цепкой памятью, любящий живое общение и обладающий даром слова, А.В. Чернецов – настоящий кладезь всевозможных событий и эпизодов, происходивших в жизни Института археологии и его экспедициях за последнюю треть века.

Из ранних экспедиций Алексей Владимирович вынес бесценный опыт организации дела и общения с людьми, который верно служит ему и сегодня. Особенно это заметно в том новом этапе работ, который начат под его руководством десять лет назад (1994 г.) на Старорязанском городище. Примененная здесь новая стратегия широкого охвата территории при одновременном сосредоточении сил на ключевых участках и начало работ на посаде, в сохраняющих органику слоях, уже во многом изменили наши представления об этом древнерусском городе, хотя полная оценка научных итогов еще впереди (работы сейчас в самом разгаре). Но создание коллектива молодых, увлеченных исследователей отечественного прошлого, которые ежегодно собираются на памятнике – само по себе огромное достижение. Старорязанская экспедиция на наших глазах стала не только научной, но своеобразной и заметной культурной ячейкой в Рязанском Поочье, центром, куда тянутся самые разные люди, от студентов до коммерсантов. К ее коллективному мнению все больше прислушивается и местная власть. В ближайшие годы большое Старорязанское поле обещает дать прекрасные всходы, и заслуга А.В. Чернецова, неустанно работающего над подготовкой студентов и аспирантов, здесь несомненна.

Наш юбиляр в год шестидесятилетия находится в хорошей форме, стоящие перед ним задачи обширны – но выполнимы, что, как известно, единственно возможный залог успеха, рядом с ним его младшие коллеги, сотрудники и друзья. Пожелаем ему долголетия – творческого и физического – и будем ждать новых работ Алексея Владимировича[1].

[1] Список трудов А.В. Чернецова см. в книге: Сб. науч. тр. Рязанского историко-архитектурного музея-заповедника. Рязань, 2004.

Институт археологии РАН, Москва

Беляев Л.А.

К СТОЛЕТИЮ ДМИТРИЯ АЛЕКСАНДРОВИЧА КРАЙНОВА

Родился Дмитрий Александрович, согласно записи в паспорте, 30 сентября 1904 г., хотя точно никто из его близких, ни он сам не знали, когда это произошло, поскольку у родителей его – Александра Гавриловича и Марии Степановны – было 18 детей, и дни рождения не праздновали и не запоминали. Он обычно отмечал именины – день своего святого покровителя Димитрия Солунского – 8 ноября. Спустя 94 года после рождения – в 1998 г. – тоже 8 ноября в воскресный день Дмитрий Александрович отошел в мир иной и был похоронен на Хованском кладбище в Москве. На скромном памятнике, установленном его вдовой на месте захоронения, выгравирован фатьяновский сосуд.

Детство Дмитрия Александровича прошло на его родине – в д. Ивашево бывшего Александровского уезда Владимирской губернии в обычной крестьянской семье среднего достатка.

Родители готовили его к служению на духовном поприще, и в 12 лет он был определен в духовное училище г. Переславль-Залесский. Наверное, из него бы вышел хороший священнослужитель, так как был он человеком мягкой и доброй души, обладал великолепным басом и особой притягательной силой в общении с людьми. Но революция 1917 г. все изменила.

В 1925 г. после окончания гимназии в Киржаче он поступает на историко-археологическое отделение этнологического факультета 1-го Московского государственного университета. Здесь он увлекся первобытной археологией и стал одним из ближайших учеников проф. В.А. Городцова. Свободные от учебы летние месяцы он проводит с В.А. Городцовым и А.Я. Брюсовым в археологических экспедициях, принимая участие в исследовании памятников Московской и Брянской областей, Карелии и берега Белого моря. В 1928 г. в сборнике научно-археологического кружка появляется его первая научная публикация "Стоянка Усть-Яренга". А последняя работа вышла в 1994 г. Всего им было опубликовано более 150 научных работ.

По окончании университета Д.А. Крайнов поступил в Государственный Исторический музей, в котором проработал 12 лет – до 1941 г. Сначала он назначается директором филиала этого музея – "Александровская слобода" (1929–1930 гг.). В качестве научного сотрудника этого музея в Александрове работал и Б.А. Рыбаков. С этого времени Крайнова и Рыбакова связывали дружеские отношения. В 1931–1935 г. Дмитрий Александрович работал ученым секретарем ГИМ, старшим научным сотрудником.

Научные интересы его были многогранны. Он проводит раскопки на территории Успенского монастыря в Александрове и открывает остатки дворцовых построек Ивана Грозного. Копает грунтовые фатьяновские могильники в Ярославской и Московской областях (Вауловский, Верейский, Сущевский). В 1930–1931 гг. вместе с В.А. Городцовым он продолжает раскопки Тимоновской палеолитической стоянки в Брянской области, а в 1934–1940 гг. он возглавляет экспедицию ГИМ, которая исследует пещерные стоянки в юго-западном Крыму и на Северном Кавказе: среди них Бахчисарайская стоянка, Таш Аир 1 и 2, Замиль Коба 1 и 2.

Много сил в это время у него отнимала, к сожалению, безуспешная борьба за спасение разрушаемых памятников старины: храма Христа Спасителя, Казанской церкви, Сухаревой башни.

Это был, может быть, не самый плодотворный в научном плане, но один из самых насыщенных периодов его жизни. В это время он начинает заниматься вокальным пением со сцены. В 1937 г. Д.А. Крайнов оканчивает музыкальное училище им. М.М. Ипполитова-Иванова по классу оперного певца. Выступает в Театре художественной самодеятельности г. Москвы.

Но грянула Великая Отечественная война, которая круто перевернула всю его судьбу. Последующие годы с 1941 по 1954 – целых 14 лет – он был оторван от нормальной жизни, оторван от науки. Это были годы войны, лагерей и ссылки.

Д.А. Крайнов вместе с другими археологами ГИМа, в числе которых – Е.И. Крупнов и А.П. Смирнов, 6 июля 1941 г. вступает добровольцем в ряды народного ополчения. Далее последовало окружение под Вязьмой 1941 г., плен. Затем жизнь на оккупированной территории. Здесь ему удается устроиться в г. Клинцы Брянской области в театральную труппу. Д.А. Крайнову приходилось вести переговоры по театральной деятельности с оккупационными властями, он фактически выполнял обязанности администратора. Впоследствии это ему вменялось в вину как сотрудничество с немцами.

После освобождения Клинцов Д.А. Крайнов вновь на передовой, куда его направляют после соответствующей проверки. Он работает сначала санитаром в медсанбате, а затем попадает в Краснознаменный ансамбль.

Однако в мае 1944 г. Д.А. Крайнов был арестован. Началось следствие по делу о его пребывании на оккупированной территории и был вынесен приговор – десять лет лагерных работ. Выжить в страшных воркутинских и таймырских лагерях Дмитрию Александровичу помог певческий талант. Ему удалось определиться петь в лагерный театр.

В 1951 г. последовало досрочное освобождение. Он возвращается в родную деревню и устраивается работать руководителем художественной самодеятельности в клуб текстильной фабрики "Свобода" в пос. Горка близ Киржача. Лишь в 1954 г. после длительных хлопот А.Я. Брюсова и М.М. Герасимова перед Министерством культуры ему удалось устроиться в краеведческий музей г. Углич. Началось его возвращение в науку.

В Угличе начался и новый период в его личной жизни, связанный с Марией Борисовной Полторацкой, сопровождавшей его до конца жизненного пути и ставшей верным другом и помощником во всех его делах.

В 1956 г. Е.И. Крупнов, бывший тогда заместителем директора ИИМК, зачисляет его в штат института. Дмитрию Александровичу было уже за 50, у него начались самые плодотворные годы работы. Он был сначала старшим, затем ведущим научным сотрудником сектора неолита и бронзы ИИМК АН СССР. Дмитрий Александрович был прекрасным организатором, вел огромную экспедиционную работу, организовывал и проводил научные симпозиумы.

Научные интересы Д.А. Крайнова очертились еще в довоенное время. Поэтому в 1957 г. он продолжил исследование Бахчисарайской пещерной стоянки в Крыму. В этом же году на своих довоенных материалах защитил кандидатскую диссертацию, результатом чего явилась монография "Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма".

В 1959 г. Дмитрий Александрович организует Верхневолжскую экспедицию и приступает к планомерому археологическому изучению Верхнего Поволжья. На территории Калининской, Ярославской, Ивановской областей были открыты сотни новых памятников, десятки изучены, получен огромный коллекционный материал. Он исследует памятники от эпохи финального палеолита до конца раннего железного века. Как и для многих археологов старой школы для него был характерен универсальный подход к изучаемой проблеме.

Дмитрий Александрович был хорошим начальником экспедиции, умел четко организовать и работу, и быт. Он считал: чтобы люди хорошо работали, они должны быть хорошо устроены и накормлены. Сам старался ничем не выделяться среди остальных сотрудников. Вечерами любил вместе со всеми посидеть у огня, с удовольствием пел экспедиционные песни и песни времен Гражданской войны, арии из опер и русские романсы. Он всегда стремился создать в экспедиции коллектив. Может быть поэтому, каждый его научный отчет начинался с перечисления всех работавших в экспедиции и обязательной общей фотографии.

Особенно интенсивно экспедиционные работы проводились в 60-е годы. Д.А. Крайнов исследовал более половины известных к настоящему времени фатьяновских могильников, обобщил и систематизировал накопленный материал, что позволило по новому взглянуть на проблему происхождения и развития фатьяновской культуры. Его выводы были изложены в докторской диссертации, защищенной в 1969 г., и монографии "Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н.э.".

Параллельно с изысканиями по фатьяновской культуре с начала 60-х годов. Дмитрий Александрович уделяет внимание и изучению неолита центральной части Русской равнины. В эти годы он работает на оз. Селигер в Калининской области, Карашском торфянике в Ярославской области и затем прочно, на 30 лет, "оседает" на Сахтышских стоянках Ивановской области. В 70-е годы изучает памятники Ивановского и Берендеевского торфяников в Ярославской области.

Именно неолитическая тематика становится приоритетной в его полевых исследованиях 70–90-х гг. Самым значительным событием было выделение им в 1972 г. верхневолжской ранненеолитической культуры. Это открытие заставило Дмитрия Александровича пересмотреть вопросы происхождения льяловской и волосовской культур. Дмитрий Александрович высказал предположение о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой на территории Русского Севера и Карелии, откуда затем они продвинулись на юг, заселив все Волго-Окское междуречье.

По вопросу происхождения волосовской культуры Дмитрий Александрович высказал гипотезу, что она явилась результатом слияния верхневолжской и льяловской, хотя и не мог объяснить хронологический разрыв между этими культурами, и поэтому вскоре отказался от нее.

Однако, выдвигая ту или иную гипотезу, Д.А. Крайнов подчеркивал, что он может ошибаться и последующие исследования внесут уточнения и коррективы в первоначальную систему взглядов.

В своей работе Д.А. Крайнов никогда не замыкался в рамках одной археологии и всегда привлекал представителей смежных дисциплин к своим исследованиям. В составе его экспедиции работали А.А. Величко, С.Н. Тюремнов, Н.А. Хотинский, Е.А. Спиридонова, Н.М. Ермолова, Г.В. Лебединская и др.

В 88 лет завершилась его полевая работа. В последние годы Д.А. Крайнов особое внимание уделял замечательной стоянке и могильнику Сахтыш IIA в Ивановской области. Но, перестав выезжать в "поле", он продолжал заниматься археологией так же увлеченно: анализировал накопленные материалы, писал статьи, стремился быть в курсе новых открытий и изданий по неолиту и бронзе лесной зоны Восточной Европы. И лишь когда ему перевалило за девяносто, он из-за тяжелой болезни вынужден был отойти от дел.

Мы должны отметить, что среди людей его поколения было много красивых, талантливых, ярких личностей, которые прошли через войны XX столетия и сталинские репрессии. Дмитрий Александрович принадлежал к таким неординарным людям, много пережившим, но сохранившим в душе светлое видение мира и любовь к людям. Это был честный исследователь, глубоко преданный своему делу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Крайнов Д.А.* Стоянка Усть-Яренга // Сборник научно-археологического кружка (при I МГУ). М., 1928. Вып. I.
2. *Крайнов Д.А., Костылева Е.Л., Уткин А.В.* Волосовская антропоморфная фигурка со стоянки Сахтыш IIA // РА. 1994. № 3.
3. *Крайнов Д.А.* Пещерная стоянка Таш-Аир I как основа периодизации послепалеолитических культур Крыма // МИА. 1960. № 91. 192 с.
4. *Крайнов Д.А.* Древнейшая история Волго-Окского междуречья: Фатьяновская культура II тыс. до н.э. М., 1972. 274 с.

5. *Крайнов Д.А., Хотинский Н.А., Урбан Ю.Н., Молодцова Е.М.* Древнейшая ранненеолитическая культура Верхнего Поволжья // Вест. АН СССР. 1973. № 5.

6. *Крайнов Д.А.* Некоторые спорные вопросы неолита северной половины европейской части СССР // Задачи советской археологии в свете решений XXVIII съезда КПСС. Тез. докл. М., 1987.

7. *Крайнов Д.А.* К вопросу о происхождении культур с ямочно-гребенчатой керамикой // Археология Верхнего Поволжья: Материалы к Своду памятников истории и культуры РСФСР. Нижний Новгород, 1991.

8. *Крайнов Д.А.* К вопросу о происхождении волосовской культуры // СА. 1981. № 2.

Научно-производственнй центр по охране памятников, Иваново
Институт археологии РАН, Москва

Костылева Е.Л., Уткин А.В., Энговатова А.В.

ПАМЯТИ МАРИИ ВЛАДИМИРОВНЫ СЕДОВОЙ

23 сентября 2004 г. скончалась Мария Владимировна Седова, доктор исторических наук, известный исследователь древнерусского города и средневекового прикладного искусства.

Мария Владимировна родилась в Москве 18 октября 1930 г. Ее отец – известный поэт В.А. Луговской, мать – Т.Э. Груберт, искусствовед, проработавшая всю жизнь в Театральном музее им. Бахрушина. Семья рано распалась. Дедом М.В. Седовой с отцовской стороны был известный в Москве педагог, преподаватель русской литературы в Первой мужской гимназии А.Ф. Луговской, а по материнской – Э.Р. Груберт, военный врач, выпускник Петербургской Военно-медицинской академии. На жизнь М.В. Седовой, как и на жизнь других ее сверстников, большое влияние оказала Великая Отечественная война, связанные с нею лишения. Мария Владимировна попала в эвакуацию в г. Чистополь летом 1941 г. вместе с группой писательских детей и семьями некоторых московских писателей и провела более двух лет в интернате до возвращения в Москву к маме.

После окончания школы М.В. Седова поступила на исторический факультет Московского университета и закончила его по кафедре археологии в 1953 году. В том же году она была принята на работу в Институт археологии Российской академии наук (в то время Институт истории материальной культуры АН СССР), с которым и была связана вся ее жизнь до последнего часа.

В годы обучения Марии Владимировны в университете на кафедре археологии вырастала яркая плеяда молодых ученых, получивших прекрасную методическую выучку в школе А.В. Арциховского. Послевоенное поколение московских археологов-славистов формировалось в значительной мере вокруг Новгородской экспедиции и под влиянием складывавшихся в ней традиций. М.В. Седова оказалась среди тех, кто сумел наиболее успешно усвоить и применить полученные знания. С 1951 г., с ее первой студенческой экспедиции в Новгороде начинает свой отсчет исключительно продолжительный стаж полевой деятельности Марии Владимировны, длившейся около 50 лет. Она сформировалась как ученый во многом именно в Новгородской экспедиции.

Первым важным итогом новгородского направления в научной деятельности Марии Владимировны стала большая статья "Ювелирные изделия древнего Новгорода", опубликованная в новгородском томе "Материалов и исследований по археологии СССР" в 1959 г. Эта работа, написанная еще очень молодой исследовательницей, впервые ввела в научный оборот ювелирные украшения из новгородских усадеб и на долгие годы стала основным хронологическим справочником для изучения древнерусских украшений. Естественно, что с годами, с появлением множества новых находок работа по изучению ювелирных украшений Новгорода, потребовала продолжения. Спустя двадцать с лишним лет Мария Владимировна опять проявила себя как крупнейший знаток этого важного раздела новгородских древностей, хотя уже много лет не участвовала в работах Новгородской экспедиции. Археологи сегодняшнего дня постоянно обращаются к опубликованной в 1981 г. монографии М.В. Седовой "Ювелирные изделия древнего Новгорода X–XV вв.", представляющей собой полный свод новгородских украшений из цветного металла, сопровождающийся точными хронологическими комментариями и наблюдениями о географическом распространении различных типов древнерусских украшений. Мария Владимировна еще раз подтвердила свой авторитет как крупнейшего специалиста по древнерусским украшениям и прикладному искусству в написанных ею разделах коллективных монографий. Это "Изделия новгородских ювелиров X–XV вв." в издании "Декоративно-прикладное искусство Великого Новгорода: художественный металл XI–XVI вв." (1996) и "Украшения из меди и сплавов" в книге "Древняя Русь. Быт и культура" (серия "Археология", 1997). Полнота и тщательность этих работ такова, что исследователи русских средневековых древностей будут еще многие десятилетия обращаться к ним.

Работ в области ювелирного ремесла крупнейшего центра древнерусской культуры могло бы вполне хватить на научную биографию ученого, но Мария Владимировна выступила и как исследователь древнерусского города во всей полноте связанной с ним проблематики, причем в ее поле зрения оказались и так называемые "малые" города и столицы земель – княжений. В 1967–1970 гг. М.В. Седова продолжила начатые В.В. Седовым раскопки Пирова городища на Клязьме, одного из небольших городских центров восточной части Владимиро-Суздальской земли. По материалам этого интересного памятника Марией Владимировной в 1973 г. была защищена кандидатская диссертация, а итоги работ на нем были подведены в монографии "Ярополч Залесский" (1978 г.). В те годы исследование небольших городских центров представляло особый интерес в связи с разработкой в науке общих проблем истории древнерусского города. Широко дебатировался вопрос, какие из укрепленных поселений (городищ) имеют право называться городами в полном смысле этого слова, а какие были рядовыми аграрными поселениями с укреплениями, или военными крепостями, в которых не было городской жизни. Ясно, что для решения этого вопроса перзоочередное значение имели городища, на которых раскопками были вскрыты значительные площади. Публикация М.В. Седовой познакомила исследователей с одним из эталонных памятников такого типа. Книга М.В. Седовой о Ярополче Залесском (как и все ее работы) отмечена четкостью построения, тщательностью анализа материала и взвешенностью выводов.

В 1974 г. М.В. Седова обращается к изучению прославленного стольного города Северо-Восточной Руси – Суздаля. Эти работы продолжались до 1991 г., и были обобщены в монографии "Суздаль в X–XV вв." (1997). Можно смело сказать, что именно благодаря работам Марии Владимировны, Суздаль стал в ряд с другими крупнейшими столичными центрами древней Руси, хорошо изученными археологически. М.В. Седова блестяще анализирует не только археологические материалы, она профессионально исследует летописные и иные средневековые тексты, изучает старинные планы города. Исследователю сопутствовала вполне заслуженная удача – достаточно вспомнить находки комплексов XI в., включавших вещи скандинавского происхождения (в том числе – замечательную литейную форму с рунической надписью, уникальные золотые браслеты). Цикл суздальских исследований Марии Владимировны закономерно завершился в 1993 г. успешной защитой докторской диссертации. В 1990 г. М.В. Седова становится почетной гражданкой Суздаля, в чем проявилось признание ее заслуг перед городом. В 1992–1998 гг. М.В. Седова продолжает полевые исследования, возглавив Владимирскую экспедицию. Коллекции, собранные в результате раскопок М.В. Седовой, составляют в настоящее время основу археологических фондов Владимиро-Суздальского музея-заповедника. Археологи, работающие во Владимиро-Суздальской земле, постоянно, вплоть до последних дней жизни Марии Владимировны, обращались к ней за консультациями по поводу интерпретации новых находок, методики раскопок, создания музейных экспозиций.

Полевые исследования занимали очень большое место в жизни Марии Владимировны. Под ее руководством проходили археологическую практику студенты главным образом из Владимира, а также Иванова, Нижнего Новгорода, Ярославля и Казани. Для многих из них участие в ее экспедициях стало событием, определившим жизненный путь. Во Владимирском университете она ежегодно участвовала в отчетных студенческих конференциях по археологии Владимиро-Суздальской земли, читала лекции, помогала студентам в подготовке их докладов. Многие археологи, обращавшиеся к М.В. Седовой за советами и консультациями, считают себя ее учениками. Это во многом определялось тем, что Мария Владимировна всегда живо интересовалась судьбами людей и старалась помочь каждому, с кем сводила ее судьба.

Мария Владимировна никогда не занимала административных постов. Но ее организаторские способности нашли применение в полевой деятельности, а также в многолетней работе на посту ответственного секретаря Национального комитета I–IV Конгрессов славянской археологии, которые стали основной формой деятельности Международной Унии славянской археологии. Это были очень представительные форумы, на которых осуществлялись контакты археологов-славистов многих стран и выступали крупнейшие ученые.

Помимо трех монографий, М.В. Седовой было опубликовано около 100 статей посвященных различным аспектам древнерусской истории и культуры. Значительная серия ее работ посвящена древнерусской культовой пластике. В последнее десятилетие Мария Владимировна вела работу по составлению свода древнерусских подвесок-иконок, тщательно собирая большой материал, рассеянный по многочисленным музеям и частным коллекциям, уточняя происхождение и датировку отдельных находок. Эта работа в основном завершена.

Крупный исследователь, обладавший исключительной эрудицией, человек высокой культуры, Мария Владимировна всегда держалась исключительно скромно. В этом был один из секретов ее обаяния. М.В. Седова почти никогда не говорила о своих достижениях, чаще от нее можно было услышать слова "нас на кафедре учили", "у нас в институте", "у нас в отделе". И она действительно была предана своим учителям, учреждению, в котором работала, своему коллективу, наконец, славяно-русской археологии. Мария Владимировна всегда была окружена людьми – среди них были ее учителя и сокурсники, и всегда – большое количество молодежи, с которой она охотно делилась своими знаниями. М.В. Седова создавала вокруг себя атмосферу доброжелательности, была готова помогать людям и поддерживать их, по-матерински им сочувствовать. Ее моральный авторитет в Институте и Отделе славяно-русской археологии был чрезвычайно высок. Никому не навязывая своего мнения, она каким-то образом умела аккумулировать мнение коллектива, приемлемое для всех, или, во всяком случае, для большинства. Такое редкое в академическом мире качество много раз помогало коллективу в жизни и работе. Сотрудникам Отдела славяно-русской археологии будет очень не хватать Марии Владимировны и ее способности трезво, спокойно и доброжелательно подойти к любой возникающей проблеме.

М.В. Седова была необыкновенно женственна. Ее характер, казалось, резко контрастировал с обычными представлениями об "ученой женщине". Она глубоко понимала живопись, не пропускала интересных выставок, прекрасно знала и чувствовала классическую музыку, всегда много читала, любила театр. Много и продуктивно работая в науке, Мария Владимировна, производила впечатление человека, который занимается своим делом легко, без излишнего напряжения, как бы играючи: наука была ей так же интересна, как литература и искусство. М.В. Седова была человеком со сложным внутренним миром, и вместе с тем – это очевидно всем, ее знавшим, – человеком очень искренним. Порой она выглядела простой, и даже наивной – ведь еще одной из тайн ее обаяния была незащищенность.

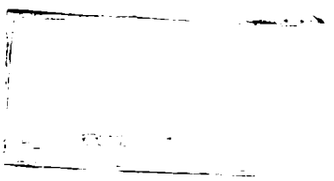
М.В. Седова прошла долгий путь совместной жизни с Валентином Васильевичем Седовым, крупнейшим археологом-

славистом современности, человеком невероятной работоспособности, жившем в постоянном творческом порыве. Конечно, жизнь рядом с таким человеком не могла быть легкой. Но Мария Владимировна своей мягкостью и деликатностью сумела преодолеть эти трудности и всегда оставалась верной помощницей и горячей сторонницей своего супруга. Здесь воспитание и высочайшая культура еще раз помогли Марии Владимировне удержаться на очень тонкой грани. Думается, что никто не может упрекнуть ее в том, что она хоть раз злоупотребила общепризнанным авторитетом своего мужа. Очень "домашний" по своему складу человек, Мария Владимировна, естественно, была прекрасной матерью и бабушкой. Все, ее знавшие, хорошо помнят ее волнения за успехи сына, Владимира Валентиновича (ныне доктора искусствоведения).

После смерти Марии Владимировны в рядах археологов-славистов образовалась пустота. М.В. Седова объединяла множество очень разных людей, принадлежащих к различным поколениям. Приносим наши искренние соболезнования родным и близким покойной, в связи с постигшей их невосполнимой утратой. Память о Марии Владимировне Седовой навсегда останется в сердцах всех, кто ее знал: друзей, коллег, учеников и почитателей ее таланта ученого.

Институт археологии РАН, Москва

Полубояринова М.Д., Чернецов А.В.



От редакции

Редакция журнала приносит извинения за допущенные в № 3 за 2004 год технические погрешности:

1. на стр. 99 пропущен колонтитул раздела "Дискуссии", в результате чего вне этого раздела оказалась статья Д.Д. Соколова, Л.Д. Суллержицкого и В.Н. Тутубалина "Время активности людей на палеолитических памятниках по данным радиоуглеродного датирования";

2. на стр. 187, после подписи академика В.Л. Янина, следует читать: "кафедра археологии исторического факультета МГУ".